

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

Политика в регионах России

Приглашенный редактор *А.В. Соколов*

2022 Том 24 № 4

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал
Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция
Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашиар Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life

Подписной индекс издания — 20827.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований.

Издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки и ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать международному научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлению 5.5. Политические науки (специальности: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНРИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: politj@rudn.ru

Литературный редактор *И.Л. Панкратова*
Редактор англоязычных текстов *А.Л. Оганесян*
Компьютерная верстка *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: +7 (495) 936-85-28;
e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 24.11.2022. Выход в свет 30.11.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 28,0. Тираж 500 экз. Заказ № 1227. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2022

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

Politics in Russian Regions

Guest editor *Alexander V. Sokolov*

2022 VOLUME 24 No. 4

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia, Scientific Secretary of the Center "Religion in Modern Society" of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Lyubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's

Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and for postgraduates in 5.5. Political Sciences (majors 5.5.1. History and Theory of Politics, 5.5.2. Political institutions, processes, technologies, 5.5.3. Public administration and sectoral policies, 5.5.4. International relations, global and regional studies).

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Commission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Review editor *Irina L. Pankratova*
English text editor *Arusyak L. Hovhannisyan*
Computer design *Irina A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board
RUDN Journal of Political Science:
10a Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Mchedlova M.M., Sokolov A.V. Russian Regions in Political Research and Identity Studies: Introducing the Issue (**Мчедлова М.М., Соколов А.В.** Регионы России в фокусе политических и идентитарных исследований: представляем номер)..... 613

РЕГИОНЫ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Помигуев И.А., Зарипов Н.А. Влияние Совета законодателей на законодательную деятельность региональных legislatures..... 619

Okunev I.Yu., Lopatina V.R. The Neighborhood Effect in Russian Regional Policies: Autocorrelation and Cluster Analysis (**Окунев И.Ю., Лопатина В.Р.** Эффект соседства в региональной политике России: опыт пространственного автокорреляционного и кластерного анализа) 634

Почта Ю.М. Конструирование идентичности мусульманских регионов России в контексте формирования общероссийской идентичности..... 651

Демиденко С.В., Маргулис С.Б., Файншмидт Р.И. Феномен исламизма постиндустриального времени на территории Российской Федерации 665

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА С СЕВЕРА
НА ЮГ И С ЗАПАДА НА ВОСТОК

Соколов А.В., Исаева Е.А. Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области 686

Kazarinova D.V. Managing an “Unfinished Project”: Analyzing the Elites of Perm Krai Through the Lens of Expert Opinion (**Казаринова Д.В.** Управление «незаконченным проектом»: элиты Пермского края в зеркале экспертного мнения)..... 711

Аксютин Ю.М. Российская идентичность жителей республик Южной Сибири: динамика трансформации и восприятие оснований по данным массовых опросов 2013–2019 гг. 732

Шабает Ю.П. «Новый» Русский Север: историческая провинция в тисках социальных и политических проблем..... 757

Панкратов С.А., Макаренко К.М. Протест и доверие в Волгоградской области: особенности региональной системы политической коммуникации 779

Попова О.В. Факторы влиятельности региональной политической элиты в современной России: пример Санкт-Петербурга и Ленинградской области 795

МОЛОДЕЖЬ В ПОЛИТИКЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

- Ракачев В.Н., Морозова Е.В.** Высшее образование как ресурс политики развития региона: пример Краснодарского края..... 827
- Самаркина И.В., Мирошниченко И.В., Мальцев С.С.** Лидеры и ведомые: молодежная политика в представлениях ее участников на примере Краснодарского края 856
- Кришталь М.И.** Восприятие молодежью Калининградской области региональной истории и Великой Отечественной войны в контексте отношения к фигуре И.В. Сталина..... 883
- Казанцев Д.А.** Бегство от политики: есть ли будущее у молодежного политического протеста в Сибири и на Дальнем Востоке?..... 904

РЕЦЕНЗИИ

- Бубнова Н.И.** Обнаружить будущее: размышляя над книгой А. Янова «Где место России в истории? Загадка Дональда Тредголда». М.: Новый Хронограф, 2020. 336 с. 918

Номер подготовлен в рамках проекта ЭИСИ и Минобрнауки РФ № FSSF-2022-0040 «Российская идентичность: политические смыслы и индикаторы ценностной консолидации».

CONTENTS

Mchedlova M.M., Sokolov A.V. Russian Regions in Political Research and Identity Studies: Introducing the Issue 613

REGIONS IN RUSSIAN POLITICS

Pomigiev I.A., Zaripov N.A. The Influence of the Council of Legislators on the Legislative Activity of Regional Parliaments 619

Okunev I.Yu., Lopatina V.R. The Neighborhood Effect in Russian Regional Policies: Autocorrelation and Cluster Analysis 634

Pochta Yu.M. Construction of the Identity of Russia's Muslim Regions in the Context of the Emerging All-Russian Identity 651

Demidenko S.V., Margulis S.B., Fainshmidt R.I. The Spread of the Post-Industrial Islamism in the Russian Federation 665

RUSSIAN POLITICS FROM NORTH TO SOUTH AND FROM WEST TO EAST

Sokolov A.V., Isaeva E.A. Transforming the Interaction Between Authorities and Civil Society in Digital: The Evidence from the Yaroslavl Region 686

Kazarinova D.B. Managing an “Unfinished Project”: Analyzing the Elites of Perm Krai Through the Lens of Expert Opinion 711

Aksiutin Yu.M. The Russian Identity in Southern Siberian Republics: Transformation Dynamics and Basis Perception According to the Opinion Polls of 2013–2019 732

Shabaev Yu.P. ‘New’ Russian North: The Historical Province Amidst of Social and Political Problems 757

Pankratov S.A., Makarenko K.M. Protest and Trust in the Volgograd Region: Peculiarities of the Regional System of Political Communication 779

Popova O.V. Factors of Influence of the Regional Political Elite in Modern Russia: Evidences from St. Petersburg and the Leningrad Region 795

YOUTH IN POLITICS IN RUSSIAN REGIONS

Rakachev V.N., Morozova E.V. Higher Education as a Resource for Regional Development: The Case of Krasnodar 827

Samarkina I.V., Miroschnichenko I.V., Maltsev S.S. Leaders and Wingmen: Youth Policy in the Views of its Participants — an Evidence from Krasnodar Territory	856
Krishtal M.I. The Perception of Regional History and of the Great Patriotic War by the Youth of the Kaliningrad Region in the Context of the Attitude to the Figure of Joseph Stalin.....	883
Kazantsev D.A. Escape from Politics: Is there a Future for Youth Political Protest in Siberia and the Far East?.....	904

REVIEW ARTICLES

Bubnova N.I. To Discover the Future: About the Book by Alexander Yanov (2020), “Where Is Russia’s Place in History? The Riddle of Donald Treadgold”. Moscow: New Chronograph, 336 p.....	918
---	-----

The volume was prepared as part of the Social Research Expert Institute (EISI) and Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation project № FSSF-2022-0040 «Russian Identity: Political Meanings and Indicators of Value Consolidation».

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-613-618

Editorial article / Редакционная статья

Russian Regions in Political Research and Identity Studies: Introducing the Issue

Maria M. Mchedlova^{1,2} , Alexander V. Sokolov³

¹*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation*

²*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

³*P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation*

 mchedlova_mm@rudn.ru

Abstract. The editorial board presents an issue dedicated to the analysis of politics in the regions of Russia. Two interrelated paradigms of the political design of Russia's regional diversity are to trace — territorial and ethno-national. They have become not only options for state registration of a space diversified by political, economic and ethno-cultural grounds, but also the subject of ideological battles, including assessments and the degree of preference of management strategies and political priorities. In the political and institutional context, the regional dimension of Russia implies an emphasis on the correlation of particular features and universalizing intentions. Such a ratio of the general and the special is included in the subject pool associated with understanding and ensuring the completeness of Russia's sovereignty.

Keywords: regions of Russia, politics, identity, all-Russian identity, Russian civilization, diversity

For citation: Mchedlova, M.M., & Sokolov, A.V. (2022). Russian regions in political research and identity studies: Introducing the issue. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 613–618. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-613-618>

Acknowledgements: The article was prepared as part of the Social Research Expert Institute (EISI) and Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation project № FSSF-2022-0040 «Russian Identity: Political Meanings and Indicators of Value Consolidation»

© Mchedlova M.M., Sokolov A.V., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Регионы России в фокусе политических и идентитарных исследований: представляем номер

М.М. Мчедлова^{1,2} , А.В. Соколов³

¹ *Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация*

² *Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация*

³ *Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль,
Российская Федерация*

 mchedlova_mm@rudn.ru

Аннотация. Редакция представляет номер, посвященный анализу политики в регионах России. Прослеживаются две взаимосвязанные парадигмы политического оформления регионального разнообразия России — территориальная и этнонациональная. Они стали не только вариантами государственного оформления диверсифицированного по политическим, экономическим и этнокультурным основаниям пространства, но и предметом идейных баталий, включая оценки и степень предпочтительности управленческих стратегий и политических приоритетов. В политико-институциональном ключе региональное измерение России предполагает акцент на соотношении партикулярных особенностей и универсализирующих интенций. Подобное соотношение общего и особенного включается в предметный пул, связанный с осмыслением и обеспечением полноты суверенитета России.

Ключевые слова: регионы России, политика, идентичность, общероссийская идентичность, российская цивилизация, разнообразие

Для цитирования: *Mchedlova M.M., Sokolov A.V. Russian regions in political research and identity studies: Introducing the issue // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 613–618. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-613-618>*

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта ЭИСИ и Минобрнауки РФ № FSSF-2022-0040 «Российская идентичность: политические смыслы и индикаторы ценностной консолидации».

The political coordinates of Russian civilization and Russian statehood require appealing to the regional dimension. Two mutually overlapping logics of the political configuration of Russia's regional diversity — territorial and ethno-national, were not only options for the state articulation of the politically, economically, and ethno-culturally diversified space, but also the subject of ideological battles, including assessments and the degree of preference for management strategies and political priorities. The regional dimension of Russia's political structure in a metaphysical way reflects the civilizational pattern “Civilization is, first of all, a goodwill to live together” (J. Ortega y Gasset). It is no coincidence that vast majority of Russians insist that “Russia is a special civilization” [Gorshkov 2022]. The unity of the peoples, which is characteristic of Russian civilization, reflecting its multi-confessional and

multinational character, is the basis for solidarity and cooperation: it represents a unique case of attracting other cultural and religious traditions while ensuring the specifics of the political design of the regional canvas. In political and institutional terms, Russia's regional dimension implies an emphasis on the correlation of particular features and universalizing intentions that remove the political risks of private subjectivity. Such a ratio of the general and the special is included in the subject pool associated with understanding and ensuring the fullness of Russia's sovereignty.

The presented issue focuses on these two storylines; their disclosure in the articles is associated with a variety of accents that make up the problematic canvas of the regional political process in Russia: from the goal-setting and quality of regional elites to the role of Islamic regions in the emerging Russian identity and the parameters of historical memory, from the political activity of the regional youth to the role of information technologies that transform regional political practices. Understanding the impossibility of an exhaustive presentation of the political process in Russian regions, the editorial board proposed transformations in the face of new global challenges as a research vector. The strengthening centralization of power and the emergence of common political and legal space reduced the attention of researchers to the analysis of the regional agenda and processes for a while. However, the new geopolitical challenges and significant social transformations at the local and regional levels made the regional theme relevant once again.

It is important to note that the 1990s were characterized by a significant divergence of regional socio-political and socio-economic spaces. The federal legislative framework practically did not regulate the institutional design. The variety of forming formal and informal practices in the subjects of the Russian Federation not only became a threat to the sovereignty and unity of the Russian state but also forced the federal centre to be sensitive to the demands of the regions and regional elites. To strengthen their influence on the federal centre, the regional elites created various associations of Federation subjects (including those based on the neighbourhood principle). Such processes served as the basis for the formation of various local identities — according to territorial, confessional, ethnic and other principles, but called into question the fullness of sovereignty and the unity of public power.

The noughties significantly changed the conditions for the functioning of regional polities. In course of a short period, federal districts were created (replacing the associations of regions previously created “from below”); new laws were adopted on the organization of power in the subjects of the Federation, on the reform of the Federation Council and local self-government, and political parties and elections.

This process was characterized by a fairly large number of contradictions and conflicts; however, the federal government did manage to significantly unify the regional spaces. The decision-making centre shifted towards the federal government, and the regions and their elites were forced to gradually abandon subjectivity in the process of political decision-making. The logic of political reforms and transformations was based on the ideas of the all-Russian identity and national unity.

At the same time, the federal centre in a relatively short time initiated several significant reforms, which often had different vectors (for example, on the procedure

for filling the position of the head of a federal subject). This allowed for maintaining a significant diversity in the regions due to the “different speeds” in the promotion and implementation of these innovations.

The period of the COVID-19 pandemic renewed the interest in regional features: some of the subjects of the Federation introduced conditional restrictions, others formed digital systems to control the movement of citizens or closed their borders to residents of other regions. The period of the pandemic and the restrictions associated with it significantly exacerbated the contradictions that existed in regional societies, demonstrated significant deficiencies in communication between the authorities and society and formed new factors of social tension.

The development of ICT formed a new basis for regional disengagement [Filatova, Chugunov 2022]. Some regions intensely develop the information space and implement digital technologies in socio-political spaces, creating a new public dimension — the online environment of political communication and competition. One of the leaders in this process is Moscow (online voting, the introduction of a face recognition system operated by artificial intelligence, the introduction of smart city technologies, etc.). Meanwhile, in other regions, the residents show a relatively low degree of involvement in the political agenda on online media, and the authorities prefer to focus on traditional institutions and practices.

Undoubtedly, juvenile topics are in demand both in the metaphysical and politico-institutional projections. The youth, having actively involved in conventional and non-conventional forms of protest in 2017–2021, declared themselves as a subject of politics, a significant social group. However, the decline in the interest of young people in political participation, recorded today in many regions, raises the question of finding optimal mechanisms for their involvement in constructive forms of civic activity.

This volume deals with Russian regions from the Far East to the North-West (Kaliningrad and St. Petersburg), and from the North to the South (Krasnodar). We are grateful to all our contributors; however, we would like to highlight the impact of our editorial board members (Sergey Pankratov, Olga Popova, and Elena Morozova) who represent their regions and regional schools of political research.

As the issue is entirely dedicated to the politics in Russian regions, we decided to involve the Russian Political Science Association and its regional branches with the support of the RPSA-Regions network led by Alexander Sokolov.

We start with general political problems of state-regional interactions and pan-regional issues. *Ilya Pomiguyev* and *Nikita Zaripov* from *HSE University* study the functioning of the Council of Legislators under the Federal Assembly of the Russian Federation as auxiliary institutions and the «rules of the game» they form in the interaction between the Federal Assembly and the regional parliaments. *Igor Okunev* and *Vasilisa Lopatina* from *MGIMO University* find out how the socio-economic zoning affects the regional policy in Russia, compare the results of their study to the macro-regions suggested by the Strategy of Regional Development of the Russian Federation and therefore to the current administrative practices.

The chief editor of our journal *Yuri Pochta* from *RUDN University* studies the role of Islam in the formation of the all-Russian identity and clarifies the development

of federalism in the multinational and multi-confessional Russian society. Following the Islamic thread *Sergey Demidenko*, *Sergey Margulis* and *Roman Fainshmidt* from *RANEPA Academy* attempt to understand the nature of post-industrial Islamism's development in the Russian Federation.

The next chapter of the volume is dedicated to various regional cases. *Alexander Sokolov* and *Elena Isaeva* from *Demidov Yaroslavl State University* use the empirical data they collected while analyzing the regional NGOs, civil activism, and public chambers to reveal the cases of digitalization of regional and public institutions. *Daria Kazarinova* from the *RUDN University* refers to the Urals and based on a series of in-depth interviews with representatives of regional elites reveals the key problems of Permian identity and political problems of the region often treated as an 'unfinished project'.

Yurii Aksiutin from *Katanov State University of Khakassia* focuses on the national, regional and local identities of Southern Siberia republics — Khakassia, Tyva and Altai, which have by no means been stable during the last decades. *Yuri Shabaev* from *Pitirim Sorokin Syktyvkar State University* considers the problematic nature of demographic and social processes as well as the ethnocultural component of the Russian North. *Sergey Pankratov* and *Kirill Makarenko* from *Volgograd State University* identify the nature of civil and political trust between the leading actors of communication in the Volgograd region and expose the characteristics of trust/confrontation in the regional system of political communication. *Olga Popova* from *St. Petersburg State University* studies regional political elites in St. Petersburg and Leningrad region, their communication strategies, images, formal and informal ties as a part of a broader RPSA research project on Russian elites.

The last chapter of the volume is dedicated to our constant topic of youth policy in Russian regions. Two articles from *Kuban State University* refer to the case of Krasnodar. *Elena Morozova* stresses the contradictions between the growing population of the region and depleting resources for the development of human capital. *Irina Samarkina*, *Irina Miroshnichenko* and *Sergey Maltsev* examine youth activism and potential protest moods in the region, as well as the ability of regional youth policy actors to deal with them.

Mikhail Krishtal from *Immanuel Kant Baltic Federal University* observes the historical memory of young people in the Kaliningrad region. He considers how the context of memory depends on the respondents' attitude towards Stalin. *Dmitry Kazantsev* from *Altai State University* analyzes the youth protest moods in social media and blogosphere, and political activism in Altai, Zabaykalsky, Primorsky and Khabarovsk Krai, and Omsk Oblast, as well as Tyva, Buryatia and Altai Republics.

Natalia Bubnova from *Primakov Institute of World Economy and International Relations* closes the volume by reviewing the latest book by renowned Russian historian Alexander Yanov who discusses general questions of Russian political philosophy: Russia's dual nature (both European and Asian), as well as Russia's difficult historical path in between democracy and authoritarianism.

Received / Поступила в редакцию: 20.08.2022

Accepted / Принята к публикации: 15.09.2022

References

- Gorshkov, M.K., Komissarov, S.N., & Karpukhin, O.I. (2022). At the turn of the century: sociodynamics of Russian culture: monograph. Moscow: FCTAS RAS.
- Dementieva, I.N. (2021). The role of the Internet in formation of the protest mood of the region's population. *Digital Sociology*, 4(2), 32–43. (In Russian) <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-2-32-43>
- Dolgikh, E., & Parshintseva, L. (2019). A Statistical Study of the Use of the internet By the Population in the Russian Federation. *Vestnik Universiteta*, 1, 108–112. (In Russian) <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-1-108-112>
- Filatova, O., & Chugunov, A. (2022). Development of the E-Participation Ecosystem in Russia in the Early 2020s: The Role of Social Media and Regional Governance Centers. *Political Expertise: POLITEX*, 18(2), 120–137. (In Russian) <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.201>
- Sarycheva, T.V., & Ivanova, D.D. (2020). Multidimensional Statistical Analysis of the Internet Development in the Regions of the Russian Federation. *Vestnik of the Mari State University, Chapter "Agriculture. Economics"*, 6(4), 498–507. (In Russian) <https://doi.org/10.30914/2411-9687-2020-6-4-498-507>

About the authors:

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Chief Researcher of the Center "Religion in Contemporary Society", Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (e-mail: mchedlova_mm@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-4635-1741).

Alexander V. Sokolov — Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Social and Political Theories in P.G. Demidov Yaroslavl State University (e-mail: alex8119@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7325-8374)

Сведения об авторах:

Мchedлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, главный научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: mchedlova_mm@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-4635-1741).

Соколов Александр Владимирович — доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (e-mail: alex8119@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7325-8374)

РЕГИОНЫ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

REGIONS IN RUSSIAN POLITICS

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-619-633

Научная статья / Research article

Влияние Совета законодателей на законодательную деятельность региональных legislatures

И.А. Помигуев^{1,2,3} , Н.А. Зарипов¹

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация

²Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская
Федерация

³Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
 pomilya@mail.ru

Аннотация. В центре внимания авторов — политические импликации возникновения и функционирования в российской парламентской системе Совета законодателей при Федеральном Собрании РФ. Проанализированы стенограммы пленарных заседаний Совета и ряд параметров законодательного процесса: скорость рассмотрения законопроектов, трафик инициатив и доля принятых законов. Исследование в традиции неинституционализма рационального выбора (в частности, теории вето-игроков) показывает, что созданная в 2012 г. площадка, изначально предназначенная для коммуникации между федеральным и региональными парламентами, со временем фактически стала самостоятельным барьером — вето-актором, определяющим дальнейшую судьбу региональных инициатив. Кроме того, институциональная среда, сложившаяся в процессе работы Совета, изменила сам формат активности регионов, в результате чего первоначальная идея открытого диалога сменилась экспертной дискуссией внутри профильных комиссий, а итог деятельности сместился с возможности внесения доработанной законодательной инициативы в Думу на экспертные комментарии и рекомендации для региональных парламентам. В качестве одного из критериев измерения влияния Совета выделена реализация бюрократической логики работы нового субститута, связанного с перенаправлением и фильтрацией трафика региональных инициатив с прямого внесения их в Госдуму на новый «фильтрующий» орган.

© Помигуев И.А., Зарипов Н.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Результаты исследования позволяют по-новому взглянуть на законодательную активность регионов на федеральном уровне, а также обратить внимание на политическую природу работы вспомогательных институтов и формируемых ими «правил игры» в контексте взаимодействия палат Федерального Собрания и региональных парламентов.

Ключевые слова: Совет Законодателей, законодательный процесс, Государственная Дума, парламентская процедура, региональная политика

Для цитирования: Помигуев И.А., Зарипов Н.А. Влияние Совета законодателей на законодательную деятельность региональных legislatures // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 619–633. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-619-633>

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00201, <https://rscf.ru/project/22-78-00201/>

The Influence of the Council of Legislators on the Legislative Activity of Regional Parliaments

Ilya A. Pomiguev^{1,2,3} , Nikita A. Zaripov¹

¹*HSE University, Moscow, Russian Federation*

²*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russian Federation*

³*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

 pomilya@mail.ru

Abstract. The authors focus on the political implication of the emergence and functioning of the Council of Legislators under the Federal Assembly of the Russian Federation. Based on several characteristics of the legislative process, such as the speed of adopting bills, the traffic of initiatives and the share of those adopted, as well as the transcripts of the Plenary Sessions of the Council, the authors conduct a comprehensive analysis of the work of this institution, recording and interpreting several changes. Using the theory of Rational Choice Institutionalism (the Veto Player Theory, in particular), the authors show that the platform established in 2012, originally designed for communication between federal and regional parliaments, has over time become a barrier, predetermining the fate of some initiatives. In addition, the institutional environment created by the Council's actions has changed the very format of regional activity, whereby the original idea of open dialogue has been replaced by expert discussion within the profile commissions, and the outcome of these activities has shifted from legislative initiatives to expert commentaries and recommendations. Another dimension of influence can be traced in the implementation of the bureaucratic logic associated with redirecting and filtering the traffic of regional initiatives through an extra-constitutional structure. Research results allow the authors to take a different view on the legislative activity of the regions at the federal level, as well as draw attention to the political nature of the work of auxiliary institutions and the «rules of the game» they form in the context of the interactions between the Federal Assembly and the regional parliaments.

Keywords: Council of Legislators, legislative process, State Duma, parliamentary procedure, regional policy

For citation: Pomiguyev, I.A., & Zaripov, N.A. (2022). The influence of the Council of Legislators on the legislative activity of regional parliaments. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 619–633. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-619-633>

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-78-00201, <https://rscf.ru/en/project/22-78-00201/>

Введение

Проблемам российского федерализма в целом и взаимоотношениям федерального центра с субъектами в частности уделяется большое внимание со стороны отечественных и зарубежных исследователей, которые изучают широкий спектр проблемных зон: от распределения полномочий и бюджетных правил до представительства региональных элит на федеральном уровне и их участия в принятии общегосударственных решений. Рассматриваемые процессы происходят внутри конкретных институтов и «правил игры», предлагаемых политической системой России: так, например, согласно статье 106 Конституции РФ, законодательные (представительные) органы субъектов РФ обладают формальным статусом субъекта права законодательной инициативы (далее — СПЗИ), что предоставляет им полномочия направлять свои законопроекты на рассмотрение в Государственную думу¹. Как следствие региональные парламенты стали одними из наиболее активных участников процесса: в период работы IV созыва субъекты РФ направили 1646 инициатив, или 36,4 % от общего числа, в V созыве — 1208 инициатив, или 26,79 %, в VI созыве — 1750 законопроектов, или 23,4 %, в VII созыве число инициатив составило 984, или 15,65 % от всех внесенных СПЗИ². Однако за подобным количеством нередко основным «болевым нервом» проектов становилось их качество, вследствие чего участники процесса стали предлагать различные механизмы координации и предварительной экспертизы. Одной из структур, обеспечивших функционирование таких механизмов, выступил Совет Законодателей при Федеральном Собрании РФ.

Созданный в 2012 г., Совет законодателей стал производным от одноименной структуры, работавшей на протяжении 10 лет до этого при Совете Федерации РФ. Мотивы его создания в целом соответствовали ранее упомянутой логике: так, в 2004 г. спикер Совета Федерации С.М. Миронов отметил, что основной задачей органа выступает «*определение основных направлений развития федерального и регионального законодательства, придание ему системного характера, а также обсуждение наиболее значимых проектов федеральных законов*» [Миронов 2004: 10].

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 14.07.2022)

² Данные взяты из: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 14.07.2022)

Позднее, в 2008 г., Председатель комиссии Совета Федерации по Регламенту Н.П. Тулаев дополнил логику работы нового формата с регионами, подчеркнув, что *«ныне действующий Совет законодателей... должен выполнять не одни только представительные функции... предлагается создать конструкцию, позволяющую законодательным органам взять на себя регламентную обязанность — проводить экспертизу своих законодательных инициатив через институт согласования и координации в рамках деятельности Совета законодателей и Совета Федерации»* [Тулаев 2008: 8]. Можно заметить, что в период функционирования института как вспомогательной площадки среди парламентариев возникает пожелание перенести процедуру предварительного рассмотрения региональных инициатив из статуса «возможности» в статус «обязанности», тем самым предлагая передачу органу, не указанному в Конституции РФ, полномочий по оказанию влияния на дальнейшую судьбу законопроектов.

Несмотря на формальную подотчетность структуры до 2012 г. перед Советом Федерации, изначально в состав Президиума входили представители обеих палат, в том числе Первый заместитель Председателя Государственной Думы³. Подобное включение не только оказалось недостаточным для создания полноценного диалога между обеими палатами парламента и регионами, но и подчеркивало символическую значимость Совета Федерации как доминирующего актора в вопросе коммуникации по линии федеральный центр — регионы.

На первом заседании Совета, 31 мая 2012 г., было утверждено Положение «О Совете законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации». Это решение послужило индикатором смены статуса структуры с полуформальной площадки взаимодействия между СПЗИ на самостоятельный институт в рамках российской законодательной системы⁴. При этом полномочия органа не изменились: несмотря на переход Совета под контроль обеих палат парламента, обращение к его консультации в законе по-прежнему обозначалось как право, а не обязанность регионов при разработке своих инициатив.

Прошедшая в 2012 г. трансформация оказалась значимой по нескольким причинам. После перехода Совета под контроль обеих палат Федерального Собрания можно наблюдать значительное увеличение представительства в ней Госдумы. Не менее важным наблюдением выступает и символическая структурная перестановка: спикеры обеих палат стали «сопредседателями», что в некото-

³ Совет законодателей // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/glossary/66> (дата обращения: 14.07.2022)

⁴ Положение о Совете законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации от 31 мая 2012 года // в ред. Решений Совета законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации «О внесении изменений в Положение о Совете законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации» от 25 апреля 2013 года; от 15 октября 2015 года; от 29 апреля 2016 года; от 8 декабря 2016 года; от 18 декабря 2020 года.

рой степени повысило статусное положение Госдумы в работе Совета и поставило между представительством палат парламента знак равенства. Сложившаяся ситуация привела к некоторым процессуальным изменениям: так, разделение зон ответственности нашло отражение в неформальной договоренности о том, что сопредседатели возглавляют и определяют повестку Совета по очереди в течение года, что тоже может представлять исследовательский интерес при рассмотрении политического влияния каждой из палат на ход законодательного процесса.

Тем не менее главной исследовательской задачей в представленной статье является определение возможности Совета законодателей оказывать влияние на поведение регионов и их активность в законодательной сфере. Демаркационная граница между формальным правилом и его практической реализацией стала возможной благодаря трансформации отношения к процедурной компоненте в традиции политической науки.

Теоретико-методологические основы изучения институциональной и процедурной компонент деятельности Совета законодателей

Для определения роли и значения Совета законодателей на результаты законодательного процесса в России были использованы методологические наработки неинституционализма теории рационального выбора, где под «правилами игры» подразумеваются не только формально закрепленные процедуры, но и неформальные практики, ставшие общепринятыми по принципу *fair-play* [North 1991; Tsebelis 2000].

При таком понимании процедуры примечательными становятся исследования российского парламентаризма, в частности, связанного с изменением определяющего процесс работы Государственной Думы документа — Регламента. П. Чейсти определил, что благодаря внесению туда поправок фракция «Единая Россия» смогла утвердить полученное в результате выборов численное преимущество и усилить влияние главы государства на законодательный процесс [Chaisty 2014]. К аналогичным результатам пришел Т. Ремингтон, показавший с помощью анализа принятых Госдумой законопроектов рост зависимости парламента от главы государства [Remington 2008]. Наконец, значительное влияние Регламента на процесс показал И.А. Помигуев при анализе трансформации статуса Совета Госдумы, выступающего самостоятельным игроком, что позволяет ему, например, затягивать процесс рассмотрения тех или иных инициатив [Помигуев 2016].

Совет законодателей в подобной дискуссии обладает несколько иным статусом: создана не столько внутренняя структура конституционных институтов, сколько внешняя площадка для взаимодействия федерального и региональных парламентав. В этом значении случай Совета становится уникальным для международной практики: как правило, в парламентах зарубежных стран региональные парламента не обладают правом федеральной законода-

тельной инициативы и занимаются исключительно вопросами своего ведения «на местах» [Организация законодательного процесса... 2014]. Согласно бюрократической логике, наличие подобного права в российской системе порождает необходимость создания институционального дизайна не только для его реализации, но и оптимизации, которая при этом не становится нормативно закрепленным препятствием.

В Положении о Совете отсутствуют какие-либо формальные полномочия, способные заблокировать рассмотрение региональной инициативы. Соответственно, этот орган можно считать вето-актором (*gatekeeper*), способным максимум затянуть принятие конечного решения политическими субъектами, но не заблокировать, как в случае с вето-игроками [Помигуев, Алексеев 2021]. При этом исследователями не исключается возможность возникновения в работе Совета политических импликаций: так, Н.В. Петров⁵ назвал структуру одним из «субститутов» — механизмом, исполняющим часть функционала конституционного органа власти [Петров 2009], но фактически речь идет о «*фильтрации региональных инициатив*» [Помигуев 2017, с. 118].

Изначально неопределенный юридический статус Совета получил формальное закрепление в парламентской процедуре, а именно в поправках в Регламент Госдумы, которые были приняты в июне 2015 г. Одной из них выступило дополнение статьи 111 пунктом 1.1: «*При подготовке к рассмотрению Государственной Думой законопроекта, внесенного законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ, ответственный комитет принимает во внимание результаты рассмотрения указанного законопроекта в Совете законодателей*»⁶. При этом в заключении Комитета по Регламенту представлена конкретная цель поправки: стремление укрепить взаимодействие между федеральным и региональными парламентами в части подготовки и рассмотрения законопроектов. Так, Комитет отметил ключевое направление, по которому должен работать институт: повышение качества инициатив, вносимых регионами в Госдуму.

Для понимания особенностей работы системы после 2015 г. следует обратиться к внутренней системе Совета Законодателей и определить круг лиц, причастных к формированию заключений на проекты законодательных инициатив. Состав Президиума и комиссий — системообразующих структур института — изображен на рис. 1⁷. Согласно Положению, заключение выступает результатом работы Комиссии, в которую входят представители региональных парламентов и профильных комитетов палат Федерального Собрания. По сути, предла-

⁵ Включен Министерством юстиции РФ в реестр СМИ — иностранных агентов.

⁶ Постановление Государственной Думы от 16 июня 2015 г. № 6859–6 ГД «О внесении изменений в Регламент Государственной Думы в статью 111 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3719.

⁷ Дополнительную информацию о деятельности Совета можно найти в: Совет законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации: Основные задачи, порядок работы, обеспечение деятельности. URL: <https://cloud.mail.ru/public/J7Q8/U9SQMNCDY> (дата обращения: 14.07.2022).

гаемая структурой Совета оценка становится результатом предварительного рассмотрения профильным комитетом законопроекта, который в дальнейшем будет рассматриваться уже в Госдуме и Совете Федерации. Для оценки последствий сложившейся системы следует обратиться к характеристикам уже самого процесса.

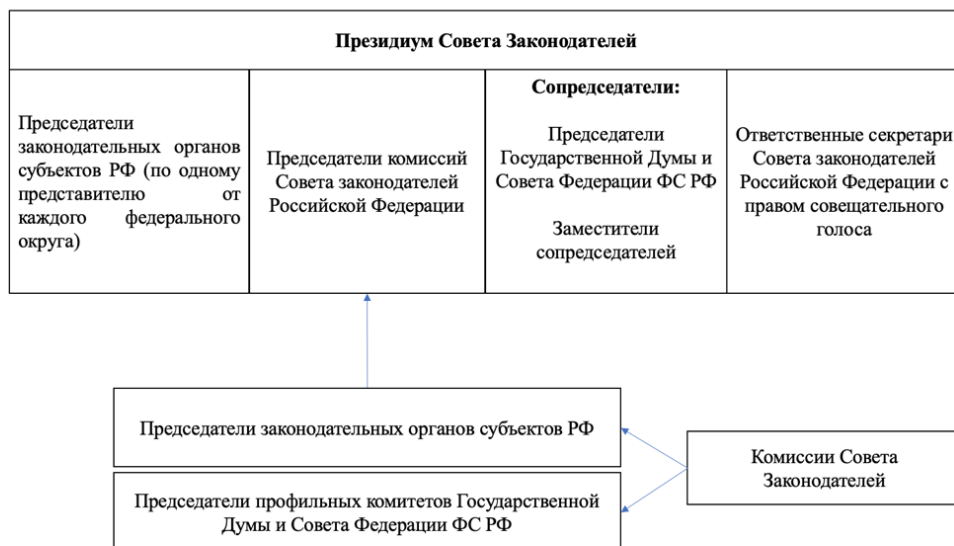

Рис. 1. Организационная структура Совета Законодателей

Источник: Совет законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации. URL: <http://szrf.km.duma.gov.ru/?ysclid=I65dtm6cqt287249348> (дата обращения: 14.07.2022).

Характеристики законотворчества как индикаторы влияния Совета законодателей

Традиционный подход к изучению институтов, предполагающий анализ регулирующих документов и вынесение нормативной оценки их работе, может выводить из фокуса исследователя фактическую сторону работы и возникающие в ее процессе политические импликации. Поэтому наряду с юридическим подходом политическая наука предлагает использовать в качестве индикатора влияния характеристики самого законотворческого процесса, связанные с анализом трафика инициатив, а также со скоростью их рассмотрения.

Как было упомянуто ранее, Государственная Дума традиционно рассматривает большое количество проектов региональных парламентов. При этом доля принятых из их числа остается сравнительно небольшой. Более подробная информация изложена в табл. 1.

Таблица 1

Законодательная активность парламентов субъектов РФ и ее результаты на этапе рассмотрения Государственной Думой ФС РФ

Индикатор / Созыв	III	IV	V	VI	VII
Число внесенных законопроектов, шт.	1056	1646	1208	1750	984
Число принятых законопроектов, шт.	42	122	131	171	111
Общая доля принятых от числа внесенных законопроектов, %	3,98	7,41	10,84	9,77	12,09

Источник: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 14.07.2022).

Важно отметить, что после учреждения Совета доля принятых инициатив не подверглась значительному изменению. Однако среди тех, что были приняты, 18 проектов в VI созыве (или 10,5 %) прошли предварительную экспертизу через структуру, а в VII созыве их число возросло до 56 инициатив (или 50,45 %). Подобные данные демонстрируют возможную значимость Совета с консультативными полномочиями определять успешность прохождения законопроекта в Госдуме. Тем не менее подобный показатель не способен в полной мере охарактеризовать происходящие изменения. В частности, высокая доля принятых законопроектов может выступать одной из форм проявления влияния, выраженного в **отборе и фильтрации инициатив**, то есть определении дальнейшей судьбы законопроектов. Для уточнения работы подобного механизма следует рассмотреть дополнительный аспект, связанный с работой уже внутри института (табл. 2).

Таблица 2

Результаты рассмотрения проектов законодательных инициатив парламентов субъектов РФ в Совете законодателей

Индикатор / Созыв	VI	VII
Общее число рассмотренных законопроектов, шт.	471	1619
Число законопроектов, внесенных в Госдуму и рассмотренных в Совете законодателей, шт.	146	390
Процент от общего числа законопроектов, направленных регионами в Госдуму, %	8,3	39,63
Законопроекты, получившие положительное Заключение СЗ, шт.	44	164
Законопроекты, получившие положительное Заключение СЗ с предложением о доработке, шт.	169	533
Законопроекты, получившие отрицательное Заключение СЗ, шт.	217	873

Источник: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 14.07.2022).

В табл. 2 представлены результаты работы структуры за период работы Госдумы VI–VII созывов. Можно заметить, что произошло серьезное увеличение числа обращений к комиссиям Совета законодателей за предварительной экспертизой — с 471 в VI созыве до 1619 в VII созыве. Несмотря на то, что в результате институту удастся обработать не весь трафик законопроектов субъектов РФ, подобное значение было достигнуто параллельно с общим снижением обращений региональных легислатур в Госдуму на 44 % — с 1750 в VI созыве до 984 в VII. На данном этапе определяющей становится реализация так называемой бюрократической логики, суть которой — перенесение части функционала от формального исполнителя к фактическому, в данном случае субституту, в результате которой произошло снижение нагрузки на палату парламента за счет снижения инициатив, получивших отрицательное заключение в Совете законодателей (табл. 3).

Влияние на поведение выступает значимым, но не исчерпывающим измерением воздействия. Процедура, внесенная в Регламент Госдумы в 2015 г., предполагает учет заключений комиссии Совета профильным комитетом палаты при вынесении собственной рекомендации. Как следствие, подобная поправка, по сути утвердившая положение подобных заключений уже в конституционной фазе законотворческого процесса, сформировала потенциальное поле влияния, связанного с возможностью предопределить дальнейшую судьбу инициативы.

Таблица 3

Соотнесение итоговых решений Государственной Думы с заключениями профильных комиссий Совета Законодателей

Показатель / Созыв	VI		VII	
	Шт.	%	Шт.	%
Общее число законопроектов, прошедших через СЗ и поступивших на рассмотрение в Госдуму	146	100	390	100
Число принятых в Госдуме:	18	12,32	56	14,35
<i>Из них:</i>				
Число рекомендованных в СЗ	8	5,4	27	6,9
Число рекомендованных в СЗ с доработкой	8	5,4	23	5,8
Число не рекомендованных в СЗ	2	1,3	6	1,5
Число непринятых в Госдуме:	128	87,6	334	85,6
<i>Из них:</i>				
Число рекомендованных в СЗ	23	15,75	71	18,2
Число рекомендованных в СЗ с доработкой	67	45,89	159	40,7
Число не рекомендованных в СЗ	38	26	104	26,7

Источник: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 14.07.2022).

Наблюдения, зафиксированные в табл. 3, позволяют определить сложившуюся закономерность: в случае наличия у законопроекта отрицательного заключения последний становится барьером, который практически невозможно преодолеть в Госдуме. Таким образом, отрицательные заключения выполняют роль преграды для дальнейшего прохождения инициативы. Однако здесь же важным результатом становится неопределенный характер связи между решениями Совета и Госдумы по отношению ко всем другим инициативам, которые в том или ином виде отклоняются.

С чем связано подобное разногласие? Обратимся к Положению о Совете: согласно VIII главе, состав профильных комиссий формируется из спикеров региональных legislatures и парламентариев из профильных комитетов и комиссий Федерального Собрания⁸. Возникает ситуация, при которой одни и те же лица привлечены к рассмотрению проектов на обеих стадиях. Поэтому вполне закономерным становится минимальная доля отклоненных инициатив комитетами Госдумы, председатели которых задействованы в работах комиссий Совета.

Представленная ситуация позволяет предположить, что отрицательное заключение комиссии Совета и отклонение инициативы Госдумой предполагают различные мотивации. Обратимся ко II главе Положения о Совете: к задачам, поставленным перед институтом, относится *«повышение качества проектов федеральных законов, подготавливаемых законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации к внесению в Государственную Думу»*⁹. Подобная формулировка предполагает не столько оценку целесообразности и необходимости принятия инициативы, сколько предварительную работу по приведению в соответствие с юридическими стандартами, а также содержательной доработки инициативы.

Наряду с допуском и результатом рассмотрения инициативы значимым показателем процесса становится скорость, с которой законопроект был рассмотрен. Данная переменная в контексте работы Совета была выделена Н.А. Зариповым и И.А. Помигуевым при освещении проблематики ее использования в качестве индикатора политических импликаций отношений между входящими в процесс игроками [Зарипов, Помигуев 2022]. Авторы пришли к выводу, что если законопроект

⁸ Положение о Совете законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации от 31 мая 2012 года // В ред. Решений Совета законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации «О внесении изменений в Положение о Совете законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации» от 25 апреля 2013 года; от 15 октября 2015 года; от 29 апреля 2016 года; от 8 декабря 2016 года; от 18 декабря 2020 года.

⁹ Положение о Совете законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации от 31 мая 2012 года // в ред. Решений Совета законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации «О внесении изменений в Положение о Совете законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации» от 25 апреля 2013 года; от 15 октября 2015 года; от 29 апреля 2016 года; от 8 декабря 2016 года; от 18 декабря 2020 года.

был рассмотрен Советом, то его среднее время принятия в Госдуме было на 111 дней в VI созыве и 150 дней в VII созыве дольше, чем без предварительной экспертизы. С подробными результатами можно ознакомиться в табл. 4.

Таблица 4

Среднее время рассмотрения принятых законопроектов, предварительно рассмотренных и не рассмотренных в Совете законодателей

Средние значения, дн. / созывы Госдумы	VI созыв		VII созыв	
	Законопроект прошел через СЗ	Законопроект не проходил через СЗ	Законопроект прошел через СЗ	Законопроект не проходил через СЗ
Рассмотрение профильным комитетом перед первым чтением	24	33,66	22,8	26,54
Время от положительного решения комитета до рассмотрения в Совете Думы	115,5	88	115	103
Время от рассмотрения законопроекта в Совете Думы до первого чтения	71,5	52	91	71,5
Общее время от внесения в Госдуму до принятия в первом чтении	256,6	184,2	200,78	195,15
Общее время принятия законопроекта в Госдуме	388,3	277,8	363,33	219,2

Источник: Зарипов Н.А., Помигуев И.А. Скорость принятия законопроектов как индикатор политической природы законотворческого процесса на примере Совета Законодателей // Власть. 2022. Т. 30. № 4. — В печати.

Предложенные к рассмотрению характеристики законотворческого процесса выступают лишь одними из немногих, но способны продемонстрировать его трансформацию в результате учреждения нового органа, полномочия которого не указаны в Конституции, но который оказывает влияние на реализацию регионами своих конституционных полномочий. Вместе с тем подобные показатели оставляют без внимания не менее важный аспект, связанный с правилами, установленными в общении между федеральным центром и регионами внутри института. Поэтому логическим продолжением становится рассмотрение сформированной коммуникативной среды.

Трансформация формата взаимодействия центра и регионов внутри Совета законодателей

Работа Совета предполагает не только активность профильных комиссий: не менее важным становится проведение Пленарных заседаний с участием спикеров региональных legislatures и председателей федеральных палат парламента. Как следствие, правила, по которым конструируется их взаимоотношение, во многом способны определить их дальнейшую законотворческую активность и, как следствие, обозначить влияние работы Совета.

Первоначально заявленная форма коммуникации представляла собой рефлексию по вопросу значимых направлений федерального законотворчества. Так, например, на заседании 25 апреля 2014 г. — 4-м по счету с момента создания Совета при Федеральном Собрании — сопредседатель В.И. Матвиенко в качестве повестки работы института поставила такие направления, как «полномочия субъектов Федерации, муниципалитетов и их финансирование», «вопросы укрепления семьи, охраны детства», а также «оказание законодательной и финансовой поддержки Республики Крым»¹⁰.

В дальнейшем до следующего пленарного заседания 20 ноября 2014 года регионами было внесено 25 законопроектов, среди которых 14 затрагивали государственное строительство и 2 — социальную политику. При этом обе инициативы касались таких отраслей, как «Семья» и «Образование. Наука. Культура», а их концепция предполагает решение освещенных на заседании проблем, связанных с реализацией государственной социальной политики в отношении малообеспеченных детей и сирот. Последующие заседания подтверждали их специфику: обсуждаемые темы становились стимулом для разработки соответствующих инициатив, что и использовали федеральные законодатели для определения направления законотворчества, инициируемого региональными парламентами.

После избрания Госдумы VII созыва произошла трансформация взаимодействия, что отчасти было обусловлено позицией нового Председателя Госдумы В.В. Володина. На заседании 8 декабря 2016 г. он отметил, что Совет предоставляет субъектам возможность «более эффективно принимать участие в экспертной деятельности при рассмотрении ключевых законопроектов»¹¹, что переводит отношение к регионам из статуса СПЗИ в статус участников экспертного совета. Подобная метаморфоза происходила параллельно с увеличением общего числа законодательных инициатив (с 20 между съездами в 2014 г. до 44 в 2016 г.), все меньше зависящих от самой повестки. На данном этапе можно отметить параллелизацию работы пленарных заседаний совета и индивидуальной законотворческой работы.

Последующие встречи в рамках Совета переводят подобную особенность в статус тенденции или нового правила взаимодействия. Так, на заседании 24 апреля 2017 г. основными участниками дискуссии и выступлений стали представители профильных комиссий в лице депутатов Госдумы и сенаторов. Спикеры законодательных собраний регионов по-прежнему были включены в процесс работы над законодательством, однако ключевой особенностью

¹⁰ Стенограмма заседания Совета законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации 25 апреля 2014 года // Совет Законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации. URL: <http://www.szrf.km.duma.gov.ru/Zasedaniya-Soveta-zakonodatelej/item/37930/> (дата обращения: 14.07.2022)

¹¹ Стенограмма заседания Совета законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации 8 декабря 2016 года // Совет Законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации. URL: <http://www.szrf.km.duma.gov.ru/Zasedaniya-Soveta-zakonodatelej/item/37846/> (дата обращения: 14.07.2022)

стало изменение его формата: на место разработки инициатив пришел формат направления Правительству РФ и парламентариям формально незакрепленных предложений и рекомендаций.

Со временем подобный формат стал все чаще использоваться: так, одной из тематик заседания 27 апреля 2018 г. стало обсуждение развития системы здравоохранения. Например, спикер парламента Тюменской области С.Е. Корепанов предложил к рассмотрению подготовленные поправки в федеральный закон, правда, в так и не дошедшие до Госдумы.

На фоне трансформации площадки из консультационной в экспертную примечательно развитие еще одного формата. На заседаниях с 2019 г. дополнительным направлением работы становится обсуждение реализации Послания Президента РФ Федеральному Собранию в регионах, ставшее к 2022 г. уже традиционным элементом слушаний. Данная часть заседаний, на которой нередко выступал и Президент РФ, привела к смещению акцента с обсуждения на отчетность о проделанной работе. Следствием подобной метаморфозы стало отсутствие возможности вести предметную полемику по направлениям законодательства, в том числе региональные парламенты не могут выступать в качестве политических субъектов со своей позицией.

Вместе с тем федеральная повестка заседаний, изначально вовлекающая регионы в разработку инициатив, сменилась на решение проблем «на местах», касающихся совершенствования региональных механизмов и законодательства в субъектах РФ. Примерами могут выступить вопросы социального питания в 2018 г. и регулирования программы «Земский доктор» в 2019 г., следствием обсуждения которых стало формулирование рекомендаций для региональных парламентов.

В итоге можно констатировать, что Совет законодателей за годы своей работы претерпел значительные изменения. Ролевая модель площадки поменялась с «места для обсуждения направлений федерального законодательства» к «экспертной панели для разработки рекомендаций внутренними органами Совета», а затем и к «инструменту контроля».

Заключение

Совет законодателей представляет собой пример исполнения политической логики изменения законодательной процедуры и создания новых ограничений в деятельности субъектов права законодательной инициативы. Фактически рассмотренная площадка в процессе эволюции все же не стала самостоятельным вето-игроком, поскольку внутренняя процедура работы органа предполагает взаимодействие внешних участников (депутатов, сенаторов и региональных парламентариев), Совет так и не обрел политической субъектности. Вместе с тем институт, первоначально созданный для качественной доработки законопроектов субъектов РФ, со временем стал ограничивать (в большей степени неформально) федеральную законодательную активность региональных парламентов, что характеризует этот орган как вето-актора (*gatekeeper*) в российской

законодательной системе. Еще одной политической импликацией работы Совета стала трансформация внутренних правил коммуникации, которая со временем сменила формат диалога между представителями СПЗИ на экспертизу членов комиссий Совета.

Однако вместе с политической логикой в работе Совета можно выделить и иную, бюрократическую: благодаря изменению трафика инициатив системе удалось снизить нагрузку на федеральный парламент. Предлагаемый процесс выступает частью более обширной стратегии по созданию ранее упомянутых «субститутов».

Все подобные изменения оказали значимое влияние и на законодательную активность регионов. Вместо использования конституционного права вносить инициативы на рассмотрение в парламент региональные легислатуры все больше стали отдавать предпочтение допарламентской экспертизе, результаты которой со временем начали определять дальнейшее поведение субъектов. При этом сам Совет оказался способен не только влиять на решение парламентов пользоваться своими конституционными полномочиями, но и предопределять дальнейшую судьбу законопроектов в случае отрицательного отзыва. Как следствие, произошло значительное снижение фактической активности регионов в Госдуме.

Представленные наблюдения имеют значение не только в контексте рассмотрения отдельного института — они во многом обогащают представление о процессе рассмотрения и принятия законов в российской политической системе. Что касается конкретно Совета, то институциональный дизайн и его последующая эволюция обладает конкретной политической природой, определение которой необходимо для понимания работы всего политического организма.

Поступила в редакцию / Received: 01.08.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 20.08.2022

Принята к публикации / Accepted: 25.08.2022

Библиографический список

- Зарипов Н.А., Помигуев И.А.* Скорость принятия законопроектов как индикатор политической природы законотворческого процесса на примере Совета Законодателей // *Власть*. 2022. Т. 30. № 4. — В печати.
- Миронов С.М.* Чем занят Совет законодателей // *Сводный реферативный сборник журнала Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. 2004. № 2. С. 9–11.
- Петров Н.В.* Политическая механика российской власти: субституты против институтов // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2009. № 4. С. 5–23.
- Помигуев И.А., Алексеев Д.В.* Обнуление законопроектов: дисконтинуитет как технология блокирования политических решений // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 4. С. 176–191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13>
- Помигуев И.А.* Руководство Государственной Думы: возвращение к советскому прошлому? // *Политическая наука*. 2017. № 3. С. 105–120.

- Помигуев И.А. Совет Государственной Думы: реальный вето-игрок или технический исполнитель? // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 171–183. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.12>
- Организация законодательного процесса в зарубежных странах / Р.Г. Газизова, Н.М. Касаткина, Н.Б. Крысенкова, Ф.А. Лещенков, А.Н. Пилипенко, Н.Ю. Трещетенкова, Т.И. Чурсина М.: Издание Государственной Думы, 2014.
- Тулаев Н.П. Совершенствование законодательного процесса в законодательном (представительном) органе государственной власти: регламентное или законодательное регулирование // Аналитический сборник «Обеспечение парламентской деятельности законодательных (представительных) органов власти Российской Федерации». Издание Совета Федерации. 2008. С. 7–9.
- Chaisty P. Presidential dynamics and legislative velocity in Russia, 1994–2007 // East European Politics. 2014. Vol. 30, no. 4. P. 588–601. <https://doi.org/10.1080/21599165.2014.96439>
- North D.C. Institutions // Journal of economic perspectives. 1991. Vol. 5, no. 1. P. 97–112.
- Remington T.F. The evolution of executive-legislative relations in Russia since 1993 // Slavic Review. 2008. Vol. 59, no. 3. P. 499–520. <https://doi.org/10.2307/2697343>
- Tsebelis G. Veto players and institutional analysis // Governance. 2000. Vol. 13, no. 4. P. 441–474. <https://doi.org/10.1111/0952-1895.00141>

Сведения об авторах:

Помигуев Илья Александрович — кандидат политических наук, доцент департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; доцент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (e-mail: pomilya@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3068-5664)

Зарипов Никита Андреевич — магистрант факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (e-mail: nazaripov@edu.hse.ru) (ORCID: 0000-0003-4834-4665)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-634-650

Research article / Научная статья

The Neighbourhood Effect in Russian Regional Policies: Autocorrelation and Cluster Analysis

Igor Yu. Okunev , Vasilisa R. Lopatina

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

 iokunev@mgimo.ru

Abstract. Regional convergence is one of the greatest strategic challenges for the Russian Federation. Socio-economic zoning directly affects the regional policy in Russia, as most administrative and political practices are reproduced within a federal district or an economic region. This study is aimed at identifying steady clusters or, in other words, groups of Russian regions, based on quantitative data on socio-economic development. The study relies on the methods of spatial econometrics. The authors also aim to compare the results of their study to the macro-regions suggested by the Strategy of Regional Development of the Russian Federation and therefore to the current administrative practices. The paper determines 12 clusters continual in space, based on 62 regional development indicators and reflecting the statistical resemblance of the regions within a cluster. The study has not found stable macro-regions of similar values except in Siberia and the Far East. Thus, the authors conclude that addressing the wide range of socio-economic problems based on one standardized grid for dividing the country will likely not lead to success. Therefore, a more asymmetric and multi-level regional policy should be sought. This implies that every ministry responsible for an area of regional development should come up with its own spatial structure of Russia in order to define its targets and the practices required to meet them.

Keywords: political geography, regional development strategy, regional policy, Russian regions, spatial analysis, spatial econometrics, autocorrelation analysis, cluster analysis, neighbourhood effect

For citation: Okunev, I.Yu., & Lopatina, V.R. (2022). The neighborhood effect in Russian regional policies: Autocorrelation and cluster analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 634–650. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-634-650>

© Okunev I.Yu., Lopatina V.R., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Эффект соседства в региональной политике России: опыт пространственного автокорреляционного и кластерного анализа

И.Ю. Окунев , В.Р. Лопатина

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

 iokunev@mgimo.ru

Аннотация. Проблема выравнивания уровня развития регионов Российской Федерации представляет собой один из наиболее важных вызовов стратегического значения. Социально-экономическое районирование государства напрямую отражается в региональной политике России. Так, большинство административных и политических практик воспроизводится в границах одного федерального округа или экономического района. Задачей настоящего исследования является выделение устойчивых кластеров, иными словами, групп субъектов России на основе количественных данных по социально-экономическим показателям, выполненной методом пространственной эконометрики, а также сравнение полученных результатов с государственной политикой в этой сфере, то есть макрорегионами, выделяемыми в Стратегии пространственного развития РФ, а значит, используемыми в административной практике. В исследовании на основе анализа 62 показателей развития регионов страны и учета уровня их пространственной автокорреляции была проведена кластеризация России на 12 (по числу макрорегионов из Стратегии пространственного развития РФ) пространственно-континуальных кластеров, основанных на статистической близости регионов. За исключением Сибири и Дальнего Востока в полученной кластеризации не наблюдается выделение устойчивых макрорегионов. Таким образом, можно сделать вывод, что решение всего спектра социально-экономических проблем, основанное на одной стандартизированной сетке деления страны, вряд ли приведет к наилучшим результатам. Это наводит на мысль о необходимости разработки более асимметричной, многоуровневой региональной политики, в которой каждое отдельное федеральное ведомство, ответственное за то или иное направление развития регионов, имело бы собственный формат деления страны для разработки целевых показателей и конкретных мер по их достижению.

Ключевые слова: политическая география, стратегия пространственного развития, региональная политика, регионы России, пространственный анализ, пространственная эконометрика, автокорреляционный анализ, кластерный анализ, эффект соседства

Для цитирования: Okunev I.Yu., Lopatina V.R. The neighborhood effect in Russian regional policies: Autocorrelation and cluster analysis // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. №4. С. 634–650. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-634-650>

Problem Statement

The uneven development of Russian regions is one of the most important challenges of strategic significance. Firstly, in the current political conditions, when Russia is tasked to achieve the maximum level of self-sufficiency, it is increasingly

important to unlock the economic potential of all Russian regions. Secondly, it is no less important to achieve equality between citizens, and to provide equal opportunities to the population of different regions in order to develop human potential, which forms the qualitative basis of the “knowledge economy”.

Given the scale of Russia’s territory and its diversity, it seems appropriate for both researchers and government officials to develop political solutions to the problem of uneven development by dividing the country’s territory into several spatial clusters, i.e., groups of regions that have close socio-economic indicators and, therefore, share common problems.

Attempts at properly dividing Russia into economic regions were made throughout the 18th and 19th centuries, although at that time the term “economic region” was not specifically used [Kolosovskiy 2006: 156]. Authors such as I.K. Kirillov, V.N. Tatishchev, E.F. Zyablovsky, K.F. German, K.I. Arsenyev, P.P. Semyonov-Tyan-Shansky and others suggested different options for the economic and administrative division of Russia. Interestingly, as early as in the mid-18th century, V.N. Tatishchev pointed out the shortcomings of the country’s existing political division: among others, he named ignoring the ethnic composition of the population and including lower-level administrative-territorial units into higher ones. To eliminate these shortcomings, he, for example, suggested creating 16 provinces based on ethnicity [Tatishchev 1950: 143–198]. At the same time, most researchers based their analysis on the manufacturing (that is, economic) and natural characteristics of Russia.

The socio-economic zoning of Russia was one of the central themes of the Soviet and Russian schools of socio-economic geography. In this regard, it is worth noting the works of G.G. Kolosovskiy [2006] on the economic specialization of districts and E.E. Leyzerovich, who, on the contrary, focused on the micro-zoning of the country [Leyzerovich 2004].

As noted by V.E. Shuvalov, in the Soviet period, following the Marxist idea of the basis of the public sphere, the emphasis was also placed on the economic component, whereas at the present stage, as a result of the “sociologization” and “humanization” of science, zoning is determined by a larger set of parameters [Shuvalov 2015: 27]. For instance, approaches to zoning based on cultural, landscape, historical and geographical characteristics are being developed [Manakov 2014]. It is significant that even the concept of “economic region” has not yet been finally defined [Shuvalov 2015: 22].

Three leading Russian researchers in the field of zoning conducted a valuable study named “Russia’s space and development: A multiscale analysis”. The authors touch upon the problem of uneven development of the country and note that experts and decision makers need spatial thinking and not the aspatial (non-spatial) approach that is currently dominant. It is important to understand that we are talking about not just any country, but a very large and heterogeneous country [Artobolevskii, Baklanov, Treivish 2009]. They conclude that the study of the Russian space, and hence its structuring for the purpose of the most effective management, should be multi-level and “multi-scale” in nature.

The researcher N.V. Zubarevich applied the center-periphery theory of political geography to the domestic Russian context. According to this concept, presented in several public speeches and newspaper publications, Russia is divided into “four Russias”, each with its own level and its own speed of social modernization. The division, however, is not spatial, but qualitative. Thus, the author distinguishes million-plus cities, semi-periphery, periphery, and several special territories, relying, for the most part, on subsidies from the federal budget (for example, the republics of the North Caucasus).¹

Also, under the direction of N.V. Zubarevich [2005], the work “Russia of Regions: What Social Space Do We Live in?” was published. It suggests a typology of Russian regions according to their level of socio-economic development and presents a rating of regions based on integral indices (human development, quality of life and innovation and democracy). When creating the typology, a variety of social problems were taken into account. This study presents Russia rather as a mosaic, a patchwork quilt, and the main conclusion of the work is the impossibility of using simple, standard solutions for all regions, and the need for an “individualized approach”.

The definition of a macro-region and the basis for subdividing the territory of Russia into macro-regions is given in the law “On Strategic Planning” (2014)². The law defines a “macro-region” as a territory within the Russian Federation, “the socio-economic conditions within which require the allocation of certain areas, priorities, goals and objectives of socio-economic development in the preparation of strategic planning documents.” The Spatial Development Strategy for the period up to 2025³ mentions among one of the four central tasks “reducing the level of inter-regional differentiation in the socio-economic development of the constituent entities of the Russian Federation and reducing intra-regional socio-economic differences.” Based on the competitive advantages of each subject of the Federation, the document indicates a promising economic specialization. Appendix No. 2 to the Strategy lists the macro-regions of the Russian Federation, at the level of which the socio-economic indicators of the subjects are due to be equalized. In general, the macro-regions overlap with the boundaries of federal districts, however, some districts contain two macro-regions (Figure 1). For example, the Central Federal District includes two macro-regions (Central and Central Black Earth); the Volga Federal District is divided into the Volga-Kama and the Volga-Ural macro-regions; the North-West Federal District consists of the North-Western and the Northern macro-regions; and the Siberian Federal District includes the South Siberian and the Angara-Yenisey macro-regions.

¹ Natalia Zubarevich: Four Russias // Newspaper «Vedomosti». Retrieved December 30, 2011, from https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii

² Federal Law № 172-FZ On Strategic Planning in the Russian Federation from 28.06.2014 // Official website of the President of the Russian Federation. Retrieved August 1, 2022, from <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630>

³ Spatial Development Strategy of the Russian Federation until 2025 // Official website of the Government of the Russian Federation. Retrieved August 1, 2022, from <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>

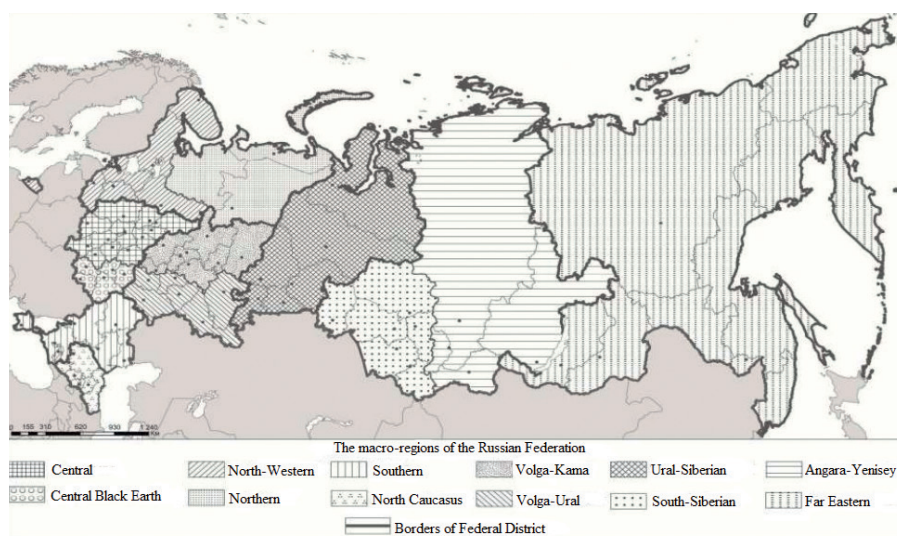

Figure 1. The macro-regions of the Russian Federation

Source: Spatial Development Strategy of the Russian Federation until 2025.

Top line (from left to right): Central, North-Western, Southern, Volga-Kama, Ural-Siberian, Angara-Yenisey.

Middle line (from left to right): Central Black Earth, Northern, North Caucasus, Volga-Ural, South-Siberian, Far Eastern.

Bottom line: Borders of Federal Districts.

The zoning of a state is directly reflected in its regional policy. Thus, most administrative and political practices are reproduced within the boundaries of one federal district or economic region. However, to what extent does this contribute to the task of effective management? This study seeks to identify clusters of Russian regions that demonstrate similar characteristics in terms of individual socio-economic indicators and their entirety. The found clusters are due to be compared with the groups of regions (macro-regions) proposed by the Spatial Development Strategy, that is, with the regional grid that acts as a base for specific political actions.

Research Methodology. The justification and validity of applying the methods of spatial analysis to social studies are widely recognized by the global academic community. Russian researchers widely apply the methods of spatial analysis and geographic information system (GIS) technology, primarily in Earth sciences, to geography, geodesy, cartography, and ecology. At the same time, in terms of social sciences, spatial analysis has become widely used in Russia mainly in the context of spatial statistics and econometrics. As the demand for spatial analysis increases in the human sciences in general, Russian researchers become interested in a variety of topics: the spatial distribution of the growth rates of Russian cities [Balash 2012], youth unemployment [Vakulenko 2015], interregional interactions [Demidova 2014; Klebanova, Guryanova, Trunova, Smirnova 2012], as well as convergence models for Russian regions [Kolomak 2009; Markevich, Mikhailova 2012; Kholodilin, Oshchepkov 2012].

Classical GIS studies hardly pay attention to applied social issues, and spatial analysis is often limited to cartography. While there are advanced developments in spatial statistics and econometrics [Cressie 1993; Anselin 1988; LeSage and Pace 2009], neither of these directly address political science and international relations.

The orientation of geographically integrated research in the social sciences has been changing from data visualization to their spatial analysis in the last decades. In addition to localization and georeferencing, it involves the identification of spatial effects, i.e. patterns of the spatial distribution of phenomena, which are expressed in spatial autocorrelation or spatial heterogeneity. The latter can be determined by statistical calculations, such as spatial autocorrelation indices of Moran [1948], Geary [1954], Getis and Ord [1992], Local Indicators of Spatial Association (LISA) [Anselin 1995], and Geographically Weighted Regression (GWR) [Brunsdon, Fotheringham, Charlton and 1996]. A significant contribution to the development of spatial methods was made by the classic works of scientists Anselin and Rey [Anselin, Rey 2010], Fischer and Getis [2010], Fotheringham and Rogerson [2009]. Of the latest works, we can mention the monograph “Spatial Analysis Methods and Practice” [Grekousis 2020].

Regardless of specific methods, spatial analysis requires data on the location of objects, their characteristics, as well as geographical and functional relationships between them: distance, and proximity. Cartography and geoinformatics account for collecting geodata and maintaining the corresponding infrastructure, but defining proximity is the task of spatial statistics and contributed to the emergence of key developments in this area [Anselin 2003; Morenoff 2003; Getis, Aldstadt 2004].

For the purposes of this study, we used geoinformation systems QGIS and GeoDa. Data were collected on sixty-two indicators that provide a stereoscopic view of all aspects of human life: demography, economics, finance, equality, the level of civil society development, education and science, health, culture, mobility, and ecology. The indicators of the UN Human Development Index were taken as the basis for the selection. When choosing indicators, the authors were guided by the following criteria:

- *multicollinearity criterion*: the indicator should not be a complex index based on a group of other indicators;
- *heteroscedasticity criterion*: the indicator should not be indirectly related to the size of the subject; therefore, priority is given to relative indicators that reflect the quantitative relationship to the size of the subject, population, or GDP;
- *dispersion criterion*: the indicator should reflect a spread of data, where the difference between the maximum and the minimum values of the variation series would be no less than 1000 times;
- *sampling criterion*: the indicator must be collected for at least 80 % (i.e., at least 68 out of 85) of the subjects to enable assessing the level of its spatial autocorrelation in the country;
- *relevance*: the indicator should be relevant, that is, reflect the situation for at least 2015;
- *objectivity*: the indicator should not be based on expert assessments.

Each selected indicator had to meet at least four of the six identified criteria. All data was collected from open sources. To standardize for subsequent multivariate analysis, data were taken for 2018 or the year of collection of indicators closest to it. To normalize individual indicators, data on the area of the territory, population, and nominal GDP of the Russian regions were used.

Initially, it was assumed that the optimal way of defining proximity between regions is by adjacency, that is, based on topological relationships between objects. In this case, objects are considered adjacent if their boundaries have common points (the so-called proximity by “the rule of the chess queen”): the regions that share at least one common point on the border, i.e., have adjoining sides and corners, will be considered neighbouring. For spatial autocorrelation analysis, a special neighbourhood matrix was developed, which allows assessing the proximity effect most accurately for Russian regions:

- 1) first-order land neighbours were determined for all regions of the country, according to the principle of the adjacency (“the rule of the chess queen”);
- 2) the minimum number of neighbours necessary for spatial analysis was set at 3, therefore: for regions of the country with less than three neighbours, the missing nearest regions were determined by the method of k-nearest neighbours by great-circle distance from the centroid;
- 3) for cities of federal importance, only first-order land neighbours were considered according to adjacency (“the rule of the chess queen”), regardless of their number;
- 4) the neighbourhood weight for each cell of the matrix was determined by the method of inverse distance weighting, i.e., the weight of the indicator in calculating the spatial autocorrelation was inversely proportional to the distance through the great circle of the centroid of the analyzed cell.

To determine the degree of spatial autocorrelation for each indicator, the Moran and Geary indices were calculated. Moran’s index is similar to Pearson’s linear correlation coefficient (it also varies between -1 and 1) but takes into account the proximity effect. The spatial effect is measured in Moran’s coefficient through the concept of spatial lag (the average value of the phenomenon in neighbouring cells). In other words, spatial autocorrelation indicates the ratio between the distribution of the phenomenon in cells and the average value in neighbouring cells. The more the value of Moran’s index differs from zero, the stronger the spatial clustering of the phenomenon (direct or inverse). The following formula was used for calculations:

$$\text{Moran's } I = \frac{N \sum_i \sum_j w_{ij} (x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x})}{W \sum_i (x_i - \bar{x})^2},$$

where i, j are the units (countries), x_i and x_j are the variables at the i and j units (countries), \bar{x} is the sample mean over all of the units, w_{ij} is the weight of the spatial correlation between units i and j , N is the number of units, W is the sum of spatial weights.

To verify Moran's index, Geary's spatial autocorrelation index was used, ranging from 0 to 2, where a value that is less than 1 indicates positive (direct) and a value greater than 1 indicates negative (inverse) spatial autocorrelation. The following formula was used to estimate Geary's index:

$$\text{Geary's } C = \frac{N-1}{2W} \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} (x_i - x_j)^2}{\sum_i (x_i - \bar{x})^2}.$$

The calculation algorithm used in the R Studio programming environment assumed the replacement of empty values with zeros. In all calculations, the significance level (p-value) was controlled: if it exceeded 0.05, the calculation was considered invalid.

Moran's index estimates the spatial autocorrelation for the entire dataset; however, it was important for the research objectives to weigh the spatial autocorrelation between adjacent units in individual clusters. For this, Local Indicators of Spatial Association (LISA) were calculated. This method allowed us to identify four types of spatial clusters:

- *high-high* — spatial autocorrelation cluster of high indicators of the phenomenon (red),
- *low-low* — spatial autocorrelation cluster of low indicators of the phenomenon (blue),
- *high-low* — cells with high indicators of the phenomenon surrounded by a spatial autocorrelation cluster of low indicators of the phenomenon (pink),
- *low-high* — cells with low indicators of the phenomenon surrounded by a spatial autocorrelation cluster of high indicators of the phenomenon (light blue).

The following formula was used for the calculation:

$$L = \frac{N}{\sum_i \sum_j w_{ij}} \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} (z_i - \bar{z})(z_j - \bar{z})}{\sum_i (z_i - \bar{z})^2},$$

where N is the number of cells, z_i is the calculated indicator for the cell i , w_{ij} is the estimate of spatial weights showing whether i and j are neighbours, such that if they are not, it is equal to zero, and if they are, it is equal to 1_i , where i is the number of the neighbours of the cell i .

In the final stage, we conducted a spatial cluster analysis. While the goal of the conventional statistical cluster analysis is to divide a set of observations into statistical clusters according to the principle of their similarity, the goal of spatial cluster analysis is to divide a set of observations into statistical clusters according to the principle of their similarity while simultaneously grouping them into spatially continual regions. In this sense, spatial cluster analysis is the mathematical expression of the traditional method of geographic zoning.

Thus, we are dealing with zoning — combining multidimensional data into statistical clusters, taking into account spatial constraints. The resulting clusters (regions) should, firstly, be as different as possible from each other; secondly, contain elements that are as similar as possible to each other; and finally, include objects spatially located next to each other. Spatially bounded clustering can be soft (when geographic coordinates are introduced into the set of features or, as shown above, the weight of geographic centroids changes in the set of the observations' features), or hard, when it is impossible to create a cluster that combines non-neighbouring observations. For the latter, the program requires indicating the proximity principle used in the analysis by specifying the desired spatial neighbourhood weights. We used a hard algorithm called the Automatic Zoning Procedure (AZP).

Study Results. Since the purpose of this article is to compare the results of the study on the role of the spatial factor in the distribution of socio-economic indicators between Russian regions with the macroregions suggested by the Spatial Development Strategy, we are mostly interested in the indicators where the highest spatial autocorrelation is detected (the highest indicator of Moran's and Geary's indices), and where large clusters are formed.

Below is a table with indicators arranged in descending order of Moran's Index values. The table contains only those indicators, the results of the spatial analysis for which can be considered valid, that is, those where the p-value is less than 0.05. It demonstrates which close values of which indicators under consideration are most concentrated in this or that part of the country. In other words, what problems or advantages characterize a group of neighbouring regions, and therefore, in what areas it is possible to develop effective interregional cooperation.

The table shows that most of the indicators with an average (0.30–0.69) and high (0.70–1.00) value of spatial autocorrelation are either demographic (the elderly population, children, women, population growth, etc.) or economic, the latter characterizing the inequality between different social groups (women's unemployment, unemployment, female labour force, poverty). The average values are demonstrated by some indicators that characterize the state of the environment (CO₂ emissions) and the cultural characteristics of the regions (linguistic diversity).

Let's consider some of the indicators that demonstrated average and high spatial correlation.

The “**Population growth**” indicator demonstrates a moderately positive spatial autocorrelation (0.501). The spatial autocorrelation cartogram (Figure 2) shows that almost all of central Russia, and especially the northwest, is characterized by a low level of natural growth. A cluster of regions with the lowest population growth has formed here, with some exceptions, where this figure is higher than the average (Moscow, St. Petersburg). In the North Caucasus, there is a cluster of regions with a maximum level of natural growth, which is associated with high birth rates and life expectancy. Another cluster stands out in Siberia. The high values of the indicator in this part of the country can be explained by the younger structure of the population.

Moran's and Geary's Spatial Autocorrelation Indices by Indicators for Russian regions

Indicator	Moran	p-value	Geary	p-value
Agricultural Land	0,801	0,000	0,224	0,000
Forest Area	0,648	0,000	0,372	0,000
Gasoline Price	0,623	0,000	0,373	0,000
Alcohol abuse	0,610	0,000	0,391	0,000
Age Dependency Ratio	0,589	0,000	0,375	0,000
Moral Freedom	0,569	0,000	0,394	0,000
Children	0,545	0,000	0,440	0,000
Women	0,527	0,000	0,422	0,000
Female Unemployment	0,518	0,000	0,389	0,000
Life Expectancy	0,503	0,000	0,399	0,000
Population Growth	0,501	0,000	0,468	0,000
CO ₂ Emissions	0,496	0,000	0,463	0,000
Female Workforce	0,471	0,000	0,457	0,000
Unemployment	0,452	0,000	0,466	0,000
Hospital Bed Density	0,448	0,000	0,507	0,000
HIV Incidence	0,408	0,000	0,628	0,000
TBC Incidence	0,379	0,000	0,580	0,000
Agriculture	0,363	0,000	0,668	0,000
Linguistic Diversity	0,357	0,000	0,606	0,000
Credit Provided	0,350	0,000	0,566	0,000
Urban Population	0,334	0,000	0,598	0,000
Gross Regional Product	0,324	0,000	0,589	0,000
Poverty	0,314	0,000	0,673	0,000
Medium and High-tech Manufacturing	0,303	0,000	0,662	0,000
Married Women	0,300	0,000	0,636	0,000
Gross Capital Formation	0,300	0,000	0,689	0,001
Financial System Deposits	0,291	0,000	0,593	0,000
Ethnic Minorities	0,284	0,000	0,707	0,000
Industry	0,280	0,000	0,500	0,000
Roadways	0,274	0,000	0,420	0,000
Internet Users	0,273	0,000	0,704	0,000
Mobile Cellular Subscriptions	0,270	0,000	0,595	0,000
Suicides	0,265	0,000	0,665	0,000
Imports	0,265	0,000	0,367	0,000
Corruption Perceptions Index	0,264	0,000	0,637	0,000
Religious Diversity	0,259	0,000	0,682	0,000
Services	0,215	0,000	0,400	0,001
Public Organizations	0,213	0,000	0,453	0,000
The Wealthiest Population	0,185	0,003	0,779	0,002
Economic Inequality	0,185	0,003	0,779	0,001
Tax Revenue	0,174	0,004	0,807	0,008
Railways	0,143	0,001	0,485	0,000
Debt Instruments of Inward FDI stock	0,112	0,000	0,468	0,003

Source: authors' calculations based on data collected.

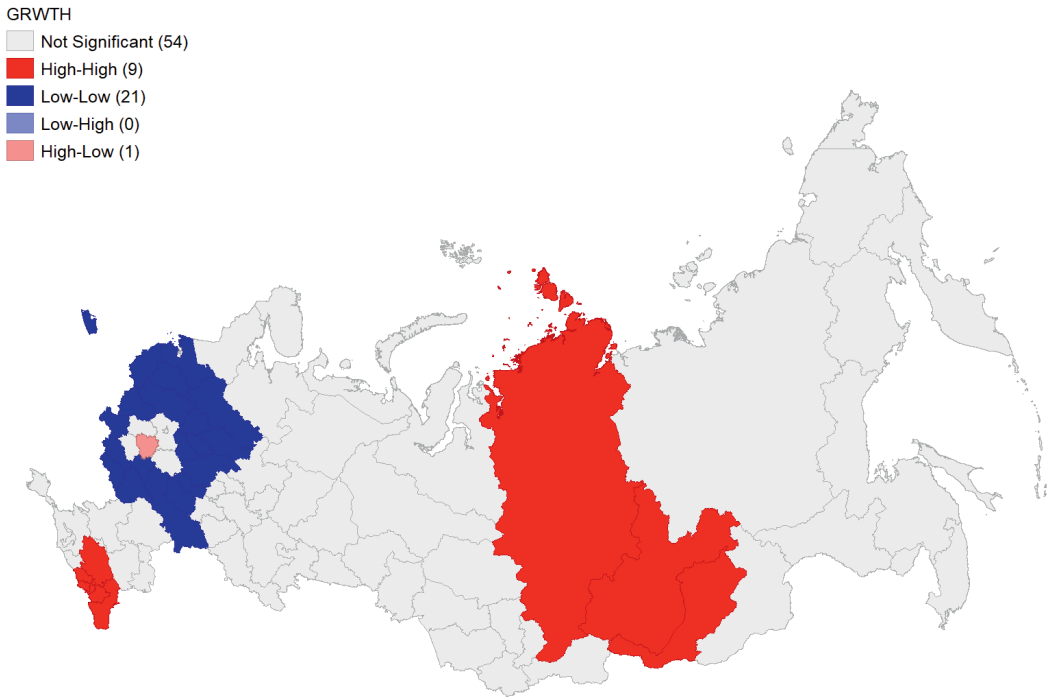

Figure 2. Cartogram of spatial autocorrelation for natural population growth by Russian regions.
Source: made by authors.

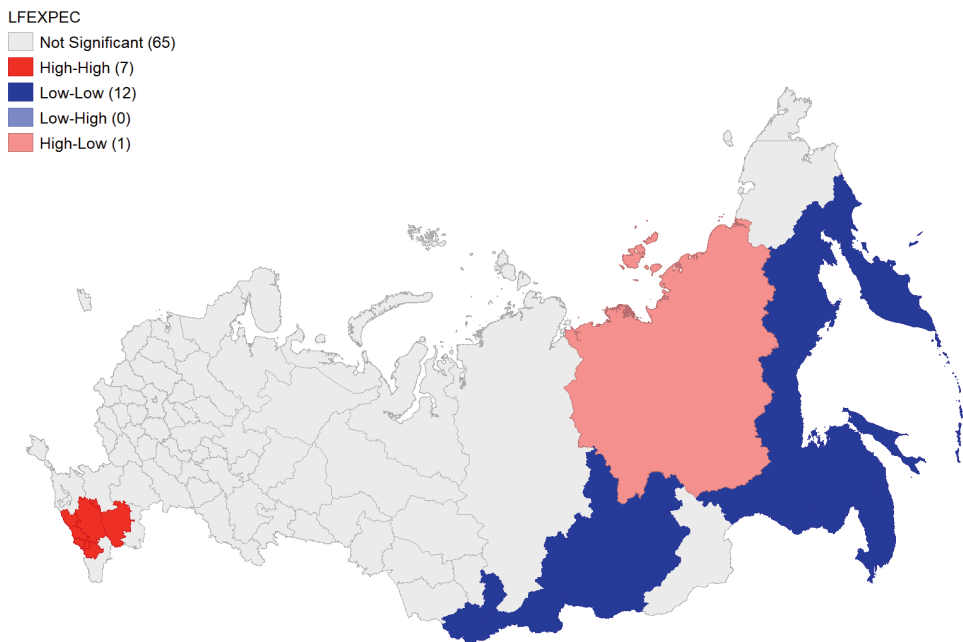

Figure 3. Cartogram of spatial autocorrelation for life expectancy by Russian regions
Source: made by authors.

The “*Life expectancy*” indicator shows a moderate positive spatial autocorrelation (0.503). The spatial autocorrelation cartogram (Figure 3) shows that the highest values of this indicator are characteristic of the southern-European part of Russia, which has natural conditions that are more comfortable. Here a cluster of high values has formed, and record-breaking regions are located. High life expectancy is also recorded in Moscow and St. Petersburg, which can be explained by a higher standard of living and medical care. Life expectancy decreases as we move eastward: the regions of the Far East and the south of Eastern Siberia, where a cluster of low values has been formed, have become anti-leaders on this indicator. This result may be related to such negative factors as poverty, low quality of life, and poor access to medical services. The only notable exception in this part of the country is Yakutia, where life expectancy is higher than that of its surrounding neighbours and close to the Russian average.

The “*Elderly population*” indicator is based on the old-age dependency ratio (the ratio of elderly dependents and the working-age population aged from 15 to 64) and shows a high positive spatial autocorrelation (0.589). According to the spatial autocorrelation cartogram (Figure 4), the regions with the lowest dependency ratio include the Urals, Siberia, and the Far East. The latter form a large cluster of low indicators, which can be explained by the fact that many young people go to the eastern regions to earn money, and after retirement, they tend to move to more comfortable central (high-value cluster) and southern regions of the country. Another cluster of low values in the North Caucasus is explained by higher birth rates and a higher percentage of young population.

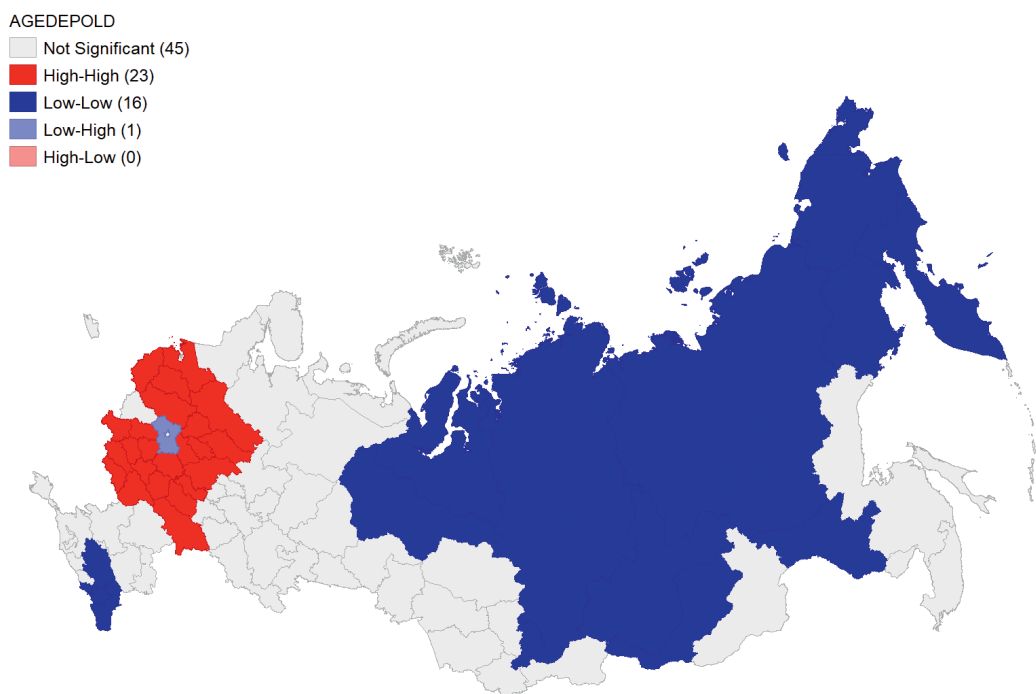

Figure 4. Cartogram of spatial autocorrelation for dependency ratio by Russian regions

Source: made by authors.

The analysis of the “*Alcoholism*” indicator shows a strong spatial correlation (0.756). The autocorrelation cartogram (Figure 5) demonstrates that the volume of alcohol consumption by Russians largely depends on their religious affiliation: regions with a predominantly Muslim and partly Buddhist population are characterized by low levels of alcohol consumption (a characteristic cluster of low values in the North Caucasian and Southern Federal Districts). On the contrary, the results for the regional clusters with high values formed in the Northwestern, the north of Ural, and the east of Far Eastern Federal Districts may also be due to a more tolerant attitude towards alcohol consumption within the prevailing cultural norms, as well as low level of infrastructure development aimed at maintaining the recreational opportunities of the residents.

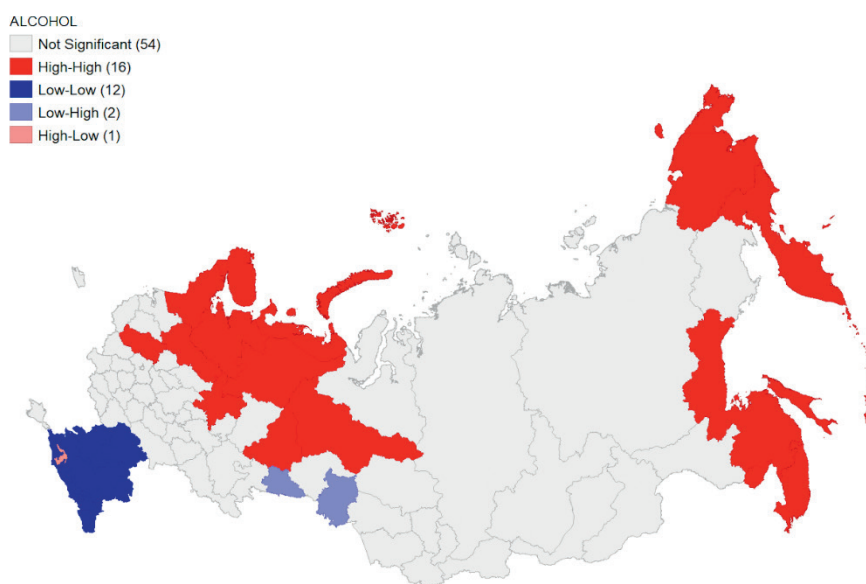

Figure 5. Cartogram of spatial autocorrelation for alcohol consumption per capita by Russian regions
Source: made by authors.

The results of the automatic zoning for all the indicators were compiled in Cartogram 6: it shows 12 clusters consisting of regions that are closest to each other by the totality of indicators. The number of clusters corresponds to the one established by the Spatial Development Strategy.

In terms of territory, the largest cluster was formed in the east of the country. It includes the South Siberian, Angara—Yenisey and Far Eastern macro-regions, except for the Yamalo-Nenets and Khanty-Mansi Autonomous Okrugs: the latter specialize in hydrocarbon production and differ sharply from their neighbours; thus, they formed a separate cluster. Interestingly the Republic of Tyva and the Republic of Altai also formed a separate cluster (as N.V. Zubarevich also attributed these two subjects to a separate, “fourth Russia”). There are strong differences between the Strategy and the results of the study concerning the western part of the country. Instead of the six or seven macro-districts, one large cluster was formed, which includes the central and north-western regions, apart from Moscow. Moscow, the Nenets Autonomous Okrug and the Tyumen Region have formed separate one-subject clusters.

The coincidence is observed only in the south, where the light green cluster on the cartogram (Figure 6) approximately corresponds to the North Caucasus macroregion.

Figure 6. The results of automatic spatial zoning by all the indicators for 12 clusters

Source: made by authors.

Conclusion

On closer examination, designing a competent regional policy turns out to be a multifaceted and multilevel task. Developing an effective system of interconnection between regions and their management requires a formal or informal socio-economic division of Russia, which would be closest to the main goal of spatial development, i.e., equalizing the level of regions' development and unlocking the potential of each region.

The subjects of the federation located in Siberia and the Far East seem to be the most problematic in this regard. They have vast territories and various resources. However, judging by the results of the study, demonstrated on the cartograms of spatial autocorrelation, these regions are “turned off” from the country by most indicators. As a rule, they demonstrate a level of socio-economic development below the average. At the same time, the special characteristics of these territories, in particular, the significant distances between settlements, which also distinguishes Siberia and the Far East from the rest of the country, should be reflected in the development strategy for this space. Methods for solving issues in health care, education, employment, etc. cannot be transferred from one region to another, even if they have proven their effectiveness.

The most important result of the study is visually demonstrated on the spatial autocorrelation cartograms: except for Siberia and the Far East, there is a lack of stable clusters with close values. That is, for each group of indicators, and sometimes

within one group, similar characteristics have different configurations of regions. Thus, we can conclude that the solution to the entire spectrum of socio-economic problems, based on one standardized grid for dividing the country, will likely not lead to the best results. This suggests the need to develop a more asymmetric, multi-level regional policy, in which each department responsible for a particular area of regional development would have its own division of the country to develop certain targets and specific measures to achieve them.

The authors claim that unifying administrative and political practices in managing Russian regions should not become an end goal. The complex, multi-structural Russian society requires a system of territorial development as complex and asymmetric, based on different speeds and different management models. Strengthening the vertical required for some regions (for example, in hard-to-reach or multiconstituent territories) can lead to a slowdown in the development of others, where society wants to take on more responsibility for solving regional problems. The same applies to the country's governance system based on dividing it into stable clusters: the North, the South, the Volga region, the Urals, Siberia, the Far East, and so on. The organization of each administrative process according to such enlarged structures (through, for instance, the creation of representative offices of regulatory and supervisory departments at the level of federal districts) will result in the center not feeling the development dynamics and heterogeneity of the regions. For instance, the administrative practice of organizing the territorial offices of the Ministry of Agriculture, obviously, cannot completely repeat the structure of the regional offices of the Ministry of Natural Resources and Ecology, since they will have different regional accents in their activities. Another detrimental practice, which has become popular recently, is ranking regions on various issues and attempting to assess the effectiveness of regional authorities mainly by such ranking: Russian regions are initially too different to reduce them to a single line and function in different contexts. Thus, the only institution for mobilizing development in Russia's regional policy is not unification and centralization, but the development of the uniqueness of territories, their regional specialization and identity.

It also seems necessary to continue studying the differences within the regions (earlier attempts at micro-zoning were discussed above), since the average indicators for regions, taken as the main measures of progress in the Strategy, may not be indicative, due to the high level of inequality in the lower levels of administrative-territorial division.

Received / Поступила в редакцию: 14.06.2022

Revised / Доработана после рецензирования: 10.08.2022

Accepted / Принята к публикации: 15.08.2022

References

- Anselin, L. (1988). *Spatial econometrics: Methods and models*. Kluwer Academic Publishers.
- Anselin, L. (1995). Local indicators of spatial association-LISA. *Geographical Analysis*. 27(2), 93–115. <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.1995.tb00338.x>

- Anselin, L. (2003). Spatial externalities, spatial multipliers, and spatial econometrics. *International Regional Science Review*. 26(2), 153–166. <https://doi.org/10.1177/0160017602250972>
- Anselin, L., & Rey, S. (2010). *Perspectives on Spatial Data Analysis*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag.
- Artobolevskii, S.S., Baklanov, P.Y. & Treivish, A.I. (2009). Russia's space and development: A multiscale analysis. *Her. Russ. Acad. Sci.*, 79, 25–34 <https://doi.org/10.1134/S1019331609010043>
- Balash, O.S. (2012). Statistical research of the spatial clustering of regions of Russia. *News of the Tula state university. Economic and legal sciences*, 2(1), 56–65. (In Russian)
- Brunsdon, C., Fotheringham, A.S., & Charlton, M.E. (1996). Geographically weighted regression: A method for exploring spatial nonstationarity. *Geographical Analysis*. 28(4), 281–298. <https://doi.org/10.1111/J.1538-4632.1996.TB00936.X>
- Cressie, N. (1993). *Statistics for Spatial Data*. New York: John Wiley & Sons.
- Demidova, O.A. (2014). Spatial–autoregressive model for two groups of interconnected regions (on the example of eastern and western parts of Russia). *Applied econometrics*, 34(2), 19–35. (In Russian)
- Fischer, M.M. & Getis, A. (2010). *Handbook of applied spatial analysis: Software tools, methods and applications*. Berlin: Springer-Verlag.
- Fotheringham, A.S., & Rogerson, P.A. (2009). *The SAGE handbook of spatial analysis*. SAGE Publications Ltd.
- Geary, R. (1954). The contiguity ratio and statistical mapping. *The Incorporated Statistician*, 5(3), 115–145.
- Getis, A. & Aldstadt, J. (2004). Constructing the spatial weights matrix using a local statistic. *Geographical Analysis*, 36(2), 90–104. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1538-4632.2004.tb01127.x>
- Getis, A. & Ord, J.K. (1992). The analysis of spatial association by use of distance statistics. *Geographical Analysis*. 24(3), 189–206.
- Grekousis, G. (2020). *Spatial Analysis Methods and Practice*. Cambridge University Press.
- Kholodilin, K., Oshchepkov, A.Y., & Siliverstovs, B. (2012). The Russian regional convergence process: Where is it leading? *Eastern European Economics*, 50(3), 5–26. <https://doi.org/10.2753/EEE0012-8775500301>
- Klebanova, T.S., Gurjanova, L.S., Trunova, T.N., & Smirnova, A.Y. (2012). The scenary modeling in regional development management. *Business Inform*, 10, 60–65. (In Russian).
- Kolomak, E.A. (2009). Models of the regional policy: Convergence or divergence. *Herald of Novosibirsk State University. Socio-Economic Sciences*, 9(1), 113–120. (In Russian)
- Kolosovskiy, N.N. (2009). On Economic Zoning. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 1, 102–123 (In Russian).
- Kolosovskiy, N.N. (2006). *Selected Works*. Smolensk: Oikumena (In Russian)
- Leyzerovich, E.E. (2004). *Economic microregions of Russia (Grid and Typology)*. Moscow: Trilobit (In Russian).
- LeSage, J., & Pace, R.K. (2009). *Introduction to spatial econometrics*. CRC Press.
- Manakov, A.G. (2014). A new approach to cultural-geographical zoning of Russia. *Pskov Journal of Regional Studies*, 20, 106–120. (In Russian)
- Markevich, A., & Mikhailova, T. (2012). Economic geography of Russia. In M. Alexeev & S. Weber (Eds.), *The Oxford Handbook of the Russian Economy* (pp. 617–642). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/OXFORDHOB/9780199759927.013.0004>
- Moran, P. (1948). The interpretation of statistical maps. *Journal of the Royal Statistical Society*, 10, 243–251. <https://doi.org/10.1111/J.2517-6161.1948.TB00012.X>
- Morenoff, J.D. (2003). Neighborhood mechanisms and the spatial dynamics of birth weight. *American Journal of Sociology*. 108(5), 976–1017. <https://doi.org/10.1086/374405>

- Zubarevich, N.V. (Ed.) (2005). *Russia of Regions: What social space do we live in*. Moscow: Pomatur. (In Russian)
- Shuvalov, V.E. (2015). Regionalization in Russian socio-economic geography: Development directions. *Regional Studies*, 3, 19–29. (In Russian)
- Tatishchev, V.N. (1950). *Selected works in geography of Russia*. Moscow: State Publishing House of Geographical Literature. (In Russian)
- Vakulenko, E.S. (2015). Analysis of the relationship between regional labour markets in Russia using Okun's model. *Applied Econometrics*, 40, 28–48.

About the authors:

Igor Yu. Okunev — PhD in Political Science, Professorial Research Fellow & Director, Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University (e-mail: iokunev@mgimo.ru) (ORCID: 0000-0003-3292-9829)

Vasilisa R. Lopatina — Intern Researcher, Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University (e-mail: lopatina-vasilisa@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6136-5420)

Сведения об авторах:

Окунев Игорь Юрьевич — кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник и директор Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: iokunev@mgimo.ru) (ORCID: 0000-0003-3292-9829)

Лопатина Василиса Родионовна — стажер-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: Lopatina-vasilisa@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6136-5420)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-651-664

Научная статья / Research article

Конструирование идентичности мусульманских регионов России в контексте формирования общероссийской идентичности

Ю.М. Почта

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 pochta_yum@pfur.ru

Аннотация. Проблемой для исследователей современного российского общества является взаимосвязь идентичности регионов, условно называемых автором мусульманскими, с общероссийской идентичностью. Актуализация проблемы общероссийской идентичности в условиях обострения геополитического и цивилизационного конфликта России с коллективным Западом приводит к необходимости анализа вклада в воспроизводство этой идентичности различных конфессий, этнонациональных групп, в том числе и мусульманских регионов. Несмотря на большой объем проведенных исследований, роль мусульманских регионов в формировании общероссийской идентичности является весьма дискуссионным вопросом. Цель исследования состоит в выявлении движущих сил процесса конструирования региональной идентичности в мусульманских регионах страны. Исследование проводилось на основе системного подхода, дискурсного анализа, нарративного подхода и социального конструктивизма. В результате исследования было выявлено, что властвующие элиты в ряде регионов используют ислам наряду с этническим фактором в качестве легитимирующего их власть ресурса в отношениях с федеральным центром и собственным населением, конструируя региональную идентичность в процессе социализации и политизации ислама. Полученные результаты вносят вклад в развитие представлений о роли ислама в формировании общероссийской идентичности и в уточнение процесса развития федерализма в многонациональном и поликонфессиональном российском обществе.

Ключевые слова: гражданская идентичность, этническая идентичность, патриотизм, региональная идентичность, ислам, политическая нация, федерализм

Для цитирования: Почта Ю.М. Конструирование идентичности мусульманских регионов России в контексте формирования общероссийской идентичности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 651–664. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-651-664>

© Почта Ю.М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта ЭИСИ и Минобрнауки РФ № FSSF-2022-0040 «Российская идентичность: политические смыслы и индикаторы ценностной консолидации».

Construction of the Identity of Russia's Muslim Regions in the Context of the Emerging All-Russian Identity

Yuri M. Pochta

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

 pochta_yum@pfur.ru

Abstract. A problem for researchers of modern Russian society is the relationship between the identity of the regions, conditionally called Muslim by the author, with the all-Russian identity. The actualization of the problem of the all-Russian identity in the context of the aggravation of the geopolitical and civilizational conflict between Russia and the collective West leads to the need to analyze the contribution to the reproduction of this identity of various confessions, ethno-national groups, including Muslim regions. Despite a large amount of research, the role of Muslim regions in the formation of a common Russian identity is a highly debatable issue. The purpose of the study is to determine the role of Islam in the formation of regional and all-Russian identity. The study was conducted on the basis of a systematic approach, discourse analysis, narrative approach and social constructivism. As a result of the study, it was revealed that the ruling elites in a number of regions use Islam along with the ethnic factor as a resource legitimizing their power in relations with the federal center and their own population, constructing a regional identity in the context of the socialization and politicization of Islam. The results obtained contribute to the development of ideas about the role of Islam in the formation of an all-Russian identity and to clarify the process of development of federalism in a multinational and multi-confessional Russian society.

Keywords: civic identity, ethnic identity, patriotism, regional identity, Islam, political nation, federalism

For citation: Pochta, Yu.M. (2022). Construction of the identity of Russia's Muslim regions in the context of the emerging All-Russian identity. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 651–664. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-651-664>

Acknowledgements: The article was prepared as part of the Social Research Expert Institute (EISI) and Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation project № FSSF-2022-0040 «Russian Identity: Political Meanings and Indicators of Value Consolidation».

Введение

Россия существенно усилила свое участие в мировой политике в первые десятилетия XXI века (в том числе с использованием вооруженных сил в Сирии и Украине). Она настаивает на желании самостоятельно определять собственный путь развития, реализовывать свой проект региональной интеграции (ев-

разийский выбор России) и быть одним из полюсов многополярного мира. В результате коллективный Запад во главе с США начал относиться к ней как к угрозе его глобальным интересам и международному порядку, «основанному на правилах». Против России ведется гибридная война, в рамках которой, среди всего прочего, могут создаваться и использоваться в целях дестабилизации и смены политического режима любые конфликты в российском обществе, в том числе этнорелигиозного характера. Для многонационального и полиэтнического государства такие конфликты могут представлять серьезную опасность. Проблема защиты суверенитета и территориального единства Российского государства предполагает постоянное внимание государства и общественности к поискам решений вопроса идентичности регионов (субъектов РФ), где проживает большое количество населения, считающее себя последователями ислама. В дальнейшем тексте мы эти регионы будем условно называть мусульманскими.

Значимость проблемы идентичности мусульманских регионов РФ связана с рядом глобальных, региональных и внутрироссийских факторов.

Глобальный уровень. После завершения холодной войны и прекращения противостояния двух идеологических систем — капиталистической и коммунистической — в современных обществах возникает большое количество идентичностей, в том числе определяющихся на основе конфессиональной принадлежности. В условиях современной глобализации усиливается геополитическая значимость цивилизационного фактора, в основе которого лежат ценности конкретных мировых религий, в частности ислама. Контролируемый коллективным Западом либерально-демократический мировой порядок начинает оспариваться другими проектами, среди которых имеются несколько проектов, предлагаемых мусульманскими странами (Саудовская Аравия, Турция, Иран). На российских мусульман оказывают влияние также зарубежные экстремистские и террористические движения и организации, выступающие под исламскими лозунгами.

Региональный международный уровень. Полтора десятка лет длился период упования на равноправное вхождение в «мировое сообщество» и соответственно — равнодушия российского общества к собственной идентичности. Тем самым Россия дала возможность таким соседним региональным амбициозным государствам, как Турция, беспрепятственно реализовывать планы усиления влияния на тюркские мусульманские государства постсоветского пространства и на мусульманские народы нашей страны, прежде всего тюркские.

Внутрироссийский уровень. В российской политике идентичность мусульманских регионов влияет на процесс формирования общероссийской идентичности. После прекращения существования СССР возникло новое государство — Российская Федерация, в котором продолжается становление государственности, создается собственная модель мирового порядка. В постсоветской России начался бурный процесс формирования региональной идентичности. Субъекты РФ, включающие национальные республики с мусульманским населением, участвуют в процессе формирования федеративного государства в условиях усиления унитарных тенденций в управлении государством. В обществе идет

возрождение религии, прежде всего православия и ислама. При поддержке государства идет процесс социализации мусульманской религии, усиления участия мусульманских структур в политической жизни общества, а также реализуется сложная задача создания российского ислама. Все это происходит в обществе, в котором сосуществуют досекулярные, секулярные и постсекулярные группы населения, которые различаются по своим мировоззренческим характеристикам и своей политической культуре. В 2014 г. произошло воссоединение Крыма с Россией, что в контексте нашего исследования означает появление еще одного условно мусульманского региона в нашей стране, в котором также идут сложные процессы конструирования этнических, конфессиональных, региональной и общероссийской идентичностей [Лункин 2018; Балтанова, Нестулаева, Рыбкина, Хузиева 2017].

Обзор литературы по проблеме

В англоязычной литературе многообразие региональных моделей взаимоотношений ислама, общества и государства в контексте глобализации [Mandaville 2014] в постсоветских реалиях [Pilkington, Yemelianova 2003] и применительно к России чаще всего рассматривается сквозь призму радикализации [Yemelianova 2009; Dannreuther, March 2010]. От общего обзора развития российского ислама [Malashenko, Nuritova 2009] авторы переходят к проблемам исламского политического лидерства [Matsuzato 2007], институционализации [Braginskaia 2012] и проблемам отдельных регионов [Light 2012].

Вопрос соотношения формирующихся общенациональной и региональных идентичностей привлек внимание исследователей вскоре после создания нового государства — Российской Федерации. Р.Ф. Туровский отмечал в конце первого десятилетия существования постсоветской России, что в условиях максимальной самостоятельности регионов «с одной стороны, постепенно, с большим трудом складывается российская общегражданская идентичность со своим набором консенсусных ценностей. С другой стороны, происходит регионализация общественного сознания, которая стала реакцией на кризис общенациональной идентичности, возникший в результате распада СССР» [Туровский 1999: 87]. Он делал вполне обоснованный вывод о том, что после распада СССР регионализация в нашем многонациональном обществе в основном происходила под воздействием этноконфессионального фактора. Целью этой регионализации в национальных республиках было создание национальной государственности посредством конструирования собственной идентичности, приоритетной по отношению к общероссийской. «Представители титульного этноса стали считать первичной и определяющей свою принадлежность именно к республике, а уже потом к России. В дополнение к расколу „центр — провинция“ появился новый раскол „центр — национальные республики“, причем в каждой республике сформировалась собственная идентичность» [Туровский 1999: 90]. Это происходило в условиях глобальной регионализации и необходимости замены утраченной советской идентичности.

О.Д. Волкогорова и С.О. Белоусов в 2009 г., рассматривая процесс восстановления вертикали власти в РФ, также признавали сосуществование двух типов идентичности, их дезинтеграционный потенциал, а также возможности возрастания значения региональной идентичности и ее доминирования над общероссийской идентичностью. «В конечном счете, — полагали они, — региональная и общероссийская идентичность занимают сейчас приблизительно равные доли в сознании россиян. Но обострение отношений по линии „центр — провинция“ (которое видно не только в различиях в образе и качестве жизни, но и на уровне ценностных систем, что проявляется в типах политического поведения и голо-сования), „центр — национальные республики“ (где региональная идентичность сочетается с этнонациональной)... может привести к возрастанию значения именно региональной идентичности, ее доминированию над общероссийской [Волкогорова, Белоусов 2009: 61].

По мнению Т.А. Корниенко, высказанному им также в 2009 г. в период реализации проекта восстановления вертикали власти в РФ, из-за несформированности общенациональной идеи в российском обществе происходит замещение российской идентичности идентичностью региональной. Этот процесс определяют местные элиты, а не население, так как «большинство населения страны и регионов не имеет устойчивых интересов и не желает выразить их в публичных политических действиях». Над общероссийской доминируют региональные идентичности из-за того, что «в отсутствие общенациональной идеи, способной интегрировать разнообразные интересы населения, именно региональные мифологемы выступают в качестве механизма конструирования групповой идентичности, поскольку используются региональной элитой в качестве инструмента формирования в менталитете локального «образа мира» [Корниенко 2009].

Л.М. Дробижева приходит к выводу о том, что общероссийская идентичность признается большинством представителей всех народов нашего общества и отделяется ими от этнической идентичности. Она является государственно-гражданской, и это способствует укреплению единства многонационального народа страны. Вместе с тем, полагает автор, «проблемы остаются в ее содержательном наполнении элементами гражданственности... Актуализация этнической идентичности в стране остается высокой... Следовательно, этнический фактор, поддержание межэтнического согласия остается существенным элементом гражданской интегрированности в российскую идентичность» [Дробижева 2018: 112].

По мнению А.В. Лубского, в настоящее время в нашем обществе доминирующая универсальная национально-государственная идентичность сосуществует с отдельными этнонациональными и национально-гражданскими идентичностями. Однако достигнутый уровень совместимости универсальной и отдельных идентичностей недостаточен для ослабления дезинтеграционного потенциала этих различий. Тем более, что «национальную идентичность приходится конструировать в условиях реэтнизации, усиления роли этнической и религиозной идентичностей, социокультурного и идеологического расколов в российском обществе, существования в нем избыточных социальных неравенств» [Лубский 2018].

Г.С. Денисова, А.В. Лубский и В.П. Войтенко отмечают необходимость исследования российской идентичности в полиэтнических регионах России, где с ней конкурируют этнонациональные идентичности. Касаясь процесса формирования российской идентичности, они обращают внимание на цивилизационное измерение российской идентичности, связанное с возникновением представлений «о России как государстве-цивилизации, как референте национально-цивилизационной идентичности». То есть предполагается, что основу общероссийской идентичности составляет представление о ней одновременно как о нации и цивилизации [Денисова, Лубский, Войтенко 2018: 134].

И.И. Болотина исходит из представления о том, что в национальных республиках региональная и этническая идентичности часто совмещаются. Она полагает, что региональная идентичность (как и этническая) является основанием общероссийской идентичности. А в тех случаях, когда региональная идентичность доминирует над общероссийской, это может быть свидетельством скрытых социально-политических или экономических противоречий между центром и регионами [Болотина 2020].

Итак, можно сделать вывод о том, после распада СССР в новой России произошел кризис идентичности и в качестве ответа на него начался процесс формирования прежде всего региональных идентичностей, а затем и общероссийской. Все это происходило в ходе попытки РФ войти в мировое сообщество, принять участие в либерально-демократическом мировом порядке. Российские исследователи соглашаются в том, что общероссийская и региональные идентичности успешно сосуществуют друг с другом, но способны к конфликтам вплоть до возникновения сепаратистских тенденций на основе абсолютизации региональных особенностей.

Можно полагать, что рост общероссийской идентичности неизбежно приводит в отдельных регионах к росту региональной этнической идентичности. Наиболее подверженными к доминированию региональной идентичности над общероссийской являются национальные республики, где усилиями местных элит осуществляется соединение региональной идентичности с этнонациональной. На этом основании можно говорить о полицентричности российского пространства, соединяющего общероссийскую идентичность с региональными (этнонациональными и национально-гражданскими) идентичностями. Существенные расхождения существуют между теми, кто считает, что к России применима концепция гражданской (политической) нации, и теми, кто критически относится к попыткам применить к России западные представления о государстве-нации, ссылаясь на постимперский контекст формирования современного российского общества. Они высказывают предположение о том, что основу общероссийской идентичности составляет представление о ней одновременно как о нации и цивилизации.

Для нашего исследования представляет большой интерес процесс формирования региональных идентичностей под влиянием этнонационального фактора, включающего религиозные ценности. Формируют или конструируют региональные идентичности местные политические и интеллектуальные элиты в со-

ответствии со своими потребностями. О.Д. Волкогорова и С.О. Белоусов объясняют этот процесс следующим образом: «Использование ресурса региональной идентичности может быть востребовано внешними акторами — федеральным правительством, элитами других регионов, международными организациями и т.п. для получения самых различных результатов (от налоговых льгот и инвестиций до политического престижа). В случае же использования внутренними акторами, речь, как правило, идет либо о легитимизации власти (правлящими элитами), либо о подрыве ее легитимности и передаче в другие руки (оппозиционными элитами)» [Волкогорова, Белоусов 2009: 58].

Целью нашего исследования является выявление движущих сил процесса конструирования региональной идентичности в мусульманских регионах страны, а также решение таких задач, как определение соотношения национального и конфессионального факторов этого процесса, взаимосвязи между региональными и общероссийскими идентичностями, особенностей конструирования региональной идентичности в Татарстане.

Соотношение национального и конфессионального факторов конструирования региональной идентичности

На процесс становления региональной идентичности постсоветской России как многонационального и поликонфессионального государства большое влияние оказывают этнический и религиозный факторы. В основном это происходит в национальных республиках. Контекстом этого процесса в религиозном плане является религиозное возрождение (глобальное и российское), которое в мусульманских регионах проявляется в возврате к элементам исламского образа жизни (уровень массового сознания), а для местных элит выступает одним из факторов формирования региональной политической идентичности (идеологический уровень). То есть этот процесс одновременно сочетает движение «снизу» — со стороны населения и «сверху» — со стороны элиты. На разных этапах становления региональной идентичности религиозный фактор сосуществует или конкурирует с этническим фактором. Многие авторы, в частности Л.В. Сагитова, полагают, что если в 1990-е гг. был актуален этнический фактор (волна национализмов в ситуации утраты общегосударственной идеологии), то с 2000-х гг. более значимым становится религиозный фактор [Сагитова 2018: 313]. Это приводит к возникновению многоуровневой идентичности, включающей общероссийскую (федеративную), региональную, этническую, религиозную, гражданскую компоненты. Исследования ценностных оснований идентичности молодежи Северного Кавказа, проведенные Е.А. Авдеевым и М.Е. Ерохиной, показали, что молодежь в этом регионе разделяет идентичности, в которых присутствуют традиционные и современные ценности. У большинства этих молодых людей, придающих большее значение, чем русская молодежь, этнической, конфессиональной и региональной идентичностям, сформировалась и общероссийская идентичность [Авдеев, Ерохина 2022].

Вышеизложенное позволяет нам поддержать точку зрения, согласно которой региональные процессы были и остаются частью процесса формирования общероссийской идентичности. В зависимости от конкретного этапа развития регионов этнический и религиозный факторы конкурируют или сосуществуют друг с другом в процессе конструирования региональных идентичностей под воздействием как местных элит (движение «сверху»), так и населения (движение «снизу»).

Влияние религиозного и этнического факторов на демократическое развитие России

В последние годы существования СССР и в первое десятилетие становления Российской Федерации отношения центра и ряда регионов были конфликтными из-за их стремления получить максимальный объем прав вплоть до попыток создать собственное государство (из интересующих нас регионов — Татарстан, Башкортостан, Чечня). Для сохранения государственности руководству страны, в основном В.В. Путину после прихода на пост президента РФ, пришлось создавать вертикаль власти, обуздывая процесс неуправляемой регионализации и формирования авторитарных политических режимов в ряде российских регионов. Были использованы как административные и правовые (создание федеральных округов, согласование федеральной и региональных конституций), так и силовые методы, в частности под лозунгом «восстановления конституционного порядка» в ходе двух чеченских войн в период с 1994 по 2002 г. Риски для российской государственности, полагают некоторые российские исследователи, все еще сохраняются в связи с тем, что в ряде мусульманских регионов (в республиках Северного Кавказа) наблюдается увеличение роли этнической идентичности в ущерб общегосударственной идентичности [Болотина, Кузнецова, Толстухина 2017].

Кроме того, неудачным оказался опыт развития демократии в первое десятилетие существования РФ, заключавшийся в разрешении создания политических партий на религиозной и этнической основе. Вскоре была осознана реальная возможность раскола нашего поликонфессионального и полиэтнического общества из-за религиозных конфликтов. Это приводило к угрожающей политизации религиозных (и этнических) противоречий в процессе становления политической системы и могло дестабилизировать общество. Из-за этого с 2001 г. создание таких партий на основе расовой, национальной и религиозной принадлежности было временно запрещено законом.

Исламский фактор формирования региональной и общероссийской идентичности

Этот процесс основывается на ряде исторических предпосылок. Политика ограничения свободы совести в СССР не сумела вытеснить исламский образ жизни населения мусульманских регионов. Была крайне низкой степень институционализации этой конфессии, издательско-просветительская деятельность и подготовка священнослужителей. Поэтому полная открытость российского общества

после распада СССР привела к тому, что в страну хлынул поток исламских миссионеров, имевших огромные финансовые ресурсы, образовательные и издательские возможности и предлагавших собственные концепции ислама, вплоть до экстремистских. Государственные структуры не могли и не хотели держать под контролем этот процесс. Это был серьезный вызов для российской государственности, так как верующим мусульманам в результате деятельности зарубежных миссионеров и местных радикальных националистов предлагались новые идентичности, противостоящие российской общенациональной идентичности. Это были идентичности, связанные с принадлежностью к тюркскому этносу, с вовлеченностью в неоосманский проект, разделением ценностей экстремистских и террористических организаций, использующих исламские лозунги. В последние годы, по мнению В.С. Лебедева, наиболее важными причинами радикализации экстремистов «оказываются неэффективность политических институтов, социальная неустойчивость республик и идеологическое давление со стороны террористов»¹.

Важная роль ислама в конструировании региональной идентичности отражает и реальные процессы социализации ислама в российском обществе в сферах экономики, политики, права, медицины, образования, моды. Процесс этот противоречив и может приводить, как пишет А. Ярлыкапов, «к таким явлениям, как, например, ситуация фактического полиюридизма в Дагестане, а также к общему сужению светского пространства на Кавказе. На бытовом уровне в некоторых районах Северного Кавказа практически господствует адат и шариат, а со светским правом люди сталкиваются достаточно редко и формально. Случается это не только в силу ускоренной исламизации населения, а в значительной мере в силу того, что светское право не работает в жизненно важных сферах»².

Усиление исламской идентификации в качестве мотивации политической деятельности российских мусульман отмечают Д.Г. Мирзаханов и З.А. Исрапилова. Они считают, что «поиск принципов справедливого общественного устройства в переходном российском обществе перемещается в сторону попыток политизации институтов мусульманской самоорганизации» [Мирзаханов, Исрапилова 2017].

По мнению В.С. Лебедева, в Дагестане наблюдается реализация модели усиления исламского фактора (политизации ислама) «снизу». Хотя республиканские власти не заинтересованы в сильной политизации ислама, однако они поддерживают деятельность Духовного управления мусульман республики и ограничивают возможности его фундаменталистских конкурентов. Такой подход он называет инструментальной политизацией ислама, осуществляемой для сохранения существующего положения³.

¹ Лебедев В.С. Сравнительный анализ моделей политизации ислама на материалах Чеченской Республики и Республики Дагестан: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2016.

² Ярлыкапов А. Российский ислам в контексте ситуации на Ближнем Востоке // Россия в глобальной политике. 14 июня 2016. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossijskij-islam-v-kontekste-situaczii-na-blizhnem-vostoke/> (дата обращения: 25.09.2022).

³ Лебедев В.С. Цит. соч.

Мы видим, что ислам как фактор конструирования региональной идентичности используется в условиях возрождения ислама в России, происходящего в формах социализации и политизации. Для региональных элит большой интерес представляет инструментальная политизация ислама, осуществляемая для легитимации их власти и регулирования отношений с федеральным центром, а также с зарубежными мусульманскими государствами и структурами.

Конструирование региональной идентичности в Татарстане

Субъектами становления региональной идентичности в Татарстане были местная элита (политическая и духовная) и население. Существенное влияние внутри страны на Татарстан оказывала политика федерального центра, а извне — руководители мусульманских государств и исламских центров и организаций. Л.В. Сагитова справедливо отмечает, что «для политической элиты, формировавшей новую идентичность республики, ислам явился не только духовной исторической ценностью, но и осмысливался в инструментальном ключе — как значимый ресурс в контексте выстраивания отношений с международным сообществом (исламские страны Востока) и позиционирования региона в качестве „северного форпоста ислама“ в России» [Сагитова 2018: 315].

Как и в других регионах, влияние этнического и религиозного факторов в Татарстане постепенно изменялось. С 1990-х гг. в основном этнический фактор способствовал конструированию новой региональной идентичности в попытке Татарстана претендовать на собственную государственность. Татарский язык и ислам трактовались как важные элементы татарской идентичности. Одним из этапов этого процесса было в 1994 г. подписание Договора о разграничении полномочий между Российской Федерацией и Республикой Татарстан.

С 2000-х гг., по мере усиления курса федерального центра на централизацию и ограничение сепаратистских тенденций в ряде республик, этнический фактор уступает место или дополняется религиозным. Резко увеличивается количество религиозных общин и мечетей, большинство татар в городе и в сельской местности признает себя верующими мусульманами. В итоге, в рамках модернизационного подхода, татарская интеллектуальная элита способствовала соединению этничности, религии и политики [Сагитова 2018: 316].

Усиление влияния религии в контексте модернизационного подхода неизбежно привело к обращению татарской элиты к наследию «джадидизма» — реформаторского мусульманского движения татарской элиты в XIX в. Обращение к «джадидизму» трактуется как способ идеологического обоснования достойного места Татарстана в современном поликонфессиональном российском обществе и на мировой арене, в частности в мусульманском мире. В этом качестве Татарстан стремится представлять себя как общество, интегрально соединяющее светское и религиозное начала, с паритетностью сосуществования ислама и христианства, обладающее современной (т.е. нефундаменталистской) версией ислама (татарский ислам), способное в качестве посредника обеспечивать связи РФ с тюркским и мусульманским миром. В этом плане интересна мысль

Д.Г. Мирзаханова о том, что в результате «для татарской элиты и уммы на первом месте стоят принципы татаризма-тюркизма, в отношении которых ислам занимает второстепенный характер. Политическая элита Татарстана осуществила этнолингвистическую консолидацию ислама как часть татарстанской локальной идентичности в переходном контексте» [Мирзаханов 2018].

Таким образом, ислам превратился в Татарстане в один из основных факторов конструирования региональной идентичности, имеющей значение как внутри России, так и за ее пределами.

Вместе с тем необходимо признать, что большая роль религии в формировании региональной идентичности несет с собой ряд угроз. Так как реисламизация общества происходит в условиях возрождения ислама в мире в целом (исламская глобализация), то с этим связаны серьезные риски утраты контроля региональных элит над традиционным исламом, над татарской уммой. Поэтому актуальными являются задачи подготовки собственных кадров духовенства, обеспечения единства внутри уммы, преодоления негативных внешних влияний со стороны фундаменталистских, экстремистских террористических движений. С этой целью были созданы Российский исламский институт и Булгарская исламская академия, одной из целей которых является возрождение традиций татарского исламского богословия.

Заключение

Мы выяснили, что формирование региональной идентичности в мусульманских регионах России после распада СССР является противоречивым процессом, у которого есть внутренние и внешние причины, имеются позитивные и негативные результаты. Только постоянный контроль государства и общества за этими процессами, государственно-конфессиональное сотрудничество, внимание к отношениям центра и регионов в условиях асимметричного федерализма дают возможность конструктивного формирования и взаимодействия общегосударственной и региональных идентичностей, светских и религиозных ценностей, мусульманской и православной конфессий.

Очевидно, что тенденция усиления влияния мусульманских институтов и религиозных ценностей способна обеспечивать конструирование региональной идентичности в мусульманских регионах. Элиты в ряде регионов используют ислам в качестве легитимирующего власть ресурса в отношениях с федеральным центром и собственным населением. Это происходит посредством признания особой роли ислама властями и использования исламской риторики в выступлениях государственных деятелей для легитимации проводимой ими политики.

Но религия наряду с этническим фактором может способствовать попыткам разорвать связь между общероссийской и региональной идентичностью, подпитывать сепаратистские настроения, а также экстремистские и террористические движения. Возможно нарушение принципов светскости нашего государства и свободы вероисповедания. Из-за воспроизводства различий в выборе приоритетов ценностных оснований различных идентичностей со-

храняется потенциал этнических конфликтов, особенно в таких мультиэтнических регионах, как Дагестан. На дальнейшее развитие процесса конструирования региональных и общероссийской идентичности будет оказывать процесс создания российского ислама.

Заметная роль ислама в формировании идентичности в мусульманских регионах в российском поликонфессиональном обществе предполагает необходимость продолжения исследований способов обеспечения стабильного существования федеративного государственного устройства и толерантного отношения к религиозным ценностям в условиях сохранения светского характера государства. Происходящий в этих регионах процесс взаимодействия религиозной и национальной идентичностей предполагает дальнейшие исследования проблемы взаимодействия региональных и общероссийской идентичности.

Поступила в редакцию / Received: 17.07.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 30.07.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2022

Библиографический список

- Авдеев Е.А., Ерохина М.Е.* Ценностные основания идентичности молодежи Северного Кавказа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1 (65). С. 56–65. https://doi.org/10.52452/18115942_2022_1_56
- Балтанова Г.Р., Нестулаева Д.Р., Рыбкина Е.А., Хузиева Э.Ф.* Крымский ислам и российская умма: постановка проблем // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 3. 117–121.
- Болотина И.И.* Соотношение государственно-гражданской, региональной и этнической идентичностей в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2020. № 3. С. 28–37.
- Болотина И.И., Кузнецова Е.И., Толстухина Т.В.* Проблемы формирования государственно-гражданской идентичности в национальных регионах // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 52–61.
- Волгогонова О.Д., Белоусов С.О.* Феномен региональной идентичности как фактор политического процесса в России // Россия и современный мир. 2009. № 1. С. 49–62.
- Денисова Г.С., Лубский А.В., Войтенко В.П.* Российская идентичность как предмет научно-исследовательских практик // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 4 (229). С. 127–138.
- Дробижева Л.М.* Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.09>
- Корниенко Т.А.* Теоретические аспекты исследования политической идентичности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 2. С. 61–69.
- Лубский А.В.* Проекты конструирования национальной идентичности в современной России // Гуманитарий Юга России. 2018. № 1. С. 48–64. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.1.3>
- Лункин Р.Н.* Ислам среди крымских татар: особенности этноконфессиональной ситуации // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 1. С. 269–275.

- Мирзаханов Д.Г. Мусульманское сообщество постсоветского Татарстана: между этнонациональной самобытностью и исламом // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 113–118. <https://doi.org/10.22378/he.2018-3-1.113-118>
- Мирзаханов Д.Г., Ибраилова З.А. Особенности восприятия политики мусульманами в различных регионах России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru
- Рамазанов Р.О., Нагиева М.К., Исмаилова С.Ф. Исламский фактор в Дагестане в постсоветский период: состояние и тенденции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 1 (234). С. 120–126.
- Сагитова Л.В. Ислам в конструировании регионального политического дизайна современного Татарстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. № 3. С. 313–322. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-3-313-322>
- Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? / отв. ред. А. Рябов, М. Макфол. М.: Гендальф, 1999. С. 87–136.
- Braginskaia E. ‘Domestication’ or Representation? Russia and the Institutionalisation of Islam in Comparative Perspective // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64, no. 3. P. 597–620.
- Dannreuther R., March L. *Russia and Islam*. London: Routledge. 2010. Vol. 8. P. 1815–1914.
- Light M. Migration, ‘Globalised’ Islam and the Russian State: A Case Study of Muslim Communities in Belgorod and Adygeya Regions // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64, no. 2. P. 195–226.
- Malashenko A.V., Nuritova A. *Islam in Russia* // *Social Research*. 2009. Vol. 76, no. 1. P. 321–358.
- Mandaville P. *Islam and Politics* (2nd ed.). Routledge, 2014. <https://doi.org/10.4324/9781315814773>
- Matsuzato K. Muslim Leaders in Russia’s Volga-Urals: Self-Perceptions and Relationship with Regional Authorities // *Europe-Asia Studies*. 2007. Vol. 59, no. 5. P. 779–805.
- Pilkington H., Yemelianova G. *Islam in Post-Soviet Russia*. Routledge Curzon, 2003.
- Radical Islam in the Former Soviet Union / Ed. G.M. Yemelianova. 1st ed. Routledge, 2009. <https://doi.org/10.4324/9780203862988>

References

- Avdeev, E.A., & Erokhina, M.E. (2022). Value-semantic basis of the North Caucasus youth identity. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 1(65), 56–65. https://doi.org/10.52452/18115942_2022_1_56 (In Russian).
- Baltanova, G.R., Nestulayeva, D.R., Rybkina, E.A., & Huziyeva, E.F. (2017). Crimean Islam and the Russian Ummah: Problem Statement. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 3, 117–121. (In Russian).
- Bolotina, I.I. (2020). Relationship of state-civil, regional and ethnic identity in modern Russia // *Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences*, 3, 28–37. (In Russian).
- Bolotina, I.I., Kuznetsova, E.I., & Tolstukhina, T.V. (2017). Difficulties of state-civil identity creating in the national regions. *Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences*, 3, 52–61. (In Russian).
- Braginskaia, E. (2012). ‘Domestication’ or Representation? Russia and the Institutionalisation of Islam in Comparative Perspective. *Europe-Asia Studies*, 64(3), 597–620.
- Dannreuther, R., & March, L. (Eds.). (2010). *Russia and Islam: State, Society and Radicalism* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203854211>
- Denisova, G.S., Lubsky, A.V., & Voitenko, V.P. (2018). Russian identity as a subject of research practices. *Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*, (4), 127–138. (In Russian).

- Drobizheva, L.M. (2018). Russian identity: Discussions in the political space and the dynamics of mass consciousness. *Polis. Political studies*, (5), 100–115. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.09> (In Russian).
- Kornienko, T.A. (2009). Theoretical aspects of political identity investigation. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, (2), 61–69. (In Russian).
- Light, M. (2012). Migration, ‘Globalised’ Islam and the Russian State: A Case Study of Muslim Communities in Belgorod and Adygeya Regions. *Europe-Asia Studies*, 64(2), 195–226.
- Lubsky, A.V. (2018). The projects of national identity construction in modern Russia. *Humanities of the South of Russia*, 1, 48–64. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.1.3> (In Russian).
- Lunkin, R.N. (2018). Islam among the Crimean Tatars: features of the ethno-confessional situation. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, (1), 269–275. (In Russian).
- Malashenko, A.V., & Nuritova, A. (2009). *Islam in Russia. Social Research*, 76(1), 321–358.
- Mandaville, P. (2014). *Islam and Politics* (2nd ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315814773>
- Matsuzato, K. (2007). Muslim Leaders in Russia’s Volga-Urals: Self-Perceptions and Relationship with Regional Authorities. *Europe-Asia Studies*, 59(5), 779–805.
- Mirzakhanov, D.G. (2018). Muslim community of Post-Soviet Tatarstan: Between ethnic-national identity and Islam. *Istoricheskaya etnologiya — Historical Ethnology*, 3(1), 113–118. <https://doi.org/10.22378/he.2018-3-1.113-118> (In Russian).
- Mirzakhanov, D.G., & Israpilova, Z.A. (2017). The Characteristics of perceiving politics by the Muslims in different regions of Russia. *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 3. Retrieved July 1, 2022, from www.evestnik-mgou.ru. (In Russian).
- Pilkington, H., & Yemelianova, G. (2003). *Islam in Post-Soviet Russia*. Routledge Curzon.
- Ramazanov, R.O., Nagieva, M.K., & Ismailova, S.F. (2019). Islamic factor in Dagestan in the post-Soviet period: state and trends. *Bulletin of the Adyghe State University. Series I: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*, (1), 120–126. (In Russian).
- Sagitova, L.V. (2018). Islam in the construction of the regional political design of contemporary Tatarstan. *RUDN Journal of Political Science*, 20(3), 313–322. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-3-313-322> (In Russian).
- Turovsky, R.F. (1999). Regional identity in modern Russia. In A. Ryabov, & M. McFaul (Eds.), *Russian Society: Formation of Democratic Values?* (pp. 87–134). Moscow: Gandalf. (In Russian).
- Volkogonova, O.D., & Belousov, S.O. (2009). The phenomenon of regional identity as a factor in the political process in Russia. *Russia and the modern world*, (1), 49–62. (In Russian).
- Yemelianova, G.M. (Ed.). (2009). *Radical Islam in the Former Soviet Union* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203862988>

Сведения об авторе:

Почта Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН (e-mail: pochta_yum@pfur.ru) (ORCID: 0000-0001-9600-2665)

About the author:

Yuri M. Pochta — Doctor of Philosophy, Professor, Department of Comparative Politics, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). (e-mail: pochta_yum@pfur.ru) (ORCID: 0000-0001-9600-2665)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-665-685

Научная статья / Research article

Феномен исламизма постиндустриального времени на территории Российской Федерации

С.В. Демиденко , С.Б. Маргулис , Р.И. Файншмидт

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация*

 margulis-sb@ranepa.ru

Аннотация. Радикальный ислам, как политический феномен, претерпел значительные изменения в течение первых десятилетий XXI в. Это сопровождалось, во-первых, некоторым снижением внутривероисповедной конфронтации, а во-вторых, развитием специфичной субкультуры ‘jihadī cool’, сочетающей черты общества потребления (современная музыка, стильная одежда, исламский мерч, молодежные журналы и т.д.) и джихадистской повестки. Данные факторы в комплексе формируют новую волну религиозного радикализма — исламизм постиндустриального времени, который представляет значительную угрозу международной безопасности. Вопросы относительно степени и характера развития исламизма постиндустриального времени на территории Российской Федерации до сих пор не рассматривались в научной литературе. Представленная статья является первой попыткой разобраться в данной проблеме, имеющей сложную социально-экономическую и этноконфессиональную природу. Теоретическими рамками исследования стали труды ведущих отечественных исламоведов, занимающихся проблемами исламского радикализма. В обозначенной парадигме авторами была сделана попытка дать собственное определение радикального ислама, выявить характерные черты явления, отделить религиозный экстремизм от фундаментализма. Работа с эмпирической базой осуществлялась за счет методов описательной статистики, а также применения качественного и количественного контент-анализа. Последний производился на основе данных Google Trends, перепроверенных через систему Wordstat.yandex. В заключении авторский коллектив пришел к выводам относительно распространения в России исламизма постиндустриального времени. Наблюдается нарастание активности радикалов в интернет-пространстве, их работа по расширению базы поддержки движения, основанной на знании алгоритмов работы социальных сетей. Также выявлены пока еще недостаточно явные, но уже вполне просматриваемые элементы субкультуры ‘jihadī cool’. Важно отметить, что все вышеперечисленные тренды зародились за рубежами Российской Федерации и были радикалами

© Демиденко С.В., Маргулис С.Б., Файншмидт Р.И., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

займствованы. В целом это лишь подтверждает идею о периферийности российского исламского радикализма, который на протяжении всей своей истории был чужеродным элементом на отечественной этнокультурной почве.

Ключевые слова: радикальный ислам, исламизм постиндустриального времени, фундаментализм, мазабы, суфизм, халифат, джихад, jihadi cool

Для цитирования: Демиденко С.В., Маргулис С.Б., Файншмидт Р.И. Феномен исламизма постиндустриального времени на территории Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 665–685. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-665-685>

The Spread of the Post-Industrial Islamism in the Russian Federation

Sergey V. Demidenko , Sergey B. Margulis , Roman I. Fainshmidt

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russian Federation*

 margulis-sb@ranepa.ru

Abstract. Radical Islam as a political phenomenon has undergone significant changes during the first decades of the 21st century. This process was accompanied, firstly, by the strengthening unification trends in the ideological field, and secondly, by the development of a specific “Jihadi Cool” subculture that combined the features of the consumer society (modern music, stylish clothes, Islamic merch, youth magazines, etc.) and jihadist agenda. These factors, in combination, form a new version of religious radicalism — post-industrial Islamism, which poses a significant threat to international security. Questions regarding the degree and the nature of post-industrial Islamism in the Russian Federation have not yet been scrutinized in academic literature. The article is the first attempt to understand this problem, which exists in a complex socio-economic and ethno-confessional environment of Russia. The theoretical framework of the study was the works of leading domestic Islamic scholars dealing with the problems of Islamic radicalism. In the indicated paradigm, the authors made an attempt to give their own definition of radical Islam, to identify the characteristic features of the phenomenon, to separate religious extremism from fundamentalism. Work with the empirical base was carried out through the methods of descriptive statistics, as well as the use of qualitative and quantitative content analysis. It was made on the basis of Google Trends data, cross-checked through the Wordstat.yandex system. In conclusion, the team of authors came to conclusions regarding the spread of post-industrial Islamism in Russia. There is an increase in the activity of radicals in the Internet space, their work to expand the base of support for the movement, based on knowledge of the algorithms of social networks. Also, elements of the ‘jihadi cool’ have been identified too. It is important to note that all the trends listed above originated outside the Russian Federation and were borrowed by the radicals. In general, this only confirms the idea of the peripheral nature of Russian Islamic radicalism, which throughout its history has been an alien element on the national ethno-cultural environment.

Keywords: radical Islam, post-industrial Islamism, fundamentalism, madhhabs, Sufism, caliphate, jihad, jihadi cool

For citation: Demidenko, S.V., Margulis, S.B., & Fainshmidt R.I. (2022). The spread of the post-industrial Islamism in the Russian Federation. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 665–685. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-665-685>

Введение

Современный мир следует рассматривать как сложную систему. Общественно-политические процессы в разных странах и на разных континентах формируются под воздействием значительного количества факторов, преобладающими среди которых являются экономические. Международные финансовые, производственные и торговые связи объединяют страны в одно глобальное пространство, в рамках которого событие в одном регионе мира может серьезно повлиять на ситуацию в другом. В качестве примера можно вспомнить удар, нанесенный по глобальным логистическим цепочкам, инцидент в Суэцком канале, когда в начале 2021 г. магистраль была заблокирована севшим на мель контейнеровозом Ever Given. Примерно такая же логика на современном этапе свойственна и политическим процессам — конфликты, развивающиеся на значительном расстоянии от экономических центров, через какое-то время начинают влиять на жизнь всего мирового сообщества. Примерами этого могут выступать гражданские войны в Ираке и Сирии, ставшие в итоге одной из причин миграционного кризиса в Европе и т.д.

С исследовательской точки зрения глобальность мира приводит к смещению и размыванию привычных понятий, которые неожиданно начинают демонстрировать иную природу и новые особенности. В данном случае вопрос касается феномена радикального ислама и его эволюции в условиях глобализации и развития постиндустриального общества.

До 2001 г. считалось, что исламизм (радикальный ислам, политический ислам, исламский фундаментализм, салафизм) не может распространиться за пределы Ближнего и Среднего Востока. Даже ряд кейсов террористической активности «Аль-Каиды»¹ и последовавшие за ними войны в Ираке и Афганистане не изменили отношения исследователей [Демиденко, Кутузова 2020]. Однако через некоторое время выяснилось, что религиозный радикализм адаптируется к международным реалиям. Исламисты оказались достаточно сильны, чтобы почти разрушить привычную политическую карту Ближнего Востока, поставив под угрозу уничтожения светские режимы в Сирии и Ираке. Пандемия коронавируса несколько снизила их активность, однако «затишье» оказалось временным (как и прогнозировалось рядом экспертов [Демиденко, Кутузова 2021]), и уже летом 2021 г. террористическая организация «Талибан»² получила контроль над Афганистаном.

В дополнение к этому влияние радикалов начинает все более отчетливо ощущаться в Европе, США, Юго-Восточной Азии, где актуализируется проблема «исламизации» молодых мусульман через распространение в их среде специфических субкультур, воспевающих джихад и борьбу против мирового империализма — *jihadi cool* и *jihobbists*. Эти субкультуры характерны для мусульманских гетто крупных городов и формировались как синтез двух ключевых элементов — религиозного, подчеркивающего специфическую идентич-

¹ Запрещена на территории РФ.

² Запрещена на территории РФ.

ность приверженцев, и криминального, манифестирующего оппозиционность адептов и их неуважение к нормам буржуазной морали. *Jihadi cool* и *jihobbists* стали в некотором смысле ответом западному миру со стороны мусульманских общин немусульманских стран. Из их рядов вышли несколько известных террористов Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ)³, в самом же Старом Свете «джихадисты», получившие кадровую подпитку вследствие начавшегося с 2014 г. миграционного кризиса. Новая версия исламского радикализма оказалась во многом отличной от классических образцов. Ее представители менее чувствительны к конфессиональным различиям, ведут «западный», светский, образ жизни (см. выше о *jihadi cool*), не изменяя главному — приверженности идее мирового джихада. Данный феномен, который был описан авторским коллективом в других работах, можно определить как исламизм постиндустриального времени — явление крайне актуальное, дающее международному террористическому интернационалу возможность еще больше распространиться и расширить базу для вербовки новых адептов⁴. При этом термин исламизм постиндустриального времени неразрывно связан с понятием *jihadi cool*.

Описанные выше процессы происходят на фоне высокой подвижности всей уммы в целом, когда значительные ее части за непродолжительный промежуток времени переходят от поддержки официальных властей в стан радикалов и обратно (наиболее ярко это видно на примере Ирака, где в определенные периоды численность только вооруженных отрядов ИГИЛ достигала 200 тыс. человек)⁵.

К вопросу о понятиях

Прежде всего, следует отметить, что в академическом мире термин «радикальный ислам» трактуется по-разному. Как правило, спор разворачивается в границах четырех дефиниций — исламизм, салафизм, радикальный ислам и фундаментализм. Эксперты весьма часто смешивают их, полагая, что различия, если и имеются, то несущественные⁶.

Так, например, видный исследователь проблематики радикального ислама А.А. Игнатенко [2004: 40] подчеркивает, что радикальный ислам синонимичен исламскому экстремизму, фундаментализму и салафизму. Другой крупный ученый Д.А. Нечитайло использует термин «современный радикальный исламизм»⁷. Путаница возникает уже на уровне учебной литературы. Например,

³ Запрещена на территории РФ.

⁴ Подробнее о термине см.: (Демиденко, Кутузова 2020).

⁵ *Cockburn P.* War with Isis: Islamic militants have army of 200,000, claims senior Kurdish leader // *The Independent*. 16 November 2014. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/war-with-isis-islamic-militants-have-army-of-200-000-claims-kurdish-leader-9863418.html> (accessed: 22.07.2022).

⁶ *Нечитайло Д.А.* Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. М., 2017.

⁷ *Нечитайло Д.А.* Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. М., 2017.

в учебнике по политологии Э. Хэйвуда [2005: 78], в главе, посвященной исламскому фундаментализму, фактически ставится знак равенства между относительно умеренной и цивилизованной (хотя и консервативной) иранской исламской демократией и режимом запрещенных в России афганских талибов. Примерно той же позиции придерживается А.А. Игнатенко [2004: 43–48], считая главными центрами исламского радикализма Тегеран и Эр-Рияд.

Многие отечественные авторы, внесшие выдающийся вклад в изучение проблематики исламизма, Е.М. Примаков, А.В. Малашекно, В.Н. Пластун, В.В. Наумкин и т.д. концентрировались в первую очередь на вопросах социально-экономической и кросс-культурной природы исламизма, стратегии и тактики радикалов, упуская при этом из виду теоретический аспект. Однако, как представляется, крайне важно договориться о значении терминов. В обратном случае можно допустить ошибку, которая не позволит точно определиться с предметом и объектом исследования.

В прикладном разрезе данный момент важен с точки зрения выявления сферы «экстремистского», поскольку не всегда тот, кто желает строить мечети или выступает в пользу сбережения исламских традиций, является террористом. Нередки эпизоды, когда оценка степени «экстремистского» предоставлена экспертам-религиоведам, которые, в свою очередь, опираются, помимо законодательства, на достижения фундаментальной науки. И если нет точности в определениях, решение выносится на основании субъективного суждения. Это означает, что с одной стороны, открываются возможности для злоупотреблений, а с другой — для ухода от ответственности. Например, подобная практика имеет место в государствах Центральной Азии — дело Мухтади Абдулкадирова 2019 г. [Антиэкстремистская политика... 2020: 57] или приговор экстремистам в городе Рогун 2016 г.⁸ Как в первом, так и во втором случаях обвинения, судя по материалам прессы, имели достаточно зыбкую теоретическую и правовую основу.

Можно согласиться с Э. Хейвудом и А.А. Игнатенко касательно того, что под фундаментализмом должна подразумеваться такая система взглядов, при которой основные аспекты человеческой жизни должны хотя бы частично подчиняться религиозным принципам [Хэйвуд 2005: 78]. Такой подход в целом имманентен мусульманской религии. Ислам является источником всего — и права, и традиций, и политики. Почти все конституции ближневосточных государств (за исключением Турции и Ливана) заявляют в качестве источника национального законодательства шариат, все ведущие политические идеологии в регионе Большого Ближнего Востока также носят ярко выраженный религиозный оттенок (например, арабский социализм баасистов, М. Каддафи и Насера). На повседневном уровне фундаментализм постулирует необходимость соблю-

⁸ 18 жителей Рогуна приговорены за призывы к изменению конституционного строя в Таджикистане // Информационный сайт TopTJ.com. 8 августа 2016. URL: <https://www.toptj.com/News/2016/08/08/18-zhiteley-roguna-prigovoreny-za-prizyvyy-k-izmeneniyu-konstitucionnogo-stroya-v-tadzhikistane> (дата обращения: 22.07.2022).

дения религиозных традиций — следовать «столпам ислама», беречь семейные ценности, не совершать грехов в области товарно-денежных отношений, жертвовать на благотворительность. Фундаментализм не всегда имеет склонность к агрессивности. Например, в Центральной и Южной Азии существуют движения, выступающие за религиозную чистоту, но без открытого экстремизма — «муджаддийа» или консерваторы — приверженцы ханафитского мазхаба [Мухаметшин 2011]. При этом как первые, так и вторые активно занимались и занимаются поддержкой и продвижением мусульманской религии.

В данном контексте представляется целесообразным разведение понятий «фундаментализм» (традиционализм) и «исламизм» (радикальный ислам). Для второго характерен момент политический — изменение мира при помощи реализации концепта идеального исламского государства (халифата). Первый же сосредоточивается на моментах сугубо бытовых и в политику не проникает (а если и проникает, то переходит в состояние исламского радикализма).

Относительно определения радикального ислама (исламизма, салафизма) исследователи в основном концентрируются на двух моментах — борьбе за чистоту веры и террористической активности, переходящей порой в открытый шовинизм. Так, выдающийся отечественный арабист А.М. Васильев, исследуя природу саудовского ваххабизма, который часто считают идейным «прародителем» всех современных салафитских движений, отмечает пуризм последователей в вопросах веры и высочайшую степень их непримиримости ко всем «извратителям» ислама (в первую очередь к суфиям, которых Мухаммед ибн Абд-аль-Ваххаб считал главными «еретиками») [Васильев 1982]. Ученый-богослов М. Хасан отмечает, что «салафизм-ваххабизм является источником террора, а последователи идеологии — преступниками, отвергающими традиционные исламские ценности и постулаты, извращающими его истинные каноны» [Хасан 2005: 11]. Данный подход разделяют Р.В. Курбанов [2012], Е.Я. Сатановский [2012], И.С. Шегаев [2017]. Американский исследователь М. Муктедар Хан ставит знак равенства между исламизмом и антиамериканизмом⁹, а М. Трэвис сравнивает исламизм с неонацизмом [Travis 2017].

Подобная трактовка, при ее очевидной справедливости, не является исчерпывающей, поскольку существуют исторические прецеденты, когда представители умеренных направлений ислама использовали в своей деятельности методы вооруженной борьбы. Например, суфии Центральной Азии и Северного Кавказа, участвовавшие в разные годы под знаменем джихада в войне против Российской империи и советского государства, или шииты, организовавшие террор против суннитского населения Центрального Ирака [Демиденко 2014]. Есть и обратные примеры — организаций, признанных в России экстремистски-

⁹ Muqtedar Khan M.A. *Islam and the West: Searching for Common Ground / Testimony Before the Committee on Foreign Relations The United States Senate // US Senate Committee on Foreign Relations*. July 18, 2006. URL: <https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/KhanTestimony060718.pdf> (accessed: 22.07.2022).

ми, но сознательно, на доктринальном уровне, отказавшихся от насилия (например, «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») ¹⁰.

Суммируя изложенное выше, можно сказать, что любая исламистская партия изначально является фундаменталистской, поскольку вопрос о сбережении веры актуален для любой оппозиционной религиозной структуры. В то же время далеко не каждая фундаменталистская организация является исламистской, поскольку, как уже было отмечено ранее, сохранение традиций не равно их навязыванию иным культурным контекстам.

С теоретической точки зрения авторам данного исследования наиболее близки концепции А.А. Игнатенко и Д.А. Нечитайло, которые концентрируются на стремлении к установлению глобального господства шариата как на ключевом признаке радикального ислама (исламизма). А.А. Игнатенко дает следующее определение: «Исламизм — идеология и практическая деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате» [Игнатенко 2004: 40–41]. Д.А. Нечитайло в своей работе «Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика» также активно продвигает идею о глобальности претензий радикалов ¹¹. С данной позицией трудно не согласиться, с учетом того, что все организации, которые принято отождествлять с исламизмом, — «Братья-мусульмане», «Аль-Каида», ИГИЛ ¹² — ставили себе цель создать именно мировое мусульманское государство — халифат.

Таким образом, коллектив авторов представленной статьи, также не проводя различий между исламизмом и радикальным исламом, определяет это явление как крайнюю фундаменталистскую идеологию, основанную на принципах очищения ислама от любых вредных нововведений и ставящую своей политической задачей превращение всего мира в единое мусульманское государство (Дар аль-Ислам, халифат). При этом желания других народов вторичны по отношению к божественной воле, носителями которой считают себя экстремисты.

Вопрос об агрессивном прозелитизме имеет первостепенное значение, поскольку современное мусульманское духовенство в отношении политической власти, по большей части, придерживается весьма умеренных взглядов. Среди духовных лиц бытует мнение, что любая власть может считаться допустимой, если не притесняет мусульман и позволяет им без ограничений отправлять культы. Иначе говоря, догматическое оправдание получает лю-

¹⁰ Малашенко: Москве нужно остерегаться провокаций в Крыму // Информационное агентство «Islam News». 10 сентября 2014 г. URL: <https://islamnews.ru/news-432444.html> (дата обращения: 22.07.2022).

¹¹ *Нечитайло Д.А.* Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. М., 2017.

¹² Запрещены на территории РФ.

бой правитель или политическая система вне зависимости от их религиозной принадлежности [Сюкияйнен 2016: 147]. Для исламистов такая позиция неприемлема, поскольку в этой связи серьезной корректировке подвергается пятый принцип Усул ад-Дин, а именно принцип имамата/халифата, при котором власть над общиной должна передаваться избранному, праведному правителю, обязанному соблюдать нормы шариата и защищать веру. Именно поэтому ИГИЛ после своей победы на востоке Сирии и в Центральном Ираке объявила о создании халифата.

Авторский коллектив также целенаправленно использует именно понятие «исламизм постиндустриального времени», избегая термина «постисламизм», который был введен в научный оборот американским политологом Асефом Баятом [Bayat 1996: 43–52]. Главная проблема данного понятия в том, что оно по-прежнему в смысловом плане весьма размыто и объясняет несколько разные процессы, происходящие в исламском мире в зависимости от подхода конкретного ученого. Более того, на этот счет в западной политической науке продолжаются дебаты. Например, Баят под «постисламизмом» понимает состояние, при котором ввиду кризиса («исчерпания») политического ислама начинается процесс ресекуляризации, который он рассматривал на примере Ирана [Bayat 1996: 46]. В своих более поздних трудах он несколько конкретизировал свой подход [Bayat 2005: 5]. В свою очередь французский исследователь Оливье Карре использовал данный термин применительно к отделению политической и военной сферы от религии, наметившемуся в мусульманском мире в X–XIX веках [18: 451]. Свою версию понимания «постисламизма» представлял и турецкий ученый Джихан Тугал [Tugal 2002: 85–111]. Достаточно подробно проблема трактовки термина «постисламизм» представлена в работе катарского ученого Халила аль-Анани [Al-Anani 2014: 348]. Наиболее близкое по смыслу с исламизмом постиндустриального времени понимание «постисламизма» наблюдается в статьях Питера Мандавила (Университет Джорджа Мейсона, США), который уделяет ключевое внимание именно современной трансформации в исламском мире, в том числе затрагивает тему исламского хип-хопа, мерча и т.д.¹³ Однако даже в этом случае данные термины нельзя в полной мере назвать синонимичными.

Радикальный ислам в СССР и России: исторический ракурс

Радикальный ислам — явление, которое начало распространяться по миру относительно недавно. Всерьез о нем заговорили лишь в самом конце XX в. Примерно тогда же, согласно мнению ряда исследователей, оно пришло и в Россию. В контексте данной статьи целесообразно поставить

¹³ *Mandaville P.* Is the Post-Islamism Thesis Still Valid? // *Middle East Political Science*. 2014. URL: <https://pomeps.org/is-the-post-islamism-thesis-still-valid> (accessed: 22.07.2022).

вопрос относительно идеологической и политической зависимости российского радикального ислама от превалирующих международных трендов и зарубежных структур.

На современном этапе, когда религиозный экстремизм в Европе и США приобретает черты, отличающие его от классических ближневосточных образов (экстремизм, основанный на субкультуре джихада), важно взглянуть на процессы, происходящие в России. Обнаруженная тождественность даст возможность спрогнозировать развитие явления. Необходимо отметить, что исламизм сегодня дрейфует от сугубо религиозной идеологии к идеологии протестной. Другими словами, политический компонент — преобразование мира в единое шариатское государство — все ярче проявляется на фоне угасающих концепций борьбы за чистоту веры.

В мусульманских регионах СССР религиозная оппозиция существовала всегда. Советская атеистическая пропаганда, хотя и нанесла урон самосознанию народов Северного Кавказа и Центральной Азии, полностью ислам победить не сумела. Большая часть духовенства приняла принципы сосуществования с коммунистической властью, став в некотором смысле хранителем истории и традиций «народов Советского Союза». Симптоматично, что создание Москвой Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) пришлось на тот же год, что и восстановление в СССР патриаршества — 1943-й.

Период после Великой Отечественной войны ознаменовался вялотекущей борьбой КПСС с «религиозными пережитками». Борьба эта носила в большей степени риторический характер — на вооружение был принят лозунг о том, что религия в условиях социалистического общества отомрет сама собой. По факту религиозность мусульманского населения оставалась относительно высокой (в сравнении с европейской частью СССР), а наиболее радикальная его часть обучалась в нелегальных религиозных школах — «худжра» [Мухаметшин 2011: 215].

На фоне идеологического, а следом за ним и экономического кризиса Советского Союза, пришедшегося на вторую половину 1980-х гг., на политическую сцену Северного Кавказа и Центральной Азии вышло первое поколение исламских радикалов. Именно их стали называть «воххобийлар». Представленный термин, часто используемый умеренным духовенством, носил пренебрежительный характер и был призван подчеркнуть несистемность и крайний консерватизм оппонентов (хотя «новые ваххабиты» и выступали с реформаторских позиций). Естественно, «советские ваххабиты» отличались от ближневосточных. За ними не было ни религиозного образования, ни фундаментальной теологической подготовки (что в условиях «железного занавеса» было фактически недоступно), ни массовой поддержки населения. На вооружении был лишь тезис о том, что кризис — следствие несправедности власти и повреждения нравов простых мусульман (справедливости ради необходимо отметить, что не только советские священнослужители придерживались подобных «соглашательских» принципов — видный египетский богослов середины XX в. Али Абд ар-Разик утверждал, что халифатом является любой строй, который приняли мусульмане

[Сюкияйнен 2016: 147]). Исправить положение предлагалось за счет смутно понимаемого «возвращения к истокам».

Теоретической базой советских радикалов были сведения из трудов основоположников политического ислама Хасана аль-Банни, Сейида Кутба, аль-Маудуди, проникавшие в СССР отрывочно и в виде весьма вольных переводов [Мухаметшин 2011: 219]. Дополнительную идеологическую поддержку оппозиционеры начали получать в период после 1979 г., когда в исламском мире произошло два значимых события — ввод советских войск в Афганистан и Исламская революция в Иране. Связи с иностранными радикалами, осуществляемые через эмиссаров и так называемые «исламские благотворительные фонды», принесли на советскую почву идеи вооруженной борьбы — «джихада меча» — против «неправедной власти». Эти идеи нашли практическое воплощение в начале 1990-х гг., когда в Центральной Азии и на Северном Кавказе начали возникать вооруженные движения, ставившие целью установление религиозных законов в мусульманских районах постсоветского пространства («Адолат», Исламское движение Узбекистана/Туркестана (ИДУ), «Риядус-Салихин»¹⁴ и т.д.).

Из сказанного выше видно, что «салафиты» в СССР были не самым сильным и весьма зависимым ответвлением мирового джихадистского движения. В условиях контроля государства над духовной жизнью общества советские мусульмане были лишены регулярных контактов с братьями по вере, а духовенство — с ведущими религиозными центрами. Даже хадж, хотя и не прекращался полностью, серьезно ограничивался — паломничество было разрешено лишь нескольким десяткам наиболее проверенных и стойких в идеологическом отношении граждан [Ахмадуллин 2016: 199–200]. Данная ситуация проецировалась на религиозную оппозицию, которая была готова к борьбе, но ее идейную основу выводила из союзничества (политического и догматического) с иностранными исламистскими центрами. То есть изначально, на входе, признавала свою зависимость от афганских моджахедов и вероучителей из Египта и Персидского залива (например, ни одна из постсоветских экстремистских организаций не заняла ключевых позиций в мировом джихадистском движении — даже на территории России спецслужбы наиболее часто выявляют ячейки ИГИЛ, «Хизб ут-Тахрир» или «Аль-Каиды»¹⁵).

В 1990-х и начале 2000-х гг. ситуация продолжала развиваться в русле обозначенной тенденции — исламисты воевали против светской власти, получая поддержку из-за рубежа, откуда приходили новые политические и идейные тренды. Данная тенденция наблюдается и в настоящее время, принимая во внимание тот факт, что постсоветская мусульманская оппозиция за время, прошедшее с момента крушения СССР, стала хотя и периферийной, но все же неотъемлемой частью международного джихадистского движения.

¹⁴ Все организации запрещены на территории РФ.

¹⁵ Все организации запрещены на территории РФ.

Радикальный ислам в России: статистический разрез

В контексте осложнения международной обстановки вокруг России, нарастающих экономических трудностей и сокращения бюджетов вопрос внутривнутриполитической дестабилизации приобретает дополнительную актуальность. Новое звучание получает и проблема ключевых трендов в развитии радикального ислама. Попытаться выявить их можно за счет изучения статистических материалов, анализа СМИ, а также поисковых запросов в системах Google и «Яндекс». Результаты необходимо сравнивать со статистикой международной. Это даст картину зависимости (или соответствия) ключевых тенденций в развитии явления.

Основной массив данных был получен на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации в разделе «Зарегистрированные преступления террористического характера»¹⁶. Среди 85 субъектов Российской Федерации четко выделяется ряд наиболее проблемных регионов. Среди них:

- Республика Дагестан;
- Республика Ингушетия;
- Чеченская Республика;
- Республика Татарстан;
- Кабардино-Балкарская Республика;
- Карачаево-Черкесская Республика;
- Москва;
- Ставропольский край.

Все перечисленные выше регионы отличаются преобладающей долей мусульманского населения, либо в силу экономической и территориальной специфики, сложным этноконфессиональным составом (Ставропольский край, Москва). Таким образом, можно сделать вывод, что проблема терроризма (по крайней мере, с точки зрения российских правоохранительных органов), так или иначе, связана с радикальным исламом¹⁷.

Для соотнесения динамики развития исламизма в России с общемировыми трендами следует обратить внимание на статистические пики в проблемных регионах, которые можно также проследить по правоохранительной статистике и сравнить со статистикой международной.

- В Дагестане наиболее сложным выдался период с 2015 по 2016 г. (пиковый год 2016-й — 966 зарегистрированных преступлений террористического характера¹⁸).

¹⁶ Статистика составлена на основании материалов сайта Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 22.07.2022).

¹⁷ В перечень наиболее проблемных регионов были включены в соответствии с тем количеством раз, сколько они попадали за период с 2010 г. в «десятку» лидеров по показателю «зарегистрированные преступления террористического характера».

¹⁸ Как наиболее сложные охарактеризованы периоды, в которые наблюдался регулярный, погодовой, прирост террористической активности. Завершением периода считается быстрый спад: например, Дагестан — в 2014 г. 472 преступления террористического характера,

- В Москве — 2018–2021 гг. (2021 г. — 132 преступления).
- В Татарстане — 2018–2020 гг. (2020 г. — 64 преступления).
- В Кабардино-Балкарии — 2014–2017 гг. (2014 г. — 157 преступлений).
- В Карачаево-Черкессии — 2016–2018 гг. (2016 г. — 90 преступлений).
- В Ставропольском крае — 2016–2021 гг. (2021 г. — 68 преступлений).
- В Чечне — 2014–2017 гг. (2017 г. — 256 преступлений).
- В Ингушетии — 2014–2016 гг. и 2020–2021 гг. (2021 г. — 115 преступлений)¹⁹.

Как видно из приведенных цифр, в мусульманских регионах наибольшую активность радикалы проявляли в период между 2014 и 2018 гг., что в целом совпадает с аналогичным показателем, который имеем по Европе и США (здесь считалось количество совершенных террористических актов²⁰) — 2014–2017 гг.

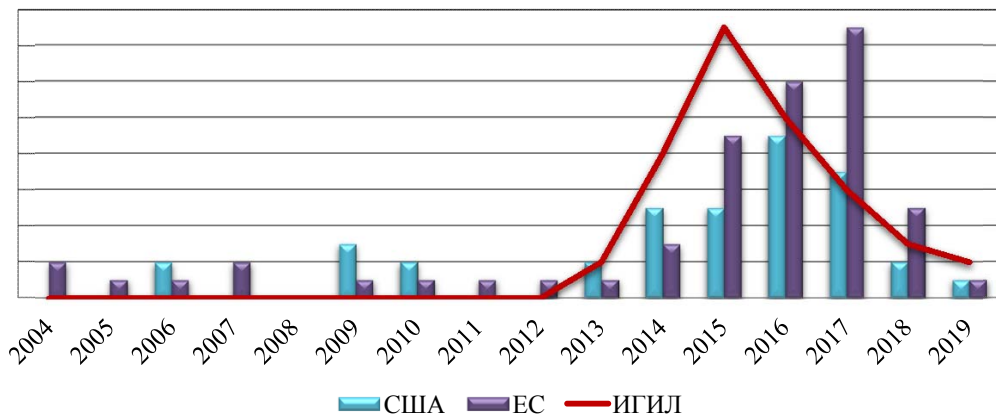

Рис. 1. Корреляция количества терактов в ЕС и США и активности ИГИЛ

Источник: составлено автором на основе данных Global Terrorism Database // University of Maryland. 2020. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (accessed: 22.06.2020) [Warrick 2016; Schmid 2011; Price 2014]²¹

Figure 1. Correlation between the number of terrorist attacks in the EU and the US and ISIS activity

Source: made by author based on: Global Terrorism Database. University of Maryland. 2020. Retrieved June 22, 2020, from <https://www.start.umd.edu/gtd/> [Warrick 2016; Schmid 2011; Price 2014].

в 2015 г. — 679 (начала сложного периода), 2016–966, 2017–531, 2018 (447) — спад.

¹⁹ Статистика составлена на основании материалов сайта Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 22.07.2022).

²⁰ В России выявить данный показатель по сведениям прессы чрезвычайно сложно, принимая во внимание юридические ограничения, накладываемые на СМИ правоохранительными и судебными органами.

²¹ На приведенной диаграмме (рис. 1) ломаной линией обозначены фазы деятельности ИГИЛ. График на рис. 1 свидетельствует о фактически прямой зависимости между динамикой развития этого джихадистского движения и активности радикалов в других частях мира [Demidenko, Kutuzova 2020], включая и Россию, но с одним пока трудно объяснимым отличием — спад активности в мусульманских регионах приходится на повышение ее в Москве и Ставропольском крае. Не исключено, что исламисты из-за общенациональных карантинных мероприятий релоцировались в другие, более безопасные для них зоны.

Таким образом, можно предположить, что радикальный ислам в регионах России развивается в русле международных трендов и продолжает испытывать зависимость от влияний извне. Данная гипотеза, по всей видимости, справедлива не только с точки зрения анализа общей динамики религиозного экстремизма на территории Российской Федерации, но и с точки зрения исследования качественных изменений, а именно — появления и распространения новых форм радикального ислама, также сформировавшихся за пределами РФ. Выражаясь короче, то, что появилось на Западе, рано или поздно, придет к нам. Локализовать данный процесс только путем использования мер оперативного воздействия, вряд ли получится. Слишком уж глубоки и разнообразны связи между отечественными радикалами и международным экстремистским сообществом.

Новые тенденции в развитии радикального ислама в России. Исламизм постиндустриального времени

Новые формы исламизма напрямую связаны с развитием средств электронной коммуникации. Интернет предоставил «джихадистам» дополнительные возможности для пропаганды своих идей. К тому же интернет-среда, отличающаяся избытком контента, привнесла в религиозный экстремизм значительный компонент современного — радикал, будучи частью цивилизации потребления, уже не может обойтись без услуг и товаров, к которым привык. Подобные условия способствовали формированию феномена *jihadī cool*. Путь аскетической элитарности, который долгое время был характерен для «салафитов», в XXI в. вследствие тотального давления капиталистического мира сменился тенденциями массовости. Неожиданно выяснилось — чтобы быть на пути Аллаха необязательно последовательно соблюдать религиозные каноны и вести праведный образ жизни. Достаточно разделять идею джихада в любом ее виде — от вооруженной борьбы до самой широко трактуемой помощи сражающимся (в том числе и чисто декларативной — за счет, например, ношения одежды с джихадистской символикой).

Триггерной точкой роста популярности экстремизма как бренда можно считать период с 2004 по 2006 г., когда вследствие начала американской военной операции в Ираке мировое сообщество начало проявлять повышенный интерес к мусульманской проблематике. По оценкам экспертов, примерно в эти же годы данная тенденция начала развиваться и в России. Приведенный тезис можно подтвердить путем сравнения графиков анализа поисковых запросов по словам «джихад» и «газават» в России и в остальном мире (составлены на основе данных Google Trends) (рис. 2, 3).

Как видно из диафрагмы на рис. 3, при относительно большей волатильности показателей на графике, относящемся к России, пики в целом совпадают: рост интереса в период между 2004 и 2007 гг., относительная стабильность до примерно 2013 г., и всплеск между 2014 и 2018 гг. (в мире пик пришелся на 2014–2016 гг. в России — на 2015–2017 гг.).

Перепроверка информации по системе Wordstat.yandex хотя и дала искаженную картину²², информацию подтвердила — стабильный интерес российских пользователей к запросу «джихад» в середине 2020 г. (18 600 запросов на июнь) и резкий его рост со второй половины 2021 г. (высшая точка — март 2022 г. — 61 045 запросов).

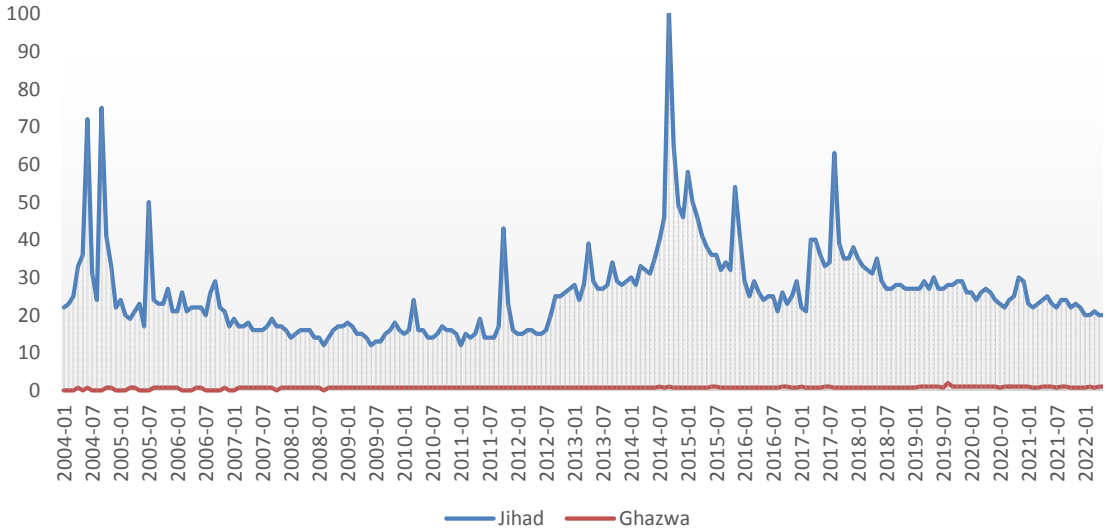

Рис. 2. Анализ поисковых запросов «jihad» и «ghazwa» по всему миру (с января 2004 по июнь 2022 г.)
 Источник: Google Trends: URL: <https://trends.google.com/trends> (accessed: 13.07.2022).

Figure 2. Analysis of the search queries «jihad» and «ghazwa» around the world (January 2004 — June 2022)
 Source: Google Trends: Retrieved July 13, 2022, from <https://trends.google.com/trends>

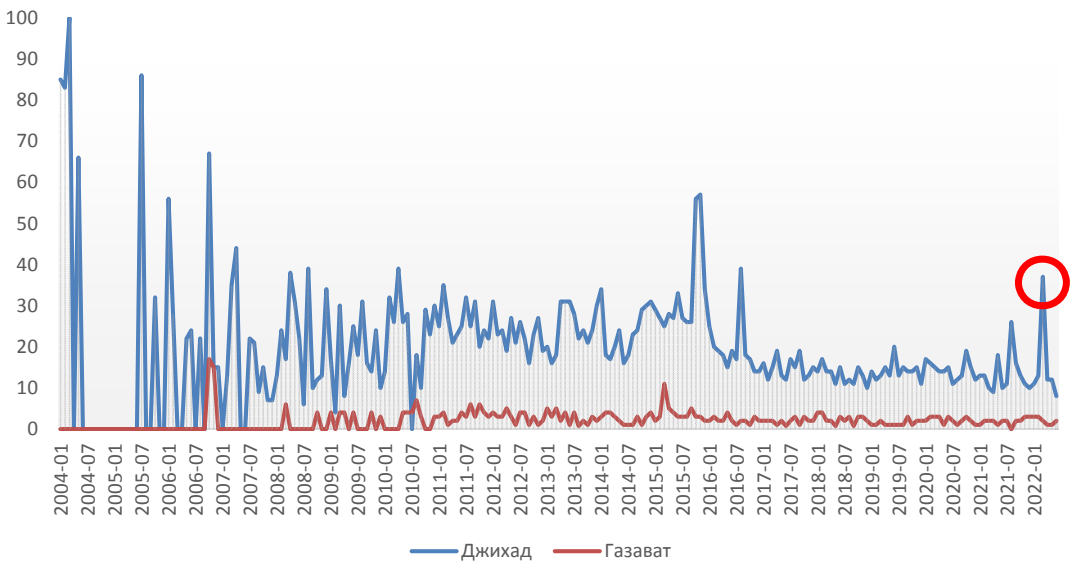

Рис. 3. Анализ поисковых запросов «джихад» и «газават» по России (с января 2004 по июнь 2022 г.)

²² Связано с тем, что «Яндекс» предоставляет данные лишь за два года.

Figure 3. Analysis of the search queries «джихад» and «газават» in Russia (January 2004 — June 2022)

Источник / Source: Google Trends: URL: <https://trends.google.com/trends> (accessed: 13.07.2022).

Относительное сходство (обозначено кружком) графиков на рис. 3 и 4 в части показателей за 2020–2022 гг. позволяет выдвинуть предположение о релеванности цифр с точки зрения соответствия мировых и общероссийских трендов. С учетом понимания исторического контекста это означает, во-первых, что на религиозный экстремизм в России влияют примерно те же факторы, что и на мировой салафизм, а во-вторых, что изменение всей системы в целом приведет к аналогичным трансформациям в ее отдельных частях. Для представленного исследования это означает, что появление в РФ признаков субкультуры *jihadi cool* с последующим превращением ее в радикальный ислам постиндустриального времени будет прослеживаться все отчетливее. Информация, полученная из других источников (СМИ, YouTube, социальные сети), подтверждает данный тезис.

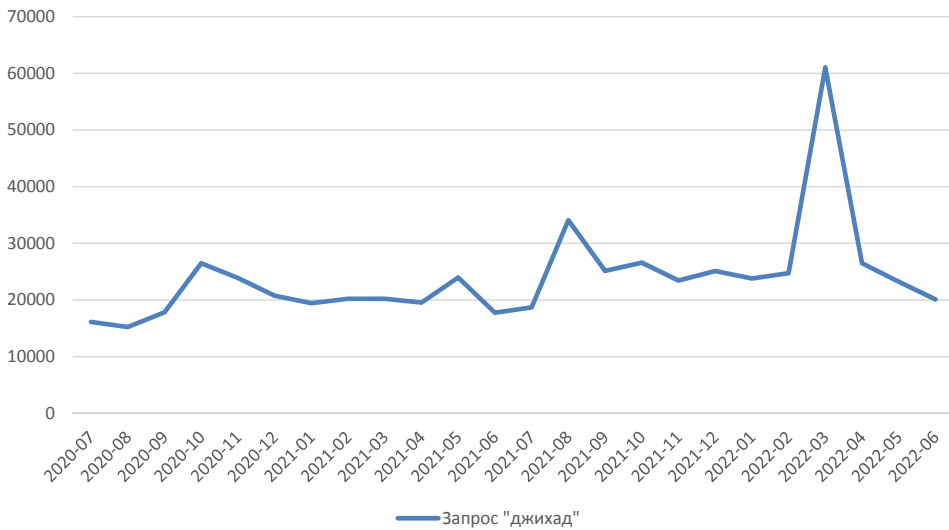

Рис. 4. Анализ поискового запроса «джихад» по России (с июля 2020 по июнь 2022 г.)

Источник: Подбор слов Яндекса. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (accessed: 19.07.2022).

Figure 4. Analysis of the search query «джихад» in Russia (July 2020 — June 2022)

Source: Yandex Word Selection. Retrieved July 19, 2022, from <https://wordstat.yandex.ru/>

Первым признаком процесса является появление в России исламской моды. Анализ линейки нескольких наиболее популярных интернет-магазинов, продающих товары для мусульман (в первую очередь для представителей центральноазиатских диаспор), продемонстрировал широкий ассортимент предложения. Для женщин — изящная одежда, сшитая в соответствии с религиозными канонами (закрывающая руки, волосы; нарукавники), чехлы для телефонов с исламской символикой, электронные четки со стразами и т.д. Для мужчин — футболки, толстовки, лонгсливы с шахадой, первой строкой Аль-Фатихи, спортивные

костюмы, одежда *military style*. Также широко представлены различные виды аксессуаров — чехлы для телефонов, перстни с арабскими буквами, шапочки и коврики для совершения намаза и т.д. Все товары имеют эстетичный, привлекательный вид, сделаны из качественных материалов и продаются по не очень высоким относительно рынка ценам²³.

Исламская мода сама по себе не может рассматриваться в качестве угрозы, однако она за счет своего распространения камуфлирует моменты, которые с большей обоснованностью можно отнести к субкультуре *jihadī cool*. Радикализм мимикрирует внутри нее (схема будет описана ниже), скрываясь среди безобидных атрибутов мусульманской культуры. И это можно считать признаком № 2.

Выявить радикализм возможно путем изучения сообществ (так называемых пабликов) в социальных сетях, а также отдельных роликов на видеохостинге YouTube. Соответствующие группы, находящиеся в свободном доступе, выдаются поисковыми системами социальных сетей, если пользователь, например, ищет в интернете мусульманскую одежду или актуальные аксессуары (так, видимо, настроены алгоритмы поиска, и исламисты об этом знают). Заходя в паблики, заинтересовавшиеся сталкиваются, во-первых, с пропагандой экстремистских взглядов, а во-вторых, с тотальным порицанием «греховного», то есть светского, образа жизни большей части населения России. Как правило, подобные группы имеют в своем названии слова «салафия», «таухид», «мухаджир», «ансар» и т.д., а количество их подписчиков колеблется в диапазоне от нескольких сотен до 45 тыс. Дизайн страниц в целом сходен — одинаковая строгая цветовая гамма с преобладанием черного, коричневого и золотого цветов. Структура контента — цитата видного исламского ученого, ее сокращенный вариант в виде картинка (главная мысль на красивом фоне) и короткие пояснения к ней. Информация должна привлекать не формой, но смыслом. Убедительность же достигается за счет манипулирования фразами из священных текстов — авторы рассчитывают на то, что читающий не будет сомневаться в истинности отрывков или перепроверять их с привлечением аятов или хадисов, то есть будет внутренне согласен с приведенными утверждениями.

Содержание сообществ — это прямые инвективы в адрес других монотеистических религий («Разве допустимо мусульманину сомневаться в куфре того, кто сказал: «Поистине у Аллаха есть соратник, или приписывает ему сына?»), или: «Поистине сыны Израиля погибли по причине их ученых и чтецов²⁴» и т.д.), ссылки на труды Ибн Таймийи и других исламских ученых, считающихся основоположниками доктрины салафизма, а также обсуждение нравов современных россиян (короткая женская одежда, курение, музыка, употребление алкоголя и т.д.). Отдельные информационные блоки посвящены «извратителям ислама» —

²³ Ссылки на сайты не приводятся специально, чтобы, во-первых, не нарушать авторских прав, а во-вторых, не создавать незаконной рекламы.

²⁴ Как в первом, так и во втором случае очевидны отсылки к 31-му аяту 9-й суры Корана: «Признавали [иудеи и христиане] богами, помимо Бога Единого, ученых мужей своих и монахов, а также Мессию, сына Марьям. Однако велено им поклоняться только Богу Единому, нет кроме него божества» (Коран. 9:31 / Османов М.-Н.О. М.: Диля, 2009. С. 178).

тагутам. Здесь критикуются духовные практики суфиев, являющихся в России весьма влиятельной религиозной силой, — совершение земного поклона перед наставником, раскаяние перед кем-то, кроме Аллаха, покорность не ради Аллаха и т.д. Отдельной темой проходят сюжеты порочности представителей власти²⁵.

Третьим признаком является джихад-рэп — явление весьма популярное среди радикальной молодежи в Европе и постепенно начинающее проникать в Россию. Анализ поисковых запросов в системе Wordstat.Yandex показал не очень высокий, но стабильный интерес к данной теме:

- «Исламский рэп» — на протяжении двух лет с 2020 по 2022 г. от 15 до 50 запросов в месяц;
- «Нашид (мусульманское песнопение. — *Прим. авт.*) джихад» — 800 запросов в месяц на середину 2020 г., и примерно 1000 запросов в месяц в 2022 г. (сравнить с рис. 3 и 4);
- «Джихад музыка» — повышение с уровня в 80 запросов в месяц на середину 2020 г. до 110–130 запросов в месяц в 2021 и 2022 гг.²⁶ (сравнить с рис. 3 и 4).

Изучение YouTube-роликов показало, что по основным параметрам продукция отечественных джихад-рэперов весьма сходна с западными образцами. Те же апелляции к божественной воле, та же пропаганда идей джихада, то же использование сленговой («блатной») лексики. Последний момент характеризует джихад-рэп как ответвление от гангста-рэпа — западные исследователи давно обратили внимание на родственность этих двух направлений хип-хоп культуры [Drağ, Krogulec, Marecki 2016; Pan, Sandberg 2019]. Для композиций характерны следующие сочетания слов: «В будущем все будет гладко, живи по нашим порядкам», «Ты мой покровитель, мы твои рабы, только покорные будут вознаграждены». Или: «Многие говорят, что мы произошли от обезьян, нас создал Аллах, кто не верит тому — харам», «Зачем, брат, куришь, зачем все это мутишь?», «Мы ваххабиты, нам нужна власть, за нее мы всему миру разорвем пасть» и т.д.²⁷

Момент, который отличает российский джихад-рэп, — это очевидное его сходство с суфийскими зикрами, в которых на протяжении всего священнодействия ритмично произносятся одна сакральная фраза — шахада, определенный аят Корана или Аль-Фатиха. В случае с рэпом это регулярное повторение важнейшей фразы всей песни. Например: «Наша цель — халифат, наш путь — джихад, наш закон — шариат», «Скажи „Нет божества кроме Аллаха. Един он. И не родил и не рожден“». В отдельных случаях также используется шахада, произносимая по-арабски²⁸. То есть отечественный джихад-рэп впитал в себя стилистические особенности российской мусульманской культуры.

²⁵ Ссылки на ресурсы не приводятся в соответствии с требованиями закона ФЗ № 114 «Об экстремистской деятельности».

²⁶ Подбор слов Яндексa. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (accessed: 19.07.2022).

²⁷ Представленные фрагменты размещены исключительно в исследовательских целях.

²⁸ Ссылки на ресурсы не приводятся в соответствии с требованиями закона ФЗ № 114 «Об

Приведенные факты свидетельствуют о проникновении в Россию специфических, сформировавшихся за рубежом субкультурных явлений, которые в перспективе могут стать питательной средой для формирования исламизма постиндустриального времени. Хотя на данный момент еще рано говорить о том, что новые формы радикализма окончательно пришли на отечественную почву.

В целом исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, радикальный ислам в России, как это было в течение всего советского и постсоветского периода, продолжает сохранять свою зависимость от тенденций, сформировавшихся за пределами нашей страны. Его идейно-политическая вторичность очевидна.

Во-вторых, исламизм постиндустриального времени распространяется на территории Российской Федерации. Развивается он примерно так же, как развивался в странах Европы и США — из синтеза криминального и исламистского элементов, формируясь в итоге в протестную политическую идеологию. Данная идеология отличается от классических образцов исламизма в том числе и тем, что базируется на субкультуре *jihadī cool*.

В-третьих, радикальный ислам постиндустриального времени может быть более опасен для политической стабильности в РФ, поскольку ориентирован не на избранность и духовную чистоту адептов, а на массовость. Его носители менее чувствительны к различиям между конфессиями мусульманской религии (не считают представителей других групп врагами и еретиками). Ключевыми же признаками для вступления в движение (пока стихийное) являются принадлежность к исламу и идея джихада (любого вида).

В-четвертых, новая форма исламизма будет наиболее активно развиваться в крупных городах, так как именно там наличествует благоприятная для формирования субкультур социальная среда — в Москве, Санкт-Петербурге, Ставрополе, Краснодаре и т.д. Нельзя также исключать частичного распространения постиндустриального исламизма в так называемых «тюремных джамаатах» — сообществах радикалов в местах лишения свободы, где также имеются условия для смешения различных укладов и традиций. Что касается уже существующего исламистского подполья, то здесь ситуация, скорее всего, будет протекать в привычном русле. Герилья Северного Кавказа весьма традиционна и эволюционирует под воздействием иных факторов. Однако процесс перетекания наиболее радикальных представителей *jihadī cool* в ряды вооруженных организаций с течением времени будет нарастать.

В-пятых, исламизм нового типа делает это деструктивное движение более сплоченным. Из-за невнимания к внутривнутрирелигиозным различиям с течением времени исчезает и главное препятствие на пути к объединению радикалов — принципиальная борьба за чистоту религии. Другими словами, склонность даже братьев по вере к компромиссам способствовала развитию конфликта, когда непримиримая часть отделялась от «конформистов» и объявляла им войну.

экстремистской деятельности».

Данный процесс проявился, например, в Сирии, когда разобщенность религиозной оппозиции привела ее в числе других факторов к военному поражению [Исаев и др. 2021]. В ситуации исламизма постиндустриального времени вероятность такого развития событий серьезно снижается.

В генезисе идеологии радикального ислама, особенно в российском контексте, пока еще много неясного. Не исключено, что светские черты постепенно «размоют» сущность движения и полностью его нивелируют. Однако возможен и обратный вариант, при котором изменения внутренней (в первую очередь экономической) конъюнктуры создадут иную социальную реальность, в которой исламизм станет вызовом национальных масштабов. Произойти это может не столько из-за агрессивности и непримиримости его адептов, сколько вследствие массовости, которую движение может приобрести.

Поступила в редакцию / Received: 01.08.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 08.08.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2022

Библиографический список

- Антиэкстремистская политика в России, Казахстане, Кыргызской Республике и Таджикистане: сравнительный обзор. М.: Центр «Сова», 2020. 70 с.
- Ахмадуллин В.А. Деятельность советского государства и духовных управлений мусульман по организации паломничества (1944—1965 гг.): анализ исторического опыта и значение для современности. М.: Издательский дом «Исламская книга», 2016. 208 с.
- Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М.: Наука, 1982. 612 с.
- Демиденко С.В., Кутузова А.А. Трансформация феномена радикального ислама в условиях постиндустриального общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2020. Т. 22. № 4. С. 690–712. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-690-712>
- Демиденко С.В., Кутузова А.А. Covid-19 и новая реальность исламского радикализма // Религия в современной России: события и дискурсы пандемии. М.: РУДН, 2021. С. 217–236.
- Демиденко С.В. Ирак — смена декораций // Вестник аналитики. 2014. № 3. С. 76–84.
- Игнатенко А.А. Ислам и политика. М.: Институт религии и политики, 2004. 256 с.
- Исаев Л.М., Коротаев А.В., Мардасов А.Г., Семенов К.В. Метаморфозы сирийской оппозиции. М.: ЛЕНАНД, 2021. 304 с.
- Курбанов Р.В. Что ждет Дом Саудов? // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. С. 143–153.
- Россия — Средняя Азия. Политика и ислам в XX — начале XXI вв. / под ред. Ф.М. Мухаметшина. Т. 2. М.: Издательство Московского университета, 2011.
- Сатановский Е.Я. Россия и Ближний Восток. Котел с неприятностями. М.: Эксмо, 2012. 410 с.
- Сюкияйнен Л.Р. Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация // Ислам в современном мире. Т. 12, 2016. № 3. С. 139–154.
- Хасан М. Источник террора: идеология ваххабизма-салафизма. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. 158 с.
- Хэйвуд Э. Политология / пер. с англ.; под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Вельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 544 с.

- Шегаев И.С. Ислам в политическом дискурсе: концепты, стереотипы, радикализм. Казань: Бук, 2017. 136 с.
- Al Anani Khalil. Post Islamism: The Changing Faces of Political Islam // *Sociology of Islam*. 2014. Vol. 2. P. 347–365.
- Bayat A. The coming of a post-Islamist Society // *Critical Middle Eastern Studies*. 1996, no. 5. с. 43–52.
- Bayat A. What is Post-Islamism? // *ISIM Review*. 2005. P. 1–6.
- Drag W., Krogulec J., Marecki M. War and Words. Representations of Military Conflict in Literature and the Media. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2016. 160 p.
- Ilan J., Sandberg S. How ‘gangsters’ become jihadists: Bourdieu, criminology and the crime–terrorism nexus // *European Journal of Criminology*. 2019. Vol. 16, no. 3. P. 278–294.
- Luz G-G. Post-Islamism, the Failure of an Idea: Regards on Islam and Nationalism from Khomeini’s Death to the Arab Revolts // *Religion Compass*. 2002. Vol. 6, no. 10. P. 451–466.
- Price E. Terrorists, Extremists, Militants: Selected Biographies, Autobiographies and related Documents and Writings // *Perspectives on Terrorism*. 2014. Vol. 8, no. 3. P. 126–134.
- Schmid A.P. The Routledge Handbook of Terrorism Research. N.Y.: Taylor & Francis. 2011. 718 p.
- Travis M. Dark ideas: how neo-Nazi and violent jihadi ideologues shaped modern terrorism. Lanham: Lexington Books, 2017. 171 p.
- Tugal C. Islamism in Turkey: beyond instrument and meaning // *Economy and Society*. 2002. Vol 1. P. 85–111.
- Warrick J. Black Flags: The Rise of ISIS. Anchor, 2016. 384 p.

References

- Akhmadullin, V.A. (2016). Activities of the Soviet State and Religious Administrations of Muslims in Organizing Pilgrimages (1944–1965): Analysis of Historical Experience and Significance for the Present. Moscow: Publishing House ‘Muslim Book’, 208 p. (In Russ.).
- Al-Anani, Khalil. (2014). Post Islamism: The Changing Faces of Political Islam. *Sociology of Islam*, 2, 347–365.
- Anti-Extremist Policy in Russia, Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and Tajikistan. Comparative Review. (2020). Moscow: Center ‘Sova’, 70 p. (In Russ.).
- Bayat, A. (1996). The coming of a post-Islamist Society. *Critical Middle Eastern Studies*, 5, 43–52
- Bayat, A. (2005). What is Post-Islamism? *ISIM Review* (pp. 1–6).
- Demidenko, S.V. (2014). Iraq — change of scenery. *Bulletin of analytics*, (3), 76–84 (In Russ.).
- Demidenko S.V., Kutuzova A.A. (2020). The Transformation of Radical Islam in a Post-Industrial Society. *RUDN Journal of Political Science*. 22(4), 690–712 (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-690-712>
- Demidenko S.V., Kutuzova A.A. (2020). Covid-19 and the New Reality of Islamic Radicalism. In *Religion in Modern Russia: Pandemic Events and Discourse* (pp. 217–236). Moscow: RUDN University. (In Russ.).
- Drag, W., Krogulec, J., & Marecki, M. (2016). War and Words. Representations of Military Conflict in Literature and the Media. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 160 p.
- Hasan, M. (2005). Source of Terror: the Ideology of Wahhabism-Salafism. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 158 p. (In Russ.).
- Heywood, A. (2005). *Political Science*. Moscow: YUNITI-DANA, 544 p. (In Russ.).
- Ignatenko, A.A. (2004). Islam and Politics. Moscow: Institute of Religion and Politics, 256 p.
- Ilan, J., & Sandberg, S. (2019). How ‘gangsters’ become jihadists: Bourdieu, criminology and the crime–terrorism nexus. *European Journal of Criminology*, 16(3), 278–294.
- Isaev, L.M., Korotaev A.V., Mardasov A.G., & Semenov K.V. (2021). Metamorphoses of Syrian Opposition. Moscow: Lenand, 304 p. (In Russ.).

- Kurbanov, R.V. (2012). What's next for the House of Saud? *Russia in Global Affairs*, (4), 143–153 (In Russ.).
- Luz, G-G. (2002) Post-Islamism, the Failure of an Idea: Regards on Islam and Nationalism from Khomeini's Death to the Arab Revolts *Religion Compass*, 6(10), 451–466.
- Price, E. (2014). Terrorists, Extremists, Militants: Selected Biographies, Autobiographies and related Documents and Writings. *Perspectives on Terrorism*, 8(3), 126–134.
- Russia — Central Asia. Politics and Islam in XX — early XXI centuries (Vol. 2). (2011). Moscow: Moscow University Press, 368 p. (In Russ.).
- Satanovsky, Y.Y. (2012). Russia and the Middle East. Cauldron with Troubles. Moscow: Eksmo, 410 p. (In Russ.).
- Shegaev, I.S. (2017). Islam in Political Discourse: Concepts, Stereotypes, Radicalism. Kazan: Buk Publishing House, 136 p. (In Russ.).
- Schmid, A.P. (2011). The Routledge Handbook of Terrorism Research. N.Y.: Taylor & Francis, 718 p.
- Syukiyainen, L.R. (2016). The Islamic Concept of the Caliphate: Initial Principles and Modern Interpretation. *Islam in the Modern World*, 3(12), 139–154 (In Russ.).
- Travis, M. (2017). Dark ideas: how neo-Nazi and violent jihadi ideologues shaped modern terrorism. Lanham: Lexington Books, 171 p.
- Tugal, C. (2002). Islamism in Turkey: beyond instrument and meaning. *Economy and Society*, 1, 85–111.
- Vasilyev, A.M. (1982). History of Saudi Arabia. Moscow: Nauka, 612 p.
- Warrick, J. (2016). Black Flags: The Rise of ISIS. Anchor, 384 p.

Сведения об авторах:

Демиденко Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, декан факультета политических исследований Института общественных наук Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (e-mail: demidenko-sv@ranepa.ru) (ORCID: 0000-0002-6519-9474)

Маргулис Сергей Борисович — старший преподаватель кафедры международной политики и зарубежного регионоведения факультета политических исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (e-mail: margulis-sb@ranepa.ru) (ORCID: 0000-0003-0674-2550)

Файншмидт Роман Иосифович — старший преподаватель кафедры международной политики и зарубежного регионоведения факультета политических исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. (e-mail: faynshmidt-ri@ranepa.ru) (ORCID: 0000-0002-5212-1926)

About the authors:

Sergei V. Demidenko — PhD Historical in Science, Dean of the Faculty of Political Research, Institute of Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation) (e-mail: demidenko-sv@ranepa.ru) (ORCID: 0000-0002-6519-9474)

Sergei B. Margulis — Senior Lecturer of the Department of International Politics and Foreign Regional Studies, the Faculty of Political Research, Institute of Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: margulis-sb@ranepa.ru) (ORCID: 0000-0003-0674-2550)

Roman I. Fainshmidt — Senior Lecturer of the Department of International Politics and Foreign Regional Studies, the Faculty of Political Research, Institute of Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation) (e-mail: faynshmidt-ri@ranepa.ru) (ORCID: 0000-0002-5212-1926)

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА С СЕВЕРА НА ЮГ И С ЗАПАДА НА ВОСТОК

RUSSIAN POLITICS FROM NORTH TO SOUTH AND FROM WEST TO EAST

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-686-710

Научная статья / Research article

Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области

А.В. Соколов , Е.А. Исаева

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль,
Российская Федерация*

 alex8119@mail.ru

Аннотация. Развитие информационно-коммуникативных технологий способствует созданию и активному использованию различных цифровых сервисов и платформ в публичной сфере взаимодействия органов власти и общества. Однако условия их взаимодействия в цифровом пространстве, особенно на региональном уровне, исследованы недостаточно и требуют пристального внимания. В связи с этим в статье анализируются процессы цифровизации электоральных процедур, институтов общественных палат и общественных советов, деятельности некоммерческих организаций (НКО) и добровольчества как форм взаимодействия власти и общества. Эмпирические данные были собраны в ходе целого ряда исследований: анализа деятельности ресурсных центров поддержки НКО и гражданских активистов; анализа активности общественных палат в Интернете; выявления государственного регулирования процесса цифровизации ключевых форм общественной деятельности; опросов сотрудников органов публичной власти Ярославской области; опросов руководителей и сотрудников некоммерческих организаций Ярославской области; изучения отдельных кейсов цифровизации государственных и общественных институтов. В ходе исследования был сделан вывод о значительном проникновении цифровых технологий в ключевые процессы публичного управления и организации взаимодействия государства и общества. При этом наблюдается их опривычивание и восприятие как рутинных процедур, от которых уже не ожидают существенных преобразований и эффектов во взаимодействии с внешними субъектами и партнерами. Вместе с тем создаваемые ими элементы

© Соколов А.В., Исаева Е.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

цифровой инфраструктуры слабо связаны друг с другом, используются формально. Более оптимальным является экосистемный подход, интегрирующий цифровую инфраструктуру с целью повышения эффективности публичного управления.

Ключевые слова: цифровизация, власть, Ярославская область, Общественная палата, общественный совет, выборы, некоммерческие организации, НКО, добровольчество

Для цитирования: Соколов А.В., Исаева Е.А. Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 686–710. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-686-710>

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках исследовательского проекта № 22-28-01517 «Цифровые экосистемы в политике: проблемы создания и перспективы развития», <https://rscf.ru/project/22-28-01517>

Transforming the Interaction Between Authorities and Civil Society in Digital: The Evidence from the Yaroslavl Region

Alexander V. Sokolov , Elena A. Isaeva

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

 alex8119@mail.ru

Abstract. The development of information and communication technologies contributes to the creation and active use of various digital services and platforms in the public sphere of interaction between government and society. However, the conditions of their interaction in the digital space, especially at the regional level, have not been sufficiently studied and require close attention. In this regard, the article analyzes the processes of digitalization of electoral procedures, institutions of public chambers and public councils, the activities of non-governmental organizations (NGOs) and volunteerism as forms of interaction between government and society. Empirical data were collected in a number of studies: analysis of the activities of resource centers for supporting NGOs and civil activists; analysis of the activity of public chambers on the Internet; identification of state regulation of the digitalization process of key forms of public activity; surveys of employees of public authorities of the Yaroslavl region; surveys of managers and employees of non-profit organizations of the Yaroslavl region.

Keywords: digitalization, power, Yaroslavl region, public chamber, public council, elections, non-governmental organizations, NGOs, volunteerism

For citation: Sokolov, A.V., & Isaeva, E.A. (2022). Transforming the interaction between authorities and civil society in digital: The evidence from the Yaroslavl region. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 686–710. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-686-710>

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, research project No. 22-28-01517 “Digital ecosystems in politics: problems of creation and prospects for development”, <https://rscf.ru/project/22-28-01517>

Введение

Выстраивание эффективной региональной системы взаимодействия властных институтов и институтов гражданского общества предполагает обеспечение открытости диалога между ними, удобство коммуникации и вовлечения новых участников, возможность управления дискурсом, сохранение и верификацию публичных договоренностей. Всему этому способствует создание цифровой среды для взаимодействия заинтересованных сторон, создание различных электронных сервисов, способствующих ему. В связи с тенденциями к цифровизации общественно-политического пространства актуальной представляется трансформация технологий функционирования действующих общественных структур в России. Несмотря на то, что многие из них (общественные советы, общественные палаты) создавались, когда Интернет не был столь масштабной сетью, а самой глобальной сетью пользовалась малая доля населения, информационно-коммуникативные технологии вывели в настоящее время на новый виток развития все диалоговые институты взаимодействия власти и общества.

В последние годы наблюдаются значительные усилия государства по созданию открытых цифровых систем взаимодействия с населением. Например, через портал государственных услуг был создан портал «объясняем.рф». Крупные бизнес-структуры (в частности «Сбер», VK, «Яндекс») создают для своих пользователей цифровые экосистемы, постоянно совершенствуя уровень и линейку доступных сервисов. Государственная поддержка некоммерческих организаций (НКО) и гражданских активистов трансформировалась почти повсеместно благодаря Фонду президентских грантов в открытый электронный формат.

Период пандемии COVID-19 показал актуальность развития цифровых каналов взаимодействия власти и общества. Важно отметить, что развитие ИКТ позволило менее болезненно переживать пандемию COVID-19. А с другой стороны, пандемия COVID-19 существенно ускорила внедрение ИКТ в форматы взаимодействия власти и общества.

В рамках данного исследования авторами была поставлена цель выявления особенностей цифровой трансформации взаимодействия власти с некоммерческими организациями, гражданскими активистами, общественными диалоговыми площадками в Ярославской области, в том числе посредством формирования цифровой среды для удобного открытого системного диалога и проявления позитивной гражданской активности.

Теоретические подходы в исследовании цифровизации взаимодействия власти и общества

Взаимодействие власти и общества, которое осуществляется через государственные и общественные институты, является отражением реализуемых в государстве моделей и практик управления. Эффективное государственное и муниципальное управление сегодня невозможно без широкой общественной поддержки [Скворцов 2018]. Объединяясь, государственные, муниципальные,

некоммерческие и частные организации являются системой по обеспечению и удовлетворению общественных интересов, производству общественных благ.

Проявления самоорганизации граждан позволяют говорить о практиках гражданской активности и ее формах: институциональных (некоммерческих организаций) и неинституциональных («низовой» активизм). Зачастую исследователи рассматривают деятельность НКО и их развитие как фактор совершенствования государственного управления, где при этом государственная поддержка НКО стимулирует участие граждан в управлении обществом, повышает уровень доверия к властным органам и легитимацию их управленческой деятельности. Однако, согласно мнению исследователя Р. Хасматха и его коллег, регулирование НКО — стратегия государства, чтобы иметь (корпоративистский) механизм, который питается непосредственно в «низовом гражданском пространстве» [Hasmatha 2019].

А.Ю. Сунгуров указывает, что современной тенденцией развития публичного управления является внедрение технологически обусловленных каналов взаимодействия гражданского общества и государства, которые могут включать как консультирование органов власти на электронных площадках, так и прямое участие в государственном управлении [Сунгуров 2021]. В связи с этим можно говорить о том, что развитие цифровизации создает новые возможности для развития взаимодействия власти и общества. Однако если органы власти используют интернет-инструменты главным образом для информирования граждан, то, как отмечают исследователи, гражданские активисты помимо информирования активно стремятся организовать мобилизацию активистов и коммуникацию между ними [Teocharis 2015].

В связи с этим актуализируется потребность в адаптации новейших информационно-коммуникационных технологий к потребностям человека, общества, государства, а также согласовании их интересов [Баранов 2020]. При этом важно согласиться с классиком исследований Интернета — Евгением Морозовым, который отметил, что не любое онлайн-действие представляет собой реальную гражданскую активность с соответствующими действиями. Его вывод относительно недавно подтвердил К. Хеншен, проведя эксперимент [Haenschen 2019]. Он создал сообщество в Facebook¹ для защиты исторического фонтана в Копенгагене. В данное сообщество вступило более 27 тысяч человек. При этом важно отметить, что фонтану в реальности ничего не угрожало, но и на практике никто из участников сообщества не предпринял никаких действий в офлайн и даже не проверил достоверность информации о сносе фонтана.

Аналогичную позицию демонстрируют Д. Дамитрика и М. Фельт. Они отмечают, что гражданские активисты скорее ориентированы на онлайн-действия, ожидая от них существенно большего эффекта, чем те могут дать в действительности [Dumitrica 2019]. При этом Интернет может активно использоваться как среда манипулирования и дезинформирования [Dawson 2019].

¹ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

В то же время цифровизация и формируемые в связи с ней запросы граждан вынуждают органы власти становиться более публичными, предпринимать шаги по созданию онлайн-механизмов вовлечения граждан в процесс обсуждения и принятия решений [Amirkhanyan 2018]. В результате трансформируются роли государства и общества в публичном управлении и процессе принятия политических решений.

Современное общество диктует условия тотального значения информации и цифры, которые трансформируют и гражданское участие, и государственное управление. Повсеместное применение информационных технологий в значительной степени изменило и продолжает менять функционирование демократических институтов. Использование возможностей Интернета для реализации форм гражданской активности — НКО и общественных объединений — связано с понятием «электронного участия». А.В. Чугунов определяет его «как комплекс методов и инструментов, обеспечивающих электронное взаимодействие граждан и органов власти с целью учета мнения граждан в государственном и муниципальном управлении при принятии политических и управленческих решений» [Чугунов 2016].

Электронное участие помогает повысить действенность общественных организаций, создать социальную ценность, способствуя установлению демократического правления, а также повысить удовлетворенность граждан, расширение их возможностей и личные выгоды [Nabatchi 2017]. А.Д. Трахтенберг указывает на символическую значимость и эффективность информационных технологий, в связи с чем их внедрение необходимо для структур, которые стремятся иметь статус эффективных и современных. Это относится к органам государственной власти, которые постоянно нуждаются в легитимации своего права на управление и контроль [Трахтенберг 2013].

С.В. Володенков и С.Н. Федорченко указывают, что в условиях развития информационно-коммуникативных технологий меняются содержательные и функциональные характеристики гражданско-политического активизма, во многом предопределяясь используемыми цифровыми платформами (то есть используемым инструментарием для осуществления своей деятельности) [Володенков, Федорченко 2021].

Рассматривая цифровизацию взаимодействия власти и граждан, важно отметить амбивалентность данного процесса. В частности, исследователи Н.В. Плотичкина, Е.В. Морозова и И.В. Мирошниченко отмечают актуальность вопроса цифрового неравенства [Плотичкина 2020]. Они указывают значимую роль НКО и межсекторного партнерства в снижении ее актуальности.

Выстраивание электронного взаимодействия органов публичной власти и общества создает условия для согласования их мнений и позиций, а также способствует совершенствованию административных процедур государственного управления. Усиливающиеся меры регулирования гражданской активности в Интернете, специфика развития гражданского общества, а также новые условия пандемии коронавирусной инфекции и их последствия

устанавливают дополнительные правила на взаимодействие государства с обществом в онлайн- и офлайн-пространствах. Таким образом, информационно-коммуникационные и цифровые технологии электронного участия являются инфраструктурой, способствующей вовлечению в гражданскую активность и взаимодействию с властью. При этом важными являются институциональные, организационные, правовые условия, которые воздействуют на характер управления.

Региональный характер развития взаимодействия власти и граждан рассматривается целым рядом исследователей, в том числе и в аспекте внедрения в данный феномен цифровых инструментов. В.Н. Якимец и Л.И. Никовская рассматривают его через показатели публичной политики [Никовская 2021], а также формирования конкретных цифровых механизмов взаимодействия власти и общества (краудсорсинг, механизм муниципально-частного партнерства, инициативное бюджетирование, муниципальный социальный заказ, комиссии и рабочие группы Государственного совета) [Якимец 2021]. В.А.Белый, Л.А.Видясова и А.В. Чугунов провели комплексный анализ электронной среды взаимодействия власти и граждан в Санкт-Петербурге [Белый 2022]. Ряд исследователей сконцентрировались на анализе характера и содержания дискурса на цифровой платформе «Наш Санкт-Петербург». В ходе исследования они выявили, что была обнаружена взаимосвязь доминирования аффордансов, соответствующих «авторитарному» типу управленческой ментальности, и формирования преимущественно информационных суждений по бихевиоральному типу [Сморгунов 2021].

Методы исследования

Статья базируется на обобщении серии исследований, проведенных авторами с целью анализа трансформации ключевых форм взаимодействия власти и общества, а также гражданской активности в условиях развития информационно-коммуникативных технологий:

- исследования деятельности ресурсных центров поддержки НКО и гражданских активистов;
- анализа активности общественных палат в Интернете;
- выявления государственного регулирования процесса цифровизации ключевых форм общественной деятельности;
- опросов сотрудников органов публичной власти Ярославской области;
- опросов руководителей и сотрудников некоммерческих организаций Ярославской области;
- изучения отдельных кейсов цифровизации государственных и общественных институтов.

Комплексный эмпирический материал, собранный авторами, позволил представить специфику трансформации взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации (на примере Ярославской области).

Условия взаимодействия власти и общества в цифровой среде в Ярославской области

Результаты проведенного авторами лонгитюдного исследования демонстрируют, что число жителей, вовлеченных в гражданскую активность за последний год, значительно выросло и составляет 51,3 % (с 31,8 % на начало 2020 г.)². При этом заметно увеличение проявления офлайн-активности — участие в жизни своего дома (31,2 %), благотворительности (24,5 %) и политической деятельности (8,8 %). Также наблюдается снижение степени вовлеченности жителей региона в различные формы гражданской активности в Интернете. Однако здесь скорее проявляется опривычивание и перевод конкретных форм гражданской активности в рутинные действия в Интернете.

Отмечается постепенный рост доли тех жителей Ярославской области, которые активно ведут свои аккаунты в социальных сетях (с 10 % в 2020 г. до 19,3 % на начало 2022 г.). Заметно сократилось число жителей, подписывающих петиции (с 12,1 % на начало 2020 г. до 0,6 % в начале 2022 г.).

Среди основных форм гражданской активности в Интернете в Ярославской области можно отметить поиск новостной информации (33,4 %), поддержку постов и суждений лайками и репостами (14,7 %), чтение новостей политиков и лидеров общественного мнения (17,9 %).

Доля жителей Ярославской области, считающих, что Интернет влияет на развитие гражданской активности, выросла (41,2 % на начало 2021 до 49 % на начало 2022 г.). Это достаточно высокий показатель, особенно если учитывать, что четверть респондентов затруднились с ответом на этот вопрос. При этом 54,3 % жителей считает, что онлайн-активность вытесняет офлайн, а четверть (24,4 %), что Интернет усиливает офлайн-формы участия.

В целом число граждан, отмечающих удобство общения с органами власти онлайн, значительно выросло за последний год (с 25,9 % на начало 2021 г. до 45,3 % на начало 2022 г.). Несмотря на это, треть граждан (32,6 %) отрицает удобство общения и лишь 12,7 % относятся к такому формату взаимодействия исключительно положительно.

Жители Ярославской области считают, что государство в той или иной степени поддерживает их вовлечение в гражданскую активность (42 %). При этом четверть респондентов (25,6 %) все еще убеждено, что государство противодействует вовлечению граждан. Этот показатель практически не изменился за последние 3 года.

Большинство жителей полагают, что реакция органов власти на онлайн и офлайн гражданскую активность отличается — 49,3 % (35,1 % на начало 2021 г.). Основным различием респонденты назвали более активную реакцию на онлайн-активность — 44,5 % (16,7 % на начало 2021 г.). Таким образом, можно

² *Соколов А.В.* Социальная активность жителей Ярославской области, их отношение к общественным организациям: доклад о состоянии гражданского общества в Ярославской области в 2021 г. URL: <https://opyo.yarregion.ru/upload/iblock/f45/f4528f797b7bcf968ff9ac96a8b2fa14.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

говорить о том, что граждане видят все большее внимание государства к проявлению активности в цифровой среде.

Как демонстрируют результаты лонгитюдного исследования, по мнению представителей органов власти, в Ярославской области наиболее представлено волонтерство и добровольчество (26,7 %)³. Среди трех основных форм также указывались гражданская активность в Интернете во всех формах (19,2 %) и письма, обращения в органы власти. Также важно отметить, что инициативные действия граждан в сети Интернет широко представлены по мнению 50,5 % сотрудников органов публичной власти (против 36,5 % в 2021 г.), особенно заметно снижение оценки слабой представленности этой активности (с 20,8 % в 2021 г. до 7,7 % в 2022 г., что ниже, чем показатель 2020 г. — 14,5 %).

В целом представители органов власти отмечают изменения в своей работе в связи с развитием гражданской активности в Интернете (75,8 %). Необходимо отметить рост оценки отсутствия изменений с 10,9 % в 2021 г. до 18,7 % в 2022 г., что говорит об общей нормализации работы органов власти с гражданской активностью в Интернете.

Главными изменениями чиновники посчитали ускорение работы с обращениями граждан (15 %), создание сервисов для онлайн-работы (14,2 %) и внедрение цифрового документооборота (11 %). В целом 28 % из них отметили изменения во всех направлениях работы с гражданской активностью в Интернете.

31,9 % сотрудников органов публичной власти Ярославской области считают, что действия в Интернете в полной мере могут восприниматься как фактические проявления гражданской активности, а 60,4 % считают, что такие действия могут лишь частично восприниматься как проявление гражданской активности.

Взаимодействие на цифровых платформах

Внедрение цифровых сервисов для оказания государственных услуг и оптимизации взаимодействия государства с гражданами привело к формированию концепции «государства как платформы», которая предполагает не просто интеграцию цифровых сервисов и госуслуг, а внедрение системы поддержки принятия решений, основанных на данных [Чугунов 2021]. При этом отмечается избирательность процессов цифровизации, которые предпринимаются государством: приоритет в трансформации официальных институтов, в то время как взаимодействию с гражданами и обществом в целом уделяется существенно меньше внимания [Ермаков 2020].

Созданный в Ярославской области портал «Народного правительства» содержит электронный сервис по формированию и ведению регионального

³ Соколов А.В. Гражданское общество и деятельность некоммерческих организаций (общественных объединений) в Ярославской области глазами представителей региональной и местной власти. Доклад о состоянии гражданского общества в Ярославской области в 2021 г. URL: <https://opyu.yarregion.ru/upload/iblock/f45/f4528f797b7bcf968ff9ac96a8b2fa14.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

реестра экспертов. С помощью реестра реализуется новый формат взаимодействия власти и жителей региона — теперь на системной основе граждане, эксперты, представители коммерческих и некоммерческих организаций могут участвовать в формировании региональной политики. Участники реестра могут обсуждать, дополнять и корректировать проекты нормативных правовых актов, разрабатываемых региональными органами исполнительной власти; получать актуальную информацию о тенденциях региональной политики в интересующей сфере (экономика, образование, туризм и т.д.); общаться с представителями органов власти и другими участниками экспертного сообщества; участвовать в мероприятиях Правительства области. Реестр формируется по заявительному принципу — войти в него может любой желающий. Чтобы принять участие, надо зарегистрироваться в реестре экспертов на портале «Народного правительства».

Важный электронный сервис на портале — возможность проведения общественного обсуждения проектов нормативных актов. Пользователи вправе комментировать, а также вносить собственные редакции положений вынесенного на экспертизу документа (законопроекта). Редакция, предложенная Пользователем, также может быть оценена другими пользователями посредством голосования, к ней могут быть созданы комментарии.

Однако следует отметить, что данный портал является практически не востребовавшимся обеими сторонами взаимодействия:

- органы власти минимизируют свою активность на нем, как в аспекте размещения проектов нормативно-правовых актов, так и реакции на действия, комментарии граждан;
- граждане и внесенные в реестр эксперты слабо откликаются на размещаемые документы, редко используют возможность голосования.

Это позволяет говорить о том, что созданный механизм взаимодействия не работает и не выполняет возлагаемую на него функцию.

Инфраструктура влияния государства на цифровое пространство

Органы публичной власти, осознавая важность Интернета, как новой среды, активно развивают свою деятельность в двух ключевых направлениях: мониторинге интернет-активности и формировании повестки в цифровой среде. Как отмечают О.Г. Филатова и А.В. Чугунов, начиная с 2020 г. в России развиваются новые каналы взаимодействия с гражданами (централизованная платформа обратной связи и др., которые обеспечиваются в рамках функционирования системы ЦУР, что вызывает в ряде случаев дублирование каналов на региональном уровне) [Филатова 2022]. Одним из ключевых элементов инфраструктуры по мониторингу и влиянию на повестку является деятельность созданных по всей стране Центров управления регионом АНО «Диалог» (ЦУР). Они ориентированы как на отслеживание активности граждан, так и на диспетчеризацию их запросов и проблем, обозначенных

в Интернете. Важно отметить, что в ранее проведенных исследованиях 36 % сотрудников органов публичной власти указывали, что проводят мониторинг онлайн гражданской активности⁴.

Первый заместитель генерального директора АНО «Диалог Регионы» К. Истомина отметил, что была разработана методика рейтингования губернаторов и мэров в социальных сетях и эффективности работы с обращениями граждан в Интернете⁵. Тем самым стимулируется активизация работы главных должностных лиц в цифровом пространстве, создание разветвленной цифровой инфраструктуры взаимодействия власти и общества.

Для эффективного мониторинга активности в Интернете была разработана и внедрена в работу органов публичной власти система «Инцидент менеджмент». В нем ЦУР осуществляет мониторинг соцсетей и мессенджеров, выявляя потребности и проблемы населения, а затем передает для работы в органы власти.

Данная система позволяет не только снижать социальную напряженность посредством реагирования на запросы граждан, но и формировать позитивную повестку в глобальной сети, демонстрировать открытость и отзывчивость органов публичной власти.

В Ярославской области ЦУР был создан в конце 2020 г. За первый год работы были обработаны 85 тысяч обращений граждан, поступивших через систему «Инцидент менеджмент» и Госуслуги, «Решаем вместе», а скорость рассмотрения этих обращений сократилась в 4 раза⁶. Для быстрого и удобного предоставления жителям региона необходимой информации были созданы чат-боты по самым актуальным в регионе вопросам, таким как вакцинация от COVID-19 и транспортная реформа.

Деятельность глав субъектов Федерации в цифровой среде наблюдается и в Ярославской области. Однако на данный момент в аккаунтах губернатора региона М.Я. Евраева доминируют материалы отчетно-информационного характера [Исаева 2022]. Всего 11 % всех постов уделяют внимание взаимодействию Губернатора с жителями области. Это снижает отклик и заинтересованность потенциальной аудитории. Наблюдается несистемное наполнение аккаунта — от 0 до 8 постов в день. При этом присутствует стремление сформировать образ лидера-технократа, сосредоточенного на внутренней работе органов власти, нежели чем «народного управленца», уделяющего внимания непосредственной работе с жителями.

⁴ Соколов А.В. Гражданское общество и деятельность некоммерческих организаций (общественных объединений) в Ярославской области глазами представителей региональной и местной власти // Доклад о состоянии гражданского общества в Ярославской области в 2021 г. URL: <https://oryo.yarregion.ru/upload/iblock/f45/f4528f797b7bcf968ff9ac96a8b2fa14.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

⁵ Аллаяров Д., Батин С. Во власти Екатеринбурга бьются за миллионы на ремонты дорог. URL: <https://ura.news/news/1052577862> (дата обращения: 20.06.2022).

⁶ Центру управления регионом исполнился год. URL: <https://yarreg.ru/articles/centru-upravleniya-regionom-ispolnilsya-god/> (дата обращения: 20.06.2022).

Цифровизация электоральных процедур

Внедрение цифровых процедур в избирательный процесс началось с осуществления политической агитации в Интернете. После появления данной практики законодатель осуществил ряд действий по регламентации данного вида активности в цифровой среде.

Первоначально, отвечая на запросы по оптимизации ряда организационных процедур, были внедрены процедуры автоматизированного подсчета голосов (посредством комплексов обработки избирательных бюллетеней — КОИБ). Значимым этапом трансформации каналов взаимодействия власти и общества является внедрение дистанционного электронного голосования (далее — ДЭГ). Оно отвечает современным вызовам и запросам, но также является амбивалентным, как и вся цифровизация. Впервые электронное голосование было апробировано на выборах в 2019 г. На данном этапе ДЭГ применяется в пилотном режиме в отдельных субъектах Российской Федерации, тестируются его форматы и технологические решения. Например, на выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации VIII созыва оно было организовано в 7 регионах: Москве, Севастополе, Курской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской и Ярославской областях. Председатель ЦИК России Э. Памфилова отмечала, что «онлайн-голосование должно обеспечивать прозрачность, контроль и тайну голосования, а также минимизировать риски внешнего вмешательства»⁷.

Несмотря на наличие определенных сложностей, нерешенных проблем, ДЭГ не вызывает однозначного неприятия со стороны граждан. Всероссийский центр изучения общественного мнения и Центр политической конъюнктуры выявили, что 66 % респондентов готовы активно голосовать в дистанционной форме, 31 % опрошенных отдадут предпочтение дистанционному электронному голосованию перед голосованием на избирательном участке с помощью бумажного бюллетеня⁸.

Впервые ДЭГ в Ярославской области был применен в 2020 г., когда она стала одним из пилотных регионов для тестирования системы. Явка избирателей региона в дистанционном электронном голосовании на довыборах в Госдуму 2020 г. составила 91,54 %⁹. На выборах депутатов Госдумы в 2021 г. явка ярославских участников ДЭГ составила 94 %. В третий раз ДЭГ был использован на выборах губернатора Ярославской области и депутатов муниципалитета Ярославля в сентябре 2022 г.

⁷ В РФ подвели итоги общественного тестирования электронного голосования. URL: <https://riafan.ru/1307125-v-rf-podveli-itogi-obshestvennogo-testirovaniya-elektronnogo-golosovaniya> (дата обращения 16.02.2022).

⁸ Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и Центра политической конъюнктуры. Пioneры интернет-выборов. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/pionery-internet-vyborov> (дата обращения: 25.04.2022).

⁹ *Гузенко Г.* В Ярославской области на выборах 2022 г. применяют дистанционное электронное голосование. Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5394357> (дата обращения: 20.06.2022).

Важным условием использования ДЭГ является глубина проникновения в Интернет, его доступность среди избирателей. По информации избиркома, из 997,5 тыс. избирателей региона 75 % имеют подтвержденную учетную запись на портале «Госуслуги», пользуются высокоскоростной интернет-связью более 75 % областных избирателей, что позволяет воспользоваться системой ДЭГ.

Важно отметить, что на данный момент ДЭГ является скорее альтернативным способом волеизъявления традиционному голосованию с использованием бумажного бюллетеня. При этом цифровые решения и платформы развиваются, внедряются новые функции (например, сбор подписей в поддержку выдвижения кандидатов на выборные должности). Это позволяет предполагать, что данная процедура будет полностью интегрирована с порталом Госуслуг, который будет адаптирован для решения всего комплекса задач и работ в рамках процедур выборов и референдумов. Тем самым будет осуществлена цифровизация и данного формата взаимодействия власти и общества.

Как отмечает Н.А. Баранов, ключевым аспектом в процессе внедрения электронного голосования является обеспечение его безопасности и признание гражданами его достоинств [Баранов 2022].

Цифровизация института общественных палат

Наиболее широкой по охвату числа гражданских активистов площадкой взаимодействия власти и общества на региональном уровне выступает Общественная палата субъекта Российской Федерации. Становление и развитие данного института имеет противоречивый характер [Сунгуров 2021]. Эффективным инструментом вовлечения граждан в свою работу и публичного обозначения позиции по ключевым для региона вопросам выступает создание цифровых каналов коммуникации Общественных палат: сайтов, страниц (сообществ) в социальных сетях. При грамотно созданной цифровой информационной инфраструктуре, в которой в качестве активных участников выступают и сами члены, Общественная палата может донести информацию до самого широкого круга заинтересованных.

Исследование, проведенное ранее авторами статьи [Isaeva 2022], позволяет сделать вывод, что, к сожалению, общественные палаты субъектов Российской Федерации в большей части слабо используют возможности социальных сетей для информирования о своей деятельности. Результаты исследования демонстрируют, что вовлеченность аудитории на страницах в социальных сетях достаточно низкая. Количество комментариев, репостов и лайков минимальное. Это также позволяет говорить о том, что аккаунты в социальных сетях региональных общественных палат представляют собой однонаправленное информирование в формате, характерном скорее для традиционных СМИ и «досок объявлений». Также важно отметить, что количество лайков, репостов, комментариев под постами свидетельствует о том, что сами члены общественных палат регионов не заинтересованы в созданных электронных ресурсах. Их присутствие на площадке практически не ощущается. Члены палаты не воспринимают

социальные сети как канал собственного позиционирования, как площадку информирования о своей деятельности, канал коммуникации с населением региона или органами власти.

Таким образом, можно говорить о том, что общественные палаты субъектов Российской Федерации создают определенную инфраструктуру электронных ресурсов, однако она используется как односторонний канал информирования с минимальной вовлеченностью целевой аудитории в диалог. Основной контент, размещаемый в аккаунтах социальных сетей региональных общественных палат, носит положительный эмоциональный окрас: успешно обсудили, провели мероприятие, привлекли внимание, поздравили (более 90 %). При этом достаточно мало размещенных материалов имеет характер конкретных результатов и демонстрации решенных проблем.

Общественная палата Ярославской области стремится создать собственную цифровую экосистему: сайт, аккаунты в социальных сетях и мессенджерах. Оценивая ее, целесообразно отметить, что она является одним из лучших выявленных в рамках проведенного исследования примеров. В социальной сети «ВКонтакте»¹⁰ у Общественной палаты 1239 подписчиков.

Можно продемонстрировать средние показатели активности и вовлеченности в данном аккаунте:

- размещается 0,44 поста в день;
- пост имеет 6,93 лайка;
- доля подписчиков, вовлеченных в лайки на пост во «ВКонтакте», составляет 0,7 %;
- посты получают 3,59 комментария;
- соотношение среднего количества комментариев к посту — 0,26 %;
- количество репостов — 1,89;
- 0,19 % подписчиков вовлечены в репосты;
- один пост просматривают 773,5 раза (78 % от общего числа подписчиков);
- все посты имеют положительную эмоциональную окраску.

Можно отметить, что в данной социальной сети Общественная палата сформировала достаточно активную и лояльную аудиторию. Содержательно посты в подавляющем большинстве случаев направлены на освещение мероприятий общественной палаты региона. Освещение деятельности палаты идет через вовлечение председателя и членов палаты, делая посты живыми и интересными для читателя через личную составляющую (дни рождения, достижения, биографические интервью). Также палата формирует через новостную ленту имидж института взаимодействия власти и общества, который работает как единый организм в связке с общественными советами и некоммерческими организациями регионов. В новостной ленте в социальной сети Общественной палаты практически нет репостов, весь контент является оригинальным и создается аппаратом палаты.

¹⁰ Общественная палата Ярославской области. ВКонтакте. <https://vk.com/opyo76> (дата обращения: 20.06.2022).

При этом отметим, что публикация постов в социальной сети «ВКонтакте» осуществляется обезличенно от имени группы.

Общественная палата также имеет свой телеграм-канал, в котором на момент написания статьи зарегистрирован 251 участник. К сожалению, отметим, что с сайта Общественной палаты региона невозможно напрямую по ссылке попасть ни в группу в социальной сети ВКонтакте, ни в телеграм-канал Общественной палаты. Технически данные сервисы не связаны в единую цифровую систему.

Цифровизация института общественных советов

Наиболее близким и понятным для органа власти институтом взаимодействия с общественностью выступает созданный при нем общественный совет. Данный институт создавался для обеспечения общественного контроля над деятельностью соответствующего органа власти. Однако, как отмечают исследователи, его влияние оказалось достаточно ограниченным [Сунгуров 2020].

Анализ нормативных актов с целью выявления тенденции цифровизации процесса формирования и работы общественных советов, проведенный авторами статьи [Исаева 2020], показал, что практически все регионы России закрепили обязанность органа власти, при котором формируется данный совет, опубликовать информацию о начале формирования последнего на своем сайте в сети Интернет. С цифровизацией работы общественных советов напрямую связана открытость работы данной диалоговой площадки. Исследование продемонстрировало, что незначительное число регионов нормативно закрепило обязанность общественных советов размещать информацию о своей деятельности в сети Интернет, а тем более готовить и публиковать в Интернете ежегодные публичные доклады.

В Ярославской области в силу нормативного предписания такие институции созданы при всех органах исполнительной власти региона. Данная площадка позволяет наладить диалог с гражданскими активистами, которые имеют определенные знания в области работы профильного органа власти и готовы выступать в его работе в качестве экспертов, параллельно выполняя функцию общественного контроля. Использование цифровых публичных площадок и онлайн-коммуникации на стадии формирования совета снижает риск создания «карманного» имитационного общественного совета. Отсутствие открытости в цифровом пространстве процесса работы данной общественной структуры не дает возможности реального взаимодействия с населением, живущим на территории, а соответственно, есть угроза снижения доверия к функционирующему в «старом» формате механизму.

Опыт Ярославской области в данном аспекте интересен тем, что регион нормативно предусмотрел механизм вовлечения жителей в процесс формирования общественных советов через специально созданный электронный портал «Народное правительство»¹¹. Формирование советов при органах исполни-

¹¹ Народное правительство Ярославской области. URL: <https://narod.yarregion.ru/> (дата обращения: 20.06.2022).

тельной власти проводится в соответствии с постановлением Правительства Ярославской области № 372-п от 22.04.2014 (ред. от 08.11.2018) «О порядке образования общественных советов при органах исполнительной власти Ярославской области». Нормативный акт ввел в региональную практику цифровые инструменты, никогда не применявшиеся ранее при формировании консультативных и совещательных органов в регионе. Новшеством стало участие населения региона в процессе формирования общественных советов путем открытого интернет-голосования по кандидатам в состав общественных советов.

На портале «Народного правительства Ярославской области» с целью выявления степени общественной поддержки кандидатов в течение 20 календарных дней проводится рейтинговое интернет-голосование. В случае если количество кандидатов является равным численному составу общественного совета, указанному в соответствующем положении о нем, рейтинговое интернет-голосование не проводится. Нормативный акт закрепляет за результатами голосования лишь рекомендательный характер, не обязывая при формировании совета считать его итоги решающими. Среди кандидатов с аналогичным образованием, опытом работы и (или) опытом общественной деятельности решающее значение имеют результаты рейтингового интернет-голосования.

НКО и процессы цифровизации

Как отмечают исследователи, региональные НКО, пройдя стадию «оцифровки» информации, которой располагают, начинают осваивать цифровые технологии в процессе предоставления социальных услуг нуждающимся социальным группам, в интересах которых они создаются и функционируют, что характеризует вторую стадию цифрового развития [Старшинова 2021]. Также отмечается, что сам процесс цифровизации деятельности СО НКО следует рассматривать как фактор их ускоренного развития, который создает возможности решения проблем, с которыми сталкиваются СО НКО.

Интернет стал удобным пространством коммуникации и для некоммерческого сектора экономики. Если смотреть общую тенденцию по России, то все больше НКО погружаются в цифровой мир, используя самые передовые технологии в своей работе: чат-боты (к примеру, при юридическом консультировании Ассоциацией «Юристы за гражданское общество»); VR-технологии (в частности, VR-проект «Механика аутизма», который позволяет пользователю почувствовать себя человеком с расстройством аутистического спектра и взглянуть на мир его глазами¹²); электронные порталы НКО (например, портал НКО76.ru), платформы по сбору средств, группы в социальных сетях, сайты и др. Сами некоммерческие организации искусственно стимулируют внедрение механизмов максимальной открытости в деятельность коллег. Примером может служить системно проводимый конкурс «Точка отсчета», который нацелен на повышение

¹² Дуня Смирнова и Наталья Водянова рассказали о VR-проекте «Механика аутизма». РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20181108/1532397650.html> (дата обращения: 20.06.2022).

доверия к некоммерческому сектору за счет развития и продвижения культуры прозрачности и отчетности НКО.

Продвижению цифровых сервисов способствуют и Ресурсные центры поддержки НКО, специально создавая электронные площадки в социальных сетях: сообщества НКО конкретного региона, интерактивные страницы некоммерческого сектора региона. В отличие от отживающих свое время сайтов, которые, как правило, являются только односторонней информационной площадкой, группы в социальных сетях формируют у некоммерческого сектора чувство единения, сопричастности, дают предпосылки личного знакомства и затем не только онлайн-ового, но и офлайн-ового взаимодействия [Isaeva, Sokolov 2021].

В Ярославской области портал НКО региона с базой НКО и такое сообщество в социальной сети ВКонтакте создано Автономной некоммерческой организацией «Ресурсный центр поддержки некоммерческих организаций и гражданских инициатив». На портале размещена информация более чем о 700 НКО и общественных объединениях региона с системой поиска по тематике деятельности и муниципальному образованию, в котором зарегистрирована НКО.

Лишь небольшая доля зарегистрированных НКО Ярославской области (по состоянию на 31.12.2021 в ведомственном реестре зарегистрированных некоммерческих организаций Управления Минюста России по Ярославской области содержатся сведения о 1891 некоммерческих организациях) имеют свои сайты, группы в социальных сетях, мессенджеры для общения с целевой аудиторией.

Открытость информации о деятельности НКО, наличие наполненного актуальной информацией сайта, групп в социальных сетях, новостных материалов в СМИ являются одним из важных компонентов при решении вопроса о победе НКО в конкурсе Фонда президентских грантов. Открытость является одним из 10 критериев, которые оцениваются внешним независимым экспертом и позволяют проекту претендовать на победу и получение бюджетного финансирования. Такой же вектор требований государство предъявляет и к благотворительной деятельности НКО [Исаева 2020]. Важно отметить, что аналогичные требования включаются в конкурсную документацию и частных благотворительных фондов (например, Благотворительного фонда В. Потанина).

Для НКО, планирующих взаимодействие с государством, получение поддержки государства становится необходимо для использования цифровых сервисов, встраивание в цифровые экосистемы, формируемые в том числе государством (платформа Фонда культурных инициатив, Фонда президентских грантов). Благодаря Фонду президентских грантов, финансово стимулирующему развитие поддержки некоммерческих организаций на уровне субъектов Российской Федерации, в регионах стали появляться государственные электронные порталы, которые, с одной стороны, упрощают взаимодействие органа власти и претендующей на государственную поддержку НКО, с другой — делают доступной для всех желающих информацию как о самой НКО, подавшей заявку на грант, так и о ее деятельности по проекту. В Ярославской области с 2021 г. заработал портал yarslavskiy.granty.rf, который собрал на своей платформе всю информацию о государственной поддержке НКО в регионе, сделал

доступной информацию о социальных проектах, поддерживаемых органами власти в регионе.

Как демонстрируют результаты лонгитюдного исследования, проведенного авторами статьи, все руководители и сотрудники НКО и общественных объединений используют Интернет¹³. Среди наиболее распространенных форм — поиск справочной информации (21,5 %) и работа с электронной почтой (20,5 %). В целом можно отметить достаточно широкое использование Интернета представителями НКО с небольшим уклоном в рабочие активности, что подчеркивает его важность как площадки взаимодействия НКО с внешней средой, в том числе с органами публичной власти.

При этом большинство (55,7 %) руководителей и сотрудников НКО лишь частично чувствуют себя в безопасности при использовании Интернета. Также наблюдается и растущая динамика ощущения полного отсутствия безопасности (30,8 % на начало 2020 г., 37,1 % на начало 2022 г.).

Руководители и сотрудники НКО и общественных объединений Ярославской области высоко оценивают роль Интернета в доступности муниципальных услуг — 8,2 балла, в информированности о работе некоммерческого сектора — 8,2 балла, в популяризации культуры гражданского участия — 7,9 балла.

Цифровизация института добровольчества

Как отмечают О.А. Башева и П.О. Ермолаева, под цифровым волонтерством понимают добровольную деятельность, в рамках которой свободное время индивида тратится в пользу другого человека, группы или организации без получения прямого вознаграждения, но обязательно с использованием современных информационно-коммуникационных технологий из дома или из других мест вне офиса [Башева 2020]. Исследователи указывают, что к основным особенностям цифрового волонтерства, с одной стороны, относятся большая гибкость и открытость для вовлечения в добровольчество широких групп населения, с другой — необходимость в сформированности определенных технических навыков, анонимность и вероятность предоставления ошибочной информации.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2019 г. № 1067 «О единой информационной системе в сфере развития добровольчества (волонтерства)» ЕИС содержит сведения о добровольцах (волонтерах), включающие информацию о количестве часов, затраченных на добровольческую (волонтерскую) деятельность, об их компетенциях и полученном опыте; сведения об организаторах добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческих (волонтерских) организациях, включающие информацию о видах осуществляемой (организуемой) добровольческой (волонтерской) деятельности. Все данные заносятся на портал добровольно. Портал

¹³ Развитие некоммерческих организаций в Ярославской области: доклад о состоянии гражданского общества в Ярославской области в 2021 году. URL: <https://opyo.yarregion.ru/upload/iblock/f45/f4528f797b7bcf968ff9ac96a8b2fa14.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

фактически выступает единой площадкой по взаимодействию институтов добровольческой (волонтерской) деятельности. Он позволяет вести унифицированный учет добровольческой (волонтерской) деятельности, а также личную электронную книжку волонтера. Каждый пользователь, даже не прошедший регистрацию на портале, имеет возможность скачать и распечатать подробную информацию о добровольческой деятельности волонтера. В случае, когда волонтер претендует на предусмотренные за его деятельность льготы, к примеру, дополнительные баллы для поступления в университет, он имеет возможность подтвердить количество отработанных бесплатно часов и показать спектр мероприятий и проектов, в которых принял участие. ЕИС аккумулирует информацию о мероприятиях в сфере добровольчества (волонтерства) по России, а также сведения о деятельности организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности. Портал агрегирует и предоставляет любому желающему сведения о добровольческой (волонтерской) деятельности, включающие информацию о личной электронной книжке волонтера, количестве часов, затраченных на добровольческую (волонтерскую) деятельность, компетенциях добровольцев (волонтеров) и полученном ими опыте. На 25 июля 2022 г. в системе зарегистрированы 23 496 добровольцев по фильтру Ярославской области. Аналитическая информация, представленная на самом портале¹⁴, указывает на то, что средний возраст ярославского волонтера — 22 года. На портале зарегистрировано 76 % волонтеров женского пола и 24 % — мужского.

Проблемы цифровизации взаимодействия власти и общества

Значимой является проблема низкой цифровой грамотности как сотрудников органов власти, так и представителей гражданского общества. На данный момент пользователи различных цифровых платформ и сервисов слабо представляют возможные угрозы их персональным и служебным данным, не владеют технологиями их защиты. Проблемы безопасности и корректности использования цифровых сервисов особо актуальны в процессе взаимодействия власти и граждан и критичны в таких процедурах, как дистанционное электронное голосование.

Отдельного внимания требует законодательное регулирование развития цифровизации в сфере публичного управления. Однако можно констатировать, что оно на данный момент имеет характер догоняющего, нередко значительно отстающего от стремительно меняющейся действительности, и характеризуется фрагментарностью.

Использование создаваемых цифровых сервисов взаимодействия власти с общественностью носит формальный характер. Они активно используются главным образом там, где это предусмотрено нормативными актами. Взаимодействия ин-

¹⁴ Аналитика волонтерства. Добро.ру. URL: https://dobro.ru/analytics?utm_source=orgs.dobro.ru&utm_medium=organizer&utm_campaign=analytics&utm_content=header (дата обращения: 20.06.2022).

ституты публичной власти и общества специально на базе цифровых сервисов не иницируются, как и решения проблем фактически не разрабатываются.

Анализ формирующихся практик взаимодействия власти и общества в цифровой среде выявляет их одноканальность, а также традиционность используемых форматов коммуникации в инновационной интернет-среде, что существенно снижает ее эффективность.

В связи с этим можно говорить о том, что создание цифровых сервисов — это скорее ответ на вызов времени, но не сама готовность переходить в цифровое пространство, трансформировать свою деятельность под требования цифрового взаимодействия.

Следует также отметить, что цифровизация сама по себе является лишь инструментом, который может облегчить взаимодействие партнеров, но не может наполнить его содержанием в ситуации отсутствия мотивации сторон к данному взаимодействию.

Исследование показало, что общественные институты не готовы к активной деятельности в цифровом пространстве, не имеют ресурсов для переобучения и активного использования цифровых каналов. Их слабая активность связана и с низким уровнем доверия органам публичной власти. Предыдущий опыт взаимодействия редко оказывается полностью удовлетворяющим представителей общественных институтов. Сами же органы публичной власти на данном этапе не готовы к значительному росту уровня вовлеченности внешних для них субъектов в процесс принятия решений, повышению оперативности своего взаимодействия с ними.

Важно отметить, что цифровизация не способна только за счет своих преимуществ обеспечить формирование доверия между сторонами взаимодействия. Необходима их готовность изменить свое поведение и отношение к интересам и потребностям друг друга.

Более того, цифровизация создает новые возможности для контроля граждан со стороны власти, в то время как разрозненное и слабо структурированное гражданское общество не в полной мере может использовать достижения ИКТ для защиты собственных прав и интересов (хотя они, бесспорно, создают дополнительные преимущества и для граждан).

В результате создаваемые в процессе развития ИКТ сервисы далеко не всегда решают ключевые проблемы оптимизации публичного управления, повышения его открытости и гармонизации взаимодействия власти и граждан.

Выводы

Современная ситуация характеризуется практически полным проникновением цифровых технологий в ключевые процессы публичного управления и организации взаимодействия государства и общества. ИКТ внесло существенные трансформации в управленческие процедуры. При этом на современном этапе наблюдается их опривычивание и восприятие как рутинных процедур, от которых уже не ожидают существенных преобразований и эффектов во взаимодей-

ствии с внешними субъектами и партнерами. В среде региональных и местных чиновников растет скептицизм в отношении действий граждан в Интернете. Данная тенденция наблюдается на фоне общего снижения популярности возможностей Интернета для выражения гражданской позиции.

Если на начальном этапе цифровые инструменты воспринимались как самоценность, которая может менять сущность взаимодействия, то теперь стало понятно, что субъекты остались те же самые, их восприятие друг друга — то же самое. Поэтому изменения во взаимоотношениях возможны не столько благодаря изменению инструментов взаимодействия, сколько благодаря изменению отношения друг к другу, базовых ценностей у каждой из сторон взаимодействия. Более того, Интернет и цифровые инструменты порождают новые угрозы, страхи, которые могут снижать интенсивность и эффективность взаимодействия.

При этом каждая из сторон стремится освоить цифровые инструменты с наибольшей пользой для себя, пытаясь понять, как цифровые инструменты позволяют повысить не только эффективность взаимодействия, но и эффективность мониторинга, контроля и влияния на другую сторону.

В то же время как сотрудники органов публичной власти, так и граждане и их объединения выражают позитивное отношение к возможностям Интернета как к инструменту повышения доступности государственных и муниципальных услуг, упрощения межведомственного взаимодействия при решении проблемных вопросов, повышения эффективности информационной политики органов государственной и муниципальной власти, взаимодействия с гражданами и некоммерческими организациями.

Анализ внедрения цифровых сервисов в процессы взаимодействия власти и общества позволяет говорить о том, что наблюдается достаточно активное их создание как органами публичной власти, так и институтами гражданского общества. Однако этот процесс находится на начальной стадии — присутствуют скорее элементы инфраструктуры экосистемы взаимодействия власти и общества, а не хорошо структурированная и комплексная их совокупность. Механизмы электронного взаимодействия включают в себя отдельные цифровые сервисы и возможности коммуникации. При этом указанные инструменты не всегда используются теми, в интересах кого они изначально создавались. Более того, субъекты ориентированы на использование именно собственных цифровых сервисов и ресурсов, не осуществляя активности на площадках своих партнеров по взаимодействию. Это подтверждается в том числе отсутствием репостов, лайков и комментариев сторон друг у друга на ресурсах. В результате не предпринимаются попытки перейти на аудиторию и цифровой ресурс другого субъекта, а также целенаправленного привлечения его внимания. Если же такие попытки предпринимаются, то как крайняя мера, воспринимаемая часто как конфликт и претензия.

Цифровые каналы и сервисы используются органами публичной власти и институтами гражданского общества для формального взаимодействия на высоком уровне (федеральном, региональном), когда стороны взаимодействия не знакомы, соответственно, они не будут целесообразны на низовом муниципальном уровне из-за возможности и большей эффективности личного контакта.

Важно отметить, что обе стороны взаимодействия демонстрируют понимание, что цифровые элементы могут служить повышению публичности, открытости, привлечению общественного внимания к проблеме, институту, персоне. Однако создаваемые ими элементы цифровой инфраструктуры слабо связаны друг с другом, каждый элемент живет сам по себе, поэтому многие сервисы/услуги либо дублируются, либо теряются в цифровом пространстве.

В связи с этим необходимо формировать культуру публичности и использования электронных сервисов для наполнения активностями инфраструктуры и реального функционирования экосистемы.

Развитие цифровых каналов и форматов взаимодействия органов публичной власти и общества может способствовать повышению открытости деятельности каждой из сторон, повышению взаимного доверия и эффективности данного взаимодействия в целом (снижение издержек, повышение оперативности и т.д.).

Поступила в редакцию / Received: 01.07.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 01.08.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2022

Библиографический список

- Баранов Н.А.* От недоверия — к легитимации: трудный путь цифровых электронных технологий на примере России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, №3. С. 433–446. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-433-446>
- Баранов Н.А.* Цифровое политическое участие как форма политической мобилизации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3(64). С. 66–72. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-64-3-066-072>
- Башева О.А., Ермолаева П.О.* Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 1. С. 49–71. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.1.625>
- Белый В.А., Видясова Л.А., Чугунов А.В.* Электронная среда взаимодействия власти и граждан в современном мегаполисе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15, № 2. С. 105–122. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.201>
- Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6 (166). С. 97–118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014>
- Ермаков В.Г.* Влияние политики цифровизации на развитие институтов гражданского общества в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, № 1. С. 51–60. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-1-51-60>
- Исаева Е.А.* Цифровизация институтов благотворительности и добровольчества в России: новые федеральные тренды // Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы: сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума: в 2 т., Симферополь, 05–07 ноября 2020 г. / под общей редакцией Т.А. Сенюшкиной. Симферополь: Издательство Типография «Ариал», 2021. С. 301–307.

- Исаева Е.А., Гребенко Е.Д., Беликова А.Р. Формирование образа губернатора Ярославской области в интернет-пространстве // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции / под ред. А.В. Соколова, А.А. Фролова. Ярославль: Цифровая типография, 2022. С. 88–91.
- Исаева Е.А., Соколов А.В. Трансформация института благотворительности в России: вектор на прозрачность // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2020. № 3(53). С. 62–69.
- Исаева Е.А., Соколов А.В. Факторы политической демобилизации граждан в протестном движении // Politbook. 2020. № 1. С. 80–100.
- Никовская Л.И. О состоятельности институтов и субъектов муниципальной публичной политики (на примере Костромской и Ярославской областей) // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 38–56. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.04>
- Плотичкина Н.В., Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Цифровые технологии: политика расширения доступности и развития навыков использования в Европе и России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 4. С. 70–83. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-4-70-83>
- Скворцов В.Н. Роль некоммерческих организаций и гражданского общества в совершенствовании системы государственного и муниципального управления в Российской Федерации // Экономика нового мира. 2018. № 1 (Вып. 9). С. 69–80.
- Сморгунов Л.В., Игнатьева О.А., Быков И.А. [и др.] Публичная коммуникация граждан и органов государственной власти: формирование суждений на цифровых платформах // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15, № 2. С. 156–172. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-2-156-172>
- Старшинова А.В., Чикова Е.В., Платонова Л.А. Цифровое развитие социально ориентированных НКО: кейсы Республики Саха (Якутия) и Хабаровского края // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 4. С. 166–179.
- Сунгуров А.Ю. Общественная палата РФ: возникновение и этапы развития // Общественные науки и современность. 2021. № 6. С. 104–118. <https://doi.org/10.31857/S086904990017877-6>
- Сунгуров А.Ю., Аркатов Д.А. Об электронном и традиционном общественном участии в современной публичной политике // Политическая наука. 2021. № 3. С. 54–71. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.03>
- Сунгуров А.Ю., Дубровский Д.В., Карягин М.Е., Тиняков Д.К. Общественно-консультативные советы как форма вовлечения экспертного знания в процесс политико-управленческих решений (на примере Г. Санкт-Петербурга) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 2. С. 7–31.
- Трахтенберг А.Д. Переход к электронному правительству как символическая реформа // Известия уральского федерального университета. Серия 3, Общественные науки. 2013. Т. 8, № 5. С. 163–173.
- Филатова О.Г., Чугунов А.В. Развитие экосистемы электронного участия в России в начале 2020-х: роль социальных медиа и центров управления регионами // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18, № 2. С. 120–137. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.201>
- Чугунов А.В. К вопросу о возможностях применения цифровых платформ в государственном управлении // Информационные ресурсы России. 2021. № 5 (183). С. 2–6. https://doi.org/10.52815/0204-3653_2021_05183_2
- Чугунов А.В. Электронное участие как канал обратной связи власти и граждан: проблемы институционализации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5, № 4. С. 453–459.

- Якупец В.Н. О цифровой трансформации муниципальной публичной политики в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 4. С. 95–101.
- Amirkhanyan A.A., Lambright K.T. *Citizen participation in the age of contracting*. New York: Routledge. 2018. <https://doi.org/10.4324/9781315146577>
- Dawson A., Innes M. How Russia's Internet Research Agency Built its Disinformation Campaign // *The Political Quarterly*. 2019. Vol. 90. No. 2. P.245–256. <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12690>
- Dumitrica D., Felt M. Mediated grassroots collective action: negotiating barriers of digital activism // *Information, Communication & Society*. 2020. Vol. 23. No. 13. P. 1821–1837. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1618891>
- Haenschen K. Self-Reported Versus Digitally Recorded: Measuring Political Activity on Facebook¹⁵ // *Social Science Computer Review*. 2019. Vol. 38. No. 5. P.567–583 <https://doi.org/10.1177/0894439318813586>
- Hasmatha R., Hildebrandt T., Hsuc J.Y.J. Conceptualizing government-organized non-governmental organizations // *Journal of civil society*. 2019. Vol. 15. No. 3. P. 267–284 <https://doi.org/10.1080/17448689.2019.1632549>
- Isaeva E., Sokolov A. Communication Strategy of a Community of Non-Profit Organizations and Civic Activists on Social Network Sites: Problems and Perspectives // *Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2021*. P. 43–46. St. Petersburg, 2021. <https://doi.org/10.1109/ComSDS52473.2021.9422866>
- Isaeva E., Sokolov A. Strategies of Russian Regional Public Chambers Promotion on the Internet // *Proceedings of the 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar 2022, ComSDS 2022*, St. Petersburg, St. Petersburg, 2022. P. 171–178. <https://doi.org/10.1109/ComSDS55328.2022.9769127>
- Nabatchi T., Sancino A., Sicilia M. Varieties of participation in public services: The who, when, and what of coproduction. *Public Administration Review*. 2017. № 5(77). P.766–776. <https://doi.org/10.1111/puar.12765>
- Teocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // *Social Media + Society*. 2015. № 2(1). P. 1–14. <https://doi.org/10.1177/2056305115610140>

References

- Amirkhanyan, A.A., & Lambright, K.T. (2018). *Citizen participation in the age of contracting*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315146577>
- Baranov, N.A. (2020). Digital political participation as a form political mobilization. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 64(3), 66–72. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-64-3-066-072> (In Russian)
- Baranov, N.A. (2022). From distrust to legitimization: The difficult path of digital electoral technologies, an evidence from Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 433–446 <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-433-446> (In Russian)
- Basheva, O.A., & Ermolaeva, P.O. (2020). The phenomenon of digital volunteering in emergency: Nature, types, theoretical frameworks. *Vestnik instituta sotziologii*, 11(1), 47–69. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.1.625> (In Russian)
- Belyi, V.A., Vidiasova, L.A., & Chugunov, A.V. (2022). Citizens E-participation in the modern metropolis: Area and specifics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 15(2), 105–122. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.201> (In Russian)
- Chugunov, A.V. (2016). E-participation as G2C feedback channel: Institutionalization issues. *Azimuth of scientific research: Economics and Management*, 4(5), 453–459. (In Russian)

¹⁵ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

- Chugunov, A.V. (2021). On the possibilities of digital platforms implementation in public administration. *Information resources of Russia*, 5(183), 2–6. https://doi.org/10.52815/0204-3653_2021_05183_2 (In Russian)
- Dawson, A., & Innes, M. (2019). How Russia's internet research agency built its disinformation campaign. *The Political Quarterly*, 2(90), 245–256. <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12690>
- Dumitrica, D., & Felt, M. (2020) Mediated grassroots collective action: Negotiating barriers of digital activism. *Information, Communication & Society*, 13(23), 1821–1837. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1618891>
- Ermakov, V.G. (2020). Influence of digitalization policy on the development of civil society institutions in the Russian Federation. *Central Russian journal of social sciences*, 15(1), 51–60. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-1-51-60> (In Russian)
- Filatova, O.G., & Chugunov, A.V. (2022). Development of the E-participation ecosystem in Russia in the early 2020s: The role of social media and regional governance centers. *Political Expertise: POLITEX*, 2(18). 120–137. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.201> (In Russian)
- Haenschen, K. (2020). Self-reported versus digitally recorded: Measuring political activity on Facebook¹⁶. *Social Science Computer Review*, 38(5), 567–583. <https://doi.org/10.1177/0894439318813586>
- Hasmatha, R., Hildebrandt, T., & Hsueh, J.Y.J. (2019). Conceptualizing government-organized non-governmental organizations. *Journal of civil society*, 15(3), 267–284. <https://doi.org/10.1080/17448689.2019.1632549>
- Isaeva, E., & Sokolov, A. (2021). Communication strategy of a community of non-profit organizations and civic activists on social network sites: Problems and perspectives. In *Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2021* (pp. 43–46). St. Petersburg, <https://doi.org/10.1109/ComSDS52473.2021.9422866>
- Isaeva, E., & Sokolov, A. (2022). Strategies of Russian regional public chambers promotion in the Internet. In *Proceedings of the 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar ComSDS 2022* (pp. 171–178). St. Petersburg. <https://doi.org/10.1109/ComSDS55328.2022.9769127>
- Isaeva, E.A. (2021). Digitalization of charity and volunteerism institutions in Russia: New federal trends. In T.A. Senyushkina (Ed.), *Political space and social time: Global challenges and civilizational responses: Collection of scientific papers of the XXXVII International Republican Forum* (pp. 301–307). Simferopol: LLC “Publishing House Printing House “Arial”. (In Russian)
- Isaeva, E.A., & Sokolov, A.V. (2020). Transformation of the Institute of Charity in Russia: vector on transparency. *Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 3(53), 62–69. (In Russian)
- Isaeva, E.A., & Sokolov, A.V. (2020). Factors of political demobilization of citizens in the protest movement. *Politbook*, 1, 80–100. (In Russian)
- Isaeva, E.A., Grebenko, E.D., & Belikova, A.R. (2022). The formation of the image of the governor of the Yaroslavl region in the Internet space. In A.V. Sokolov & A.A. Frolov (Ed.), *Opportunities and threats of the digital society: materials of the conference* (pp. 88–91). Yaroslavl: LLC “Digital printing House”. (In Russian)
- Nabatchi, T., Sancino, A., & Sicilia, M. (2017). Varieties of participation in public services: The who, when, and what of coproduction. *Public Administration Review*, 5(77), 766–776. <https://doi.org/10.1111/puar.12765>
- Nikovskaya, L.I., & Yakimets, V.N. (2021). Municipal Public Policy: The Viability of its Institutions and Subjects (The Cases of Kostroma and Yaroslavl). *Polis. Political Studies*, 3, 38–56. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.04> (In Russian)
- Plotichkina, N.V., Morozova, E.V., & Miroshnichenko, I.V. (2020). Digital technologies: Policy for improving accessibility and usage skills development in Europe and Russia. *World Economy*

¹⁶ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

and International Relations, 4(64), 70–83. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-4-70-83> (In Russian)

- Skvortsov, V.N. (2018). The role of non-profit organizations and civil society in the public administration system improvement in the Russian Federation. *Economy of new times*, 1(9), 69–80. (In Russian)
- Smorgunov, L.V., Ignatjeva, O.A., Bykov, I.A., Kondratenko, K.S., & Baryshkin, A.G. (2021). Public communication between citizens and public authorities: Forming of judgments on digital platforms. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2(15), 156–172. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-2-156-172> (In Russian)
- Starshinova, A.V., Chikova, E.V., & Platonova, L.A. (2021). Digital development of socially oriented NPOs: The cases of the republic of Sakha (Yakutia) and Khabarovsk krai. *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*, (4), 166–179. (In Russian)
- Sungurov, A.Y. (2021). Public Chamber of the Russian Federation: Emergence and stages of development. *Social sciences and modernity*, (6), 104–118. <https://doi.org/10.31857/S086904990017877-6> (In Russian)
- Sungurov, A.Y., & Arkatov, D.A. (2021). Electronic and traditional public participation in modern public policy. *Political science (RU)*, (3), 54–71. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.03> (In Russian)
- Sungurov, A.Yu., Dubrovskiy, D.V., Karyagin, M.E., & Tinyakov, D.K. (2020). Public-consultative councils as a way of involving expert knowledge in policy decision process (case of St. Petersburg). *Public Administration*, (2), 7–31 (In Russian)
- Teocharis, Y. (2015). The Conceptualization of Digitality Networked Participation. *Social Media + Society*, 2(1), 1–14. <https://doi.org/10.1177/2056305115610140>
- Trakhtenberg, A.D. (2013). Transition to electronic government as a symbolic reform. *Izvestiya Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*, 5(8), 163–173. (In Russian)
- Volodenkov, S.V., & Fedorchenko, S.N. (2021). Digital infrastructures of civic and political activism: Current challenges, risks and constraints. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (6), 97–118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014> (In Russian)
- Yakimets, V.N., & Nikovskaya, L.I. (2021). On the digital transformation of municipal public policy in Russia. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, (4), 95–101. (In Russian)

Сведения об авторах:

Соколов Александр Владимирович — доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (e-mail: alex8119@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7325-8374)

Исаева Елена Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (e-mail: elenia2000@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7001-6161)

About the authors:

Alexander V. Sokolov — Doctor of Political Sciences, Docent, Head of Socio-Political Theories Department, P.G. Demidov Yaroslavl State University (e-mail: alex8119@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7325-8374)

Elena A. Isaeva — Candidate of Law, Docent, Associate Professor of the Department of Social and Family Legislation, P.G. Demidov Yaroslavl State University (e-mail: elenia2000@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7001-6161)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-711-731

Research article / Научная статья

Managing an “Unfinished Project”: Analyzing the Elites of Perm Krai Through the Lens of Expert Opinion

Daria B. Kazarinova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

 kazarinova-db@rudn.ru

Abstract. Perm Krai and the socio-political processes taking place in it are in many ways typical of Russia, and therefore of interest to a wide audience of researchers and political analysts. Based on the theoretical constructions of international elites studies and the Perm School of Political Science and elitology, we study the political and business elites of the region, their political behavior, aspects of identity, as well as the most politically sensitive topics in the life of the region. Relying primarily on the literature analysis and subsequent own semi-standardized in-depth interviews (N10) with representatives of regional elites — the following results were obtained. The identity of the elites and everymen in Perm region is somewhat vague, associated with the neutral notion of geographical region of the Kama region. Liberalism in the economic sphere and a relatively stable inter-elite consensus in the political sphere, based on technocracy, are characteristic of the region's policy for some decades. The region is characterized by a low socio-political dynamics compared to the benchmark regions of the Urals and Siberia, due to lack of regionally oriented elites and businesses and the predominance of various kinds of “Varangians” in the political class. The socio-political and cultural landscape of the region (the Perm Cultural Project) becomes a starting place and a source of supplies for the elites, receiving back very little. Thus, the region remains a promising project that cannot be realized in any way.

Keywords: Perm Krai, Kama region, Urals, elites, Perm Cultural Project, regional identity, regional political culture, the problem of Varangians, Gazprom, Lukoil, Uralkali, Trutnev, Reshetnikov, Makhonin, Kuzyaev

For citation: Kazarinova, D.B. (2022). Managing an “unfinished project”: Analyzing the elites of Perm Krai through the lens of expert opinion. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 711–731. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-711-731>

© Kazarinova D.B., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Acknowledgements: The article was prepared as part of the Social Research Expert Institute (EISI) and Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation project № FSSF-2022-0040 «Russian Identity: Political Meanings and Indicators of Value Consolidation»

Управление «незаконченным проектом»: элиты Пермского края в зеркале экспертного мнения

Д.Б. Казаринова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 kazarinova-db@rudn.ru

Аннотация. Пермский край и социально-политические процессы, происходящие в нем, во многом типичны для России, а потому представляют интерес для широкой аудитории исследователей и политических аналитиков. Отталкиваясь от теоретических построений международного уровня в области исследований элит и пермской школы политологии и элитологии, мы изучаем политические и бизнес-элиты региона, их политическое поведение, аспекты идентичности, а также наиболее политически чувствительные темы в жизни края. С помощью анализа литературы и последующего качественного исследования — серии полустандартизированных глубинных интервью (N10), проведенных автором с представителями региональных элит, — были получены следующие результаты. Идентичность пермяков носит несколько размытый характер, ассоциируясь с нейтральным понятием географического региона Прикамья. Либерализм в экономической сфере и относительно устойчивый межэлитный консенсус в политической сфере с опорой на технократизм характерен для политики региона, отличающейся преемственностью. Для региона характерна невысокая, относительно регионов бенчмарков Урала и Сибири, социально-политическая динамика, связанная с фактическим отсутствием регионально-ориентированных элит и бизнесов и преобладание разного рода «варягов» в политическом классе региона. Социально-политическое и культурное пространство региона (пермский культурный проект) предстают как стартовая площадка и источник ресурсов для элит, но не получают обратных вложений. Регион при этом остается в статусе многообещающего проекта, который никак не может реализоваться.

Ключевые слова: Пермский край, Прикамье, Приуралье, элиты, пермский культурный проект, региональная идентичность, региональная политическая культура, проблема варягов, Газпром, Лукойл, Уралкалий, Трутнев, Решетников, Махонин, Кузьяев

Для цитирования: *Kazarinova D.B. Managing an “unfinished project”: Analyzing the elites of Perm Krai through the lens of expert opinion // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 711–731. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-711-731>*

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта ЭИСИ и Минобрнауки РФ № FSSF-2022-0040 «Российская идентичность: политические смыслы и индикаторы ценностной консолидации».

*We are a city of launched and unfinished projects.
We are a city of hired managers who come for a while
and who do not care what will happen to Perm later.*

Businessman Andrey Kuzyaev¹

Introduction

The Perm Krai is in many ways a typical Russian region, which however has some unique features with great potential for development. Developed human capital, a high degree of industrialization, the presence of civil society at the grassroots level, the ethnoreligious diversity with a huge experience of centuries-long coexistence of the Christian and Islamic population, the status of a donor region for the Russian economy, with a pronounced regional identity — all these factors determine the significant potential of the region. This potential, however, remains largely unrealized due to several constraints: the region has a large sparsely populated territory; the overwhelming majority of the population is largely individualistic and inert, with a low level of socio-political activity and civic self-organization; the region is remote from all borders, has a moderately harsh climate and, accordingly, high transaction costs, socio-economic heterogeneity and a variety of lifestyles — from the industrial and post-industrial capital of the region with a developed cultural environment, westernized social practices and lifestyle of large cities to the archaic hard-to-reach areas of the Komi-Permyak Okrug. Regarding the structure of the region's economy, there is a significant bias towards the extractive industry: the “resource curse” determined the “Dutch disease” of Perm Krai's economy. The region is characterized by a high degree of socio-economic inequality. These factors, both negative and positive, are generally characteristic of the entire country, which means that some of the findings of this study can be generalized and used as a basis for more general reflections.

Research hypothesis: the regional elites have practically no planning horizon, and, with rare exceptions, do not associate their future with the region. On the contrary, they seek to build loyal and constructive relationships with the federal centre, due to which the dynamics of socio-economic development in the region remain weakly positive, at the same time slower compared to regions with similar indicators.

In this article we will consider the typology of elites regarding the case of Perm; study the reasons behind the current situation based on the analysis of the literature on the socio-political development of the region; and then, based on the analysis of a series of expert interviews, find out the reasons for the reduced socio-political dynamics compared to the benchmark regions, as well as several characteristics of modern regional elites: the degree of paternalism, focus on the region, dependence on the federal centre. We will also consider the region's most urgent issues and factors that might trigger potential protest, as well as identify the issues that the elites themselves are concerned about.

¹ Publication 1336/ Tatishchev's Pick — Perm in the past, present and future (@perm2023) (In Russ.) Retrieved August 15, 2022, from www.tgstat.ru

The theoretical and methodological basis of the study

In their classic volume H. Lasswell, D. Lerner, and C. Rothwell (1952) treated elites in terms of “leadership” of a society as a criterion of the values by which that society lives. The theorists were focused on the manner in which the “leadership” is chosen; the breadth of the social base from which it is recruited, as well as the way in which it exercises the decision-making power. Later the interest towards the elites studies revived, however, as M. Woods (1998) stated, the term ‘elite’ has remained largely untheorised and unproblematized. He identified three elements of elite definition, focusing on access to resources, networking, and discursive construction.

J. Wedel challenges the dominant theory of elite power, grounded in Weberian bureaucracy, which analyzed elites in terms of stable positions, and differs power elites from influence elites, “the modus operandi they employ to wield influence enable them to evade public accountability” [Wedel 2017].

Regional elites were studied in the European context. M. Tatham and M. Bauer (2021) survey the distribution of competences across the regional-national-EU triptych and highlight that preferences of regional elites ‘remain somewhat of a black box’.

Out of the EU context the term “regional elites” is often used in Russian literature: D. Badovskii and A. Shutov (1997) gave a historical perspective of the role of regional elites which used to strengthened in crisis periods. E. Avdokushin, A. Ponedelkov, and S. Vorontsov, (2015) note a discrepancy between the traditional meaning of elitism and the possession of real political power while A. Chirikova (2010) analyzes the political strategies of regional elites in the context of the power vertical.

In Russia regional policy cases are often studied in the context of regional elites. In an even political climate, with loyal and barely active masses, the elites as a driver of socio-economic and political dynamics are of the greatest research interest. As stated by O.V. Gaman-Golutvina: «Several empirical projects confirm that, despite the variety of social splits and divisions in modern Russian society (the rich and the poor; the Centre and the regions; ideological or ethno-confessional diversification), the dichotomy between the elite and the non-elite mass groups will remain the most significant demarcation line. It was the dominance of the elites that became the most important factor that determined the interest in [studying] elitist issues” [Gaman-Golutvina 2016].

One of the three blocks of Russian elitological literature is the study of the essential and functional features of various segments of the elites (federal, regional, administrative, parliamentary) by using sociological (theoretical and empirical), political-psychological and political-comparative methods. [Gaman-Golutvina 2016]. Following this logic, we focus on qualitative methods of social research, namely the method of expert interviews.

In this paper, we will use the “broad” interpretation of the elite, which describes it as the highest stratum that exists in any system of social stratification that determines the functioning and development of the society as a whole or its individual subsystems and acts as a key subject in developing the norms and values of the society. At the same time, we will follow A.V. Duka in considering the elite in terms of three non-mutually exclusive types of objects: 1) as functional groups, 2) as a certain social stratum, 3) as institutions [Duka 2012].

Following N. Lapina and A. Chirikova [2000], we outline the subject of our research as follows: the regional political elite includes the head of the region, his deputies, the heads of the executive, representative authorities, and local self-government. Thus, we accept their working definition of the political regional elite as ‘a social group that is the subject of preparing and making the most important decisions in the region and performing the function of coordinating these decisions with other subjects of the political process both within the subject of the Federation and at the level of the federal centre’. That is, we extrapolate the broad understanding of the term “elite” to the concept of a regional elite.

Nevertheless, it should be noted that there is an ongoing discussion about the content of the concept of ‘regional elite’. The internal inconsistency of the term is mentioned by several authors, including Permian elitologist V. Mokhov: ‘from the point of view of classical theory, this concept is not entirely correct, since “by definition” the elite are the highest, best, most influential. The regional strata of those in power are in the middle between the upper strata of society and the masses. This situation is not saved by the reservation that the regional elite are the highest, best, or most influential strata of the regional community’ [Mokhov 2003]. V. Mokhov suggested resolving this methodological problem by choosing between three approaches: normative, altimetric and functional. The normative approach is associated with the meritocratic approach; the altimetric one relates to the very principle of staying in power; the functional one relates to the understanding of the elite as a social group that performs certain vital functions in society. At the same time, from the functional approach’s point of view, the composition of the regional elites should be expanded through wider groups of influential regional actors, which is very important in the context of this study. V. Mokhov distinguishes two components in the structure of the regional elite: the actual industrial (hierarchical) and post-industrial (network) components. In this study, we will try to consider both.

Elites of Perm: Literature review

Among the studies dedicated to the regional political elites of Perm, we should distinguish the works of O. Podvintsev, K. Punina, L. Fadeeva, M. Nazukina and other scientists from Perm State University. For three decades, the Perm school of political science has been dealing not only with general theoretical issues (primarily the problems of identity) but also with their implications for the local and regional context. Local elites of Perm region are also in their focus [Krasilshchikov 2022].

In particular, referring to the modern history of the region, K. Punina [2003] writes: ‘The formation of a new regional political elite occurred through the conclusion by various groups (the ruling [group], the moderate part of the opposition and other political actors) of the so-called pact, i.e., agreement on the rules of interaction in the new conditions. At the same time, the “pact” is also a peculiar way of obtaining guarantees for the former regime in exchange for democratization. As a result, according to researchers, by 2000, the region saw the development of a polycentric model of power, implemented by multiple individuals acting simultaneously and

distributing responsibility and authority'. To what extent are the conclusions drawn in the early 2000s still relevant twenty years later.

Around the same period, as part of the “Perm Option-2” project, realized by the Center for Elite Studies of the Academy of Political Science, L. Fadeeva wrote about the “Perm phenomenon”, which lied in the fact that a significant part of the population (more than 30 %) was convinced that the development of the region was on the right track, in the right direction, while the country was developing somehow wrongly. Today we can state rather the opposite picture. With the general support of the federal government, over the past few decades, Permians have had many questions to the regional authorities (the level of trust in the ex-governor M. Reshetnikov at the best of times reached 19 %²; during the elections of the incumbent governor D. Makhonin, large cities showed a turnout significantly below 30 %³).

Studying the features of Permians' regional identity, M. Nazukina [2018] sees the problem of duality and internal inconsistency: ‘Different levels and types of identities are closely intertwined in the matrix of the territorial identity of the Permians. Similarly, at the political level, image projects are being promoted, positioning the region both as part of the Volga region and as part of the Urals’, which generates a conflict. According to her, the art object ‘Neither fish nor meat’ by the artist A. Zhunev personifies the Perm region. Indeed, the self-identification of Permians as Uralians has both strengths and weaknesses. As O.B. Podvintsev noted, ‘the informal name of the region was Western Ural и Prikamye (Kama area), then ‘Prikamye’, which was by no accident established during the period when regional identity was actively being constructed, since it emphasized not the peripheral (the main massif of the Urals is outside), but self-sufficient (Kama is an internal axis) character of the region”. Today, the toponym ‘Prikamye’ dominates the media. It does not contain the stipulated contradictions, but it also, apparently, has little content that could mobilize the identity of the region's inhabitants.

Residents of the Perm Krai associate themselves with their closest neighbours, primarily with their main competitor for the title of the capital of the Urals — Yekaterinburg. In recent years, this region has developed very dynamically in terms of economy, culture and especially infrastructure. The latter creates noticeable differences between the two cities. O. Podvintsev suggested that ‘a significant external challenge that can affect the development and transformation of regional identity in the Perm Krai is the obvious significant progress in many neighbouring regions, against which the region appears to be on the losing side’. However, today the divergence between Yekaterinburg and Perm becomes more and more obvious: the first one is a region with strong liberal traditions, which ‘shows attitude’ to Moscow even amidst the extremely regulated social and political life (as seen on the case of the sharp controversy between the governor E. Kuyvashev and propagandist V. Solovyov and,

² Savelli S. Reshetnikov as the governor was recognized by every second Permian. The results of a regular opinion poll: data on the edge and Perm differ. The figures on trust are interesting. Retrieved June 15, 2022, from <https://ura.news/articles/1036270832?ysclid=17dr4zvaki541761611>

³ Permians have given a credit of trust to Governor Mahonin. Retrieved June 15, 2022, from <https://news.myseldon.com/ru/news/index/237357725>

to an even greater extent, ex-mayor E. Roizman's arrest in the summer of 2022), while Perm does not cause problems for the federal centre and is an example of unity with it⁴. This position is traditional for the region. According to L. Fadeeva [2003], 'the Perm region is distinguished by greater moderation, the predominance of conventional forms of behaviour over non-conventional ones, a tendency to centrism, the absence of claims to leadership and messianism, and a calmer self-identification'. L. Fadeeva notes that the characteristics of the style of the Permian political elites remains stable and 'in general, such characteristics apply to all major regional leaders of the Perm Krai throughout its history', starting from the times of Tsarist Russia. These assessments continue to remain relevant, as are the conclusions of sociologists E. Plotnikova and N. Borisova [2008], who indicated that 'for many years, the regional policy has been characterized by liberalism (especially in the economic sphere) and a relatively stable inter-elite consensus (in the political sphere), and in the last two or three years, technocentrism has become a distinctive feature of the region in terms of political decision-making. The technocentrism, which replaces politics, as well as project management in the conditions of the region's diversified structure, have led to a fairly active innovative regional policy, oriented, among other things, towards the accelerated reform of the social sphere'. However, the success of the technocratic approach in the face of reduced civilian oversight and elite consensus remains less optimistic in 2022 than it was in 2008.

The theme of the Perm region as a Project in general and a sum of ambitious projects, in particular, is an important leitmotif of the regional political discourse. This is largely due to the ambitious Soviet projects (e.g., subway, large-scale construction in the Kama Valley). A number of infrastructure projects that have not been implemented to date (the new stage of the opera house, the construction of an art gallery, the third automobile bridge in Motovilikha) was planned back in the 1970s⁵, but were not developed due to the economic difficulties of the 1980–1990s, and were not implemented in economically prosperous 2000–2010s either. Some of these projects continue to be relevant, as regional authorities bring them up when they go to the polls, but their implementation is still being delayed. During the governorship of M. Reshetnikov, several transport and infrastructure innovations were added to the list of announced but unrealized projects⁶.

Both regional and federal authorities understand that the enchanted course of unrealized projects must be broken: the incumbent governor D. Makhonin went to the polls with this agenda. He promised to implement projects of top priority

⁴ "Absolute trust": Political scientists on the meeting of the president with the governor of the region. Retrieved June 15, 2022, from <https://perm.rbc.ru/perm/freenews/61e16cb79a79479b9a5d1f58?ysclid=17drct46du923540155>

⁵ Semileyskaya T. Soviet fiction. Retrieved June 15, 2022 from <https://www.chitaitext.ru/novosti/sovetskaya-fantastika/?ysclid=176k08jwqz166022520>

⁶ A constellation of plans. Top 5 unrealized projects of ex-governor Maxim Reshetnikov in Perm. Retrieved June 15, 2022, from <https://www.business-class.su/news/2021/01/21/sozvezdie-planov-top-5-nerealizovannyh-proektov-eks-gubernatora-maksima-reshetnikova-v-permi?ysclid=176jpa31o7313815193>

by the 300th anniversary of the city in 2023: these projects include improving the central streets — Komsomolsky Prospekt and Lenin Street; reconstructing the esplanade; constructing a new building for the regional hospital for infectious diseases; reconstructing the railway station; renewing the public transport fleet; developing the infrastructure of the Perm airport; constructing a new stage for the Perm Opera and Ballet Theatre, etc. These projects are being implemented with a large share of the federal centre's participation, however, the regional authorities face serious challenges in qualified communication with it: *“Not a single project is implemented without the federal government and federal money: the regional budget will just crack. The Krai can paint the schools by September 1, but bridges, roads, and large facilities cannot be done without the federal centre. To receive federal support, it is not enough to know the President, you must be able to do the paperwork”* Expert L.

As E. Plotnikova and N. Borisova [2008] wrote in their report ‘The Sociological Portrait of the Perm Krai: Regional Socio-Cultural Traditions in the Conditions of Political and Administrative Innovations’, the Perm Krai is an example of co-innovative (follows the innovations of the centre) and at the same time innovative (produces innovation itself) development. At the same time, the integrative process, the municipal and administrative reforms, and social policy all turn out to be some kind of ‘projects’ implemented by the regional authorities. Over the past three or four years, the Perm Krai has often been referred to among journalists as a project, which implies potential, aspiration for the future. However, the amount of accumulated unrealized or unfinished projects over the past decades creates a negative symbolic capital for the regional authorities both in the eyes of the local population and the federal centre. In a series of expert interviews, we discussed the reasons why there is a stable model of Perm as a region of unfinished projects, as well as the identity of Perm Krai's inhabitants.

Research methodology. This article to some extent continues the study ‘The Sociological Portrait of the Perm Territory’ and is based on a series of own semi-structured in-depth interviews with representatives of the regional elites. Experts were selected according to availability, keeping the proportion of the academic political scientists, representatives of regional authorities and public organizations, and media representatives: the experts included political scientists from Perm State National Research University, Perm Higher School of Economics; a member of the City Duma; the head of an ex-governor's office; a representative of the local community; an editor-in-chief of regional socio-political media. The formation of the guide with open questions was preceded by a content analysis of the regional media.

Results and discussion

The Perm Krai is one of the leaders in the economic development of Russia, a donor region, and one of the few regions with a diversified economy: it has a developed fuel and energy complex (“Lukoil-Permnefteorgsintez”, “Lukoil-Perm”, “Gazprom Transgaz Tchaikovsky”), chemical production (“Uralkali”), metallurgy, military-industrial complex, communications, construction, retail. Active business players work under

economic competition and have their own interests at the regional level. The region is traditionally considered liberal-oriented, much like neighbouring Yekaterinburg: however, compared to the latter, it is much more moderate and less successful in the political arena and social dynamics in general. Is this an element of chance, the result of relations established in the previous Soviet period, or maybe the result of economic competition and the disintegration of elites? The potential of the Perm Krai in terms of economic and human capital is enormous, but the socio-political development does not match it. During the interviews, we were interested in how experts see the place of the Perm Krai in the Ural and Volga macro-region, which subjects of Federation Permians relate their region to, and what they see as the reasons for similarities and differences.

Perm and Benchmark Regions: Causes of Decreased Socio-Political Dynamics

The respondents most often predictably named Yekaterinburg (there is some literature on the rivalry between two cities: [Nazukina 2006; Zhavoronkova 2015]) as well as Tyumen and Chelyabinsk, among the most frequently named regions to which Perm is compared. Thus, they identify themselves with the regions of the Urals and Siberia, and not with the Volga Federal District, to which they belong in terms of the administrative-territorial division of the Russian Federation. The Volga Federal District is seen by the Permians as much more traditionalist (*“Compared with Udmurtia, Tatarstan, Bashkortostan, Perm is a much more modern region in terms of connections”* Expert V.) and generally different from the sociocultural point of view.

Among the causes for Perm lagging behind other regions with similar socio-economic indicators, ethno-confessional composition, history of foundation and development, experts named:

- 1) domination during the Soviet period in the structure of the region's economy of the defence industry, which suffered greatly in 1990–2000: *“Many serious enterprises were wasted by the lack of investment.”* Expert L.;
- 2) the “frondeur” positions of the first governors B. Kuznetsov and G. Igumnov, who opposed themselves to the President of the Russian Federation B. Yeltsin and the federal centre as a whole;
- 3) lack of internal competition between the city and the region, which is typical for many Russian regions, the conflict dynamics which create development impulses: *“The problem of Perm is that in the relations between the city and the region there is no tension, competition and own ambitions.”* Expert V. *“There is no tension. And the lifestyles of the residents of a metropolis and a regional centre can of course differ. There are centripetal processes in migration as with any metropolis.”* Expert S.;
- 4) lack of independent financial and industrial groups;
- 5) lack of a long governorship: the reverse side of the high quality of the local elites' human capital was that the Perm region acted as a springboard for a quick transition to the federal level for effective leaders;

- 6) evident economic liberalism, the complete absence of regional protectionism;
- 7) lower quality of local oil compared to benchmark regions (Tyumen).

The general conclusion from the statements of the experts is that Perm lost the competition for the informal status of the capital of the Urals, thus also losing the symbolic and financial resources associated with it. Historically, the city had a more advantageous position due to its greater proximity to the Central European part of Russia, but during the Great Patriotic War more industrial enterprises were evacuated to Yekaterinburg, which created the basis for a greater influx of population, higher industrialization, and subsequently to the development of local business groups not directly connected with Moscow.

Among the unpopular opinions, the following was expressed: *“The region used to be a destination for exile, there are a lot of prisons, the gene pool is spoiled”*. Expert L.

As for the question of **how the elites of the Perm Krai are structured**, what role political, business, law enforcement, and criminal elites play, whether they are grouped around specific political and economic figures or are associated with the largest taxpaying enterprises, which business elites are the most politically active, and is it possible to say that the most important economic and political players of Prikamie have got their representatives in the authorities, we got the opinion of experts, which comes down to the following:

1. The elites are structured mainly by belonging to a large business, primarily mining. *“The son of Yu.P. Trutnev also begins to engage in regional politics. And there is the influence of the construction business. They actively work with regional and local authorities, because the specifics of the business (areas, social infrastructure) make them interact all the time. Oil, gas, and chemical businesses also need it, but they came to the region without the participation of local elites.”* Expert A.
2. The political elite is homogeneous: the governor and his entourage, the Legislative Assembly, and the City Duma, as well as friendly business elites, represent a circle of people connected with each other, as well as with large businesses in the region: *“There are no plural political elites in Perm. There is one political elite: the governor and his entourage, the Legislative Assembly striving for them, in which the business elites and the City Duma are represented. All of them act strictly in line with the governor’s policy, fully coordinate all decisions with him.”* Expert A. *“There is communication between the elites, they created a group of industrialists in the Legislative Assembly and come up with a single agenda.”* Expert V.
3. Recruitment of political elites takes place through an informal institution of quotas for representation in the Legislative Assembly and the City Duma for the largest enterprises: Gazprom, Lukoil, Uralkali, Sibur, — but their goals are not limited to lobbying. Along with the representation of business interests, which are mostly carried out “through Moscow”, participation in government bodies is a form of “social burden” for the largest enterprises in the region: *“In the City Duma and the Legislative Assembly, big business*

is supposed to have its own representatives: Lukoil — Zhukov, Cherepanov, Mineral Fertilizers — Shilov, Perm Motors also have a representative. But these are not so much lobbying goals as image goals, this is an established informal institution. A deputy mandate is an entrance to the political elite and facilitated communication with the authorities, but on the other hand, it is an additional obligation to support the interests of voters.” Expert A. Moreover, the informal institution of quotas is quite dynamic: *“Uralkali is more active than Lukoil in these elections (2021), it is increasing its quota.”* Expert V.

4. All large business in the region is represented by the federal centre, there are practically no independent financial and industrial groups in the region that have their own, different from federal, interests in the region and are ready to lobby for them. *“All large business is vertically integrated, federal, such as Lukoil. Their interest in politics is declining. Traditionally, Lukoil, Gazprom-Tchaikovsky, Uralkali have informal but stable quotas in local government and the Legislative Assembly. In those territories of the region where mining enterprises are located, they have a kind of fiefdom in terms of business, deputy mandate and interaction with the heads of local administration.”* Expert V.
5. The growing influence of people from law enforcement agencies in recent years *“Now people from October 25 Street (UFSB in the Perm Region) have an increasingly important role. Power structures are not thinking about development.”* Expert L.
6. As the only exception of regional business not directly connected with the federal centre, experts name the head of the Perm Financial and Production Group (PFPG) A. Kuzyaev, who was more actively involved in regional politics in a public and non-public format in the past, and recently moved away and lost interest. *“The only local large business of A.R. Kuzyaev’s ER-Telecom is somehow present in politics and promotes its agenda but does it informally.”* Expert A. *“A. Kuzyaev has always had a certain influence on all governors. He always occupied his niche under the governor”.* Expert L. He is also called one of the most patriotic and region-oriented representatives of the region’s political and business elites.

The problem of the head of the region and their rotation is one of the key issues in the conversation about politics in the Perm Region. A situation that is paradoxical for the modern Russian political process arises: power is regularly replaced, and this is a negative factor in the development of the region not only in the eyes of the broad masses and expert officials but also academic experts. Over the past 20 years, the region has had five governors, which, however, is not evidence of the dynamic change of power resulting from a democratic political process, but of a turnover of management personnel. *“The frequent change of governors is an irritating factor for voters,”* political analyst E. Minchenko said following the results of the 2021 gubernatorial elections⁷.

⁷ Permians have given a credit of trust to Governor Mahonin/ Society/ Seldon News (In Russ.) Retrieved May 30, 2022, from myseldon.com

When it comes to the curators of the internal political bloc of the Russian President's Administration, they regard experience, rootedness in the region and connection with its elites, own political significance, and the presence of a workable team as both advantages and disadvantages for the gubernatorial candidates. Governors must meet several criteria: to be in the ranks of the presidential reserve, fit the definition of a “young technocrat”, be born in the region, gain experience in the federal government and be equidistant from regional elite groups, which is difficult to achieve for one who has political or entrepreneurial experience in the region. The following statement by one of the experts illustrates well the ambivalence of the problem of regional political leadership: *“All the governors followed their own interests: they used the region as a launch pad (M. Reshetnikov), as a place to do business (Yu. Trutnev, O. Chirkunov) or a source of enrichment (V. Basargin). Few people in the region are committed to the development of the region. The current governor (D. Makhonin) is young, without leadership experience and understanding of the region, he is under external leadership, without own understanding.”* Expert L. Governors M. Reshetnikov and D. Makhonin met these criteria, and at the same time, they partially appear in the eyes of voters as “Varyags” sent from the federal centre.

The problem of the “Varyags” in Russian regional policy was discussed in the context of the imperial model of governance in modern Russia in the works of O. Podvintsev [2009]. As A. Flyagin [2021] states the governorship was a springboard to the federal level in most careers of Russian governors. That policy of “recentralization” in practice, means the marginalization of regional and local politics. In the terminology of R. Turovsky, most of the current governors are “half-Varyag returnees”⁸. However, in a conversation with experts, there is substantial ambiguity in the concept of “Varyag”, as they use the term with different connotations:

“Local origin does not have any role. When Basargin attracted inefficient people, they were perceived as Varyags. But T. Currentzis was not labelled as Varyag. The Varyags are people who do not associate their future with Perm, have a negative impact, are projectors who do not realize the scale of the project and do not have any competencies. The percentage of Varyags in our region is growing. The tragedies of the past (the fire in the Lame Horse club, etc.) haven't taught them anything, this is not their personal experience.” Expert A. The authorities are aware of the fact that the problem of the “Varyags” after the governorship of V. Basargin (*“Basargin was a Varyag and had nothing to do with the region”* Expert L., *“Basargin and Reshetnikov did not justify the trust of the authorities”* political technologist O. Borisenko⁹) is one of the most painful in Permian politics, therefore, in his election campaign, D. Makhonin placed special emphasis on this, focusing on his personal and family ties with the region.

⁸ Expert interview with R. Turovsky in: Ashikhmina Ya. G. Direct elections of the heads of the subjects of the Russian Federation (1991–2005): typical features and trends of evolution: Abstract of the PhD Thesis. Perm, 2007

⁹ Power retention mode. How the transfer of power took place in the Kama region. Retrieved June 15, 2022, from <https://www.kommersant.ru/doc/4625678?ysclid=l7gonoixm2802993796>

“D. Makhonin has in mind the “problem of the Varyags”. Therefore, in his first public speeches, he focused on the medium- and long-term perspective of the governorship: he said that for the development of the Region, all projects should be planned for 8–10 years, that is, 2 gubernatorial terms. In general, the “problem of the Varyags” is acutely perceived by the elites, the broad masses do not care.” Expert V.

Expert S. considers that the “problem of the Varyags” has to deal with the anti-Moscow sentiments, which *“nobody cancelled”*.

Expert L. summarizes the idea of the “Varyags”: *“Varyags are not Permians. People of the region have never liked people from another region to be appointed. You need to understand the region, who is who, and you need to know people. Otherwise, they can quickly get confused. Leadership positions require a Permian.”*

The fact is that a “Varyag” is not so much a politician who was not born in the Perm region, but an incompetent manager who does not know the specifics of the region has a short-term planning horizon and does not connect his personal fate with the fate of the region. In this case, such successful regional leaders who have political ambitions at the federal level, like M. Reshetnikov, are perceived as “Varyags” who *“hit and quit”* the region, since they are *“always looking towards Moscow”*. The less ambitious and charismatic, like D. Makhonin, are perceived better, as there is hope that *“he will not be taken to Moscow but will be allowed to work in the region”*.

In the discourse about the “Varyags” in the scientific literature and the media, special emphasis is placed on the figure of the governor. While, according to our observations, the ones who cause particular rejection are the “Varyags” that are lower-level managers, and members of the governor’s team who are not familiar with the region. People accept the appointed governor as a political figure but expect him to lead a local management team. Personnel issues of the managerial level are of concern to experts: *“All the best minds are leaving for Moscow. A lot of people followed Trutnev, Chirkunov went abroad, Basargin was a Varyag and had nothing to do with the region, and Reshetnikov always looked towards Moscow. And a lot of people left with him, even line staff. Some stayed because of their age. 90 % of Reshetnikov’s team left with him and did not want to look towards the Region.”* Expert L. Another expert is equally sceptical: *“Makhonin does not have his own team. His team is not perceived as effective. In business and politics, everyone bows and swears allegiance, but among themselves they discuss that the governor’s team lacks competencies. The workers remain the same, the system lacks life. There is nowhere for a fresh stream to come from.”* Expert V.

In the early 2000s, Permian researchers O. Leibowitz and N. Shushkova [2002, 2005] interpreted **Permian political practices as paternalistic**: the Perm region was characterized by clannism, the primacy of territorial ties over social ones, politicians sought to create their own clients, the governor acted as an arbiter. To what extent are these approaches justified and to what extent do they remain relevant today? On this issue, the opinions of experts are divided. On the one hand, it was noted that in comparison with neighbouring Udmurtia,

Tatarstan, and Bashkortostan, Perm is a much more modern region in terms of social relations, while the governor remains the only significant political person. However, as many experts mentioned, the governors (Kuznetsov, Igumnov, Reshetnikov, Makhonin) rarely had a constant and loyal team. The expert's personal ideological and political orientation had an important role in answering this question: liberals tend to agree with the idea of dominating paternalism in Permian politics (*“Rather, yes. Frequent changes of governors demonstrate that local elites are much more rooted in the local agenda, as well as in tradition and minded clients.”* Expert S.), while more moderates perceive such an assessment with scepticism: *“The term paternalism is not entirely appropriate. Leibowitz’s estimates are not credible. There were a lot of people around Igumnov. He was a strong business executive, but a weak politician and manager with an inconstant team. He was not the centre of attraction. People came to power to solve their problems, to earn their capital. His environment eventually betrayed him. Trutnev had a team of associates. Chirkunov’s entourage was most prone to paternalism.”* Expert A.

Indeed, evaluating the activity, administrative specifics, and the system of building relations with local elites for the five governors, we can state that the conclusion about paternalism as a characteristic feature of the regional political culture (in N. Eremina’s [2011] terms) is not relevant. Rather, we should talk about the high degree of **dependence on the federal power resource**, which is characteristic of all Russian regions. Experts mention that in the regional electoral processes, the authorities always strive to emphasize the connection between regional and federal authorities. The resource of the support of the Russian President is very active. Experts attribute this primarily to the awareness by the inhabitants of the region of a direct relationship between the loyalty of the region, its elites, and the governor with the financing of infrastructure projects vital for the city and the region: *“Federal transfers are needed to implement the planned projects, so the governor and the elites are very focused on the federal centre. The more the governor associates himself with Moscow, the more support he will have, although not everything that comes from Moscow is perceived positively.”* Expert A. *“Without the federal government and federal money, none of the projects is implemented, the regional budget will fall apart.”* Expert L. *“The regional media do their best to emphasize the connection between the regional and federal authorities. The resource of the President’s support is still working and very actively.”* Expert V. However, Expert S. expresses a doubt: *“The level of support for regional authorities is very difficult to assess. Strong resistance is always hidden behind ostentatious reports and enthusiasm”*.

Communication with Moscow and lobbying the interests of the region is an important function of the regional elites, including those for whom the region has become a stage on their way to building a political career on the federal level. We asked ourselves how prominent a role the **Permian community** plays in Moscow, whether it is engaged in lobbying activities in the interests of the region, and how **Permian regional identity** remains relevant when Perm’s elites transition to Moscow for work.

With the predictable exception of the representative of the Permian community, the experts were unanimous in their responses, stating that:

1. Perm is, without a doubt, a training site for young careerists, a resource, and a starting platform. The high quality of human capital, including education and business qualities, allow people from Perm to be quite successful in the capital, even when they work for federal authorities. *“Through his activities, M. Reshetnikov has demonstrated that Perm is a training site for young careerists, a resource, and a starting platform. He went back to the region, in order to return to Moscow, he did not conceal that.”* Expert V.
2. In comparison with other regional representatives, the Permian community nowadays is an inefficient body: *“The Permian community was a meeting point for former Permians and functioned while being supported by A. Kuzyaev, who lived in Moscow. At the time, the older generation from Perm, who retained its Soviet mentality and strongly associated itself with the region, played an active role in the community. Now it is a thing of the past, and the community has ceased to play its part.”* Expert V. *“The community does not carry out any function, it’s like a party, a team building, much like a class reunion. Lukoil supports it and maintains its Krai. This is a platform for organizing events. It does not have its own ideas and projects. There is a Stroganov Prize, which is quite controversial.”* Expert L.
3. The identity was preserved among the older generations of administrators from Perm, who belonged to the Soviet generation. The preservation of the identity is characteristic to a much lesser extent of the new generation, whose careers developed during the post-Soviet period. *“I think that the identity is being preserved, in a way that the language, basically, the dialect, manners, style, tastes are being preserved... gradually fading away under the influence of the capital city, new communication rules, the new, artificial language of Moscow and big money.”* Expert S.
4. The identity is based on regional patriotism and remaining family ties in the region: *“Many Permians used to work in the Moscow Government even before Reshetnikov. Once they hear the Perm dialect, Permians support each other in Moscow. We all love the region, we have families, and relatives there, and we have invested a lot, for example, in the construction of a cathedral. If you remove politics, then everyone keeps the region in their heart. We are leaving because working or living there has become impossible.”* Expert L.

Love for the homeland, its nature (as experts write, the most frequent formula for the manifestation of regional and, in particular, local patriotism in interviews with Russians can be depicted by the phrase: “I like the beautiful nature”), combined with acute contradictory feelings that the socio-political system causes, is characteristic of most residents of Russia. And one of the most painful emotions is generated by a sense of injustice associated with **the extreme insufficiency or even complete absence of nationally and regionally oriented elites** who would link their future and the future of their children with the place where they live, administer or extract rents. Regarding the degree to which the Perm elites are focusing on the region, what the

business and political elites of the region consider a norm regarding the matters of their children's education and asset storage, and whether there are any dynamics in this matter, the views of the experts significantly diverged. Nevertheless, it is possible to single out several common aspects:

1. The top managers of large businesses from Moscow, who live there temporarily, their families, children, and personal businesses have nothing to do with Perm.
2. Permian business elites are mostly focused on the Perm region. *“Their apartments, cottages, and yachts are located here, while their children grow up and work mainly in the city (Kuzyaev, Demkin, Trutnev). Chirkunov, along with his castle in France, turned out to be an exception.”* Expert A.
3. The elites prefer to give their children higher education in the capital or abroad: *“Everyone tries to send their children elsewhere to study. In the case of universities, without a doubt, they send them to Moscow. Everybody has more than one family after all.”* (Expert L.).
4. Experts do not consider nepotism and dynastic nature in political and business elites to be particularly pronounced, in comparison with other regions or the federal centre, by naming only several names. Expert A: *“In Perm, nepotism in politics is more of an exception. Trutnev's son is engaged in business and is in no way a public person. In addition to the Demkins, it's possible to name the father and son Bolkvadzes, David and Arsen. The father is the owner of a construction business, while the son is the head of the Economy Committee in the Legislative Assembly.”* Expert B: *“The Demkins also have a third representative in power: Yevgeny Demkin is now being elected to the Perm Legislative Assembly, while Demkin Sr. has already resigned from power. The theme of nepotism, dynastic nature and the transfer of power is just beginning to become relevant. For those who engaged in politics in the early 2000s and remain in power, it is too early to pass it on, their children are just starting to get to the age of entering politics. We will see many more such examples in the coming years.”* Expert S. mentions *“the dynastic nature of Trutnev”*. Expert L. sums everything up: *“Nepotism is a widespread occurrence. Perm is like anywhere else. Thought, for the most part, nepotism is not characteristic of it.”*
5. Generally speaking, the level of elites' focus on the region is situational and depends on specific people. *Non-interference in private life is considered the norm, it is not up for discussion* (Expert V.).
6. The representatives of the business and political elites (largely conjoined) who are focused on making investments in European countries and conspicuous consumption (*“Rybolovlev — “Monaco” football club, European art collection, Chirkunov — castle in France, vineyards, winemaking”*) (Expert S.) especially stand out, however, it is difficult to state, that they cause any distinct condemnation. Usually, experts also recognize their contribution to the region (development of regional business and cultural projects).

In general, the topic of the ***Perm Cultural Project***, as part of regional identity, on the one hand, and as an element of legitimization of power, on the other, occupies a central place in the regional discourse. D. Rogers [2015] from Yale University in his book ‘The

Depths of Russia: Oil, Power, and Culture after Socialism' dedicates a chapter to the Perm Cultural Project. It was launched under Governor O. Chirkunov, at the time was perceived controversially by the society, then nostalgically, under V. Basargin, however, under M. Reshetnikov it gained new momentum. To what extent has this become a specific feature, or code of the region? From discussions with the experts, we have established that the Perm Cultural Project, as O. Lysenko (2016) states is 'one of the most striking and high-profile attempts of transferring to our land the modern European technologies for developing a territory with the help of culture'. It is important for the elites, for the positioning of the governor: *"The Perm Cultural Project has entered the regional code. It is unlikely that the Governor can afford to ignore the culture. Makhonin continues to develop these projects, they are symbolic and significant for all Perm elites. Demonstratively dissociating from projects for the development of cultural space would mean a shame for the government."* Expert A. *"These projects are starting actively, but then, that energy disperses somewhere. Nevertheless, every governor strives to declare his sympathies for the cultural field of the region."* Expert S.

The most important parts of this project include the fate of the Opera House, Art Gallery, Perm cinema (*"Movies started being shot in Perm — Pechonkin. The film industry is developing under an active assistance from the authorities."* Expert A.), as well as the development of cultural tourism (*"Vishera, Chusovaya, and especially mass cultural heritage sites: Cherdyn, Kungur, Khokhlovka, Gubakha"*) Expert A.

To a lesser extent, experts mention contemporary art, which was the starting point of the Perm Cultural Project under Governor O. Chirkunov with the assistance of M. Gelman. At the same time, the experts note that the Project needs support from the local cultural elites, who are far from reaching a consensus on this issue. *"Under Chirkunov, this was an artificial project, and it did not have any basis in terms of public opinion. There was no attempt of engaging in discussion. It was implemented in a revolutionary, Bolshevik way. There was a separation between the local cultural stratum and the management. O. Chirkunov himself later admitted that the project lacked the support of the population, and the authorities were wrong in not trying to enlist the support of the society. Subsequently, the group of sympathizers, admirers and even fans of the project, especially among young people, expanded. The arrival of T. Currentzis played a huge role. Many people fell in love with opera. Gradually, this could have been consolidated if O. Chirkunov had not been dismissed. It didn't have time to take root. The idea of cultural capital lacked enough time. It did not get deeply embedded in the life of the society."* Expert V.

Indeed, the idea of the Perm Cultural Project lacked enough time to take over the broad strata of the population. Nevertheless, Perm, as one of the cultural capitals of Russia, has firmly established itself in the minds of the region's population, despite the short and dramatic history of development so far: *"All of this was present under the former governors, Trutnev and Chirkunov. Basargin demolished everything, the city became grey, dirty, and wicked. The festival movement was revived under Reshetnikov. People love festivities. The city has a rich cultural heritage, writer Ivanov. There are many world-famous people, remarkable surnames. Cultural projects are very important, the authorities cannot afford to disown them. People respond to them and*

participate collectively. They are a necessity for this city. Cultural elites play an active role, they possess significant power. No election can take place without culture and events.” Expert L. Nowadays, the cultural project is an important part of the regional identity and a brand of the region, which makes it quite attractive.

Nevertheless, there are also quite a few problems, sore subjects in the region, which are reflected in politics and become a source of uprising tension, although it’s still not possible to overcome them. The responses of the experts include (by frequency of referencing):

1. Depopulation, especially due to the degradation of rural areas and monotowns: *“The most serious demographic problem is the overflowing migration of the population. The countryside has degraded because governors from Igumnov to Reshetnikov pursued a policy of reducing social infrastructure facilities in rural areas. Monotowns suffered the most. The example of the Kizilovsky coal basin, a large area in the Perm Krai, associated with Gornozavodsk and Dvinyachinsk is demonstrative: a disaster, in fact, occurred there. Kizil, Verkhnyaya Gubakha, and other cities and towns in the area today look like Stalingrad. The second problem is the desolation of the Northern Perm Krai as a result of the elimination of large enterprises and institutions of the Federal Penitentiary Service. The Perm protest is when people just leave.”* Expert A.
2. On an ad hoc basis, there is often tension associated with the construction of residential complexes and sports facilities (Balatovsky Forest, Molot stadium) in adjacent areas or in place of forests: *“Motovilikhinsky plant: its products are not in excessive demand; however, entire neighbourhoods are tied to it. The plant has halted the maintenance of the entire social infrastructure, including the sports palace and the Molot stadium. The territory is up for construction, the density of which in the Rabochiy Posyolok is already quite high. This causes a huge discontent from the local population, which collects signatures and sends appeals to the President.”* Expert A. *“The construction is a red rag for Perm. The reaction of the authorities is situational and selective, it’s not systematic.”* (Expert V).
3. Traffic and infrastructure problems. The possible closure of the Mining Railway has caused strong criticism (M. Reshetnikov’s project), which may become a cause for a traffic collapse. *“If the Kama hydroelectric power station crossing, which is used by everybody, is closed, there will be a social revolt.”* Expert A.
4. The problem of the availability of gas supply and the corruption related to it.

Overcoming these and other difficulties, as well as awareness and use of the objective advantages of the region, lies at the heart of the strategy for the region’s development. During a meeting of the expert council under the head of Perm city, one of the most respected (according to the estimates of the interviewed experts) representatives of the Perm elite, businessman A. Kuzyaev, outlined several ambitious goals¹⁰:

¹⁰ “On the sidelines of development.” Andrey Kuzyaev — about the past and future of Perm, in which we will live Retrieved June 15, 2022, from <https://properm.ru/news/society/198011/?ysclid=17611ff5dx351614423>

1. Reassess the experiences of the previous development of the city and region.
2. Prepare in advance for the global energy transition, which will radically change the economic situation in the region.
3. Develop the existing advantages in such fields as culture, science (pharmacology, biotechnology) and education, digital economy, and space technologies, and return the status of a transport hub.

It is easy to notice that these problems, tasks, and advantages, in general, can be attributed not only to the region but also to the country as a whole.

Conclusion

The identity of the Perm Krai residents is somewhat blurred, being associated mostly with the geographical region of the Kama region. Liberalism in the regional economy and a relatively stable inter-elite consensus in the political sphere, based on technocratism, is characteristic of the region's policy for decades. The region is has low socio-political dynamics, comparing with the benchmark regions of the Urals and Siberia. Regionally oriented elites and businesses barely exist with rare exceptions, and “Varangians” of various kind are predominant in the political class of the region. The socio-political and cultural landscape of the region (Perm cultural project) appears as a launching pad and an asset for the elites. However the area does not receive reverse investments. Thus, the region remains in the status of a promising project that cannot be whenever realized.

Hence, we return to the original idea of the article — depicting Perm Krai as a model, the example of which allows us to study the development of Russia. Natural resources, the wealth of human capital (inevitably declining due to emigration, but, nevertheless, still extremely high), powerful culture, and a culture-centred society — all of this create a huge potential, though the Project aimed at the future remains unrealized. The problem, for sure, has to do with the human capital of the political elites.

Received / Поступила в редакцию: 17.07.2022

Revised / Доработана после рецензирования: 10.08.2022

Accepted / Принята к публикации: 15.08.2022

References

- Avdokushin, E., Ponedelkov, A., & Vorontsov, S. (2015). The role of Russian federal and regional political elites in the modernization of public administration. *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, 4(2), 327–346. <https://doi.org/10.1353/reg.2015.0017>
- Badovskii, D.V., & Shutov, A. Iu. (1997). Regional elites in Post-Soviet Russia. *Russian Social Science Review*, 38(3), 32–55. <https://doi.org/10.2753/RSS1061-1428380332>
- Chirikova, A.E. (2010). Regional elites in contemporary Russia. *Russian Politics & Law*, 48(1), 21–39. <https://doi.org/10.2753/RUP1061-1940480102>
- Duka, A.V. (2012). On the approaches to power elite analysis. *Administrative Consulting*, 47, 48–55. (In Russian).

- Eremina, N.V. (2011). Regional political culture as a factor of state development: integration versus disintegration. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 3, 70–78. (In Russian).
- Fadeeva, L.A. (2003). Psychological foundations of political support for regional authorities. *Proceedings of Conference Perm Option-2*. Retrieved June 15, 2022, from http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=30&pod3_id=103 (In Russian).
- Flyagin, A. (2021). Postcareer of Russian governors 1991–2020: Main directions. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 15(2), 120–128.
- Gaman-Golutvina, O.V. (2016). Political elites as an object of research in national political science. *Political science (RU)*, (2), 38–73. (In Russian).
- Krasilshchikov, G.G. (2022). Local elites in the rural areas of the Perm Krai in the context of transformation (consolidation) of municipalities. *Perm University Herald. Political Science*, 16(1), 49–57. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-1-49-57> (In Russian).
- Lapina, N. Yu., & Chirikova, A.E. (2000). Regional elite: a subject of politics and power. *Subjects of the Russian Federation: legislation, organization of power and management*, 42–60. Retrieved June 15, 2022, from <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-elita-cubekt-politiki-i-vlasti?ysclid=18db90czp223711478> (In Russian).
- Lasswell, H. D., Lerner, D., & Rothwell, C.E. (1952). *The comparative study of elites: An introduction and bibliography*. Stanford University Press. <https://doi.org/10.1037/13221-000>
- Leibowitz, O.L., & Shushkova, N.V. (2005). Crisis forms of political paternalism in Perm. *Proceedings of Conference Russian political and economic elites*. Retrieved June 15, 2022, from http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=32&pod3_id=223&ysclid=17imdvkwt430625162 (In Russian).
- Leibowitz, O.L., & Shushkova, N.V. (2002). Political paternalism in Perm: socio-cultural roots. In *Political Almanac of the Kama region*. Issue 2. (pp. 124–133). Perm, Perm State University. (In Russian).
- Lysenko, O. (2016). Consequences of the Perm Cultural project (based on the materials of sociological research). *Neprikosnovenny Zapas*, 1. Retrieved June 15, 2022, from <https://magazines.gorky.media/nz/2016/1/posledstviya-permskogo-kulturnogo-proekta.html?ysclid=17iv8j08rv327471725> (In Russian).
- Mokhov, V.P. (2003). Problems of analysis of Russian regional elites in the transition period: on the issue of methodological grounds. *Proceedings of Conference Perm Option-2*. Retrieved June 15, 2022, from http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=30&pod3_id=98 (In Russian).
- Nazukina, M.V. (2006). On the issue of the rivalry between Perm and Yekaterinburg. In *Panorama of Political studies of the Kama region* (pp. 164–174). Perm. (In Russian).
- Nazukina, M.V. (2018). *Between the Urals and the Volga region: In search for Perm identity*. Perm: Harmony Publishing. (In Russian).
- Plotnikova, E.B., & Borisova N.V. (Eds.) (2008). *Sociological portrait of Perm Krai: Regional socio-cultural traditions in the context of political and administrative innovations*. Perm: Perm State National Research University. (In Russian).
- Podvintsev, O.B. (2009). Governors–“Varangians” and regional political elites in modern Russia: conditions and trends of interaction. *Political expertise POLITEX*, 5(2), 56–71 (In Russian).
- Podvintsev, O.B. (2016). Regional identity policy in Perm region: New external challenges. *Labirint: Journal of Social and Humanitarian Studies*, (5), 86–91. (In Russian).
- Punina, K.A. (2003). Regional political elite of the Perm region. *Proceedings of the conference Perm Elite: history, development, current state*. Retrieved June 15, 2022, from http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=29&pod3_id=255 (In Russian).
- Rogers, D.R. (2019). ‘Bilbao on the Kama’? The Perm cultural project and its critics (Part 2). *Bulletin of Perm University. Political Science*, 13(2), 99–114. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-2->

99-114 [Rogers, D.R. (2015). *The Depths of Russia: Oil, Power, and Culture after Socialism*. Cornell University Press].

Tatham, M., & Bauer, M.W. (2021). Hungry for power? Regional elites and the architecture of government. *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, 34(3), Special Issue: The Territorial Architecture of Governance, 621–642.

Wedel, J.R. (2017). From power elites to influence elites: Resetting elite studies for the 21st century. *Theory, Culture & Society*, 34(5–6), 153–178. <https://doi.org/10.1177/0263276417715311>

Woods, M. (1998). Rethinking elites: Networks, space, and local politics. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 30(12), 2101–2119. <https://doi.org/10.1068/a302101>

Zhavoronkova, K.S. (2015). Competition of Perm and Yekaterinburg cities: From the past to the present. *Contentus*, 11(40), 162–170. (In Russian).

About the author:

Daria B. Kazarinova — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (e-mail: kazarinova-db@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-9416-5898)

Сведения об авторе:

Казаринова Дарья Борисовна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: kazarinova-db@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-9416-5898)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-732-756

Научная статья / Research article

Российская идентичность жителей республик Южной Сибири: динамика трансформации и восприятие оснований по данным массовых опросов 2013–2019 гг.

Ю.М. Аксютин

*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
Абакан, Российская Федерация*

 aksutum@mail.ru

Аннотация. В современном российском общественно-политическом и научном дискурсе все чаще звучит мнение, что сибирская региональная идентичность, переживающая новый виток популярности, вступает в конфликт и становится фактором риска развития общероссийской гражданской идентичности жителей Сибири, ставя под сомнение ее консолидационный потенциал. Цель — на основании данных массовых опросов (2013–2019 гг.), проведенных в полиэтнокультурном регионе методом формализованного интервьюирования, осуществить анализ динамики и определить особенности восприятия оснований российской идентичности жителями Республик Хакасия, Тыва и Алтай. Согласно результатам исследования, доля опрошенных, ответивших, что они в большей степени считают себя жителями России, составляет порядка 30%. Российская идентичность занимала первую позицию в структуре идентичностей жителей Хакасии и Алтая. В Тыве российская и республиканская идентичности паритетны. Установлено, что в массовом сознании нерусских жителей региона россияне объединяет российское гражданство, которое в качестве основания идентификации отметили от 35 до 45% опрошенных представителей титульных этносов региона. Иными словами, российская идентичность в значительной степени государственно-гражданская (порядка трети опрошенных демонстрировали «гражданский тип идентичности»). Примерно у такой же доли россиян, преимущественно — русских, диагностировался «социокультурный тип» оснований российской идентичности.

Ключевые слова: российская идентичность, структура идентичностей, основания идентификации, Южная Сибирь, Хакасия, Тыва, Алтай

Для цитирования: Аксютин Ю.М. Российская идентичность жителей республик Южной Сибири: динамика трансформации и восприятие оснований по данным массовых опросов 2013–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 732–756. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-732-756>

© Аксютин Ю.М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Russian Identity in Southern Siberian Republics: Transformation Dynamics and Basis Perception According to the Opinion Polls of 2013–2019

Yurii M. Aksiutin

Katanov State University of Khakassia, Abakan, Russian Federation

 aksutum@mail.ru

Abstract. The structure of the identity of Russians (including those in Southern Siberia) began to transform after the collapse of the Soviet Union, which resulted in the revival of ethnic identities or the strengthening of different local and territorial ones. The first case was typical for titular Russian ethnic groups, while Russians didn't have such an evident option. The Russians mostly levelled their identities down and could not find themselves among the vague new Russian identity. The beginning of the 2010s was characterized by not only discussions of the content of Russian identity and the basis for national policy, but also huge generation changes. The purpose of this article is to analyze the dynamics of Russian identity and discover typical features of Russian identity bases among the inhabitants of Khakassia, Tyva and Altai Republics. The analysis is based on opinion polls held in these polyethnocultural regions. As seen from the poll results, about 30 % consider themselves to be inhabitants of Russia. Russian identity is of high priority for people in Khakassia and Altai Republics (it is the first grade in their identities' structure), while in the Tyva Republic Russian and regional identities are equal. The study discovered that 35–45 % of titular ethnic groups marked Russian citizenship as the basis of their identification: hence, the Russian identity is mostly a mixture of civil and state identities (about one-third of respondents noted "civil identity"). Approximately the same proportion of Russians noted the social and cultural nature of Russian identity.

Keywords: Russian identity, identity structure, identification basements, Southern Siberia

For citation: Aksiutin, Yu.M. (2022). The Russian identity in Southern Siberian republics: Transformation dynamics and basis perception according to the opinion polls of 2013–2019. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 732–756. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-732-756>

Введение

Произошедшие в России уже почти треть века назад институциональные и социально-экономические трансформации имели следствием изменение не только государственно-политического устройства, но и самого сознания жителей страны — бывших советских граждан, а также положили начало новой российской общности (русской нации) и идентичности. Несмотря на то, что феномен новой российской гражданско-национальной идентичности вот уже на протяжении трех десятков лет находится в фокусе исследовательского внимания, его изучение не утрачивает актуальности. Остаются проблемными вопросы как теоретико-методологического, так и практико-управленческого плана, связанные, с одной стороны, с ситуацией конкуренции подходов к концептуализации и опе-

рационализации феноменов российской нации и идентичности, что порождает неясность базисных положений официальных документов (Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (1996), Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (2012) и др.)¹, а с другой стороны, сложностью и изменчивостью этносоциальных условий реализации задач национальной политики в регионах страны, которые следует учитывать в практике управления [Дробижева 2019: 4; Попков 2020: 254]. В таком контексте анализ динамики и оснований российской идентичности жителей Южной Сибири, включающей три национальные республики (Хакасия, Тыва, Алтай), основывающийся на данных ряда массовых опросов (2013–2019 гг.), обладает академической значимостью и имеет перспективы применения в плане корректировки практики управления этносоциальной ситуацией в регионе перед лицом новых вызовов. Изменение экономической ситуации (спад производства, санкции), события на Украине (в регионе сложилась большая украинская диаспора) и внутривнутриполитические процессы («протестные голосования» на выборах в органы управления) имеют значительный конфликтный потенциал, несут риски устойчивого функционирования российской идентичности, эскалации противоречий межэтнического взаимодействия.

Цель исследования заключается в анализе динамики и определении характера оснований российской идентичности в представлениях жителей республик Хакасия, Тыва, и Алтай в период 2013–2019 гг.

Материалы и методы. Чтобы российская нация и идентичность стали константой сознания людей и доктринальной категорией, должно было пройти время, наполненное реальными жизненными ситуациями и индивидуальным опытом, острейшими общественно-политическими дискуссиями, в которых выкристаллизовывалось национальное самосознание. Трансформации 1990–2000-х гг. сопровождалась деконструкцией объединявшей советский народ (реально или декларативно) надэтнической, интернациональной советской идентичности. Потребность в обретении чувства общности, в условиях отсутствия однозначного понимания содержания новых категорий «русской нации», «русской идентичности» как в массовом сознании, так и на уровне официального дискурса, закономерно актуализировали обращение жителей постсоветской России к этнической традиции, а порой и ее изобретению. Это явление было настолько широким, что политики и ученые заговорили о «возрождении этничности» и необходимости выработки официальной государственно-национальной политики перед лицом этнизации социокультурного

¹ Указ Президента Российской Федерации от 15.06.1996 № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 3010. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. URL: https://base.garant.ru/1548081/#block_1000; Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2012. № 52. Ст. 7477. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <http://base.garant.ru/70284810/>.

пространства страны, в которой видели серьезный конфликтогенный потенциал [Нигматуллина 2016; Авксентьев, Аксюмов, Гриценко 2020; Тишков 1992; Castells 2006; Leach, Brown, Worden 2008].

Продолжавшиеся десятилетиями дискуссии о содержании ключевых для выстраивания эффективной национальной политики понятий российской нации и идентичности окончательным успехом определенного подхода не увенчались. Несмотря на принятие в 2012 г. Стратегии государственной национальной политики до 2025 г. (Далее — Стратегия), последующие ее корректировки в 2017–2018 гг.², закрепившие определение многонационального народа Российской Федерации (русской нации) как сообщества свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием, а общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) как осознания гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям русского общества³, практики неоднозначного использования этих понятий не устранили. Понятие общероссийской, гражданской идентичности продолжает функционировать в формах просто русской, национально-гражданской, государственно-гражданской идентичности [Дробижева 2020: 482]. Ситуация неоднозначного определения и функционирования обсуждаемых понятий имеет как сторонников, отмечающих, что одновременное сосуществование солидаризирующихся и противоположных смыслов и значений делает данное понятие не только многозначным, но и высококонкурентным [Мчедлова, Казаринова 2020: 16], так и противников, обосновывающих необходимость выработки непротиворечивого (генетического или атрибутивного) понятия русской нации, национальной идентичности, не игнорирующих, но поясняющих его отличия от этноса и этнической идентичности [Белокур 2016]. В такой ситуации важно, чтобы понятие не существовало в вакууме, а его значения разделялись носителями, соотносились со смыслами, которые вкладывают россияне в понимание своей национальной идентичности.

Изучение русской идентичности ведется представителями разных предметных областей и имеет уже достаточно длительную историю. В рамках этнополитического и этносоциологического дискурса исследуются процессы и этапы формирования представлений о гражданской идентичности, русская идентичность рассматривается в соотношении с другими макроидентичностями, анализируется их конфликтность, влияние на межэтниче-

² Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. // Президент России. 2012. 19 декабря. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 14.07.2022).

³ Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843> (дата обращения: 14.07.2022).

ские и межконфессиональные отношения [Дробижева 2008; Тишков 1992; Ламажаа 2021; Паин, Федюнин 2017; Aksutin 2018; Anzhiganova, Asochakova, Тороева 2017; Kapeller, Wolkenstein 2013]. В нашем исследовании, преследующем цель анализа динамики российской идентичности, характеристики ее позиции в структуре идентичностей жителей региона и определении оснований их идентификации, методологическими ориентирами были идеи и работы отечественных и зарубежных этносоциологов, социальных философов и антропологов, касавшихся вопросов определения самого понятия идентичности (Б. Андерсон, Т. Парсонс, П. Бергер и Т. Лукман, Л.М. Дробижева и др.) [Anderson 1983; Parsons 1991; Бергер, Лукман 1995; Дробижева 2010 и др.] и круга связанных с ним категорий, теоретико-методологических подходов, формирующих поле идентитарных исследований (З. Бауман, М. Archer, А. Giddens, J. Habermas, В. Ядов, И.С. Семенов и др.) [Бауман 2008; Archer 1998; Giddens 1991; Habermas 1984; Ядов 1995, Семенов 2017]. Иными словами, методология нашего исследования, будучи определена многоаспектной целью, представляет собой синтез нескольких подходов, что дает возможность представить российскую идентичность динамичной, типологически сложной, функционирующей в социокультурных и политико-экономических контекстах.

Южно-Сибирский регион, как этнотерриториальное образование, выбран в качестве объекта анализа по ряду причин. Республики региона входят в состав ряда этнокультурных, локально-территориальных, географических агломераций (Южная Сибирь, Центральная Азия и др.), это один из самых многонациональных (в этническом смысле слова) регионов России, с особыми условиями, в том числе рисками, функционирования российской идентичности. До известных пределов Южно-Сибирский регион — отражение многонациональной страны. Численность населения республик, по опубликованным данным переписи 2010 г., составляла в Хакасии 532 403 чел. (русские — 427 647 чел. (81,7 %), хакасы — 63 643 чел. (12,1 %)), в Алтае 206 168 чел. (русские — 114 802 чел. (56,6 %), алтайцы — 68 814 чел., (33,9 %)), в Тыве — 307 930 чел. (тувинцы — 249 299 чел. (82 %), русские — 49 434 чел. (16,3 %)) [Социально-демографический... 2012: 99–100]. Согласно предварительным результатам Всероссийской переписи населения 2020 г., проведенной с использованием технологий электронного анкетирования, численность населения и этнический состав/соотношение в Хакасии, Алтае и Тыве изменились существенно (Республика Хакасия — 535 тыс. чел.; Республика Алтай — 211 тыс. чел.; Республика Тыва — 330 тыс. чел.)⁴.

Эмпирическую базу исследования сформировали проводимые нами по единой программе и анкете массовые опросы в период с 2013 по 2019 г. Во всех исследованиях применялась многоступенчатая выборка (доля каждой республики определялась пропорционально их долям в генеральной совокупности).

⁴ Всероссийская перепись населения 2020. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Выборка внутри республик квотная, с учетом половозрастных распределений и с процентным ограничением респондентов, имеющих высшее образование⁵.

Результаты и обсуждение. Начало глубинных трансформаций структуры идентичностей жителей России в целом и республик Южной Сибири в частности исследователи справедливо связывают с процессами распада советского общества и государства, когда проблема обретения чувства общности многими бывшими советскими гражданами решалась через возрождение этнической или обращение к локально-территориальным, государственной, гражданской идентичностям. Первый вариант был близок титульным этносам субъектов Российской Федерации, имевшим собственную этнополитическую историю, традицию национальных движений и опыт борьбы за национально-культурную автономию. Для русских, испытывавших чувство обиды и недоверия политической элите, ностальгию по утраченному статусу в «большой семье советских народов», выбор не был столь очевидным. Этнически русские, еще совсем недавно — советские, особенно в национальных регионах постсоветской России, стремились реализовать потребность в обретении самости через локально-территориальные идентичности (сибиряки, уральцы). В начале 1990-х гг. выделить гражданскую идентичность из общероссийской было просто невозможно. В массовом сознании еще функционировали советские идеологемы и конструкты «советского народа», «новой исторической общности» и др. [Kuzio 2002; Billington 2004] Результаты общероссийских и региональных опросов

⁵ 1) 2013 г. — социологическое исследование в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по проекту «Надэтническая идентичность: анализ состояния и оценка потенциала оптимизации региональной модели межкультурного взаимодействия» (№ 14.В37.21.0511). Выборочная совокупность — 1000 чел. (Тыва — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.); 2) 2014 г. — социологическое исследование в рамках гранта Президента РФ по теме «Анализ этнокультурных оснований ценностно-идентификационных конфликтов в постсоветской России: региональный аспект» (МК-2456.2013.6). Выборочная совокупность — 1000 чел. (Тыва — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.); 3) 2015 г. — социологическое исследование в рамках гранта Президента РФ по теме «Российская гражданско-национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (региональная модель)» (МК-6746.2015.6). Выборочная совокупность — 1000 чел. (Тыва — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.); 4) 2016 г. — повторное социологическое исследование в рамках гранта Президента РФ по теме «Российская гражданско-национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (региональная модель)» (МК-6746.2015.6). Выборочная совокупность — 1000 чел. (Тыва — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.); 5) 2018 г. — социологическое исследование в рамках гранта Президента РФ по теме «Анализ и оценка эффективности функционирования гражданской нации в региональном социуме» (МК-587.2017.6). Выборочная совокупность — 1000 чел. (Тыва — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.); 6) 2019 г. — социологическое исследование в рамках реализации договора № 457 от 14.08.2019 по теме «Тыва в условиях современных трансформаций: моделирование институциональных и социокультурных процессов в Республике Тыва (сер. 1990-х — 2019 гг.)». Выборочная совокупность — 290 чел. (Тыва — 290 чел.); 7) 2019 г. — социологическое исследование в рамках гранта РФФИ и Правительства Республики Хакасия (Договор № 18-411-190002) по теме «Хакасия в условиях современных трансформаций: социологическое исследование и моделирование институциональных и социокультурных процессов в Республике Хакасия (сер. 1990–2018 гг.)». Выборочная совокупность — 520 чел. (Хакасия — 520 чел.).

свидетельствуют, что в структуре идентичностей жителей страны новая российская идентичность утверждается только к периоду 2010-х гг. Опираясь на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (2006 г.), «Европейского социального исследования» (2008 г.), Л.М. Дробижева отмечает, что российскими гражданами ощущали себя 65–68 % населения. Конечно, следует учитывать регион проживания респондентов. В районах с доминирующим русским населением российская идентичность могла фиксироваться на уровне 80–90 % от числа опрошенных (Томск, Екатеринбург, Якутия), в национальных республиках доля идентифицирующих себя с россиянами значительно снижалась (до 30 % и менее) [Дробижева 2010: 434–435]. Проводимые в Южной Сибири социологические исследования Л.В. Анжигановой, Г.Г. Котожекова, Ю.В. Попкова, В.Г. Костюк, В.Н. Тугужековой и др. [Анжиганова 2007; Жители... 1994; Попков, Костюк, Тугужекова 2003], включающие блоки изучения структуры идентичностей жителей региона, подтверждают, что в период 1990–2010-х гг. территориальные (локально-поселенческая (город/село), республиканская и сибирская региональная) идентичности были актуальнее российской [Жители... 1994; Межнациональные отношения... 1997; Религиозно-нравственное... 2007]. Например, результаты опроса еще 2007 г. в Хакасии фиксировали приоритет поселенческой идентичности у жителей республики (33,4 %), тогда как с жителями России идентифицировали себя в первую очередь лишь чуть более четверти опрошенных (28,6 %) [Религиозно-нравственное сознание... 2007].

Динамика структуры идентичности жителей республик Южной Сибири (2013 – 2019 гг.)

За прошедшие с начала первых исследований годы изменились не только методологические подходы к интерпретации содержания российской нации и идентичности (дважды), были приняты доктрины и стратегии национальной политики, изменения коснулись и ее восприятия жителями страны. По результатам опроса 2013 г., проведенного фактически на рубеже смены поколений и очередной актуализации вопроса выработки стратегии официальной государственной национальной политики (2012 г.), была выявлена тенденция роста значимости российской идентичности у жителей региона. В первую очередь с россиянами себя идентифицировали тогда порядка трети опрошенных в Хакасии (32,3 %) и почти половина в Алтае (41,1 %). В Тыве позиции российской и республиканской идентичности были равны, и ощущали себя в первую очередь россиянами чуть более четверти респондентов. Иные территориальные идентичности, часто интерпретируемые как альтернативные, по-прежнему оставались актуальными для жителей региона (табл. 1–3). Например, с жителями республики себя идентифицировала пятая часть опрошенных в Хакасии и почти столько же в Алтае. Преимущественно жителями Сибирского региона (сибиряками) себя называли 18,7 % опрошенных в Хакасии (в двух других республиках этот вариант ответа не был популярен). Приоритет поселенческой идентичности демонстрировали 15,4 % опрошенных в Хакасии, 17,9 % в Алтае и 13,7 % Тыве. Этническая иден-

тичность была значима для 7,5 % опрошенных в Хакасии, 14,1 % в Тыве и 13,7 % в Алтае.

Некоторые коррективы в процессы трансформации структуры идентичности жителей Южной Сибири внес во всех отношениях сложный 2014 г. Региональный социум испытал воздействие мирового экономического кризиса и антироссийских санкций, внешней миграции, которые обострили внутренние проблемы и противоречия, катализировали кризис доверия федеральным и местным властям, институтам гражданского общества. Определение социального портрета идентифицирующих себя с россиянами, в отличие от этнического, не являлось целью нашего исследования. Тем не менее отметим, что трансформации структуры идентичности происходили на фоне заметного увеличения доли респондентов, испытывающих экономические трудности (с 2 до 7,5 % выросло число малообеспеченных и неимущих), ощущавших нарастание напряженности межэтнических отношений (конфликтность отметили 51 % опрошенных) и отсутствие доверия действиям властей (более 50 %) [Аксютин 2020].

Усиливалось значение альтернативных механизмов консолидации, неформальных связей и отношений, локально-поселенческой, республиканской и этнической идентичности. Вместе с тем российская идентичность оставалась актуальной для большинства опрошенных в Хакасии и Алтае, где численно преобладают русские. Региональная и республиканская идентичности утрачивали значимость для жителей Хакасии, но усилились в Алтае и Тыве, где соотношение русских и представителей титульного этноса иное, нежели в Хакасии, а экономическая ситуация несколько сложнее. Отметим и тот факт, что в 2014 г. фиксировалось усиление значимости для респондентов ощущения себя представителем своей национальности (этнической идентичности) в Тыве и Хакасии. В этой группе преобладали молодые люди (до 24 лет) и представители старшего поколения (55 и старше), проживающие как в селе, так и городе. Вероятно, помимо объективного процесса консолидации, в том числе перед лицом экономических вызовов, имеет место эффект актуализации «модернизированной» (новой) этничности в условиях городского пространства Тывы и Хакасии. Численно городское население в Хакасии преобладает над сельским (366 тыс. чел.), а в Тыве они практически равны (184 тыс. горожан и 153 тыс. сельчан). В Алтае — 65 тыс. чел. проживают в городах и 146 тыс. в деревнях и селах. Этническая идентификация для городского жителя, отмечает М.Н. Чистанов, теряет свою практическую значимость, но актуализируется в качестве механизма перформативности, реализации стремления к самопрезентации, демонстрации собственной уникальности в городской среде. Этническая идентичность продолжает оставаться значимым фактором самосознания, но приобретает более рациональный характер [Громов 2016: 398; Чистанов 2021: 101–102].

Крымские события, санкционные войны и иные турбулентные процессы периода 2014–2015 гг. проявили себя в результатах последующих опросов. В 2015–2018 гг. в структуре идентичностей жителей региона произошел частичный откат к значениям 2013 г. После кратковременного усиления значимости российской идентичности в 2016 г. в Хакасии и Алтае себя в первую очередь росси-

янами называли (2018–2019 гг.) только порядка 32 % опрошенных (в 2019 г. опрос в Республике Алтай не проводился). В Тыве отмечаемое ранее усиление значимости российской идентичности также было скорректировано в сторону уменьшения. В структуре идентичностей жителей Тывы вновь преобладала республиканская идентичность, а актуальность этнической идентичности оставалась почти без изменений на протяжении всего периода исследований и ее значимость отмечали порядка 15 % респондентов в Тыве, 7 % в Хакасии и 10 % в Алтае.

Таблица 1

Структура идентичностей жителей Республики Хакасия в 2013–2019 гг., %

Тип идентичности	2013	2014	2015	2016	2018	2019
Российская	32,3	35,4	32,7	38,7	33,3	32,6
Республиканская	20,4	13	19,4	20,4	16,9	16,4
Региональная	18,7	8,3	17,7	13,8	18,5	18,4
Поселенческая	15,4	18,5	14	15,6	15,6	22,4
Этническая	7,5	9,1	9,8	6,2	7,7	7,1
Космополитическая	4,8	11,7	4,8	3,7	10,8	11

Источник: составлено автором.

Table 1

Identity structure of the Republic of Khakassia inhabitants, 2013–2019, %

Identity type	2013	2014	2015	2016	2018	2019
Russian	32,3	35,4	32,7	38,7	33,3	32,6
Republican	20,4	13	19,4	20,4	16,9	16,4
Regional	18,7	8,3	17,7	13,8	18,5	18,4
Local/Settlement	15,4	18,5	14	15,6	15,6	22,4
Ethnical	7,5	9,1	9,8	6,2	7,7	7,1
Cosmopolite	4,8	11,7	4,8	3,7	10,8	11

Source: made by author.

Таблица 2

Структура идентичностей жителей Республики Тыва в 2013–2019 гг., %

Тип идентичности	2013	2014	2015	2016	2018	2019
Российская	26,6	21,9	32,8	34,5	39,7	28,5
Республиканская	27,2	30,3	30,7	30,3	23,1	30,5
Региональная	3,1	11,5	12,1	7,9	4,8	5,5
Поселенческая	17,9	7,6	8,3	5,5	6,9	12,5
Этническая	14,1	15,7	8,6	13,8	15,9	15
Космополитическая	9,7	12,3	6,9	7,2	16,2	8

Источник: составлено автором.

Table 2

Identity structure of the Republic of Tuva inhabitants, 2013–2019, %

Identity type	2013	2014	2015	2016	2018	2019
Russian	26,6	21,9	32,8	34,5	39,7	28,5
Republican	27,2	30,3	30,7	30,3	23,1	30,5
Regional	3,1	11,5	12,1	7,9	4,8	5,5
Local / Settlement	17,9	7,6	8,3	5,5	6,9	12,5
Ethnical	14,1	15,7	8,6	13,8	15,9	15
Cosmopolite	9,7	12,3	6,9	7,2	16,2	8

Source: made by author.

Таблица 3

Структура идентичностей жителей Республики Алтай в 2013–2018 гг., %

Тип идентичности	2013	2014	2015	2016	2018
Российская	41,1	32,6	30	33,7	31,1
Республиканская	16,8	18,5	23,7	24,2	22,6
Региональная	6,8	10,2	12,6	7,4	11,1
Поселенческая	13,7	19,3	12,1	17,9	18,9
Этническая	13,7	8,6	11,6	8,9	10
Космополитическая	6,8	7,6	5,8	7,4	6,3

Источник: составлено автором.

Table 3

Identity structure of the Republic of Altay inhabitants, 2013–2018, %

Identity type	2013	2014	2015	2016	2018
Russian	41,1	32,6	30	33,7	31,1
Republican	16,8	18,5	23,7	24,2	22,6
Regional	6,8	10,2	12,6	7,4	11,1
Local / Settlement	13,7	19,3	12,1	17,9	18,9
Ethnical	13,7	8,6	11,6	8,9	10
Cosmopolite	6,8	7,6	5,8	7,4	6,3

Source: made by author.

В целом российская идентичность, как это следует из результатов проведенных опросов, остается значимой и занимает первую позицию в структуре идентичностей почти трети опрошенных жителей Хакасии и Алтая, населенных пре-

имущественно русскими. В Тыве, где численно преобладает титульный этнос, российская идентичность, пусть и незначительно, но уступала в актуальности республиканской идентичности. Другой, не только методологический, но и общественно-политический вопрос, требующий изучения, — это этнический и социально-культурный субстрат консолидации, на который опирается российская идентичность. Для формирования российской гражданской идентичности значимым является то, насколько сильно ощущают российскую идентичность люди разных национальностей, этносов, какое место она занимает в их структуре идентичностей и каковы основания этой идентификации.

Трансформации структуры идентичности представителей русского и титульных этносов республик Южной Сибири (2013—2019 гг.)

Результаты проводимых нами региональных опросов свидетельствуют, что приоритетность российской идентичности демонстрируют преимущественно этнически русские респонденты, в структуре идентичности которых она занимает, если можно так выразиться, лидирующие позиции. В то же время и среди русских респондентов доля идентифицирующих себя прежде всего с жителями России составляла чуть более трети от числа опрошенных. Например, в 2013 г. ощущали себя прежде всего жителями России 37 % русских, 28,2 % опрошенных хакасов, 24,8 % тувинцев и 24,3 % алтайцев. Для нерусских респондентов российская идентичность не была приоритетной. В частности, верхнюю строчку в структуре идентичностей хакасов и тувинцев занимала республиканская идентичность, у алтайцев — этническая. Отметим, что этническая идентичность, конвергенция которой с российской, гражданско-национальной идентичностью вызывает наибольшее количество вопросов [Дробижева 2010: 434–435], была безусловно приоритетной только для алтайцев, переживавших в этот период новый виток актуализации «национального вопроса» на фоне обострившихся экологических проблем, осложнившихся отношений с федеральным центром и усиления внешней миграции. В гораздо меньшей степени значимость ощущения себя представителем своей национальности отмечали тувинцы, отдавая приоритет не только делившим первую позицию республиканской и российской идентичности, но и поселенческой, которую отметили 17,7 % тувинцев. Для хакасов этническая, поселенческая и региональная (сибирская) идентичности были актуальны в почти равной степени (по 10 %). Значимость этничности отметили только 6,8 % русских респондентов, при этом о приоритетности для себя поселенческой и республиканской идентичности заявили 17,8 и 16,5 % опрошенных русских соответственно.

Повторное исследование, проведенное в августе — сентябре 2014 г., серьезных изменений в структуре идентичностей представителей крупнейших этнокультурных групп региона не выявило. Приоритетность для себя российской идентичности все также демонстрировали преимущественно русские и в меньшей степени представители титульных этносов республик. Как и годом ранее, республиканская идентичность оставалась значимой для большинства опрошенных тувинцев (31,3 %, рис. 3) и хакасов (41,4 %, рис. 2). Республиканская

и этническая идентичности возглавляли структуру идентичностей у опрошенных алтайцев (рис. 4). Позиции этнической идентичности у русских и тувинцев, как и поселенческой, региональной, космополитической, оставались практически без изменений по сравнению с данными 2013 г. (рис. 1, 3).

Ставший индикаторным для наших многолетних исследований опрос 2015 г., проведенный в регионе после, как уже говорилось, насыщенного событиями 2014 г., не только фиксировал изменения в структуре идентичностей жителей региона, но и продемонстрировал достаточно сильное влияние на нее внешних факторов. Если в отношении опрошенных русских (43,8%), алтайцев (22,4%) и особенно тувинцев (30,9%) можно говорить о некотором усилении значимости принадлежности к российской общности, выраженном в увеличении числа идентифицирующих себя в первую очередь с россиянами, то опрошенные хакасы демонстрировали, помимо ставшего традиционным приоритета республиканской идентичности (38,8%), значительную актуализацию принадлежности к представителям своего этноса (26,3%). Напротив, значимость этнической идентичности почти в два раза снизилась у тувинцев (до 9,3%), алтайцев (до 15,5%) и в границах статистической погрешности оставалась у русских (2%) при неизменно высокой актуальности республиканской идентичности (33,7% тувинцев; 29,3% алтайцев; 10,3% русских).

Таким образом, усиление внешних вызовов, по крайней мере на момент обострения внешнеполитической и экономической ситуации, стало фактором, консолидирующим и актуализирующим общероссийскую идентичность для жителей региона. Деактуализация российской идентичности у представителей хакасского этноса, и без того традиционно уступающей в значимости республиканской идентичности, объясняется как историческими особенностями развития региона, так и действиями местных властей. Процессы становления этнического самосознания, выделения Хакасской автономной области из состава Красноярского края и образования республики имеют давнюю историю и широко обсуждались не только в кругу этнической интеллигенции, занимавшейся научно-политическим моделированием этничности, но и широкой общественностью, что предопределило значимость республиканской и этнической идентичности хакасов.

Можно сказать, идея национальной государственности стала основой самоидентификации хакасов как этноса на рубеже веков. В числе важнейших факторов, определяющих самочувствие титульного этноса республики, также находятся миграционные процессы. В частности, были отмечены факты открытых столкновений с мигрантами из Центральной Азии, занимавшими важные экономические ниши производственного сектора (сезонные работы, рыночная торговля, сбор дикоросов), что сыграло роль консолидирующего фактора, — но не с россиянами вообще, а конкретным местным сообществом и своим этносом. Подливали масла в огонь и местные власти, которые, по мнению жителей, загоняя республику в долги, не могли эффективно решить нарастающие экономические и экологические проблемы, но вели себя вызывающе и провокационно. Свою роль сыграла трагедия апреля 2015 г., получившая название «огненная Пасха» (34 погибших, более 6 тыс. человек потеряли жилье, имущество).

Повторный опрос 2016 г., осуществленный в рамках двухлетнего проекта (2015 — 2016 гг.), и исследование 2018 г. позволяли говорить о снижении динамики процессов трансформации структуры идентичностей жителей региона. В этот период приоритет российской идентичности для русских жителей республик Южной Сибири снижался и вернулся к значениям 2013 г. Российская идентичность для хакасов, напротив, актуализировалась, и если в 2016 г. идентифицировали себя с россиянами только 18,4% представителей хакасского этноса, то в 2018 г. уже 25,7%, что также сопоставимо с результатами опроса 2013 г. Показательно, что этническая идентичность по-прежнему оставалась значимой для четверти (24,8%) опрошенных хакасов, несколько уступая российской и республиканской (31,2%). Российская идентичность тувинцев продемонстрировала устойчивость положительной динамики роста актуальности. В 2018 г. ощущали себя в большей степени жителями России 40,4% тувинцев. Российская идентичность алтайцев, впрочем, как и этническая, демонстрировала отрицательную динамику снижения актуальности, и в 2018 г. не более 18% алтайцев отметили ее значимость. Первая позиция в структуре идентичностей представителей алтайского этноса принадлежала республиканской идентичности (35,6%).

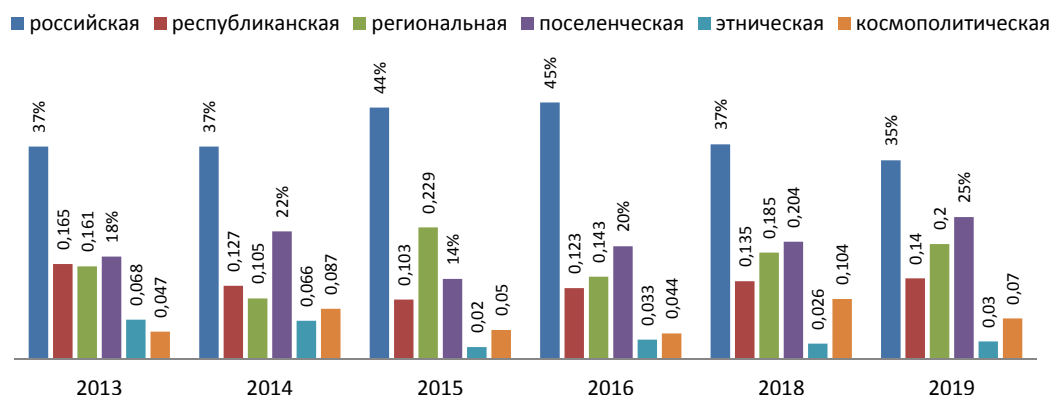

Рис. 1. Динамика структуры идентичности представителей русского этноса в 2013—2019 гг.
 Источник: составлено автором.

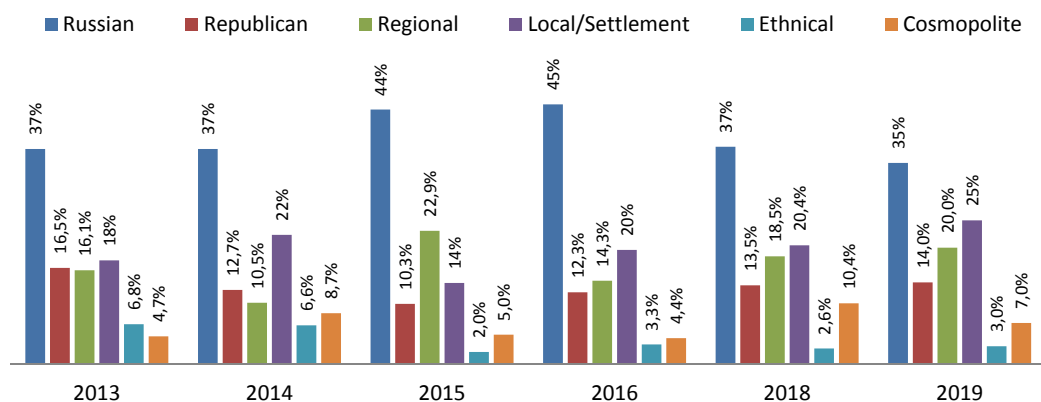

Figure 1. The dynamics of identity structure among the Russians, 2013—2019
 Source: made by author.

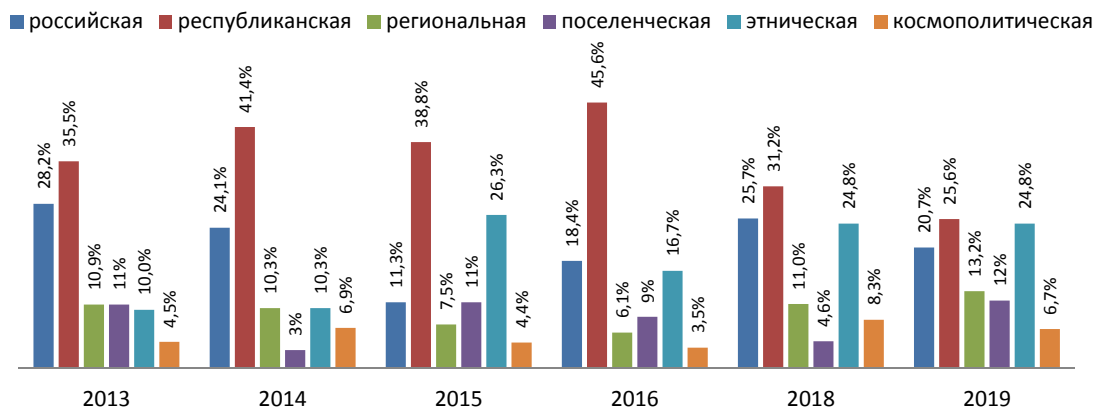

Рис. 2. Динамика структуры идентичности представителей хакасского этноса в 2013–2019 гг.

Источник: составлено автором.

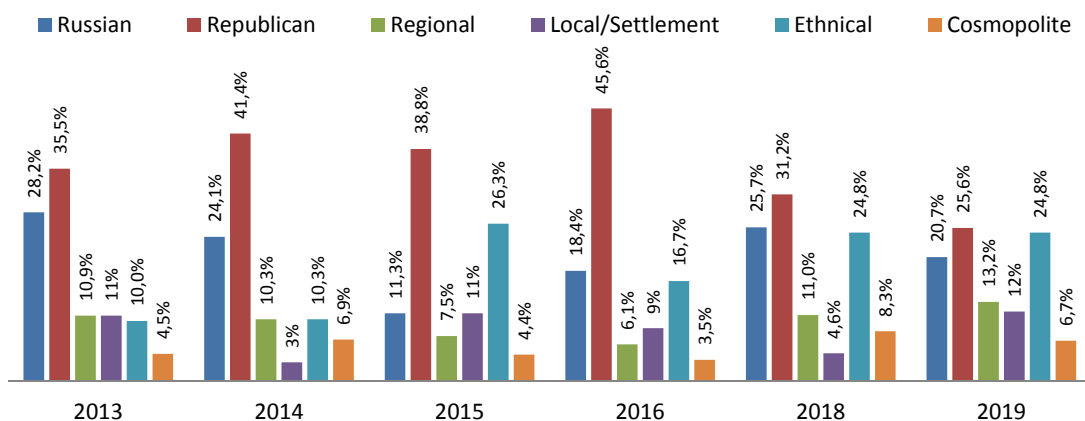

Figure 2. The dynamics of identity structure among the Khakasses, 2013–2019

Source: made by author.

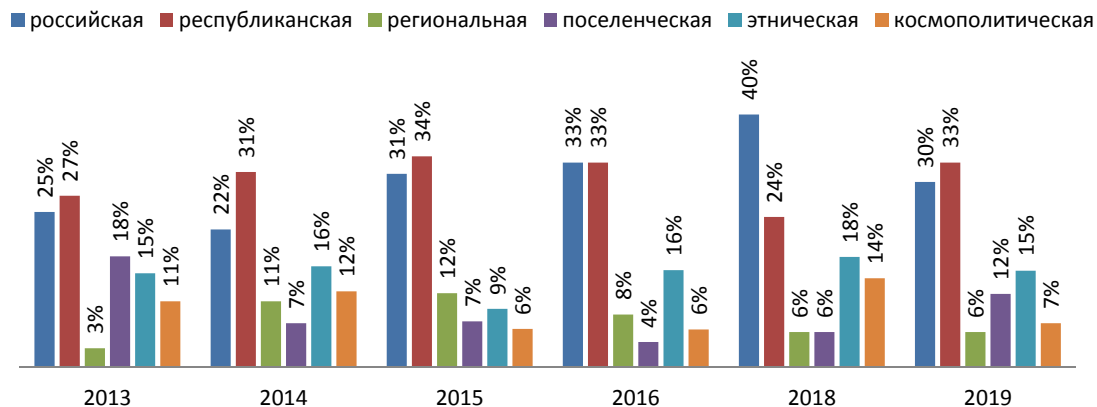

Рис. 3. Динамика структуры идентичности представителей тувинского этноса в 2013–2019 гг.

Источник: составлено автором.

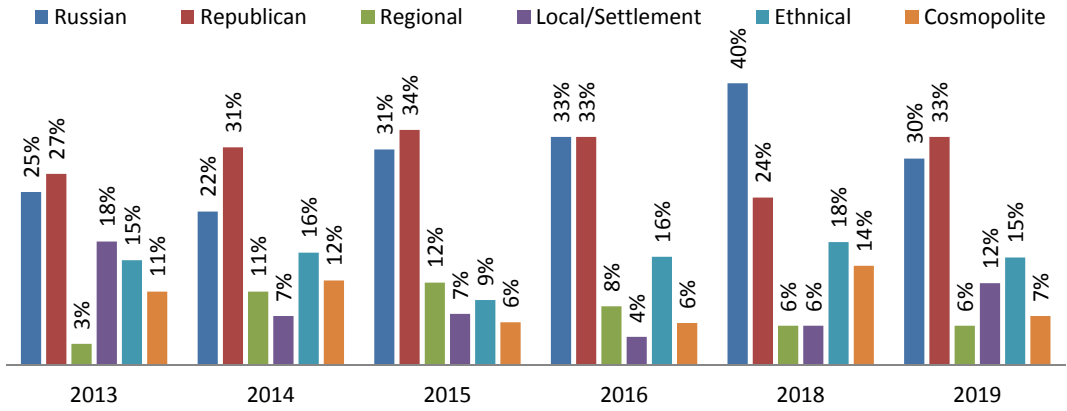

Figure 3. The dynamics of identity structure among the Tuvinians, 2013–2019

Source: made by author.

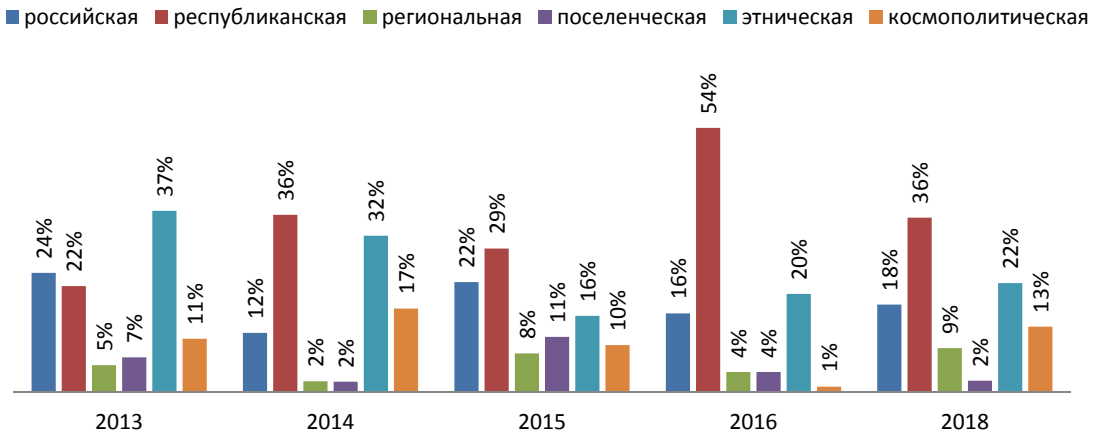

Рис. 4. Динамика структуры идентичности представителей алтайского этноса в 2013–2018 гг.

Источник: составлено автором.

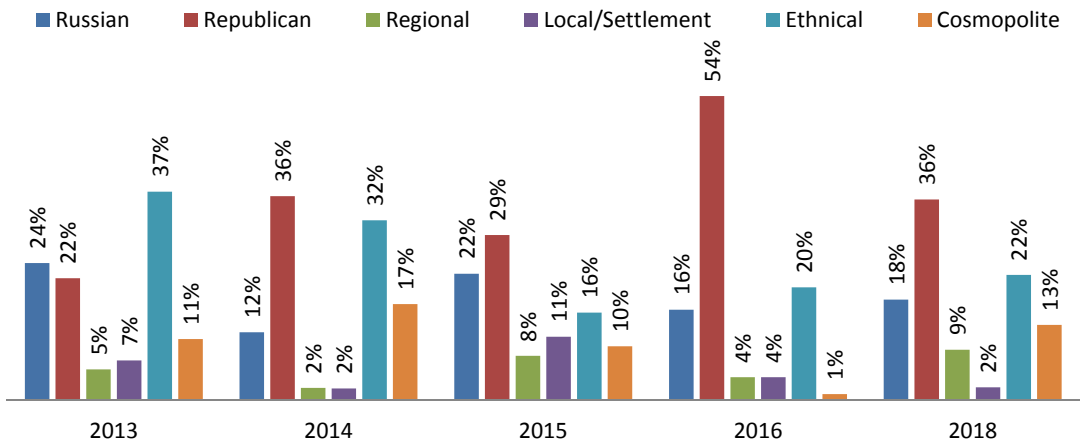

Figure 4. The dynamics of identity structure among the Altaians, 2013–2018

Source: made by author.

В 2019 г. по отдельным проектам проводились исследования институциональных и социокультурных процессов в Республиках Хакасия и Тыва. Республика Алтай, по причине вступивших в силу ограничений, связанных с пандемией COVID-19, осталась вне поля наших исследований. Тем не менее программа и выборка, формулировка вопросов блока изучения структуры идентичности остались без изменений и были сопоставимы с опросами 2013–2018 гг. Опросы в Хакасии и Тыве продемонстрировали, что позиции российской идентичности остались почти неизменными. Идентифицировали себя с россиянами 34,6 % русских. Значимость российской идентичности также отметили 20,7 % хакасов, для которых все же более значимой оставалась республиканская идентичность (25,6 %). В некотором смысле симптоматичным можно назвать стабильность позиций этнической идентичности у представителей титульного этноса Хакасии. Как и в 2018 г., значимость ощущения себя представителем своего этноса отметили 24,8 % хакасов (региональная идентичность — 13,2 %, поселенческая — 11,6 %). Среди опрошенных тувинцев с жителями России идентифицировали себя в первую очередь почти 30 % (против 40 % в 2018 г.) респондентов, но на первом месте у этой группы оставалась республиканская идентичность. Напротив, этническая идентичность, приоритетность которой в 2018 г. отмечали 17,8 % опрошенных тувинцев, в 2019 г. была значима для 15,4 % респондентов, а позиции региональной идентичности остались без изменений (5,6 %) на фоне усиления поселенческой идентификации (2019 г. — 11,7 %, 2018 г. — 5,6 %). К схожим выводам (о доминировании этнорегиональной идентичности, но без отторжения или неприятия российской идентичности) приходят исследователи социокультурных процессов в Тыве (К.З. Leung, Ч.К.о. Ламажаа, Э.Э. Тундума и др.) [Leung 2017; Ламажаа 2021; Тундума 2019]. Ассоциативные стратегии русских и тувинских респондентов, отмечает Э.Э. Тундума, показали наличие двухуровневой идентификации, в которой есть место для (этно)региональной и гражданской идентичности [Тундума 2019: 420].

Таким образом, в период с 2013 по 2018–2019 гг. российская идентичность, как и ожидалось, была присуща преимущественно русским жителям региона. Каждый третий этнически русский респондент ощущал себя в первую очередь жителем России и только потом — республики, Сибири, конкретного местного сообщества и т.д. Значимость ощущения принадлежности к этносу отмечали только 3–5 % русских респондентов. С россиянами среди опрошенных тувинцев идентифицировали себя примерно столько же, сколько русских. В целом в отношении тувинцев можно говорить о тенденции роста числа идентифицирующих себя в первую очередь с жителями России, доля которых увеличилась с 24,8 % в 2013 г. до 30 % в 2019 г. Однако число отметивших значимость республиканской идентичности на протяжении всего периода исследований было несколько большим и продолжало увеличиваться. Иная картина с респондентами алтайцами (24,3 % в 2013 г. и 17,8 % в 2018 г.) и хакасами (28,2 % в 2013 г. и 20,7 % в 2019 г.), демонстрировавшими

тенденцию пусть и незначительного снижения числа идентифицирующих себя с россиянами. Усиление значимости этнической идентичности фиксировалось только у хакасов (с 10 до 24,8 %) на фоне деактуализации республиканской идентичности (с 35,5 до 25,6 %). Можно сделать вывод, что наиболее стабильными в обозначенный период времени были структуры идентичностей русских и тувинцев. Напротив, структуре идентичностей алтайцев и в несколько меньшей степени хакасов присуща высокая динамика изменений, что объясняется наличием нескольких сильных объектов идентификации (республика, государство, этнос), незавершенностью процесса формирования этнического самосознания (отмечена ситуация конкуренции этнических элит, ряда идеологем), а также воздействием таких факторов, как процессы урбанизации и внешняя миграция, усложняющие ситуацию межкультурного взаимодействия. В таком контексте закономерный интерес представляет анализ оснований российской идентичности жителей Южно-Сибирского региона — кого и почему (в их представлении) можно назвать россиянами, важно понимать, какие смыслы имеют реальные основания в представлениях людей.

Анализ особенностей и динамики восприятия оснований российской идентичности жителями Республик Хакасия, Тыва и Алтай

Для решения задачи характеристики оснований российской идентичности жителей региона в период 2013–2019 гг. анализу были подвергнуты ответы респондентов на вопрос: кого, по их мнению, в первую очередь можно назвать россиянином? В 2013 г. большинство опрошенных жителей региона (24,7 %) полагали, что «россияне — это те, кто воспитан на русской культуре и считают ее своей». Немногим меньше было тех, кто считал главными критериями отнесения к россиянам наличие российского гражданства (23,2 %), когнитивную и эмоциональную самоидентификацию («кто сам считает себя россиянином» — 19,5 %; «кто любит Россию» — 19,6 %). Знание русского языка («кто говорит по-русски»), как и исповедание Православия, отметили порядка 3 % опрошенных. Очевидно, что все эти варианты ответов носят социокультурный и гражданский характер. Тем не менее 6,5 % опрошенных отмечали, что россиянами следует называть прежде всего тех, чьи родители — россияне (не исключено, что часть респондентов имела в виду наличие этнически русских родителей). Этот вариант ответа был близок в 2013 г. 9,2 % опрошенных русских, 7,3 % хакасов, 2 % тувинцев и 2,7 % алтайцев. Все же характеристики социокультурного плана, как главный фактор отнесения к россиянам, назвали порядка 70 % русских и хакасов, 46 % тувинцев, 56,7 % алтайцев. Особо отметим, что факт наличия российского гражданства в качестве ключевого отметили 13,3 % русских, 19,1 % хакасов, 27 % алтайцев, 46,6 % тувинцев. Гражданская трактовка российской идентичности традиционно сильна у тувинцев. Напомним, что Тыва вошла в состав РСФСР последней, в 1944 г. в ста-

туса автономной области, а уже в 1961 г. преобразована в Тывинскую АССР, затем Республику Тыва (1991 г.) с последующим принятием Конституции, фиксирующей право на самоопределение республики вплоть до выхода из состава России. Сильная история государственности, наличие альтернативного центра политической интеграции (Китай), отличная от доминирующей в России религиозная традиция (буддийская), в немалой степени определили рационализм и гражданско-государственный характер основания российской идентичности тувинцев.

Последующие опросы подтвердили доминирование социокультурных оснований российской идентичности жителей региона. В 2014 г. наличие российского гражданства для обозначения индивида в качестве россиянина отметили уже 17,4 % русских, 34,5 % хакасов, 44,4 % тувинцев и 25,5 % алтайцев. Иными словами, «фактор паспорта» гражданина РФ в качестве основания российской идентичности для представителей титульных этносов региона был ведущим. Некоторым исключением были респонденты алтайцы, 29,8 % которых отметили, что россиянин тот, кто сам считает себя россиянином. Основанием преимущественно когнитивно-эмоциональной самоидентификации алтайцев выступает комплекс факторов.

Во-первых, отмечают исследователи (Т.А. Асеева, Д.А. Михайлов), в республике в целом сложился достаточно благоприятный социально-экономический климат [Михайлов 2016: 76, Асеева 2017]. Большая часть населения ведет сельский образ жизни, что способствует складыванию не формализованных исключительно гражданством идентификационных связей с населением всей страны.

Во-вторых, в Алтае отсутствует разделяемая большинством представителей титульного этноса «идеологема возрождения» алтайской нации и государственности (конкурируют бурханизм, движения алтайских родов, мифологема исторической и молодой алтайской нации и др.) [Михайлов 2016].

Как отмечает Е.В. Тышта, в процессе образования Республики Алтай местная интеллигенция и политическая элита активно разыгрывали «российскую карту» в противовес краевой (как части Алтайского края), без подчеркивания этнокультурной и исторической обусловленности этого преобразования и широкого обсуждения, в отличие от Хакасии [Тышта 2019: 428]. Во главу угла ставилась экономическая целесообразность повышения политико-правового статуса, сулившего прямой доступ к федеральным программам, бюджету, доходам. В структуре идентичностей поколения, пришедшего на смену современникам «больших реформ», если не принимать в расчет этническую принадлежность, республиканская идентичность занимает вторую позицию и демонстрирует тенденцию усиления. Однако у представителей алтайского этноса российская идентичность не была приоритетной. Динамично развивавшиеся рыночные отношения, а также особенности распределения бюджетных средств создают у различных групп элит конкурирующие экономические интересы, отстаивать которые, отмечает Д.А. Михайлов, удобнее с национальных позиций [Михайлов 2016: 76].

Тем не менее наличие родителей — россиян, как условие причисления к российской общности, отметили порядка 7 % русских, тувинцев и алтайцев, 14 % хакасов. В 2015–2019 гг. значение российского гражданства в качестве основания причисления к россиянам только усиливалось. Его отметили от 35 до 45 % опрошенных представителей титульных этносов региона, тогда как значимость биологического фактора (наличие родителей — россиян) подчеркивали не более 5 % респондентов. Уточним, что предельно широкого понимания оснований принадлежности к россиянам («кто воспитан на русской культуре и считает ее своей») придерживались 43 % русских и порядка 15–18 % представителей тюркских этносов региона. Когнитивную самоидентификацию с россиянами в качестве главного основания отметили примерно в равных долях 15 % опрошенных (расхождения в пределах 3–5 %). Любовь к России была маркирующим россиян критерием для 14,6 % русских, 22 % хакасов, 31 % тувинцев и 15,6 % алтайцев. Иные основания не преодолели и 3 % планку погрешности.

Таким образом, как и ожидалось, для русских общее государство, гражданство имеет определенное, но не определяющее объединяющее значение. Более значимыми оказались иные социокультурные основания: приверженность базовым ценностям русской культуры, когнитивная и эмоциональная самоидентификация. Напротив, в массовом сознании представителей титульных (тюркских) этносов региона россиян объединяет именно российское гражданство и во вторую очередь самосознание, любовь к России.

Заключение

Проведенные в регионе со сложным этнокультурным ландшафтом и в непростой период экономических, политических потрясений исследования показывают, что российская идентичность, особенно в сравнении с 1990–2000-ми гг., стала константой массового сознания жителей России. Доля опрошенных, ответивших, что они в большей степени или в первую очередь считают себя жителями России, составляет порядка 30 %. Российская идентичность занимала первую позицию в структуре идентичностей и была приоритетной для жителей Хакасии и Алтая. В Тыве, где численно преобладает титульный тувинский этнос, российская и республиканская идентичности паритетны. В ходе исследования выявлен также факт высокой восприимчивости российской идентичности жителей региона к внешним процессам и обстоятельствам, свидетельствующим о необходимости усиления ее интеграционного потенциала.

Принимая в расчет этническую принадлежность респондентов, установлено, что, как и ожидалось, российская идентичность является преимущественной для этнических русских. В период с 2013 по 2019 г. каждый третий опрошенный русский (34–37 %) ощущал себя в первую очередь жителем России. Иными словами, для характеристики ситуации в республиках Южной Сибири справедливо утверждение, что большинство рус-

ских в регионах, где титульным является иной этнос, важнейшей формой идентичности считают российскую, а абсолютное меньшинство — этническую. В то же время для представителей титульного этноса важной формой идентичности выступает республиканская. С россиянами среди опрошенных тувинцев идентифицировали себя примерно столько же, сколько русских. Однако число тувинцев, отметивших значимость республиканской идентичности, на протяжении всего периода исследований было равным или несколько большим (в 2019 г. — 32,7 %). Несколько иная картина с респондентами алтайцами (17,8 % в 2018 г.) и хакасами (25,7 % в 2019 г.), демонстрировавшими тенденцию снижения числа идентифицирующих себя с россиянами. У алтайцев зафиксирован рост актуальности республиканской идентичности (до 35,6 % в 2018 г.), а у хакасов фиксировалось усиление значимости этничности (с 10 до 24,8 %), сопровождавшееся деактуализацией республиканской идентичности (с 35,5 до 25,6 %). Отметим, что изменения в структуре идентичностей жителей Хакасии происходили на фоне серьезного политического кризиса в республике и значительного падения уровня доверия властям. В 2018 г. местное население активно выступало против открытия новых угольных разрезов в местностях компактного проживания представителей преимущественно титульного этноса, а выборы главы республики сопровождались актами «протестного голосования» (за любого кандидата и против действующего главы республики), введением «внешнего управления» (назначение временно исполняющего обязанности главы), самоотводом кандидатов перед днем голосования.

Анализ оснований российской идентичности жителей Южно-Сибирского региона (проще говоря — поиск ответов на вопрос: кого и почему они называют россиянами, какие смыслы имеют реальные основания российской идентичности в представлениях людей) дал интересные, но прогнозируемые результаты, во многом воспроизводящие общероссийскую ситуацию. Доктринальные определения и реальные основания идентификации в повседневной жизни не во всем совпадают. Как показали результаты опросов, в массовом сознании представителей титульных этносов региона россиян сегодня объединяет гражданство, которое в качестве основания идентификации отметили от 35 до 45 % опрошенных хакасов, тувинцев, алтайцев («фактор паспорта» отмечают 17–20 % русских). Приверженность базовым ценностям российского общества и русской культуры отметили 43 % русских и порядка 15–18 % представителей тюркских этносов региона. Когнитивную самоидентификацию в качестве главного основания солидаризации отметили примерно в равных долях 15 % опрошенных, а любовь к России была маркирующим критерием для 14,6 % русских, 22 % хакасов, 31 % тувинцев и 15,6 % алтайцев. Иными словами, российская идентичность в значительной степени государственно-гражданская (порядка трети опрошенных демонстрировали «гражданский тип идентичности»). Примерно у такой же доли россиян, преимущественно — русских, распространена социокультурная российская идентичность. Следует иметь в виду условность

приведенной «типологизации российской идентичности». У большинства опрошенных представления об основаниях идентификации и ее смыслах тесно переплетаются.

Поступила в редакцию / Received: 11.05.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 01.08.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2022

Библиографический список

- Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д.* Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // *Политическая наука*. 2020. № 3. С. 74–97. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>
- Анжиганова Л.В.* Эволюция межнациональных отношений в Республике Хакасия (социологический аспект) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2007. № 1. С. 78–82.
- Аксиутин Ю.М.* Анализ зависимости оценок межэтнической напряженности от трансформации структуры идентичностей и социально-экономического самочувствия жителей Республики Хакасия в постсоветский период // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Познание. 2020. № 1. С. 81–85.
- Асеева Т.А.* Тенденции формирования гражданской идентичности жителей Республики Алтай // *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика*. 2017. № 10. С. 9–12.
- Бауман З.* *Текущая современность* / пер. с англ. С.А. Комарова; под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
- Белокур В.М.* Российская нация: базовая проблема национальной самоидентификации российского общества // *Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права*. 2016. № 3–4 (4–5). С. 51–71.
- Бергер П., Лукман Т.* *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания* / пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
- Громов Д.В.* Этноювенология: всегда ли оправдана междисциплинарность? // *Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии*. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 397–404.
- Дробижева Л.М.* Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости: Россия реформирующаяся. ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008. Вып. 7. С. 214–228.
- Дробижева Л.М.* Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // *Вестник Института социологии*. 2010. № 1. С. 429–442.
- Дробижева Л.М.* Стратегия государственной национальной политики о российской гражданской идентичности и реализация ее в полиэтничных регионах Российской Федерации // *Единство. Гражданственность. Патриотизм: сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан*. Уфа, 22–23 марта 2019 года. Уфа: Мир Печати, 2019. С. 4–8.
- Дробижева Л.М.* Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 4. С. 480–498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261>
- Жители Хакасии о своей жизни: результаты социологического исследования по теме «Состояние межнациональных отношений в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания»* / отв. ред. Л.В. Анжиганова, Г.Г. Котожеков. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1994.

- Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир, 2017.
- Ламажаа Ч.К.о. Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация населения // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 178–194. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Межнациональные отношения в Хакасии: результаты социологического исследования по теме «Состояние межнациональных отношений в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания» / отв. ред. Л.В. Анжиганова, Г.Г. Котожеков. М.; Абакан: ХРИПКИПРО Роса, 1997.
- Михайлов Д.А. Идеологема возрождения и конструирование алтайских национализмов // Антропологический форум. 2016. № 31. С. 63–85.
- Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4. С. 13–35. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.01>
- Нигматуллина Т.А. Политизация этничности в условиях регионального федерализма // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 3 (34). С. 89–97.
- Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017.
- Попков Ю.В. Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы) // Новые исследования Тувы. 2020. № 3. С. 253–268. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.18>
- Попков Ю.В., Костюк В.Г., Тугужекова В.Н. Этноссы Сибири в условиях современных реформ: социологическая экспертиза. Новосибирск: Нонпарель, 2003.
- Религиозно-нравственное сознание населения Республики Хакасия: проблемы и перспективы развития / отв. ред. В.Г. Ибрагимов. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007.
- Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федеральная служба государственной статистики. М.: Статистика России, 2012.
- Тишков В.А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения / отв. ред. Е.И. Степанов. М.: ИС и ИЭА РАН, 1992. Вып. 2, ч. I. С. 20–31.
- Тундума Э.Э. Ассоциативная репрезентация гражданской и этнорегиональной идентичности жителей Республики Тыва // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1. С. 419–420.
- Тышта Е.В. Повышение политико-правового статуса регионов в период диверсификации российского федерализма (на примере республик Хакасия и Алтай) // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике. Ижевск: Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, 2019. С. 420–431.
- Чистанов М.Н., Еремин Л.В. Современные городские диаспоры: факторы социальной динамики (на примере тувинской диаспоры в г. Абакане) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 5. С. 99–105. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-5-99-105>
- Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 9–20.
- Aksutin Yu. M. New Russian identity and interethnic relations in the regional dimension (on the example of Southern Siberia in the 2000s) // Modern Studies of Social Issues. 2018. Vol. 10 (1–3). P. 97–102.
- Anderson B.R. *Imagined communities: Reflections on the origin a spread of nationalism*. London: Verso, 1983.

- Anzhiganova L., Asochakova V., Topoeva M. Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification // *Revista de Humanidades*. 2017. 30. P. 141–153.
- Archer M. The Dubious Guarantees of Social Science: a Reply to Wallerstein // *International Sociology*. 1998. 13 (1). P. 5–17.
- Billington J.H. *Russia in search of itself*. London; Washington: Wilson center press; Baltimore: Hopkins University press, 2004.
- Castells M. Globalization and identity: a comparative perspective // *Transfer*. 2006. Vol. 1. P. 56–65.
- Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press, 1991.
- Habermas J. *The Theory of Communicative Action: Reason and the Rationalization of Society*. Boston: Beacon Press, 1984.
- Kapeller J., Wolkenstein F. The grounds of solidarity: From liberty to loyalty // *European Journal of Social Theory*. 2013, no. 16(4). P. 476–491. <https://doi.org/10.1177/1368431013479689>
- Kuzio T. History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space // *Nationalities Papers*. 2002. № 30 (2). P. 241–264. <https://doi.org/10.1080/00905990220140649>
- Leung K.Z. Contemporary Youth Identity in the Republic of Tuva, Russia // *New Research of Tuva*. 2017. № 3. P. 49–65. <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.3>
- Leach C.W., Brown L.M., Worden R.E. Ethnicity and identity politics // *Encyclopedia of violence, peace, & conflict* (second edition). Kurtz L.R. (ed). London: Academic Press, 2008. P. 758–768.
- Parsons T. *The Social System*. London: Routledge, 1991.

References

- Avksentev, V.A., & Aksiumov, B.V., & Gritsenko, G.D. (2020). Ethnicity in political conflicts: ethnicization of politics and politicization of ethnicity. *Political science (RU)*, (3), 74–97. (In Russian). <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>
- Aksutin, Yu.M. (2020). The analysis of how interethnic tension index and identity structure depend on social and economic adaptation of republic of Khakassia inhabitants in post-soviet period. *Modern Science: actual problems of theory and practice*, (1), 81–85. (In Russian).
- Anzhiganova, L.V. (2007). Evolution of inter-ethnic relations in modern Khakassia (sociological aspect). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, (1), 78–82. (In Russian).
- Aseeva T.A.(2017). Trends in the formation of civic identity of residents of the Altai Republic. *Russian political process in the regional dimension: history, theory, practice*, (10), 9–12. (In Russian).
- Bauman Z. (2008). *Liquid modernity*. Trans. from English by S. A. Komarova, Yu.V. Asochakova (Ed.). Saint Petersburg: Piter Publisher. (In Russian).
- Belokur, V.M. (2016). The Russian nation: basic problem of national identity of the Russian society. *Regional'noe i municipal'noe upravlenie: voprosy politiki, ekonomiki i prava*, 3–4(4–5), 51–71. (In Russian).
- Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russian)
- Gromov, D.V. (2016). Ethnoeuvenology: is interdisciplinarity always justified? In *The phenomenon of interdisciplinarity in Russian ethnology* (pp. 397–404). Moscow: IEA RAS. (In Russian).
- Drobizheva, L.M. (2008). National-Civic and Ethnic Identity: Problems of Positive Compatibility. In M.K. Gorshkov (ed.), *Russia is Reforming* (pp. 214–228). A Yearbook. Moscow: Institute of Sociology of the RAS, 7. (In Russian).
- Drobizheva, L.M. (2010). Ethnicity in modern society: new approaches, old misconceptions, social practices. *Vestnik instituta sotziologii*, 1(1), 429–442. (In Russian).
- Drobizheva, L.M. (2019). The Strategy of the State National Policy on the Russian Civil Identity and its Implementation in the Multi-ethnic Regions of the Russian Federation. In *Unity. Civic*

- consciousness. Patriotism* (pp. 4–8). Collection of Scientific Papers on the 100th anniversary of the Republic of Bashkortostan. Ufa: World Press. (In Russian)
- Drobizheva, L.M. (2020). The Meanings of All-Russian Civic Identity in Russian Mass Consciousness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4), 480–498. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261>
- Anzhiganova, L.V., & Kotozhekov, G.G. (Eds.). (1994). *Residents of Khakassia about their lives: the results of a sociological study on the topic: "The state of interethnic relations in the Republic of Khakassia in the assessments and representations of mass consciousness"*. Abakan: Publishing Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Semenenko, I.S. (Ed.). (2017). *Identity: the individual, society, and politics*. An encyclopedia. Moscow: Publishing «Ves' Mir». (In Russian).
- Lamazhaa, Ch. K. (2021). Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity. *New Research of Tuva*, (3), 178–194. (In Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Anzhiganova, L.V., & Kotozhekov, G.G. (Ed.). (1997). *Interethnic relations in Khakassia: results of a sociological study on the topic: "The state of interethnic relations in the Republic of Khakassia in the assessments and representations of mass consciousness"*. Moscow; Abakan: Publishing HRIPKiPRO Rosa. (In Russian).
- Mikhailov, D.A. (2016). The ideologeme of revival and the construction of Altai nationalism. *Antropologicheskij Forum*, (31), 63–85. (In Russian).
- Mchedlova, M. M., & Kazarinova, D.B. (2020). The identity politics: competition of new theoretical meanings and political strategies. *Political science (RU)*, (4), 13–35. (In Russian). <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.01>
- Nigmatullina, T.A. (2016). The politicization of ethnicity in the conditions of regional federalism. *Questions of National and Federative Relations*, 3(34), 89–97. (In Russian).
- Pain, E.A., & Fedyunin, S.Yu. (2017). *Nation and Democracy: Cultural Diversity Management Perspectives*. Moscow: Mysl. (In Russian).
- Popkov, Yu.V. (2020). Contemporary Russian national policy: conceptual and target bases and implementation experience (the case of Tuva). *New Research of Tuva*, (3), 253–268. (In Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.19>
- Popkov, Iu.V., & Kostiuk, V.G. & Tuguzhekova, V.N. (2003). *Ethnoses of Siberia in the conditions of modern reforms : a sociological examination*. Novosibirsk: Nonpareil. (In Russian).
- Religious and moral consciousness of the population of the Republic of Khakassia: problems and prospects of development: results of sociological research*. (2007). V.G. Ibragimova (Ed.). Abakan : Publishing house of the N.F. Katanov Khakass State University. (In Russian).
- Socio-demographic portrait of Russia: According to the results of the All-Russian Population Census of 2010*. (2012). Federal State Statistics Service. Moscow: IStatistics of Russia. (In Russian).
- Tishkov, V.A. (1992). Ethnic conflict in the context of social theories. In: *Social conflicts: expertise, forecasting, resolution technologies* (Vol. 2(I), pp. 20–31). E.I. Stepanov (Ed.). Moscow: IS and IEA RAS. (In Russian).
- Tunduma, E.E. (2019). Associative representation of civil and ethnoregional identity of the residents of the Republic of Tyva. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 1, 419–420. (In Russian).
- Tyshta, E.V. (2019). Raising the political and legal status of regions during the period of diversification of Russian federalism (on the example of the Republics of Khakassia and Altai). *Actual problems of regional history: the relationship of the center and regions in historical dynamics*. Izhevsk: Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Chistanov, M.N., & Eremin, L.V. (2021). Modern urban diasporas: factors of social dynamics (on materials of tuva diaspora in the city of Abakan). *Gumanitarnyj vektor*, 16 (5), 99–105. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-5-99-105>. (In Russian).

- Yadov, V.A. (1995). Social and Socio-Psychological Mechanisms of the Formation of a Person's Social Identity. *World of Russia*, (3–4), 9–20. (In Russian).
- Aksutin, Yu. M. (2018). New Russian identity and interethnic relations in the regional dimension (on the example of Southern Siberia in the 2000s). *Modern Studies of Social Issues*, 10(1–3), 97–102.
- Anderson, B.R. (1983). *Imagined communities: Reflections on the origin a spread of nationalism*. London: Verso.
- Anzhiganova, L., & Asochakova, V., & Topoeva, M. (2017). Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification. *Revista de Humanidades*, 30, 141–153. (In Spain)
- Archer, M. (1998). The Dubious Guarantees of Social Science: a Reply to Wallerstein. *International Sociology*, 13(1), 5–17.
- Billington, J.H. (2004). *Russia in search of itself*. London; Washington: Wilson center press; Baltimore: Hopkins University press.
- Castells, M. (2006). Globalization and identity: a comparative perspective. *Transfer*, 1, 56–65.
- Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press.
- Habermas, J. (1984). *The Theory of Communicative Action: Reason and the Rationalization of Society*. Boston: Beacon Press.
- Kapeller, J., & Wolkenstein, F. (2013). The grounds of solidarity: From liberty to loyalty. *European Journal of Social Theory*, 16(4), 476–491. <https://doi.org/10.1177/1368431013479689>
- Kuzio, T. (2002). History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space. *Nationalities Papers*, 30(2), 241–264. <https://doi.org/10.1080/00905990220140649>
- Leung, K.Z. (2017). Contemporary Youth Identity in the Republic of Tuva, Russia. *New Research of Tuva*, 3, 49 –65. <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.3>
- Leach, C.W., & Brown, L.M., & Worden, R.E. (2008). Ethnicity and identity politics. In L.R. Kurtz (Ed.). *Encyclopedia of violence, peace, & conflict (second edition)* (pp. 758–768). London: Academic Press.
- Parsons, T. (1991). *The Social System*. London: Routledge.

Сведения об авторе:

Аксиутин Юрий Михайлович — кандидат философских наук, доцент кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Кatanова (e-mail: aksutum@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-5996-3686)

About the author:

Yurii M. Aksiutin — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Civil Law and Criminal Law Disciplines, Katanov State University of Khakassia (e-mail: aksutum@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-5996-3686)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-757-778

Научная статья / Research article

«Новый» Русский Север: историческая провинция в тисках социальных и политических проблем

Ю.П. Шабаев

*Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук», Сыктывкар, Российская Федерация*

 yupshabaev@mail.ru

Аннотация. Анализируется специфика колониционных процессов на европейском севере России в различные эпохи. Рассмотрен проблемный характер современных демографических и социальных процессов и их этнокультурная составляющая. Существенное внимание уделено анализу характера социального и культурного развития Европейского Севера в предшествующие эпохи и переосмыслению существующих трактовок процесса социалистической индустриализации Европейского Севера. Показано, что с позиций общесоциологического подхода ее нельзя рассматривать как процесс модернизации, а поэтому корректнее будет говорить об очередном этапе колонизации — штрафной колонизации. В позднесоветский период произошел переход к новой модели развития региона, но новая модель не была ориентирована как на гражданскую интеграцию, так и на формирование укорененных социумов. В северных республиках и областях не сформировались прочные и укорененные территориальные сообщества, обладающие ясно выраженной идентичностью. Показано, что назрела острая необходимость формировать новую модель освоения Европейского Севера, используя как ресурс культурного наследия, так и современные подходы к формированию производственной и социальной среды. Кроме того, все очевиднее становится необходимость масштабного обновления региональных политических элит и принципов их формирования. В работе использованы сравнительно-исторический и этнографический методы, положения миграционной теории, статистические и социологические методы (массовые опросы), а также политико-социологические подходы к пониманию социального конфликта. Что касается политологических подходов, то статья опирается на положения теории рационального выбора.

Ключевые слова: Русский Север, регион, колонизация, идентичность, социальные процессы, региональные элиты, политические настроения

© Шабаев Ю.П., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Шабает Ю.П. «Новый» Русский Север: историческая провинция в тисках социальных и политических проблем // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. №4. С. 757–778. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-757-778>

‘New’ Russian North: The Historical Province Amidst of Social and Political Problems

Yury P. Shabaev

*Federal Research Center Komi Scientific Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation*

 yupshabaev@mail.ru

Abstract. This article analyzes the nature of colonization processes in the European north of Russia in different eras. Special consideration is given to the problematic nature of modern demographic and social processes and their ethno-cultural component. Significant attention is paid to the analysis of the nature of the social and cultural development in the European North in previous eras and to the rethinking of existing interpretations of the process of the socialist industrialization in this area. It is demonstrated that from the standpoint of the general sociological approach, this industrialization cannot be viewed as a process of modernization, and therefore it would be more correct to speak of the next stage of colonization, the penal one. In the late Soviet period, a transition to a new model of the regional development took place. However, this new model presupposed neither the civil integration nor the formation of rooted societies. Strong rooted territorial communities with a clearly defined identity have not formed in the northern republics and oblasts. It is shown that there is an urgent need to form a new model for the development of the European north, using both the resource of cultural heritage and modern approaches to the formation of the industrial and social environment. In addition, the need for a large-scale renewal of the regional political elites as well as the very principles of their formation is becoming more and more obvious. The work uses comparative historical and ethnographic methods, the provisions of migration theory, the statistical and sociological methods (mass polls), as well as political and sociological approaches to understanding social conflict. As for the political science approaches, the article is based on the provisions of rational choice theory.

Keywords: Russian North, region identity, social processes, colonization, regional elites, political sentiments

For citation: Shabaev, Yu. P. (2022). ‘New’ Russian North: The historical province amidst of social and political problems. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 757–778. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-757-778>

Введение

Россия как государство формировалась и развивалась за счет последовательного присоединения к ее культурному ядру, названному в XIX в. «Великой Россией», все новых территорий, отличавшихся как природно-климатическими особенностями, так и культурным составом населения. Первой территорией,

интегрированной в состав Государства Российского, стал Европейский Север. В процессе многовековой колонизации здесь сформировалась историческая провинция, получившая на рубеже XIX и XX вв. наименование Русский Север, хотя в Финляндии территории Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерний, которые условно можно объединить под названным топонимом, с конца XIX столетия стали рассматриваться в контексте культурной концепции Suur Suomi (Великой Финляндии), которая в эпоху между двумя мировыми войнами приобрела откровенно экспансионистский характер.

Появление двух конкурирующих культурных маркеров есть свидетельство того, что символическая и политико-правовая борьба за влияние на северных территориях, примыкающих к современной Арктической Зоне, имеет длительную историю. Двумя самыми важными аргументами в пользу маркирования Европейского Севера как сугубо российской территории является ее историческое наследие — с одной стороны, и степень культурной освоенности — с другой. В этом контексте мы попытаемся оценить как историческую и политическую/этнополитическую эволюцию региона, так и динамику современных социокультурных и политических/этнополитических процессов, имеющих место на указанной территории.

Характер досоветской колонизации Европейского Севера и его культурное значение

В XIX в. исследователи долгое время решали проблему выделения исторического ядра Великороссии и первоначально на «трон исторической прародины великорусов» была помещена территория Великого княжества Московского конца XV в., когда было положено начало формирования централизованного государства. Но позднее в состав исторического ядра была включена и территория Европейского Севера, которая со второй половины XIX в. стала объектом пристального внимания фольклористов, этнографов, историков. Усилиями целой плеяды исследователей был создан новый культурный образ региона. Север к тому времени давно перестал быть главными морскими воротами России и экономически деградировал. Ослабевшие связи с центральными губерниями приводили к тому, что данная территория стала восприниматься как культурная периферия, задворки империи. Но ставшие достоянием общественности результаты научного поиска показали, что регион является «культурной кладовой» русского народа, где живо наследие домонгольской Руси, где сохранилась «исконная русскость». С целью прикоснуться к этому культурному наследию сюда поехали художники, писатели, разночинная интеллигенция. А завершил проект «культурной кладовой России» губернатор Архангельской губернии Энгельгардт, в самом конце XIX в. опубликовавший путевые заметки, в которых впервые был использован топонимический определитель «Русский Север» [Шабаев 2011]. Окончательно закрепился данный маркер/топоним после создания в 1908 г. Архангельского общества изуче-

ния Русского Севера (АОИРС) и проведения двух художественных выставок «Русский Север».

Помимо русских Европейский Север населяли карелы, саамы, вепсы, коми-зыряне, европейские ненцы, представители других этнических групп. Маркирование Европейского Севера как исконно русской территории было связано с тем, что русские были доминантной группой населения, а в культуре и великорусов, и других местных народов имелось много общих черт. Новый бренд стал культурным инструментом, который использовали для противостояния культурной и экономической экспансии со стороны соседей России и их попыткам использовать концепцию *terra nullius* (ничейной земли) в борьбе с российскими национальными интересами. В ответ на эти угрозы субрегион был представлен как цельная и неделимая культурная провинция, имеющая славянскую культурную основу. Подобная маркировка стала актуальной потому, что в конце XIX в. в Приладожье и Беломорской Карелии активизировалась деятельность лютеранских проповедников, пытавшихся обратить православных карел в протестантов, а финляндская элита к тому времени стала рассматривать Великое Княжество Финляндское не как органичную часть империи, а как самостоятельное государство, которое лишь состоит в союзе с Россией [Шабаев, Логинова 2017]. Примерно в это же время поморы начинают проигрывать в конкуренции с норвежским рыбопромышленникам, а попытки модернизации их промыслов оказывались малоэффективными [Коротаев 1998]. Более того, в 1910 г. Союз шкиперов города Тромсе объявил Новую Землю «ничейной землей» [Беляев 2010], где норвежские рыбопромышленники могли свободно осуществлять свою экономическую деятельность. Царское правительство вынуждено было снарядить военную экспедицию, чтобы выдворить норвежцев с российской территории.

Слабость позиций империи на ее периферийных владениях стала очевидной в середине XIX в., следствием чего стала не только продажа Аляски, но и переход к осознанной и организованной миграционной политике, начало которой было положено на Европейском Севере, где вплоть до XIX в. обширные территории оставались неосвоенными. Архангельский губернатор князь С.П. Гагарин разработал проект колонизации Мурманского берега, его предложения были рассмотрены и одобрены Комитетом министров 22 ноября 1868 г., и император Александр II утвердил «Положение о даровании льгот поселенцам Мурманского берега». Этот документ предоставлял колонистам целый ряд льгот: ведение беспошлинных промыслов и торговли, льготные ссуды на хозяйственные нужды, освобождение на восемь лет от всяких государственных налогов и др.¹ Но важно было не только привлекать поселенцев для освоения пустующих земель, но и создавать условия для экономического процветания

¹ Бусырева Е.В. Сохранение и трансформация этничности в финских семьях на Кольском полуострове (60-е годы XIX в. — начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2016. 26 с.

уже укорененного населения. С этой целью поморам предоставлялись льготы при торговле хлебом и рыбой с норвежцами, разрешались беспопыльные рубки в казенных лесах для постройки судов и т.д.

Стратегическое значение Русского Севера стало очевидным в годы Первой мировой войны, когда балтийские порты оказались блокированы германским флотом. Именно это обстоятельство заставило правительство начать этап промышленной колонизации Европейского Севера, символом чего стала эпопея со строительством Мурманской железной дороги (1914–1916 гг.) и строительство порта Романов-на-Мурмане. Это был первый опыт масштабного промышленного строительства на севере и в Заполярье, который показал, что как бы ни формировались кадры работников: из числа набранных по договорам российских крестьян, из австрийских военнопленных, из китайских «гастарбайтеров», они все равно не становились эффективными «покорителями севера», поскольку и мотивированность, и условия их жизни и труда не были приемлемыми в силу самого временного характера их пребывания на Севере. *Промышленное освоение Севера начиналось не как долговременная стратегия, призванная сформировать стабильное, укорененное и процветающее население, а как мобилизационный проект, нацеленный на экономические, но не социальные результаты.* Поэтому мурманскую дорогу уже после официального пуска вынуждены были достраивать десять лет, и только сдача ее и окрестных территорий в концессию позволила решить эту задачу.

Север больше не русский

Приход к власти большевиков, казалось, радикально менял как культурный ландшафт Европейского Севера, так и стратегию его освоения, ибо новыми властями было заявлено о необходимости «штурма тайги и тундры», быстрого подъема культуры «отсталых национальных окраин» и экономического преобразования этих территорий. В принятой в ноябре 1917 г. «Декларации прав народов России», заявлялось о праве народов на самоопределение вплоть до отделения, а созданный в то же время Народный комиссариат по делам национальностей учреждался как политический институт, главной целью которого являлось «размежевание народов» России. Идеологической основой политики размежевания была доктрина этнического национализма, сводившаяся к двум основным положениям: 1) каждая этническая группа должна обладать собственным государственным образованием, 2) в рамках этого образования данная группа получала статус «коренной», а остальное население относилось к «некоренным» жителям. Коренная этническая группа могла претендовать на политическое доминирование и иные преференции [Тишков 1993]. На практике это означало, что необходимо совместить границы расселения этнических групп с административными границами. Ориентируясь на эту утопическую идею, большевики создали этническую федерацию: упразднили губернии и государство разделили на этнические анклав, т.е. союзные и автономные республики, округа, территории которых были переданы в символическую собственность только одно-

му собственнику — «коренным народам», к которым русские не были отнесены. Более того, русские были объявлены главными эксплуататорами на Севере [Слезкин 2008], а борьба с эксплуататорами декларировалась как основная цель новой власти. Этноним «великоросс» сознательно исключили из культурной и политической лексики, а термин/топоним «Русский Север» был предан забвению (как и АОИРС).

Олонецкая губерния превратилась в 1920 г. в Карельскую трудовую коммуноу, которая в 1923 г. была преобразована в Карельскую автономную республику с включением в ее состав новых районов с русским старожильческим населением. В 1921 г. создана Коми автономная область (преобразованная в 1936 г. в Коми АССР), которая объединила уезды Вологодской и Архангельской губерний, заселенные коми-зырянами (а также русскими), в 1929 г. учрежден Ненецкий национальный округ. При этом принципиально важно, что этнические автономии не создавались снизу — в результате актов самоопределения, т.е. референдумов, а были «сконструированы» новой политической элитой, а значит, принцип самоопределения, декларированный в 1917 г., был грубо нарушен.

На севере была только одна попытка реализовать право на самоопределение. Эта попытка была связана с созданным в 1918 г. ухтинским правительством, которое заявило, что судьба Беломорской Карелии (присоединение к Финляндии, полная самостоятельность или вхождение в состав Советской России) может быть решена только по итогам местного референдума [Витухновская-Кауппала 2010]. Но ухтинское правительство просуществовало недолго и референдум не состоялся.

Однако серьезных устремлений в пользу автономии не было ни среди большинства карел, ни среди коми, ни среди европейских ненцев, проживавших в Архангельской губернии. На территориях проживания народов, населявших Европейский Север, не возникло даже зародышей широких национальных движений (исключением с оговорками можно считать «Союз беломорских карел», созданный в 1905 г. в финском Тампере и состоявший преимущественно из финнов), а идеи автономизации были заимствованы отдельными представителями местных элит в процессе их большевизации.

В политическом плане местные большевики, являвшиеся идейными националистами [Кангаспуру 1997: 116], не были заинтересованы в формировании в «своих» регионах интегрированных гражданских сообществ и в этой связи П. Кауппала заметил, что ни в Карелии, ни в Коми не была сформирована типичная для Финляндии интеграционная идея, заключавшаяся в том, что финны и шведы представляют собой единый двуязычный народ [Кауппала 2006]. Отвергнутые еще на заре национально-государственного строительства идеи гражданской интеграции и формирования прочных региональных идентичностей даже много десятилетий спустя после краха коммунистического режима не появились в политической повестке дня у руководства республик. Поэтому до сих пор нет политонимов, обозначающих все население северных автономий (за исключением ХМАО), и нигде не сложилась прочная региональная идентичность, гражданская по своему содержа-

нию, о чем свидетельствуют результаты наших многолетних исследований [Шабаев, Омаров 2021].

Поскольку «отцы-основатели» северных автономий были националистами, они с энтузиазмом вели работу по «коренизации» автономий, инициированную руководством страны. В Карелии, например, «в северных районах республики среди карел под влиянием финнизации появилась мода менять на финские свои старинные «русские» фамилии (Петров, Родионов и т.п.). Финнизация приводила к разделению населения по этническому признаку буквально во всех сферах повседневности и общественно-политической деятельности. «Финноязычные» карелы проводили отдельные от русских комсомольские собрания, а в школах карельские дети не хотели сидеть за одной партой с русскими сверстниками. Из 22 газет 10 были на финском языке, из 8 журналов — 5 финноязычные. До 1935 г. в Реболах и Ругозере не было русскоязычных книг, ни один из руководящих работников не говорил по-русски. В школах Ребол, Кестеньги и Ухты русский язык вообще не преподавался» [Сурво, Сурво 2009: 126]. В других автономиях процесс коренизации не принял таких крайних форм, но вызывал очевидное недовольство нетитульного населения.

Важно заметить, что границы, статусы, официальные языки у национально-государственных образований неоднократно менялись, неизменным оставались культурные иерархии, воплощенные в идее «коренного народа» как главного народа на территории автономий. Более того, идеи этнической сепарации обрели в постсоветские годы правовую основу. В 1994 г. в новой Конституции Республики Коми было заявлено: «Коми народ — источник государственности Республики Коми»². Использование подобной трактовки означало, что вместо конституирования основополагающих правовых норм (источником государственности может быть только *право на самоопределение*, которым обладает территориальное сообщество в целом) конституционировались идеи этнического национализма. В Конституции Карелии, принятой в 2001 г., заявляется: «Исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории карелов»³. Тем самым, как и в случае с Коми, все иные этнические группы, исторически связанные с территорией Карелии, законодателями исключались из процесса нациестроительства. В постсоветских условиях власти республик не только не отказались от доктрины этнического национализма, но региональные модели этнополитики опирались и до сих пор в какой-то мере опираются на них [Шабаев, Омаров 2021], а последовательная и продуманная политика гражданской интеграции отсутствует. Подобная политическая практика не только превращает население республик и округов в разделенные сообщества, но и вытесняет их население. Полевые наблюдения и массовые опросы, которые проводились нами в последние два десятилетия,

² Конституция Республики Коми // «Красное знамя», 10 марта 1994 г.

³ Конституция Республики Карелия // Карелия официальная. Официальный интернет-портал Республики Карелия. URL: <http://www.gov.karelia.ru/Constitution/> (дата обращения: 15.07.2022).

показывают, что между разными этническими группами сохраняются культурные дистанции, которые подчеркиваются еще и тем, что практика региональных моделей этнополитики в республиках и округах строится на всемерном поощрении культурной отличительности групп.

Впрочем, аналогичную претензию можно высказать и в адрес властей Архангельской области, ибо там, как и в Карелии и Коми, тоже не акцентируется, что на ее территории сформировано поликультурное и многоэтническое сообщество, но особо подчеркивается значимость поморских традиций, хотя с принципиальными оговорками, связанными с тем, что часть государственных функций Ненецкого автономного округа формально входят в сферу компетенций АО. В главе 1 Устава области 6-й параграф 2-й статьи гласит: «На территории Архангельской области поддерживаются и поощряются традиции русского поморского Севера, обеспечиваются в соответствии с законодательством Российской Федерации права коренных малочисленных народов Российской Федерации на самобытное социально-экономическое и культурное развитие, защиту их исконной среды обитания и традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов»⁴.

Штрафная промышленная колонизация Европейского Севера

Одной из причин, которые лежат в основе современных социокультурных процессов, имеющих место на Европейском Севере РФ является модель индустриализации, избранная в СССР в отношении Севера. В советской исторической литературе 1920–1930-е гг. рассматриваются не только как эпоха активного национально-государственного строительства, но и как время индустриализации, в ходе которой происходило «покорение Севера», трактовавшееся как социальный подвиг, осуществленный «новым советским человеком».

Главное возражение по поводу укоренившихся трактовок сталинской индустриализации как модернизационного явления связано с тем, что модернизация есть «общественный процесс в целом, включая индустриализацию, в ходе которого прежде аграрные, исторические и современные общества становятся развитыми... Решающий фактор модернизации — преодоление, а также замена традиционных ценностей, враждебных к социальному изменению, экономическому росту»⁵. Сегодня под модернизацией понимается переход от доиндустриального к индустриальному обществу и сопутствующий этому переходу комплекс экономических, социальных, культурных, политических перемен, направленных на существенное обновление социальной структуры и изменение образа жизни людей.

⁴ Устав Архангельской области. URL: <https://dvinaland.ru/region charter/> (дата обращения: 15.07.2022).

⁵ Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь. Т. 1.: А-О. М.: ВЕЧЕ-АСТ, 1999. С. 434.

Однако произошел ли в 1920–1930-е гг. на Европейском Севере переход от доиндустриального к индустриальному обществу? Нет, ибо социальная структура местных сообществ практически не изменилась, ибо основная масса местного населения, как и прежде, была занята в сельском хозяйстве.

Между тем в начале 1930-х гг. советская власть заявила о необходимости ускоренного промышленного освоения национальных окраин уже во время первой пятилетки. Какими силами осуществлялось это преобразование? Крестьянское население Европейского Севера для решения этой задачи мобилизовать было невозможно, а потому промышленное строительство в северных регионах велось преимущественно руками заключенных и спецпереселенцев, а кадры промышленных рабочих формировались из узников лагерей ГУЛАГа. Уже в 1923 г. был создан Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОИ) на базе закрытого в 1920 г. Соловецкого монастыря. В 1929 г. именно с Соловков прибыла партия специалистов для строительства первой угольной шахты на Воркуте. В начале 1930-х гг. также отсюда были направлены группы специалистов на строительство комбината «Североникель».

Силами заключенных лагерей ГУЛАГа строились мурманский порт, рудники на Кольском полуострове, нефтепромыслы и угольные шахты в Коми. Уже к концу 1930-х гг. на всей территории Европейского Севера сформировалась новая поселенческая сеть, состоявшая из многих десятков спецпоселков и лагерей. Формирование сети стало следствием нового этапа колонизации — **штрафной колонизации**. Именно из лагерей впоследствии стали вырастать новые города на Кольском полуострове, в Коми, Архангельской области.

При этом важно заметить, что местному населению запрещалось вступать в какие-либо контакты не только с заключенными, но и с жителями спецпоселков (куда ссылали зажиточных крестьян). По сути, в регионах Европейского Севера сформировались два параллельных сообщества, одно из которых оставалось аграрным, сохранявшим традиционный уклад жизни, несмотря на проведенную в эти годы коллективизацию сельского хозяйства. Второе сообщество являло собой штрафной социум, объединенный общностью судеб и социальным статусом его членов, который исключал этих людей из местных сообществ (не случайно перепись среди них проводилась отдельно). Эти сообщества были сопоставимы даже по численности: так, к началу 1940-х гг. население Коми составляло около 300 тыс. чел, а в лагерях ГУЛАГа к январю 1941 г. находилось 197,5 тыс. чел. (к которым надо добавить несколько десятков тысяч спецпоселенцев), в Архангельской области численность заключенных (без спецпоселенцев) составила 120 тыс. чел. (а общая численность населения была около 500 тыс. чел.), в Карелии — 131 тыс. (жителей 470 тыс.) [Кустышев 2011: 26].

Об индустриализации как форме модернизационного развития на Европейском Севере можно говорить только со второй половины 1950-х гг., когда была разрушена система ГУЛАГа, началась ускоренная урбанизация, бурное промышленное развитие, стала меняться социальная структура местных сообществ, образ жизни населения.

Штрафная колонизация могла решить текущие задачи промышленного развития северных регионов — организацию добычи и транспортировки необходимого для промышленности сырья, но она не могла решить важнейшую социальную задачу — формирование постоянного и стабильного населения, ориентированного на интересы региональных социумов. В северных регионах не только формировались параллельные сообщества, но и возникали города без горожан, ибо большая часть жителей северных соцгородов составляли заключенные, спецпереселенцы, сотрудники спецкомендатур, охранники лагерей и их администрация. Основу топографии северных соцгородов составляла Зона, а сами лагерные сообщества были разделены внутренними социальными границами и их члены не могли сформировать сплоченных городских сообществ и тем более прочной городской идентичности. Город-концлагерь не воспринимался «жителями» своим. Подавляющее большинство горожан мечтало как можно скорее покинуть Север [Шабает, Жеребцов, Лабунова 2020].

Отказ от принципов штрафной колонизации Севера потребовал использовать для привлечения трудовых мигрантов реальные экономические стимулы, что и было сделано в 1950-е гг. Как результат в эти годы на Европейский Север начался масштабный приток мигрантов из других регионов страны и промышленность перешла на использование вольнонаемного труда (окончательно — к началу 1960-х гг.), хотя, к примеру, Воркуту до конца 1960-х гг. называли неофициально «городом зэков». Численность населения всех регионов Европейского Севера росла постоянно и весьма существенно, заметно менялся и этнический состав национально-государственных образований, а в этнодемографическом плане Европейский Север стал еще «более русским» (табл. 1), что ставило под сомнение исходные принципы национально-государственного строительства, которыми руководствовались большевики.

Таблица 1

Изменение доли русских в составе населения регионов Европейского Севера по данным переписей населения в 1970–2010 гг., %

Регион	1970	1979	1989	2002	2010
Карелия	68,2	71,3	73,5	76,6	82,2
Коми	53,1	56,7	57,7	59,6	65,1
Архангельская обл.	92,1	92,4	92,2	95,2	95,5
Ненецкий АО	64,5	65,8	65,6	62,4	66,1
Вологодская обл.	97,6	97,2	96,4	96,6	97,3
Мурманская обл.	84,6	83,8	82,9	85,3	89,0

Источники: данные переписей населения СССР и РФ.

Change in the share of Russians in the population of the regions of the European North according to population censuses, 1970–2010, %

Region	1970	1979	1989	2002	2010
Karelia	68,2	71,3	73,5	76,6	82,2
Komi	53,1	56,7	57,7	59,6	65,1
Arkhangelsk region	92,1	92,4	92,2	95,2	95,5
Nenets Autonomous District	64,5	65,8	65,6	62,4	66,1
Vologda region	97,6	97,2	96,4	96,6	97,3
Murmansk region	84,6	83,8	82,9	85,3	89,0

Source: census data of the USSR and the Russian Federation.

Активные процессы урбанизации укрепили процессы культурной унификации на Европейском Севере, ибо многие представители этнических меньшинств стали добровольно менять свою этническую идентичность, что западные эксперты определяют как процесс русификации [Сарв 1994]. Этнически ангажированные исследователи на местах отказ от языка предков и их этнической принадлежности называют «этническим нигилизмом» и представляют это явление как форму девиации, а не как реализацию каждым конкретным человеком своего права на культурную свободу.

Русские — это не только численно, но и культурно доминирующая группа, а потому вполне логично, что русское население формируется не только посредством естественного прироста, но, как и в предшествующие эпохи, отчасти за счет ассимиляции этнических меньшинств. Так, к примеру, опрос учащейся молодежи, проведенный в Коми еще в 1998 г., показал, что пятую часть составляли городские школьники (возраст 16–17 лет), у которых оба родителя коми называли себя русскими [Шабает 1998]. Процессы ассимиляции в последующие годы не ослабевали, о чем свидетельствовали результаты переписей населения.

Но ни в северных республиках, ни в областях не сформировались прочные и укорененные территориальные сообщества, обладающие ясно выраженной идентичностью. На наш взгляд, причин тому множество, но существенно значимо то, что *задача укоренения населения в советские и постсоветские годы никогда не ставилась как стратегическая цель северной политики*. Кроме того, как в республиках, так и в областях никогда не проводилась последовательная и научно обоснованная политика гражданской интеграции, о чем уже сказано выше. Привлечение населения на Север осуществлялось либо в форме штрафной мобилизации, либо в форме так называемого оргнабора, когда оно привлекается по временным договорам, а стимулом является более высокий, чем в среднем по стране, уровень оплаты труда. Высокий

уровень доходов населения на севере обеспечивался так называемыми районными коэффициентами, т.е. надбавками к заработной плате. Именно это обстоятельство и обеспечивало постоянный приток населения на Север и положительное сальдо миграции, хотя треть мигрантов покидало северные районы в первые три года жительства. Сегодня в промышленном развитии северных территорий важную роль играет вахтовый метод, а потому поезда на Север некоторые местные жители называют «бичевозками», определяя тем самым значимость временной рабочей силы для культурного облика северных территорий.

Север, камо грядеши

Современную социальную ситуацию на Европейском Севере России мы определяем как кризисную. Кризис носит многосторонний характер, и при этом он уже стал хроническим. В российском экспертном сообществе давно обсуждается проблема оттока населения с Дальнего Востока и активно обсуждаются меры, которые могут стимулировать закрепление здесь населения, осуществляется широкая программа экономического развития дальневосточных территорий. Но Европейский Север России, колонизация которого началась на много столетий раньше, теряет население даже более активно, чем регионы Дальнего Востока (табл. 2), что позволяет говорить о том, что сегодня идет процесс «опустынивания региона», который потенциально может превратить его в *terra nullius*, ибо с середины прошлого столетия поселенческая сеть в Карелии, Коми, Архангельской, Вологодской областях сократилась почти вдвое, а население массово покидает Север, причем особенно тревожным фактом является исход молодежи. С начала 1990-х гг., когда начался массовый исход населения с Севера, население Воркуты (с поселками) сократилось втрое, в карельском Беломорске — вдвое, в поселке Амдерма в Ненецком округе, который называли «Воротами Арктики», — в десять раз.

Таблица 2

Численность населения по данным переписей населения 1989 и 2021 гг., тыс. чел.

Регион	1989 г.	2021	% от 1989 г.	% от 2010 г.
Карелия	791	533	67,4	82,2
Коми	1261	738	58,5	81,9
Архангельская обл.	1570	1020	65,0	83,1
Ненецкий АО	55	41	74,5	97,6
Вологодская обл.	1354	1143	84,4	95,1
Мурманская обл.	1147	668	58,2	84,0

Источник: данные переписей населения 1989 и 2021 гг.

Population according to the 1989 and 2021 censuses, thousands of people

Region	1989	2021	Per cent of 1989	Per cent of 2010
Karelia	791	533	67,4	82,2
Komi	1261	738	58,5	81,9
Arkhangelsk region	1570	1020	65,0	83,1
Nenets Autonomous District	55	41	74,5	97,6
Vologda region	1354	1143	84,4	95,1
Murmansk region	1147	668	58,2	84,0

Source: 1989 and 2021 census data.

Исход населения был отчасти связан с демилитаризацией Севера, но большую роль играл переход к рыночной экономике и ликвидация нерентабельных предприятий, доля которых и сегодня остается высокой. В Беломорске (где заканчивается Беломоро-Балтийский канал) был ликвидирован рыбный порт и траловый флот, в Амдерме ликвидированы воинская часть, строительная организация, метеостанция, геологическая партия и закрыт порт, в Воркуте из 11 шахт осталось четыре, в Инте были закрыты все угольные шахты, в Никеле закрыли и рудник, и металлургический завод. То же самое можно сказать о многих других городах и поселках.

Для иллюстрации социальных проблем более уместны не статистические данные, а сами мнения северян. Поэтому приведем некоторые из них. В марте 2021 г. в сети было выложено «Письмо к Путину», написанное учительницей из Амдермы, которое процитировало агентство «Эхо Севера»: *«Пишу с поселка Амдерма, НАО, который находится на Крайнем Севере у Карского моря. Несмотря на то, что поселок находится в живописном месте, зрелище здесь не очень приятное. Кругом заброшенные, ветхие дома, некоторые вот-вот обрушатся. У берега много мусора бытового и габаритного железа. Хорошие люди здесь живут, но не везет им с избранными главами, которые работают только в свое благо. А точнее не работают, а делают вид, что работают, и набивают карманы.*

Народ не слышат и слышать не хотят. На каждое обращение дают обещания и решать их даже не собираются. Приехала на север подзаработать на квартиру, но все заработанные деньги уходят на еду и оплату некачественных ЖКУ. В магазинах очень большие наценки, много просрочки. ЖКУ оставляют желать лучшего.

Качество воды очень плохое с песком, фильтры быстро выходят из строя. У многих поэтому проблемы с почками. Часто промерзает вода, канализация в домах. Все старое. Трубы проржавевшие... дома с высоким процентом износа. Многие в аварийном состоянии. Порой ночами спать невозможно. Стоит ужасный треск в стенах и хлопки на потолке, обои в углах комнат рвутся

на глазах из-за разрывов стен. Квартиры холодные. Крысы. В некоторых клопы да тараканы...»⁶.

Как уже сказано, северные города и поселки активно теряют молодежь, и этот процесс в социальных сетях маркируется как социальная деградация. Подобное маркирование стало устойчивой формой демонстрации сущности социальных процессов, имеющих место в городах Европейского Севера, о чем свидетельствует название материалов и сайтов, описывающих названное явление: «Города-призраки Мурманской области», «Мертвые города на Кольском полуострове», «Умиряющая Карелия: заброшенные заводы и поселки в объективе фотокамеры», «Вымирание малых городов Карелии: причины и следствия», «Архангельск. Умиряющий край лесорубов».

Результаты опроса населения Мурманска, Архангельска и Сыктывкара, осуществленного нами в 2010 г., показали, что хотят покинуть нынешнее место жительства 35,5 % жителей Архангельска, 38,8 % Мурманска и 39,6 %, а среди молодежи в возрасте от 18 до 25 лет доля потенциальных мигрантов составляла уже 51,4 % [Шабаев 2013].

Начиная с 2018 г. совместно с Центром социально-политических исследований и информационных технологий РГГУ в Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии мы ежегодно проводим опросы молодежи (школьников и студентов). С 2021 г. к указанным регионам была добавлена Архангельская область (хотя опыт совместных исследований уже был накоплен).

Обратим внимание только на некоторые результаты указанных исследований. Важно заметить, что за прошедшее десятилетие миграционные настроения молодежи не изменились [Шабаев и др. 2021], следствием чего стал массовый исход молодежи с Европейского Севера и серьезное ухудшение демографического качества населения. В статистическом сборнике «Молодежь в России 2010» приведены данные о доле молодых людей в возрасте от 15 до 30 лет в общем составе населения субъектов российской Федерации в 2009 г. В Карелии эта возрастная группа составляла 23,6 %, в Коми — 24,0 %, в Архангельской области — 23,4 %⁷. Но за последние 10 лет в результате оттока молодежи из названных регионов доля молодежи существенно сократилась. Так, по данным Карелиястата, в 2018 г. доля молодых людей в составе населения республики равнялась 15,5 %⁸, т.е. за десятилетие снизилась на 8 %. По данным территориального органа государственной статистики по Республике Коми, в 2019 г. численность молодых людей в возрасте 15–29 лет равнялась 128 925 чел., или 15,5 % от общей численности населения РК, причем за предшествующие 5 лет численность молодежи в республике сократилась на 8,5 %⁹. Это чрезвычайно высокие темпы сокращения группы, которая

⁶ На столе у Путина // ИА «Эхо Севера». URL: <https://www.echosevera.ru/2021/03/02/603df198eac912c14110d3a3.html> (дата обращения: 15.07.2022).

⁷ Молодежь в России. 2010. ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010.

⁸ Официальная статистика, Население. URL: http://krl.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/resources/9d83f6804dca9bb1bb2bfb0d534aab22/72271.pdf (дата обращения: 15.07.2022).

⁹ Демографическая ситуация в республике за 2019 год. URL: <https://komi.gks.ru/news/document/83594?print=1> (дата обращения: 15.07.2022).

в принципе и должна как обеспечивать демографическое воспроизводство населения, так и поддерживать рынок труда. В Архангельской области в 2019 г. доля молодежи в составе населения равнялась 17,5 %¹⁰. *Иными словами, можно констатировать, что население периферийных северных регионов (республик и областей) быстро стареет, особенно это касается титульных этнических групп.* Главными причинами исхода молодежи с Севера является отсутствие возможностей для самореализации и поиск достойной работы. Мы согласны с теми исследователями, которые называют миграцию формой социального протеста [Zaloznaya, Gerber 2012], и с положениями Migration theory, где предлагается считать миграцию важным индикатором социальных процессов, происходящих в том или ином регионе [Brettell, Hollifield 2000]. Конечно, это протест опосредованный, но он тесно связан с теми настроениями, которые наличествуют в молодежной среде.

Как население в целом, так и молодежь не имеют представлений о перспективах развития своих регионов. Большинство респондентов и во время опроса 2010 г., и во время опросов последних лет указывали, что не имеют представлений о том, как будут развиваться их регионы в будущем, что явно снижает уровень социального оптимизма. Согласно данным опроса 2020 г., в Коми о своей уверенности в будущем заявило только 14 % молодых людей, а 17,3 % студентов и 25,3 % школьников указали, что испытывают тревогу и неуверенность, когда думают о будущем. Подталкивает к миграции и оценка молодежью общей социально-экономической ситуации в регионах. Так, в Карелии состояние дел в республике оценили как хорошее 2,2 % студентов и 3,8 % школьников; вариант ответа «хорошее, но есть проблемы» выбрали 33,5 % студентов и 42,8 % школьников, остальные респонденты выбрали различные варианты негативной оценки либо затруднились с ответом. В Коми 2,0 % студентов оценили ситуацию как хорошую и так же ответили 8,0 % школьников. Еще около трети опрошенных избрали вариант ответа умеренно позитивной оценки ситуации, но большинство респондентов склонны к отрицательной оценке ситуации в республике. В Коми только 7 % респондентов указали, что представляют себе пути дальнейшего развития республики. И не случайно, что уровень доверия к институтам региональной власти (как показали результаты упомянутых опросов) у молодежи низок, а молодые люди в Петрозаводске, Мурманске, Архангельске, Вологде, Сыктывкаре были активными участниками протестов в январе 2020 г.

Для пессимистических настроений есть основания, ибо в экономическом развитии названных регионов множество проблем, а население в последние годы беднеет. Официальная статистика указывает, что рост денежных доходов населения имеет стабильный и устойчивый характер. Но вместе с тем даже официальные данные свидетельствуют, что уровень бедности остается высоким и снижается медленно, причем в Карелии, Коми, Архангельской и Вологодской областях он выше среднероссийского показателя¹¹. Если же мы будем оценивать

¹⁰ Об утверждении государственной программы Архангельской области «Молодежь Поморья» от 09 октября 2020. URL: docs.cntd.ru

¹¹ Социально-экономические показатели 2021: стат. сб. М.: Росстат, 2021.

уровень доходов и расходов населения, порядок цен на товары и услуги, то окажется, что население в регионах Европейского Севера, несмотря на относительно высокие средние денежные доходы, живет беднее среднестатистического россиянина [Шабаев, Подоплекин 2017]. А это означает, что реальных стимулов для сохранения населения на Европейском Севере сегодня нет и в ближайшей перспективе он и дальше будет активно его терять.

Выезд жителей с «Северов» стал устойчивой «традицией», ибо продолжается социальная и экономическая деградация северных регионов. Не случайно Правительство РФ предприняло срочные меры по санации экономики Карелии, выделяет дополнительные средства другим проблемным северным регионам. Но перспективы их развития все равно остаются неопределенными, что не только стимулирует миграцию, но и порождает рост недоверия к деятельности региональных властей. Впрочем, не меньшую роль в росте протестных настроений играют и непродуманные действия политических лидеров, некоторые из которых, очевидно, не понимают специфику общественных настроений во вверенных им регионах.

Так, в 2018 г. московский мэр С. Собянин и губернатор Архангельской области И. Орлов подписали соглашение о создании на станции Шиес, расположенной на границе АО и Коми, крупнейшего в Европе мусорного полигона, где должны были складироваться и брикетироваться твердые отходы, поступающие из Москвы. Не дожидаясь утверждения проекта и проведения экологической экспертизы, приступили к расчистке территории и подготовительным работам, что вызвало обеспокоенность у специалистов-экологов и возмущение местного населения. Начались протестные акции, которые вылились затем в масштабную кампанию протеста, а на станции Шиес появился палаточный пикет экологических активистов, просуществовавший здесь более года, несмотря на многочисленные попытки его ликвидировать. Активисты-экологи из Архангельска, Коми и других регионов сменяли друг друга и несли постоянную вахту возле предполагаемого полигона, деревянные мосты на подходах к полигону сожгли¹², в столице Коми в июне 2019 г. прошел самый масштабный в постсоветской истории митинг протеста. Протесты были оправданы, ибо ни экологическая экспертиза территории, ни гидрогеологическая экспертиза не были проведены, а специалисты опасались, что через несколько лет складироваемые отходы, располагавшиеся всего в нескольких километрах от реки Вычегды, начнут разлагаться и токсичные стоки во время весеннего таяния снегов попадут в Вычегду, а оттуда в Северную Двину, которая обеспечивала водой 70 % населения Архангельской области.

Масштабные акции протеста вынудили власти отказаться от идеи строительства полигона, но это произошло тогда, когда и в Коми, и в Архангельской области, и в Ненецком автономном округе (НАО) сменились губернаторы. Причем Архангельскую область возглавил А. Цыбульский, 2,5 года занимавший до этого кресло губернатора НАО, а временно исполняющим обязанности губернатора Ненецкого округа стал первый заместитель главы администрации

¹² Варламов И. Шиес. История народного бунта. URL: <https://varlamov.ru/3713226.html> (дата обращения: 15.07.2022).

округа Ю. Бездудный, проработавший в округе всего год. Уже в мае 2020 г., т.е. вскоре после своих новых назначений, два и.о. подписали меморандум о намерении объединить АО и НАО¹³. В конце года предполагалось провести референдум об объединении. В Коми, в свою очередь, вновь стали муссироваться слухи о том, что есть мнение о необходимости возродить Северный край (существовал с 1929 по 1936 г.). Впрочем, слухи об объединении появлялись и ранее, но теперь они обрели конкретику, поскольку появился такой документ, как «Стратегия пространственного развития», в котором обосновывалась логика формирования макрорегионов¹⁴. Поэтому угроза включения республики в состав более крупного субъекта и утрата Сыктывкарком столичного статуса стала восприниматься в Коми как вполне реальная. Однако более всего было недовольно население НАО. Попытки объединить НАО с областью предпринимались уже неоднократно и каждый раз они заканчивались провалом, ибо население настроено категорически против подобного рода преобразований. Новым политическим менеджером, возглавившим НАО и АО, надо было изучить общественные настроения и специфику подвластных регионов, прежде чем принимать подобные непродуманные решения. Своими действиями Цыбульский с Бездудным спровоцировали мощную волну социального протеста со стороны жителей НАО, которая вылилась в протестное голосование по поправкам к Конституции РФ на референдуме, прошедшем летом 2020 г. НАО оказался единственным регионом, где большинство населения проголосовало против поправок. В 2021 г. на выборах депутатов Госдумы губернатор НАО возглавил список «Единой России», что спровоцировало дружное голосование жителей округа за КППРФ (получившую 32 % голосов против 29 % у ЕР), хотя на Севере коммунисты традиционно не пользовались поддержкой населения. Такой же политический сдвиг произошел и в Коми, где список ЕР возглавил новый губернатор. Здесь важно заметить, что Шиес не только усилил недоверие к региональным властям, но и вывел на политическую сцену новых лидеров и активистов оппозиционного толка, спровоцировал появление неких новых политических практик.

Во-первых, в рядах межрегионального экологического движения, возникшего во время противостояния на Шиесе, сформировались и получили политический опыт молодые этнические активисты, силами которых в Коми возродилась давно ушедшая с политической сцены так называемая партия «Дорьям Асьнымос», отличавшаяся этническим радикализмом. Новый лидер партии Сергей Ефимов заявляет, что численность партии растет как на дрожжах и ее основу составляет молодежь и люди среднего поколения, которые должны внести свежую кровь в Коми движение в целом. Под контролем молодых радикалов оказалось и столичное отделение провластного межрегионального движения «Коми войтыр». А в Коми парламенте депутаты-коммунисты стали выступать

¹³ Меморандум об объединении Архангельской области и НАО. URL: <https://www.echosevera.ru/2020/05/13/5ebc0411eac912a9f15d4f73.html> (дата обращения: 15.07.2022).

¹⁴ Коми, НАО и Архангельскую область объединят в Северный макрорегион. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/92994/> (дата обращения: 15.07.2022).

с трибун только по коми, хотя культура языкового поведения в поликультурных средах предполагает использование того языка, который понимают все присутствующие.

Во-вторых, Шиес способствовал укреплению такого явления, как «нашизм», суть которого в отторжении местными сообществами назначенцев на высшие посты, не являющихся местными уроженцами или не связанных с северными регионами фактами трудовой биографии или этническим происхождением. Выдвиженец КПРФ экологический активист О. Михайлов в начале лета 2021 г. разместил в центре Сыктывкара на стене жилого дома огромный плакат, надпись на котором призывала жителей республики отвергать «варягов» во власти и голосовать за местных. Плакатный патриот пошел дальше и на заседаниях Госсовета РК обрушился с резкой критикой в адрес действующего губернатора В. Уйбы (бывшего заместителя министра здравоохранения РФ), который в свою очередь в кулуарах после заседания грубо ответил депутату республиканского парламента. Это, конечно, сказалось на имидже губернатора, пытающегося доказать, что он в Коми не временщик и настроен на долгую и кропотливую работу по выводу региона из кризиса и является почти «своим», поскольку якобы имеет неких предков из числа финно-угров. Однако заигрывания с националами и попытки быть активным публичным политиком не помогли во время выборов осени 2021 г. Можно, конечно, сказать, что в РК «Единая Россия» одержала победу по партийным спискам (29,44 %), но ее перевес над КПРФ (26,55 %) оказался крайне мал. Почти 12 % получила ЛДПР и 9,6 % партия «Новые люди», которую больше поддерживали из-за ее названия, давая понять элитам, что обновление политического класса необходимо. Но самое показательное заключалось в том, что республиканская политическая элита в целом и лично Глава республики В. Уйба, возглавивший список ЕР, потерпели политическое поражение. В столице республики протестное голосование позволило впервые КПРФ обойти ЕР. Коммунисты, которые никогда не пользовались прежде значительной поддержкой населения, получили 30,38 % голосов избирателей против 26,87 % у «Единой России». А Олег Михайлов одержал громкую победу, получив мандат депутата Госдумы и обойдя единороссовского «тяжеловеса» Ольгу Савостьянову (местную уроженку), позиции которой до начала кампании казались прочными. Сегодня в своих выступлениях в качестве новоизбранного депутата Госдумы О. Михайлов заговорил о «московском колониализме», что, наверняка, найдет отклик в регионах, ибо сторонников этой идеи в стране достаточно (можно привести в качестве примера сторонников виртуального «сибирского движения» и предложения его идеологов).

Не вызывает сомнений, что протестные настроения достаточно широко распространены на российской северной периферии, что требует особой тщательности при подготовке кадров управленцев высшего звена, которым предстоит работа на Севере, а также корректировок в региональной политике федерального центра.

Заключение

Очевидно, что для решения социальных и экономических проблем населения регионов Европейского Севера необходимо существенно ускорить их экономическое развитие, чтобы увеличить налоговые поступления в местные бюджеты.

Но для успешного экономического и социального развития нужны действенные стимулы, ибо прежние уже не работают. Вероятно, необходимы отдельные стимулы для населения и отдельные — для бизнеса, причем социальный сервис (деревенские магазины, мелкие мастерские, кафе, небольшие транспортные предприятия, занимающиеся доставкой товаров) либо вообще должны быть освобождены от налогов (как это практиковалось в императорской России), либо налоговое бремя необходимо существенно снижать, чтобы добиваться снижения издержек и, соответственно, отпускных цен для населения. Ощутимый экономический рост может решить многие региональные проблемы, на что указывает опыт НАО. Здесь в 1990-е гг. отток населения был таким же значительным, как и в других регионах Европейского Севера. Однако начало масштабных работ по освоению нефтяных богатств исправило ситуацию и с начала 2000 гг. отток населения почти прекратился. Однако тот же опыт округа показывает, что развитие должно быть комплексным, а региональная экономика многоотраслевой, ибо иначе «процветание» будет носить очаговый характер, а проблемные территории и поселения останутся.

Как показывает весь предшествующий опыт освоения северных территорий, здесь нельзя делать ставку исключительно на экономический рост, а в первую очередь надо решать социальные проблемы. В числе таковых, конечно, и проблема укоренения населения, для чего необходимо создание комфортных условий жизни и труда, адаптированных к условиям Севера, что требует принципиальных изменений в формировании поселений, их жилого и социального пространства, а равно и в формировании производственной среды. Необходимо также создание нового и привлекательного образа северных территорий, но, к сожалению, на гуманитарную сторону развития территорий политические элиты до сих пор не обращают внимания, что свидетельствует о необходимости качественной переподготовки региональных политических менеджеров. Следует заметить, что не только опыт создания концепции «культурной кладовой», но и пример кольского поселка Териберка, который после фильма Звягинцева не только возродился, но и превратился в знаковое место, показывает значимость символов и культурных маркеров как инструментов социальной инженерии. Сам же Европейский Север в целом должен и может стать центром притяжения и туристической территорией не менее значимой, чем Золотое кольцо. Но для этого требуется большая созидательная работа, и не только организационная, но и культурно-просветительская, а также формирование соответствующей инфраструктуры. Между тем необходимо подчеркнуть, что трасса на Нарьян-Мар строится с 1998 г. и конца строительных работ ждать еще долго. Для решения проблем территориального развития нужна продуманная и обеспеченная финансированием межрегиональная программа «Русский Север». Актуальной

становится также и задача формирования и реализация комплексных, но реализуемых программ развития отдельных северных регионов (принципиально отличных от прежних — «дежурных»), создание нового образа Русского Севера, опирающегося на его многовековое культурное наследие.

Поступила в редакцию / Received: 15.07.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 20.09.2022

Принята к публикации / Accepted: 25.09.2022

Библиографический список

- Беляев Д.П.* Начальный этап колонизации Мурмана и архипелага Новая Земля во второй половине XIX — начале XX вв.: от замыслов к воплощению идеи // Живущие на Севере. Альманах. Вып. 1. Мурманск: МГПУ, 2010. С. 30–34.
- Витухновская-Кауппала М.* «Карелия для карел!»: гражданская война как катализатор национального самосознания // *Ab Imperio*. 2010. № 4. С. 245–282. <https://doi.org/10.1353/impr.2010.0110>
- Кангаспуро М.* Взлет и падение «красных финнов» // Север. 1997. № 11–12. С. 112–118.
- Канев Ю.В.* История Ненецкого края. Нарьян-Мар: Управление образования НАО, 2005. 186 с.
- Кауппала П.* Сравнительный анализ моделей национально-государственного строительства Коми и Карельской автономий в условиях НЭПа (в контексте опыта Великого Княжества Финляндского) // История и современное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации: материалы республиканской научной конференции. Сыктывкар: Институт ЯЛИ, 2006. С. 14–22.
- Коротаев В.И.* Русский Север в конце XIX — начале XX века: проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1998.
- Кустышев А.Н.* Отказы работать в лагерях ГУЛАГа на европейском севере России // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность. Сыктывкар: Институт ЯЛИ, 2011. С. 24–28.
- Сарв Х.* Финно-угры России в ходе столетий // Финно-угорские народы и Россия. Таллин: Институт Яана Тыниссона, 1994. С. 26–41.
- Слезкин Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Сурво В., Сурво А.* «Центры» и «периферии» фин(лянд)ского семиозиса // Геокультурное пространство европейского севера. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 4. Архангельск, 2009. С. 174–190.
- Тишков В.А.* Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М.: Наука, 1993. С. 8–40.
- Шабает Ю.П.* Время кризиса и этнополитические воззрения молодежи // Идентификация идентичности. Т. 2. М.: ИЭА РАН, 1998. С. 91–112.
- Шабает Ю.П.* Культурное пространство «Русского Севера» // Антропология социальных перемен. М.: РОССПЭН, 2011. С. 481–496.
- Шабает Ю.П.* Культурный апокалипсис или гражданская консолидация? // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 28–36.
- Шабает Ю.П., Бирин В.Н., Миронова Н.П. и др.* Молодежь в политическом и культурном пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски. Москва: РГГУ, 2021.

- Шабает Ю.П., Логинова Н.Н. Уральские народы России и Зарубежной Европы. Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2017.
- Шабает Ю.П., Подоплекин А.О. Европейский север России: этнополитика и кризис местных сообществ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. № 1. С. 22–31.
- Шабает Ю.П. Уральские народы в этнополитическом ландшафте России: региональный национализм и этнополитика // Этнические и языковые проблемы в современной России: региональные аспекты. М.: РГГУ, 2018. С. 219–265.
- Шабает Ю., Жеребцов И., Лабунова О. Антропология заполярного города: идентичность, ментальная карта и меняющиеся образы Воркуты // Антропология города. Вып. 2. Северный город: Культурное пространство и идентичность в арктических и субарктических городах. Москва-Сыктывкар: РГГУ, 2020. С. 12–50.
- Шабает Ю.П., Омаров М.А. Регионализм и этничность в России: историческая эволюция и современные политические практики. М.: РГГУ, 2021.
- Brettell C.B., Hollifield J.F. (Eds.). *Migration Theory: Talking across disciplines*. New York and London: Routledge, 2000.
- Zaloznaya M., Gerber T.P. Migration as Social Movement: Voluntary Group Migration and the Crimean Tatar Repatriation // *Population and Development Review*. 2012. Vol. 38, No. 2. P. 259–328.

References

- Belyaev, D.P. (2010). The initial stage of colonization of Murmansk and the Novaya Zemlya archipelago in the second half of the XIX — early XX centuries: from plans to the embodiment of the idea. *Living in the North Almanac* (pp. 30–34). Issue 1. Murmansk: MSPU. (In Russian)
- Brettell, C.B., & Hollifield, J.F. (Eds.) (2000). *Migration Theory: Talking across disciplines*. New York and London: Routledge.
- Kangaspuro, M. (1997). The rise and fall of the “Red Finns”. *North*, (11–12), 112–118. (In Russian)
- Kauppalu, P. (2006). Comparative analysis of models of national-state construction of Komi and Karelian autonomy in the conditions of the NEP (in the context of the experience of the Grand Duchy of Finland). In *History and modern development of the Komi Republic as part of the Russian Federation*. (pp. 14–22). Syktyvkar: ILLH KarRC RAS. (In Russian)
- Korotaev, V.I. (1998). *The Russian North in the late XIX — early XX century: Problems of modernization and social ecology*. Arkhangelsk: Publishing House of the Pomorsky University.
- Kustyshev, A.N. (2011). Refusals to work in GULAG camps in the European north of Russia. In *History and prospects of development of the northern regions of Russia: the role of the Gulag, memorial activities* (pp. 24–28). Syktyvkar: ILLH KarRC RAS. (In Russian)
- Sarv, H. (1994). Finno-Ugric Peoples of Russia in the course of centuries. In *Finno-Ugric peoples and Russia* (pp. 26–41). Tallinn: Institute of Jaan Tynisson. (In Russian)
- Shabaev, Yu. P., Birin, V. N., Mironova, N.P. et al. (2021). *Youth in the political and cultural space of the republic with the Finno-Ugric population: positions, moods, risks*. Moscow: RSUH. (In Russian)
- Shabaev, Yu., Zherebtsov, I., & Lobanova, O. (2020). Anthropology of the Polar city: identity, mental map and changing images of Vorkuta. In *Anthropology of the city. Vol. 2. The Northern City: Cultural space and identity in Arctic and subarctic cities* (pp. 12–50). Moscow-Syktyvkar: RSUH. (In Russian)
- Shabaev, Yu.P. (1998). Time of crisis and ethno-political views of youth. In *Identification of identity*. Vol. 2, (pp. 91–112). Moscow: IEA RAS. (In Russian)
- Shabaev, Yu.P. (2011). Cultural space of the “Russian North”. In *Anthropology of Social change* (pp. 481–496). Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

- Shabaev, Yu.P. (2013). Cultural apocalypse or civil consolidation? *Sociological studies [Sotsiologicheskie Issledovaniia]*, (3), 28–36. (In Russian).
- Shabaev, Yu.P. (2018). Ural peoples in the ethnopolitical landscape of Russia: regional nationalism and ethnopolitics. In *Ethnic and linguistic problems in modern Russia: Regional aspects*. (pp. 219–265). Moscow: RSUH. (In Russian).
- Shabaev, Yu.P., & Loginova, N.N. (2017). *Ural peoples of Russia and Foreign Europe*. Saransk: Publishing house of Mordovians University. (In Russian).
- Shabaev, Yu.P., & Omarov, M.A. (2021). *Regionalism and Ethnicity in Russia: Historical evolution and Modern Political practices*. Moscow: RSUH. (In Russian).
- Shabaev, Yu.P., & Podoplekin, A.O. (2017). The European North of Russia: ethnopolitics and the crisis of local communities. *Political expertise: POLITEX*, (1), 22–31. (In Russian).
- Slezkin, Yu. (2008). *Arctic mirrors. Russia and the Small Peoples of the North*. Moscow: New Literary Review. (In Russian)
- Survo, V., & Survo, A. (2009). “Centers” and “peripheries” of Finnish semiosis. In *Geocultural space of the European North. Pomor readings on the semiotics of culture* (Issue 4, pp. 174–190). Arkhangelsk. (In Russian).
- Tishkov, V.A. (1993). Strategy and mechanisms of national policy. In *National Policy in the Russian Federation* (pp. 8–40). Moscow: Nauka. (In Russian),
- Vitukhnovskaia-Kaupala, M. (2010) “Karelia for Kare!”: civil war as a catalyst of national consciousness. *Ab Imperio*, (4), 245–282. (In Russian) <https://doi.org/10.1353/imp.2010.0110>
- Zaloznaya, M., & Gerber, T.P. (2012). Migration as Social Movement: Voluntary Group Migration and the Crimean Tatar Repatriation. *Population and Development Review*, 38(2), 259–328.

Сведения об авторе:

Шабаяев Юрий Петрович — доктор исторических наук, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр УрО РАН (e-mail: yupshabaev@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0867-4662).

About the author:

Yury P. Shabaev — Doctor of Historical Sciences, Head of the Sector of Ethnography of the Institute of Language, Literature and History of the FRC Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (e-mail: yupshabaev@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0867-4662).

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-779-794

Научная статья / Research article

Протест и доверие в Волгоградской области: особенности региональной системы политической коммуникации

С.А. Панкратов , К.М. Макаренко

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

 e-mail: pankratov@volsu.ru

Аннотация. Институционализация публичного пространства в субъектах РФ характеризуется выстраиванием региональных систем политической коммуникации, имеющих как общие базовые структурные элементы, так и специфические параметры, определяемые целым рядом факторов и условий. Акцентируется внимание на особенностях формирования и развития системы политической коммуникации в Волгоградской области между институтами региональной власти (в первую очередь исполнительной) и гражданами в условиях усиления влияния глобальных проблем (распространение COVID-19), проведения вооруженными силами РФ спецоперации на Украине, санкционной политики ряда недружественных стран по отношению к России и др., что непосредственно сказывается на жизнедеятельности населения региона. При этом новизна авторского подхода заключается не столько в исследовании информационно-коммуникативной открытости регионального политического пространства, сколько в выявлении характера гражданского и политического доверия между ведущими акторами коммуникации в Волгоградской области. Сочетание деятельностно-активистского и политико-коммуникативного подходов позволило выстроить методологическую стратегию анализа институциональных / неинституциональных акторов региональной публичной политики, обладающих различными ресурсами, влияющими на уровень и динамику взаимного доверия в процессе коммуникации. В работе аргументируется позиция, что в настоящее время именно от уровня взаимного доверия между региональной властью и гражданами во многом зависят как политическая, в том числе протестная активность населения, так и способность воспроизводства устойчивого стабильного развития. Осуществлена попытка выявления доминирующих факторов, определяющих векторы доверительных / конфронтационных характеристик в региональной системе политических коммуникаций.

Ключевые слова: протест, доверие, субъекты РФ, Волгоградская область, политическая коммуникация, коммуникативное пространство, органы власти, граждане, публичная политика

© Панкратов С.А., Макаренко К.М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Панкратов С.А., Макаренко К.М. Протест и доверие в Волгоградской области: особенности региональной системы политической коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 779–794. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-779-794>

Protest and Trust in the Volgograd Region: Peculiarities of the Regional System of Political Communication

Sergey A. Pankratov , **Kirill M. Makarenko**

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

 e-mail: pankratov@volsu.ru

Abstract. The institutionalization of public space in the subjects of the Russian Federation is characterized by the alignment of regional systems of political communication, which have both common basic structural elements and specific parameters determined by several factors and conditions. The article analyzes the emergence and development of the system of political communication between the institutions of regional power (primarily the executive power) and citizens in the Volgograd Region amidst the growing influence of global problems (such as the spread of COVID-19), the conduct of the special military operation in Ukraine, international sanctions against Russia, etc. At the same time, the novelty of the authors' approach lies not so much in the study of the information and communication openness in the regional politics, but in identifying the nature of civil and political trust between the leading actors of communication in the Volgograd Region. Combining the action and political-communicative approaches allowed the authors to build a methodological strategy for the analysis of institutional and non-institutional actors of regional public policy that have different resources affecting the level and dynamics of mutual trust in the communication process. The paper argues that at present both the political activity, including the protest of the population, and the ability to reproduce sustainable and stable development are largely depending on the level of mutual trust between the regional authorities and the citizens. The authors attempt to identify the dominant factors that determine the vectors of trust and confrontation in the regional system of political communications.

Keywords: protest, trust, subjects of the Russian Federation, Volgograd Region, political communication, communication space, authorities, citizens, public policy

For citation: Pankratov, S.A., & Makarenko, K.M. (2022). Protest and trust in the Volgograd Region: Peculiarities of the regional system of political communication. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 779–794. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-779-794>

Выстраивание политико-коммуникативной системы в публичном пространстве региона

Построение единой политико-коммуникативной системы является одной из наиболее приоритетных задач как в рамках укрепления российской государственности в целом, так и каждого из субъектов РФ. Мобилизация и консолидация общества, особенно в условиях кризисных ситуаций, возможна исключительно в условиях единства дискурсивного пространства субъектов и объектов

коммуникативного взаимодействия. В современной России наличествуют информационные вакуумы во взаимоотношениях власти и общества, которые оставляют пространства для вольных трактовок, искажений, фальсификаций и формирования определенного уровня недоверия.

При этом в контексте демократизации общества и государства, с нашей точки зрения, политико-коммуникативная система с необходимостью «вплетена» в структуру публичного пространства. Региональное публичное пространство в федеративном государстве целесообразно определить как «социальную среду, климат и политику» для комфортной коммуникации различных субъектов в современной России, при том, что такое понимание дополняется характеристикой конкретных площадок (в областном центре, муниципальных образованиях), позволяющих институционализировать креативные коммуникационные структуры.

В рамках используемых в статье политико-коммуникативного и деятельностно-активистского подходов суть публичной политики определяется как «целенаправленное создание условий и факторов вовлечения социума и его институциональных образований, отдельных граждан в процесс обсуждения и принятия общезначимых политических решений» [Панкратов, Морозов 2021].

В каждом субъекте РФ существует своя особенная система социально-политической коммуникации. Некоторые элементы во всех регионах общие, что связано с экстраполяцией общефедеральных тенденций, какие-то характеристики общие в рамках федеральных округов, что обусловлено схожими социально-экономическими параметрами, но определенные черты уникальные.

Региональная система политической коммуникации является динамичной. Отмечаемые в начале 2000-х гг. характеристики коммуникации органов региональной исполнительной власти России и общества: односторонний характер воздействия, информационно-пропагандистская и манипулятивная направленность сведений, информационная полужакрытость, недостаточный учет мнения граждан в процессе разработки и реализации региональной государственной политики и т.д.¹ — решены в современной России лишь частично. Провозглашаемые идеалы открытости и транспарентности власти реализуются зачастую исключительно количественно, а не качественно, тем самым достигая определенных заданных показателей, но не создавая открытую систему политической коммуникации.

Нередко возникают, казалось бы, парадоксальные ситуации, когда высокий уровень информационной открытости власти, сопряжены с низкой степенью удовлетворенности населения открытостью власти. В этой связи Н.Н. Розанова отмечает, что причина подобных парадоксов коренится в отсутствии эффективных инструментов предоставления «качественной, разносторонней и объективной информации в доступной форме». Официальные сайты, в большинстве своем,

¹ Семенова Л.Г. Политическая коммуникация государственных органов региональной исполнительной власти: проблемы прямой и обратной связи: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2004. 24 с.

не способны в должной мере удовлетворить информационные запросы населения [Розанова 2014: 13–14]. Подобные коммуникативные разрывы становятся потенциальными основами недоверия между властью и жителями регионов.

А.М. Максимов выделяет пять субъектов регионального политико-коммуникативного пространства: 1) региональные органы государственной власти и органы местного самоуправления; 2) региональные отделения политических партий, региональные общественно-политические организации и движения; 3) региональные бизнес-структуры; 4) региональные средства массовой информации; 5) некоммерческие общественные объединения — «третий сектор» [Максимов 2011: 206]. При этом довольно спорно выглядит отсутствие СМИ как отдельного субъекта политико-коммуникативного пространства. Сам факт отнесения СМИ к инструментам или субъектам коммуникативного процесса имеет длинную историю и разворачивается с завидной регулярностью как в общественных, так и в научных дискуссиях. С нашей же точки зрения, в эпоху роста влияния информации на процесс принятия политических решений, нельзя пренебрегать субъектным статусом СМИ.

Безусловно, основным актором регионального пространства политической коммуникации являются региональные органы государственной власти [Тамицкий 2006: 259], точнее даже будет отметить региональные органы исполнительной власти, с акцентом на главу региона. Одной из приоритетных задач главы субъекта РФ является не только управление регионом, в плане решения наиболее острых социально-экономических и политических задач, но и качественное обеспечение коммуникативного взаимодействия с гражданами с целью выявления наиболее острых проблем локального характера (в случае, если проблемы местного уровня не решены на уровне муниципалитетов).

Обратимся к данным телеграм-канала «Незыгарь». В мониторинге острых социальных проблем в субъектах РФ в период проведения Специальной военной операции на Украине (24.02.2022–31.05.2022) отмечается наличие конфликтного пространства социально-политических коммуникаций власти и общества. В структуре социальных проблем наиболее большое представительство имеют проблемы в сферах экономики (24,01 %), ЖКХ (19,79 %), безопасности (15,57 %), экологии (14,25 %). Проблемы транспорта, строительства, социальной обеспеченности, трудовые отношения и т.д. также имеют место, но занимают существенно меньшую долю. При этом, согласно мониторингу, доли ответственности в решении существующих проблем разделены следующим образом: федеральный уровень — 10 %, региональный уровень — 30 %, муниципальный уровень — 60 %². Данная ситуация вполне укладывается в современную специфику гражданской мобилизации граждан, которая объясняется феноменом — NIMBY [Семенов 2018: 57] (Not In My Back Yard — «только не на моем заднем дворе»). Изначально определяемый как основа градостроительных протестов, феномен NIMBY вышел за пределы отдельной тематики и фактически характеризует любые локальные

² Мониторинг острых социальных проблем в субъектах РФ (24.02–31.05.2022) // Телеграм-канал Незыгарь 23.06.2022 URL: <https://web.telegram.org/z/#-1096463945> (дата обращения: 03.07.2022)

(местные) проблемы: начиная от проблем ЖКХ и заканчивая планами по озеленению и обустройству общественных пространств. Мобилизация граждан на основе тематики местных проблем представляется крайне эффективным механизмом активизации протестного потенциала, так как граждане помимо общественного имеют и личный интерес, субъектную заинтересованность, что в большей степени создает стимулы к действию (в том числе и коллективному).

Следует признать, что начиная с 2020 г. — периода стремительного распространения COVID-19, до настоящего времени региональные органы власти обладают значительным ресурсом административно-властных полномочий, позволяющих не только минимизировать последствия пандемии, но и решать важнейшие задачи безопасного и стабильного развития конкретных территориальных субъектов, выстраивая эффективные политико-коммуникативные модели взаимодействия различных групп населения и институтов власти. Как отметил Президент РФ В.В. Путин: «...предоставляя дополнительные полномочия главам регионов, исходил из того, что сейчас действовать по какому-то единому шаблону не только неэффективно, но подчас и вредно. У вас есть все возможности работать адресно и выверенно, учитывать ситуацию в каждом населенном пункте, на конкретных предприятиях, в субъекте Федерации в целом, принимать адекватные, хорошо просчитанные профилактические меры, главная цель которых – защита жизни и здоровья людей»³.

Обобщение опыта выстраивания и воспроизводства политико-коммуникативной системы в публичном пространстве российских регионов позволяет согласиться с предложенной типологизацией моделей взаимодействия власти и общества: органы власти выступают в роли «заботливого родителя», чьи решения и рекомендации общественные институты и граждане выполняют беспрекословно; региональная власть выступает в роли ретранслятора идей федерального центра, выстраивая систему их реализации населением; властные институты признают и помогают гражданской самоорганизации жителей региона, с использованием механизмов взаимного сотрудничества; доминирование патерналистской системы принятия решений властными институтами с уведомлением и получением формального согласия общественности на их реализацию. При этом на практике характеристики этих моделей переплетаются, представляя некие гибридные формы с доминированием одной из них.

Система политической коммуникации в Волгоградской области: характерные черты и тенденции развития

Система политической коммуникации в Волгоградском регионе во многом определяется факторами, характеризующими публичное пространство области, среди которых доминирующими, с нашей точки зрения, выступают тип реги-

³ Выступление Президента РФ В.В. Путина на совещании с главами регионов по борьбе с распространением коронавируса в России 08.04.2020 года URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63176> (дата обращения: 10.05.2022).

онального политического режима; уровень активности акторов политического процесса; устоявшиеся векторы и механизмы взаимодействия жителей, общественных организаций и органов власти различного уровня; воспроизводимые конструкты историко-культурного ландшафта. При этом публичное пространство Волгоградской области по своим характеристикам скорее дискретно; динамизм «укоренения» институциональных элементов отличается прерывистостью и неустойчивостью; обладает в то же время креативной инфраструктурой для самореализации и самопрезентации, обмена информацией с использованием преимуществ цифрового общества.

Следует признать, что с появлением и массовым распространением Интернета граждане получили достаточно много реальных инструментов коммуникации с властью: обращения через электронную почту и/или социальные сети, массовые электронные петиции, видеообращения и т.д. При этом следует отметить, что разные форматы взаимодействия с властью имеют различный информационный резонанс.

В качестве наиболее активных и «обыденных» форм социально-политической коммуникации в Волгоградской области выступают одиночные и массовые протесты. В логике современной отечественной волны протестной активности, которая на общефедеральном уровне фиксируется с 2017–2018 гг., протесты в Волгоградской области представляют собой синтез гражданско-политической тематики, что выражается в следующем: 1) в заявляемых целях акций (протесты направлены на решение гражданских проблем (культурные, экологические, правовые, градостроительные), изначально не претендующих на институциональные политические изменения); 2) субъектами протестов с гражданской тематикой нередко выступают политические (прежде всего партийные) организации.

В период 2017–2021 гг. отмечалось наличие целого ряда публичных акций. Протесты кардинально отличались по тематике, при этом фиксировалось превалирование региональных проблем над федеральными [Гаврилов, Макаренко 2020]. Наиболее массовыми становились общефедеральные акции, проводимые в регионе, с требованием отмены изменений в законодательные акты РФ о пенсионном возрасте (28.07.2018), или усиления реальной помощи по борьбе с коронавирусом (14.06.2020), «бунт» таксистов (14.04.2019) и т.д. Помимо этого, заметными, но менее массовыми стали акции и местного характера: массовый пикет объединенных левых сил с целым рядом острых социально-экономических требований: против отмены социальных льгот, сокращения работников «Красного Октября», повышения тарифов, роста цен на бензин и общественный транспорт (16.12.2018), митинг за гуманное обращение с животными (02.11.2019), митинг обманутых дольщиков (16.12.2017). Также имеют место практики одиночного пикетирования, которые относительно просты в организации, требуют консолидации меньшего количества ресурсов, а также обладают более низкой «стоимостью участия», так как одиночные пикеты по закону не требуют согласования, в связи с чем их участники на порядок меньше задерживаются органами правопорядка. При этом и информационный фон подобные практики проявления несогласия создают несравнимо более мелкий.

Отмеченный выше митинг обманутых дольщиков — острая правовая и градостроительная проблема в Волгоградской области. Протестные акции обманутых дольщиков регулярно имели место в период 2017–2021 гг., что вызвало реакцию со стороны губернатора А.И. Бочарова в скорейшем решении обозначенной проблемы⁴.

Вирусным в Интернете стал ролик набега активисток на здание регионального Управления Роспотребнадзора с требованием, чтобы сотрудники ведомства показали им свои прививочные сертификаты (19.11.2021)⁵. Популярность акции была вызвана общим федеральным (а по большому счету и мировым) трендом протестного движения в 2021 г., направленного на борьбу с требованием QR-кодов.

Одной из наиболее частых проблем, отмечаемых региональными экспертами в отношении к губернатору Волгоградской области А.И. Бочарову, является низкая активность прямых контактов с жителями региона, т.е. «прямая связь» между гражданами и региональной властью не отличается регулярностью, а большинство коммуникаций довольно опосредованы.

Проблемы «коммуникативных разрывов» (нерегулярность общения власти и общества) в регионах осознаются федеральной властью сильнее, нежели региональной. Именно этим можно объяснить складывающуюся тенденцию на формирование в регионах новых каналов коммуникации. 7 июля 2021 г. по итогам «Прямой линии» В.В. Путин поручил главам регионов РФ проводить подобные мероприятия не реже раза в год⁶. В ответ на поручение 16 декабря 2021 г. А.И. Бочаров провел свою «Прямую линию»⁷. Подобная практика зарекомендовала себя как адекватная попытка найти новые формы диалогового общения с жителями региона. Основное количество вопросов и претензий касалось не характера самого общения, а скорее технических моментов: отбор и отсутствие острых вопросов социально-экономического характера и т.д., что в большей степени фиксирует неопытность команды губернатора в организации форм прямого общения или их сознательное желание избежать сложных вопросов и ситуаций.

Для преодоления проблем социально-политической коммуникации между региональной властью и гражданами и в рамках выполнения озвученной Президентом национальной цели — цифровой трансформации до 2030 г. в 2020 г. во всех регионах Российской Федерации были созданы Центры управления ре-

⁴ Андрей Бочаров: «В 22–23 году мы в регионе решим проблему обманутых дольщиков» // БезФормата. URL: <https://volgograd.bezformata.com/listnews/reshim-problemu-obmanutih-dolshikov/100167890/> (дата обращения: 02.07.2022).

⁵ Налет на здание волгоградского Роспотребнадзора устроили противники QR-кодов // Новости Волгограда. 19.11.2021. URL: <https://novostivolgograda.ru/news/society/19-11-2021/nalyot-na-zdanie-volgogradskogo-rospotrebnadzora-ustroili-protivniki-qr-kodov> (дата обращения: 02.07.2022).

⁶ Путин поручил губернаторам проводить раз в год свои «прямые линии» // РБК 07.07.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/07/2021/60e59a559a79478abf48cbf0> (дата обращения: 03.07.2022).

⁷ Три часа открытого диалога: Андрей Бочаров провел «Прямую линию» // Volgograd.ru 16.12.2021. URL: <https://www.volgograd.ru/gubernator/tekush/383356/> (дата обращения: 03.07.2022).

гионом (ЦУР), основная задача которых состоит в мониторинге и обработке обращений граждан и последующей передаче обращений в соответствующие органы власти, государственные и муниципальные учреждения регионов⁸.

По данным, полученным авторами статьи от сотрудников ЦУР Волгоградской области на условиях анонимности, в 2021 г. от граждан в центр поступило свыше 20 тысяч обращений. Интенсивность поступления обращений в значительной степени зависит от ситуации в регионе и времени года. Зимой могут поступать до 200 обращений в день на расчистку снега. В 2022 г. в среднем в месяц поступает 1700 обращений. С началом СВО активность жителей упала. Рост числа обращений может быть обусловлен, например, изменениями в транспортной схеме, авариями ЖКХ, пожарами и т.д.

Волгоградская область и губернатор А.И. Бочаров в сводном мониторинге анализа острых социальных проблем в субъектах РФ занимает 54-е место (места распределялись в зависимости от количества острых социальных проблем: 1-е место — наибольшее количество выделенных социальных проблем, 85-е место — наименьшее). В качестве основных проблем выделяются: 1) рост цен, дефицит товаров, лекарств; 2) жалобы на неудовлетворительную работу регионального оператора по вывозу мусора; 3) жалобы на стаи бездомных собак; 4) нехватка автобусов на юге Волгограда. Отмечается регионально-муниципальный уровень ответственности с низким уровнем вовлечения губернатора в решение проблем.

С нашей точки зрения, такая ситуация выступает следствием произошедшей в девяностые годы прошлого века «деиндустриализации» промышленного комплекса, в первую очередь, в областном центре, сформировавшемся в советский период истории и деградации социальной инфраструктуры, во многом базировавшейся на финансово-экономической «мощи» промышленных гигантов. Фактически в каждом районе Волгограда (протяженность которого около 100 км узкой «полоской» вдоль Волги) функционировало по несколько крупных предприятий союзного уровня, которые определяли логистические, транспортные, социальные и иные параметры (потребность в рабочей силы, виды и уровни профессионального образования, жилищное строительство, направленность и специфику социальной защиты, поддержка системы здравоохранения и др.) жизнедеятельности горожан и жителей сельской местности. До настоящего времени не преодолен финансово-экономический и управленческий дисбаланс между приоритетами населения современного «общества потребления» и реальными ресурсами их удовлетворения. Более того, в регионе достаточно противоречиво и не всегда последовательно происходит институционализация новых управленческих и хозяйственных структур взамен разрушенной эффективно функционировавшей в СССР системы управленческого взаимодействия между партийными и государственными органами, а также директором предприятий.

⁸ Центры управления регионом создали во всех субъектах России // Тасс 02.12.2020 URL: <https://tass.ru/politika/10148947> (дата обращения: 03.07.2022).

В качестве основного инструмента решения проблем используются поручения профильным органам исполнительной власти⁹. При этом, как показывает рейтинг, наиболее эффективным инструментом влияния на процесс решения локальных проблем является их публичная оценка главой субъекта Федерации, которая хотя и является наиболее простым инструментом, тем не менее формирует определенный дискурсивный фон, способствующий решению проблемы. В данном случае неформальная публичная оценка показывает заинтересованность региональной власти в решении проблем в большей степени, нежели традиционные бюрократические механизмы.

Мы можем убедиться, что проведение СВО практически не отразилось на характере проблем в регионе. Волгоградская область, как было заявлено руководителями области, может принять из зоны конфликта на востоке Украины около 3,5 тысяч человек. При этом значительную часть приезжих из ЛНР и ДНР (уже к марту 2022 г. в регион прибыло более 1000 беженцев) в настоящее время составляют дети, женщины, лица пенсионного возраста и инвалиды, размещаемые как в гостиницах, пансионатах, так и в семьях волгоградцев с оказанием всей необходимой помощи. Волгоградцы в основном с пониманием отнеслись к нуждам соотечественников, а благодаря развитому в регионе волонтерскому движению, активно поддерживаемому губернатором, в Волгограде и районах области сложилась эффективная система взаимодействия власти и гражданского общества для решения текущих и возникающих проблем адаптации беженцев.

Фактором, положительно сказывающимся на жизни волгоградцев, является стабильное функционирование международного аэропорта «Волгоград — Гумрак», лишь на несколько дней приостанавливавшего функционирование в начале СВО. При этом аэропорт позволяет обеспечивать грузовые и пассажирские авиаперевозки в том числе из сопредельных регионов (Ростов-на-Дону, Элиста, Астрахань и др.).

Несмотря на попытки спецслужб Украины дестабилизировать ситуацию в Волгоградской области (попытка подкупа военнослужащих ВКС РФ угнать самолет, базирующийся на территории региона, в Украину; организация теракта на нефтепроводе, проходящем по территории области и т.д.), поддерживается высокий уровень безопасности, что позволяет минимизировать возможное в такой ситуации усиление панических настроений и уровня страхов среди различных групп населения, провоцируемых распространением фейковой информации со стороны СМИ недружественных государств. Однако продолжает сохраняться определенный уровень социальной напряженности наименее защищенных слоев населения, продуцируемый нерешенностью бытовых проблем (рост цен, дефицит некоторых товаров и лекарств и т.д.), что регулярно находит отражение в региональном протестном дискурсе.

⁹ Мониторинг Острых социальных проблем в субъектах РФ (24.02–31.05.2022) // Телеграм-канал Незыгарь 23.06.2022 URL: <https://web.telegram.org/z/#-1096463945> (дата обращения: 03.07.2022)

При этом в выстроенной в публичном пространстве региона политико-коммуникативной системе власти и общества ощущается потребность в «доверительности» как атрибутивном свойстве субъектов взаимодействия, что и нашло отражение в анализируемых практиках институциональной / неинституциональной коммуникации.

Принцип доверия в сложившейся политико-коммуникативной системе региона

Следует сразу подчеркнуть, что проблема доверия в политико-административном, публичном пространстве России актуализируется с должной периодичностью. Значимость политического (или шире — институционального) доверия возрастает в связи с тем, что она является основой социального доверия [Sønderskov, Dinesen 2016], которая, в свою очередь, во многом, определяет качество жизни граждан и коллективную способность достигать желаемого уровня общественных благ [Neville 2012; Thöni et al. 2012].

В январе 2021 г. на совещании в Администрации Президента РФ были обсуждены результаты достижения ключевых показателей эффективности (КPI) региональными лидерами в 2020 г. Губернатор Волгоградской области А.И. Бочаров не оказался в списке лидеров по уровню доверия населения, среди которых были названы руководители Чечни, Адыгеи, Курганской и Курской областей, а также Ямало-Ненецкого автономного округа. Вместе с тем он не был отмечен в группе аутсайдеров по уровню доверия населения, в которую были отнесены главы Хакасии, Владимирской и Кемеровской областей, Хабаровского и Красноярского краев. По результатам масштабного исследования, проводимого в регионе специалистами из Санкт-Петербурга, было выявлено, что А.И. Бочарову в должности губернатора доверяют 60,3 % опрошенных жителей. Согласно результатам экспертного опроса по *оценке деятельности глав субъектов РФ*, проведенного *центром информационных коммуникаций «Рейтинг»*, в рамках проекта «Национальный рейтинг» в марте-апреле 2022 г. руководитель Волгоградской области вошел в третью группу региональных лидеров, заняв 67 из 85 позиций рейтинга. Следует отметить, что указанные выше и другие исследовательские проекты по данному вопросу используют различные, не всегда сопоставимые методики проведения, что требует квалифицированного подхода к интерпретации их результатов.

Наиболее отчетливо «доверие к власти (доверие к Президенту Российской Федерации, высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации, уровень которого определяется в том числе посредством оценки общественного мнения в отношении достижения в субъектах Российской Федерации национальных целей развития Российской Федерации)» выделено первым пунктом в перечне показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов

исполнительной власти субъектов Российской Федерации в Указе Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»¹⁰.

После начала специальной военной операции на Украине в своем выступлении на совещании о мерах поддержки регионов В.В. Путин вновь обратился к проблемам доверительной консолидации общества и власти, подчеркнув, что «текущая ситуация — это, безусловно, испытание для нас всех. Уверен, мы пройдем его достойно, упорным трудом, совместной работой и взаимной поддержкой преодолеем все трудности и станем еще сильнее, как это всегда было в истории тысячелетней России»¹¹.

Не останавливаясь на различных трактовках понимания феномена доверия, [Козырева 2014; Латов 2021; Байков 2018] с нашей точки зрения, в рамках анализируемой темы институциональных особенностей политико-коммуникативной системы в регионах РФ важно подчеркнуть, что доверие есть социально-психологическое чувство как отдельных граждан, так и граждан, объединившихся в определенные организации, их превентивная оценка, сочетающая рациональное и эмоциональное начало и выражающаяся в поддержке конкретных акторов, обладающих административно-политическими полномочиями и ресурсами, готовность разделять и отстаивать их ценностные и программные установки. При этом авторская позиция основывается на том, что доверие властных структур любого уровня к гражданам (населению), институтам гражданского общества выступает в качестве социального и политического капитала, предполагающих реализацию стратегий и программ на основе соблюдения демократических прав и свобод человека, возможности проявлять гражданскую и политическую активность.

Преодоление «коммуникационных разрывов» в публичном региональном пространстве, в том числе Волгоградской области, может быть осуществлено лишь при наличии доверия обеих сторон (власти и общества), основанного на желании и умении слушать и слышать «другого». Обладание доверительностью как необходимым атрибутивным свойством политической коммуникации формируется и закрепляется на уровне политического сознания, в общественном мнении, региональных административно-политических практиках в онлайн- и офлайн-форматах чаще всего исходя из личного опыта населения, доминирующих моделей гражданской и политической культуры и, конечно, особенностей

¹⁰ Указ Президента РФ от 04.02.2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/400281504/> (дата обращения: 03.07.2022).

¹¹ Стенограмма выступления Президента России В.В. Путина на совещании о мерах поддержки регионов 16.03.2022 г. URL: <https://rg.ru/2022/03/16/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-soveshchani-i-o-merah-podderzhki-regionov.html> // (дата обращения: 05.07.2022).

исторического развития субъекта РФ, содержания и элементов территориальной идентичности, воспроизводимой различными социальными группами.

Так, в Волгоградском регионе факторами в значительной степени определяющими уровень доверия / конфронтации органов исполнительной власти (в частности губернатора) и населения, выступают: 1) длительное присутствие на должности руководителя региона так называемых «варягов», их частая сменяемость — А.Г. Бровко (с 12.01.2010 по 17.01.2012 г.); С.А. Боженков (с 02.02.2012 по 02.04.2014 г.); А.И. Бочаров (с 02.04.2014 по настоящее время) и необходимость доказывания, что губернатор не временщик; 2) кадровая неопределенность, проявляющаяся нередко в публичной немотивированности отставок и назначений в аппарате губернатора и иных властных структурах; 3) слабая консолидация региональной элиты по ключевым вопросам развития областного центра и сельской местности; 4) постепенная утрата индустриального (трудового, профессионального) потенциала региона, сопряженная со сложностями профессиональной ресоциализации значительной части населения и др.

На формах проявления и уровне доверия населения к руководителю региона в определенной степени сказывается доминирование государственно-патриотических элементов в структуре политического сознания, региональной идентичности большинства жителей, в том числе молодежи, основанных на воспроизводстве исторической памяти о победе советского народа в Сталинградской битве. Этот факт во многом позволил в апреле 2014 г. Герою Российской Федерации, полковнику запаса, проходившему военную службу на командных должностях в Воздушно-десантных войсках России А.И. Бочарову после назначения Указом Президента временно исполняющим обязанности губернатора Волгоградской области получить первоначальный кредит доверия от большинства жителей региона, дважды избираться на пост руководителя при поддержке в том числе ветеранских организаций Волгоградской области.

Позитивная тенденция поиска векторов доверия между институтами власти и гражданского общества, отдельными гражданами в региональной системе политической коммуникации проявляется через регулярность проведения общественных слушаний по решению проблемных вопросов; возрастание роли Общественной палаты Волгоградской области; успешное поддержание этноконфессионального согласия на территории региона; консолидацию представителей различных социальных слоев и организаций (волонтерские движения) по преодолению последствий пандемии, оказанию помощи переселенцам из Луганской и Донецкой областей.

Однако, безусловно, решающим фактором, определяющим наличие взаимного доверия как важнейшего атрибута системы политической коммуникации в Волгоградской области, выступают результаты текущей деятельности, направленной на повышение качества и уровня жизни представителей всех социальных слоев и поколенческих когорт. Следует признать, что по многим социально-экономическим показателям Волгоградский регион в настоящее время относится к депрессивным субъектам РФ. Таким образом, как отмечают эксперты, с одной стороны, именно относительно невысокий уровень жизни населения

в регионе продуцирует воспроизводство столь же невысокого уровня доверия жителей к институтам власти и коммуникационный разрыв в системе субъектов взаимодействия публичного пространства Волгоградской области. С другой стороны, система коммуникации не может функционировать в одностороннем порядке — как требования населения к органам власти, а предполагает гражданскую самоорганизацию и ответственность волгоградцев, готовность и способность к доверительному сотрудничеству по всем проблемным аспектам развития региона.

Заключение

В рамках отечественной политической науки происходит постоянный анализ состояния, тенденций развития и векторов модернизации региональных систем политической коммуникации, что определяется необходимостью теоретического обоснования и практического внедрения наиболее эффективных моделей взаимодействия властных и гражданских институтов, населения субъектов РФ в условиях как возникновения новых политических и социально-экономических вызовов, так и «нерешенности» проблем, обозначенных ранее. Процессы цифровизации социума и институционализация новых форм цифровой культуры у представителей различных социальных групп и поколенческих когорт, внедрение в обыденные практики жизнедеятельности населения технологий искусственного интеллекта объективно способствуют возникновению и закреплению инновационных способов и механизмов коммуникации между отдельными гражданами, их объединениями, властными структурами (использование электронной почты и социальных сетей; видеообращения; электронные петиции; онлайн-протесты и т.д.). При этом все чаще жители выражают свою позицию в публичном пространстве региона, актуализируя «повестку» для решения вопросов органами власти, прежде всего исполнительной.

С точки зрения авторов, доминирующей тенденцией в выстраивании региональных систем политической коммуникации в РФ выступает институционализация гибридной модели, сочетающей элементы «мягкого» патернализма со стороны исполнительной власти, руководителя региона и контролируемый процесс самоорганизации граждан, направленный на обеспечение принципа взаимного сотрудничества. Как показывают результаты проведенных исследований, инвариантность практик взаимодействия региональной власти и жителей в публичном пространстве субъектов во многом зависит от типа политического режима; количества акторов публичного действия и уровня их активности; деятельностно-психологических характеристик руководителя региона; историко-культурного ландшафта, проявляемого в том числе в структуре и содержании региональной идентичности населения.

Социально-политические процессы, связанные с воссоединением Крыма с Россией, организацией мер по минимизации распространения COVID-19, санкционной политикой недружественных стран по отношению к России, проведение СВО на Украине и т.д., актуализировали необходимость выстраивания

систем коммуникации на принципах взаимного доверия между региональными управленческими и гражданскими институтами, населением в целом. Фактически уровень доверия жителей органам власти, в первую очередь исполнительной, руководителю региона признается одним из важнейших индикаторов эффективности их функционирования.

В Волгоградской области руководством региона осознается непреодолимость до конца информационных вакуумов, наличие «коммуникационных разрывов» в структуре и формах коммуникации акторов публичного пространства. Данное обстоятельство проявляется в том числе в обыденных практиках одиночных и массовых протестов как крайних формах гражданской активности, направленной чаще всего на решение «бытовых» проблем волгоградцев. Вместе с тем следует признать целенаправленные попытки власти по совершенствованию региональной публичной политики, основанной прежде всего на доверии между губернатором А.И. Бочаровым, общественными институтами и отдельными гражданами. С точки зрения авторов, доверие в равной степени необходимо при всех формах, используемых механизмах и технологиях взаимодействия власти и общества (от личного приема граждан губернатором, общественных слушаний при обсуждении конкретных проблем, публикаций в СМИ, конкурентной борьбы региональных отделений политических партий до крайних форм коммуникации — протестных акций). В противном случае может произойти институционализация имитационной системы коммуникации.

Таким образом, от направленности и тенденций формирования и функционирования региональных систем политической коммуникации во многом зависит обеспечение безопасного и стабильного развития российского общества и государства, способных эффективно решать глобальные и национальные проблемы.

Поступила в редакцию / Received: 19.04.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 15.08.2022

Принята к публикации / Accepted: 17.08.2022

Библиографический список

- Байков Н.М.* Доверие как основополагающий базис гражданского общества // *Власть и управление на Востоке России*. 2018. № 1. С. 55–64.
- Гаврилов С.Д., Макаренко К.М.* Характер протестной политической мобилизации в региональном публичном пространстве Волгоградской области // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2020. Т. 25, № 3. С. 192–203. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.17>
- Козырева П.М., Смирнов А.И.* О границах политического доверия // *Власть*. 2014. № 5. С. 5–10.
- Латов Ю.В.* Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 5. С. 161–175. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.11>

- Максимов А.М. Региональные политические коммуникации в условиях трансформации российской политической системы // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 1 (96). Вып. 17. С. 204–211.
- Панкратов С.А., Морозов С.И. «Дистант» коммуникации: трансформация взаимодействия российского общества и власти в эпоху глобальной пандемии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 3. С. 172–181. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.15>
- Розанова Н.Н. Информационная открытость как важнейшая содержательная характеристика репутации региональной власти // Век качества. 2014. № 3. С. 10–14.
- Семенов А.В. Протестная активность россиян в 2012–2013 гг. // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 53–63. <https://doi.org/10.31857/S013216250002785-6>
- Тамицкий А.М. Региональная власть как актор информационной политики // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2006. № 8. С. 256–261.
- Neville L. Do economic equality and generalized trust inhibit academic dishonesty? Evidence from state-level search-engine queries // *Psychological Science*. 2012. Vol. 23, no. 4. P. 339–345.
- Sønderskov K.M., Dinesen P.T. Trusting the State, Trusting Each Other? The Effect of Institutional Trust on Social Trust // *Polit Behavior*. 2016. Vol. 38. P. 179–202. <https://doi.org/10.1007/s11109-015-9322-8>
- Thöni C., Tyran J. R., Wengström E. Microfoundations of social capital // *Journal of Public Economics*. 2012. Vol. 96, no. 7. P. 635–643.

References

- Baykov, N.M. (2018). Trust as a fundamental basis of civil society. *Power and Administration in the East of Russia*, 1 (82), 55–64. (In Russian) <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2018-82-1-55-64>
- Gavrilov, S.D., & Makarenko, K.M. (2020). Character of Protest Political Mobilization in the Regional Public Space of Volgograd Region. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, 25(3), 192–203. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.17> (In Russian).
- Kozyreva, P.M., & Smirnov, A.I. (2014). On the limits of political trust. *Vlast'*, (5), 5–10. (In Russian).
- Latov, Yu.V. (2021). Institutional Trust as a Social Capital in Modern Russia (on the Results of Monitoring). *Polis. Political Studies*, (5), 161–175. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.11> (In Russian).
- Maksimov, A.M. (2011). Regional political communications under the Russian political system's transformation. *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: History. Political science*, 1(96), 204–211. (In Russian).
- Neville, L. (2012). Do economic equality and generalized trust inhibit academic dishonesty? Evidence from state-level search-engine queries. *Psychological Science*, 23(4), 339–345.
- Pankratov, S.A., Morozov, S.I. (2021). “Distant” communication: the transformation of the interaction of Russian society and government in the era of a global pandemic. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, 26(3), 172–181. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.15> (In Russian).
- Rozanova, N.N. (2014). Information openness as the most important meaningful characteristic of the reputation of regional authorities. *Age of Quality*, (3), 10–14. (In Russian).
- Semenov, A.V. (2018). Protest activity of Russians in 2012–2013. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, (11), 53–63. <https://doi.org/10.31857/S013216250002785-6> (In Russian).

- Sønderskov, K.M., & Dinesen, P.T. (2016). Trusting the State, Trusting Each Other? The Effect of Institutional Trust on Social Trust. *Polit Behavior*, 38, 179–202. <https://doi.org/10.1007/s11109-015-9322-8>.
- Tamitsky, A.M. (2006) Regional authorities as an actor of information policy. *Vestnik of Pomor University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, (8), 256–261. (In Russian).
- Thöni, C., Tyran, J. R., & Wengström, E. (2012). Microfoundations of social capital. *Journal of Public Economics*, 96(7), 635–643.

Сведения об авторах:

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета (e-mail: pankratov@volsu.ru) (ORCID: 0000-0002-1733-730X)

Макаренко Кирилл Михайлович — старший преподаватель кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета (e-mail: makarenko_km@volsu.ru) (ORCID: 0000-0002-1161-5719)

About the authors:

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University (e-mail: pankratov@volsu.ru) (ORCID: 0000-0002-1733-730X)

Kirill M. Makarenko — Senior Lecturer, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University (e-mail: makarenko_km@volsu.ru) (ORCID: 0000-0002-1161-5719)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-795-826

Научная статья / Research article

Факторы влияния региональной политической элиты в современной России: пример Санкт-Петербурга и Ленинградской области

О.В. Попова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

 o.popova@spbu.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется доминирующей ролью элитных групп в современной российской политике. Возможность и способность элиты решать актуальные вопросы социума в немалой степени зависит от степени влияния этих людей. Представлены результаты экспертного исследования в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (конец ноября — начало декабря 2021 г.). В качестве экспертов выступили сами представители региональной политической элиты, а также «ключевые информаторы». Технология сбора экспертной информации включала комплекс качественных и количественных методов (методы группировки данных с оценкой средних значений вариационного ряда и мер рассеяния, а также многомерное шкалирование, факторный и кластерный анализ). Оценка проводилась по 22 параметрам. В Санкт-Петербурге со стратегиями укрепления представителями власти своего влияния связаны шесть факторов: условия общей и политической социализации; доминирующие коммуникативные стратегии политиков, опирающиеся на тип его лидерства; экономические ресурсы; связанные с особенностями семьи / рода политика неформальные основания политической карьеры; нетипичное для мегаполиса культивирование патрон-клиентских отношений; наличие у представителя региональной элиты опыта работы в других сферах, помимо государственного управления и публичной политики. Наиболее привлекательны для самих политиков три образа: а) результативный политический «тяжеловес», относящийся к какому-либо клану по праву рождения или «обросший» экономическими и неформальными связями, в том числе с «теневыми структурами», обладающий реальными экономическими возможностями повлиять на ситуацию в регионе; б) «политический трибун», который активно коммуницирует с населением и делает ставку в своей политической карьере на формирование по отношению к себе устойчивого положительного отношения жителей региона; в) «свой», связанный с регионом своей судьбой и имеющий устойчивые политические взгляды. Доказано, что в Санкт-Петербурге публичная коммуникативная активность онлайн и офлайн не является значимым условием укрепления «политического веса» политика, гораздо важнее принадлежность к какому-либо клану (семейному,

© Попова О.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

дружескому, профессиональному). Эксперты отрицают акцентированные маскулинные или феминные модели поведения политиков в Санкт-Петербурге существенным фактором усиления их влияния. В Ленинградской области конфигурация латентных факторов значимости политиков иная. Здесь наиболее важны канал и способ рекрутирования политика во власть, активность персональной информационной политики в интернет-пространстве, наличие социального, человеческого и статусного капитала по праву рождения в определенной семье или эффективного взаимодействия с особыми влиятельными группами в регионе, акцентированная демонстрация личных ресурсов, наличие реальных лидерских качеств, контроль над экономическими ресурсами в регионе. Были выделены пять доминирующих типов политиков с точки зрения эксплуатации ими и демонстрации публике различных качеств. Была подтверждена значимость способности политиков к масштабному, стратегическому мышлению при решении региональных задач и акцентированный гендерный тип поведения в публичном политическом пространстве.

Ключевые слова: региональная политическая элита, факторы влияния, модели влияния политической элиты на Северо-Западе, эмпирическое исследование, экспертный опрос, статистические методы анализа

Для цитирования: *Попова О.В.* Факторы влияния региональной политической элиты в современной России: пример Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 795–826. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-795-826>

Благодарности: Сердечно благодарю доктора политических наук, профессора, заведующую кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) О.В. Гаман-Голутвину за возможность участия в исследовательском проекте и разрешение на публикацию данных по двум обследованным регионам. Также выражаю признательность за помощь в проведении части экспертных интервью моим коллегам по кафедре политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ Д.А. Будко, Е.О. Негрову, О.Д. Сафоновой, А.В. Шентяковой.

Factors of Influence of the Regional Political Elite in Modern Russia: Evidences from St. Petersburg and the Leningrad Region

Olga V. Popova

St. Petersburg State University Saint-Petersburg, Russian Federation,

 o.popova@spbu.ru

Abstract. The relevance of the research project is determined by the dominant role of elite groups in modern Russian politics. The opportunity and ability of the elite to solve topical social issues to a large extent depend on the degree of their influence. The article presents the results of an expert study in St. Petersburg and the Leningrad Region (late November to early December 2021). Representatives of the regional political elite themselves, as well as “key informants” acted as experts. The technology for collecting expert information included a set of qualitative and quantitative methods (methods of grouping data with an estimate of the average values of the variation series and dispersion measures, as well as multidimensional scaling, factorial and cluster analysis). The

evaluation was carried out on 22 parameters. In St. Petersburg, six factors are associated with the strategies used by the authorities to strengthen their influence: the conditions of general and political socialization; dominant communication strategies of politicians based on the type of their leadership; economic resources; informal grounds for political career related to the politicians' families; cultivation of clientelism, atypical for a metropolis; the regional elite having work experience in other areas, in addition to public administration and public policy. The politicians themselves are mostly attracted to three image types: a) a productive political "heavyweight", belonging to a clan by birthright or "overgrown" with economic and informal ties, including with "shadow structures", who has real economic opportunities to influence the situation in the region; b) a "political tribune", who actively communicates with the population and relies on cultivating a stable positive attitude towards themselves among the inhabitants of the region; c) an "insider", connected with the region by their destiny and having stable political views. The study showed that in St. Petersburg, public communicative activity online and offline is not a significant condition for strengthening the "political weight" of a politician; belonging to a clan (family, friend group, professional clan) is much more important. Experts deny that accentuated masculine or feminine behaviour patterns of politicians in St. Petersburg are a significant factor in strengthening their influence. In the Leningrad Region, the configuration of the latent factors influencing the significance of politicians is different. The most important factors include the following: the channel and method of politician's recruitment to power; the activity of personal information policy on the Internet; the presence of social, human and status capital through birth in a certain family or effective interaction with certain influential regional groups; an accentuated demonstration of personal resources; the presence of real leadership qualities; control over economic resources in the region. Five dominant types of politicians were identified in terms of the various qualities exploited by them and demonstrated to the public. The importance of the ability of politicians to large-scale, strategic thinking in solving regional problems and the accentuated gender type of behaviour in public politics was confirmed.

Keywords: regional political elite, factors of influence, models of influence of the political elite in the North-West of Russia, empirical research, expert interviews, statistical methods of analysis

For citation: Popova, O.V. (2022). Factors of influence of the regional political elite in modern Russia: Evidences from St. Petersburg and the Leningrad Region. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 795–826. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-795-826>

Acknowledgements: I sincerely thank Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Head of the Department of Comparative Political Science at MGIMO University O.V. Gaman-Golutvina for the opportunity to participate in the research project and permission to publish data on the two surveyed regions. I would also like to thank D.A. Budko, E.O. Negrov, O.D. Safonova, A.V. Shentyakova.

Введение: концептуальные и методические рамки исследования

Исследование политических элит давно и прочно заняло позиции одного из ведущих направлений в мировой политической науке [Amin 2017; Burton, Gunther, Higley 1992; Burton, Higley 2001; Burton, Higley 1987; Cameron, Turovsky 2015; Clegg 2016; Dragoman, Gheorghîță 2016; Errejón, Guijarro 2016; Garrido-Vergara 2013; Higley, Hoffmann-Lange, Kadushin, Moore 1991; Higley, Pakulski 2000; Higley, Pakulski, Wesółowski 1998; Reisinger, Moraski 2017; Kleibrink 2015; Kuzio 2015; Lanigan 2017; Morgan 2017; Колядин 2016; Покатов 2020] и фактически получило статус субдисциплины. Отметим, что многолетние глубокие научные изыскания таких отечественных ученых, как О.В. Гаман-Голутвина [2020; 2016; 2006], А.В. Дука

[Дука и др. 2021; 2021; 2017], О.В. Крыштановская [2005], Н.Ю. Лапина¹ [Лапина, Чирикова 1999], В.Г. Ледяев [2008], А.В. Понеделков, А.М. Старостин [Понеделков, Аверин, Магомедов 2016; Понеделков, Старостин, Швеиц 2015], А.Е. Чирикова [2010] и др. [Гаева 2012; Иванова 2021; Родионов, Волкова 2017; Родионов, Волкова 2016; Хабаров 2016; Шентякова 2020], охватывая самые разнообразные аспекты функционирования властных слоев, постоянно обеспечивают прирост знаний о российской политической элите федерального, регионального [Гаман-Голутвина 2004; Жуков, Сельцер, Барабаш 2020; Лобойко 2018; Усова 2020; Усова 2015; Шарин 2019] и локального [Ковин, Петрова 2019] уровней и способствуют более точному пониманию особенностей функционирования данной группы. В рамках ограниченного объема статьи мы сосредоточимся на обсуждении достаточно узкого вопроса, касающегося поиска моделей факторов влияния региональной политической элиты в современной России.

Во многом отечественные исследователи при обсуждении вопроса о факторах влияния политической элиты любого уровня предпочитают опираться на парадигмы идущей от М. Вебера классической типологии лидерства, теории статусной влияния, теории ресурсов, теории различных типов капитала в интерпретации П. Бурдьё, теории иерархической политической коммуникации и т.д. Данные концепции, безусловно, многократно доказали свою релевантность, однако актуальным остается исследовательский вопрос о принципиальной возможности построить модели, которые позволили бы объективно оценить значимость различных параметров, определяющих политический «вес» представителей региональной политической элиты в конкретной обстановке, и провести адекватное сравнение ситуации в различных политико-административных образованиях конкретного государства.

Данная задача была реализована в рамках исследовательского проекта «Человеческий потенциал политических элит в системе отношений „центр — регионы“» (руководитель проекта О.В. Гаман-Голутвина, ноябрь–декабрь 2021 г.). В конце ноября — начале декабря 2021 г. преподавателями кафедры политических институтов и прикладных политических исследований был проведен экспертный опрос в форме глубинного интервью с представителями региональной элиты (ЛПР — лицами, принимающими политические решения в сфере публичной политики, управленческих структур регионального уровня, представителями системообразующего бизнеса) и «ключевыми информаторами» (учеными, журналистами, лидерами общественного мнения, руководителями региональных активных НКО, представителями научного/образовательного политологического сообщества, активно занимающимися политической регионалистикой, политтехнологами) офлайн или с применением средств интернет-коммуникации. Пропорция интервьюирования собственно представителей элиты и «ключевых информаторов» составила практически 1:1. В Санкт-Петербурге было проведено 33 интервью, в Ленобласти — 25 (табл. 1).

¹ *Лапина Н.Ю.* Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004. 251 с.

Отметим, что необходимое количество экспертов при проведении глубинных интервью, согласно признанным в научном мире методикам, составляет 15 человек. Привлеченные к исследованию эксперты давали свои оценки ситуации только в одном субъекте Российской Федерации; выборки экспертов не пересекаются.

Таблица 1

**Категории участвовавших в исследовании экспертов
в Санкт-Петербурге и Ленинградской области**

Категории экспертов	Санкт-Петербург	Ленинградская область
Исполнительная власть	10	5
Депутатский корпус	5	7
Политические деятели и представители институтов гражданского общества	4	6
Политтехнологи	4	2
Представители бизнеса	2	1
Представители вузовской и академической науки, профессионально занимающиеся темой исследования	7	2
Представители СМИ	1	2
Итого	33	25

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Table 1

**Categories of experts participating in the study
in St. Petersburg and the Leningrad Region**

Categories of experts	St. Petersburg	Leningrad Region
Executive power	10	5
Members of the regional parliament	5	7
Political actors and representatives of civil society institutions	4	6
Political technologists	4	2
Businessmen	2	1
University and academic scientists	7	2
Media representatives	1	2
Total	33	25

Source: made by author, data collected in the research.

В настоящее время для изучения различных аспектов функционирования региональной политической элиты в современной России используются различные методы сбора информации: анализ документов, биографический метод, онлайн-

интервью, личное глубинное нестандартизованное интервью, анкетирование и т.д. [Попова 2013; Шентякова 2014]. Нормой проведения экспертных интервью считается сочетание количественных и качественных методик. Особенностью проведенного эмпирического исследования факторов влиятельности региональной политической элиты в Санкт-Петербурге и Ленинградской области было сочетание полуструктурированного интервью с методом оценки экспертами факторов влиятельности региональных политиков по 10-балльной шкале.

При построении данного методического инструментария мы опирались на научные статьи, в которых авторы высказывали свои соображения о причинах влиятельности тех или иных политиков в регионах [Быстрова, Даугавет, Дука, Колесник, Невский, Тев 2019; Гриценко 2010; Колесник 2019; Матвеев 2019; Очирова 2016; Перфильев 2018]; также проводились оценка выделенных параметров, а также пилотаж, которые позволили снять риски методических ошибок.

Рабочей гипотезой исследования было предположение о том, что характеристики региональных политических режимов, принципы отбора и каналы продвижения по карьерной лестнице людей в региональных органах исполнительной и законодательной власти делают практически идентичными требования, условия, которые определяют степень политического влияния публичной и политико-административной элиты в различных субъектах федерации. Кейсы Санкт-Петербурга и Ленинградской области интересны максимально плотными историческими, экономическими и политическими связями.

В рамках данной статьи мы сосредоточимся на представлении результатов именно статистической обработки этих анкет экспертов². Стандартно применяемые приемы простой группировки данных с расчетом средних значений ряда и мер рассеяния важны, однако для более глубоко понимания ситуации необходимо комплексное применение сложных видов статистического анализа. В данном конкретном случае к полученному в ходе экспертных интервью набору данных — оценкам экспертами 22 параметров влиятельности региональных политиков по 10-балльной шкале — с целью получения дополнительной информации для построения концептуальных моделей были применены такие виды статистического анализа, как факторный, кластерный анализ и многомерное шкалирование.

Результаты исследования Случай Санкт-Петербурга

Анализ оценок экспертами значимости выделенных в методике 22 различных обстоятельств жизни и работы политика, его личностных, социально-статусных и биографических характеристик показал, что их роль в формировании влиятельности представителя политической элиты в регионе

² Статья написана на основании сделанного О.В. Поповой пленарного доклада «Факторы влиятельности региональной политической элиты в Санкт-Петербурге и Ленинградской области: гендерный аспект» на IV Международной научно-практической конференции «Женщины на государственной службе» (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, 4 марта 2022 г.).

существенно различается. При прямом ответе на вопрос были получены пять групп индикаторов, существенно отличающихся в глазах экспертов по степени значимости (табл. 2).

К самым существенным характеристикам, определяющим степень влиятельности политика, эксперты относят такие параметры, как: личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона, дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня, взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе, наличие ресурсов для решения проблем в регионе, происхождение, принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану, поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных), контроль над экономическими ресурсами в регионе, а также лидерские качества личности. Для этой группы среднее взвешенное арифметическое оценок превышает 7, медиана находится в диапазоне от 7 до 9, модальное значение не ниже 7, а дисперсия (разброс оценок) является относительно невысокой.

Во вторую по значимости группу (существенные характеристики) попали оценки, характеризующие стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками), опыт работы в других сферах, помимо публичной политики, поддержку определенной политической партии или контроль над ней. В данном случае среднее арифметическое взвешенное находится в диапазоне от 5 до 7, медианное значение равно 5, модальные характеристики различаются существенно (равны 3, 4, 5), а дисперсия заметно увеличивается.

К третьей группе характеристик (умеренно значимые) были отнесены механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.), поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними, доверие со стороны населения, гендерная принадлежность (пол), связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы). Для этих переменных среднее взвешенное арифметическое находится в диапазоне от 5 до 6, медианный диапазон — от 4 до 5, а вот мода различается существенно (от 1 до 4), дисперсия также является высокой. Важно отметить, что именно эти характеристики в оценках разных экспертов максимально различаются.

К четвертой группе (малозначимая группа характеристик) эксперты отнесли уровень доходов политика и/или его семьи, политические взгляды, уровень образования, специализацию, ВУЗ. Здесь показатели средних значений ряда — мода, медиана, среднее арифметическое оказались еще ниже.

Наконец, к группе абсолютно несущественных параметров для формирования влиятельности эксперты отнесли параметры коммуникативной активности политика в интернет-пространстве и условия его первичной и вторичной социализации, а именно: размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика, возраст включения в политическую деятельность, активное присутствие в социальных сетях.

**Экспертная оценка значимости факторов влиятельности
политической элиты в Санкт-Петербурге**

Характеристики	Среднее значение	Медиана	Мода	Дисперсия	Позиция переменной в рейтинге значимости
Личные связи на уровне региона	8,42	9,00	10	2,939	1
Личные связи с представителями органов власти федерального уровня	8,06	8,00	7 ^a	2,246	2
Взаимодействие с иными группами в регионе	7,73	8,00	8	2,330	3
Наличие ресурсов для решения проблем в регионе	7,36	8,00	10	4,676	4
Принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану	7,30	8,00	8	5,593	5
Поддержка со стороны руководства крупных экономических структур	7,27	7,00	8	3,330	6
Контроль над экономическими ресурсами в регионе	7,24	8,00	9	4,502	7
Лидерские качества	6,42	7,00	7 ^a	5,564	8
Стиль общения с окружающими	5,27	5,00	4	6,642	9
Опыт работы в других сферах, помимо публичной политики	5,67	5,00	5	4,479	10
Поддержка определенной политической партии или контроль над ней	5,12	5,00	3 ^a	6,422	11
Механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.)	4,97	5,00	3 ^a	6,593	12
Поддержка со стороны некоммерческого сектора, медиаструктур или контроль над ними	4,97	5,00	4 ^a	5,968	13
Доверие со стороны населения	4,73	4,00	2 ^a	8,267	14
Гендерная принадлежность (пол)	4,67	5,00	1	7,604	15
Связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы)	4,58	4,00	1 ^a	7,064	16
Уровень доходов политика и/или его семьи	4,24	4,00	5	5,127	17
Политические взгляды	4,12	3,00	1 ^a	6,172	18
Уровень образования, специализация, вуз	4,03	4,00	1 ^a	5,530	19
Возраст включения в политическую деятельность	3,82	4,00	4	4,778	20
Активное присутствие в социальных сетях	3,73	3,00	2	6,205	21
Размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика	2,94	2,00	1	4,934	22

^a — минимальное значение моды в полимодальном ряду распределения.

Источник: составлено автором по результатам исследования.

**Expert assessment of the significance
of the influence factors of the political elite in St. Petersburg**

Characteristics	Mean	Median	Modal value	Dispersion	Ranking results
Personal connections at the regional level	8,42	9,00	10	2,939	1
Personal connections with representatives of federal authorities	8,06	8,00	7 ^a	2,246	2
Interaction with other groups in the region	7,73	8,00	8	2,330	3
Availability of resources to solve problems in the region	7,36	8,00	10	4,676	4
Belonging to an influential family / relative, political clan	7,30	8,00	8	5,593	5
Support from the leadership of large economic structures	7,27	7,00	8	3,330	6
Control over economic resources in the region	7,24	8,00	9	4,502	7
Leadership skills	6,42	7,00	7 ^a	5,564	8
Communication style with others	5,27	5,00	4	6,642	9
Experience in non-public policy areas	5,67	5,00	5	4,479	10
Support for or control of a particular political party	5,12	5,00	3 ^a	6,422	11
Politician recruiting mechanism / model of his political career (appointment, election, etc.)	4,97	5,00	3 ^a	6,593	12
Support from the non-profit sector, media structures or control over them	4,97	5,00	4 ^a	5,968	13
Public confidence	4,73	4,00	2 ^a	8,267	14
Gender	4,67	5,00	1	7,604	15
Connection with the region (the region is the place of birth, education, work)	4,58	4,00	1 ^a	7,064	16
Income level of a politician and/or of his family	4,24	4,00	5	5,127	17
Political views	4,12	3,00	1 ^a	6,172	18
Level of education, specialization, university	4,03	4,00	1 ^a	5,530	19
Age of commencement of political activity	3,82	4,00	4	4,778	20
Active self-presentation in social networks	3,73	3,00	2	6,205	21
The size of the settlement in which the politician spent his childhood and youth	2,94	2,00	1	4,934	22

^a is the minimum modal value in the polymodal distribution series.

Source: made by author, data collected in the research.

Объяснительная способность построенной модели факторного анализа обстоятельств, влияющих на значимость политика в региональной элите (табл. 3), оказалась высокой и составила 75,475 %.

Первый, наиболее значимый, фактор определения влияния политика в Санкт-Петербурге — условия общей и политической социализации. К нему отно-

сятя пол, размер населенного пункта периода первичной и вторичной социализации, уровень и тип образования, возраст включения в политическую деятельность, связь с регионом, в котором развивается политическая карьера. Речь идет о базовых условиях, которые внешне, формально не являются непосредственными причинами успешности/неуспешности карьеры, однако во многом закладывают тот фундамент, который в итоге обеспечивает влияние политика.

Второй по значимости фактор формирования влияния политика в регионе — доминирующие коммуникативные стратегии политика, основанные на наличии и типе его лидерских качеств, определяющие стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками), активное присутствие в социальных сетях, поддержку со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними, доверие со стороны населения и способность сформировать у населения представление о наличии у представителя политической элиты ресурсов для решения проблем в регионе.

Третий фактор — экономические основания влияния политика — определяется способностью политика контролировать экономические ресурсы в регионе, получить поддержку со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных) и эффективно взаимодействовать с экономическими, силовыми, теневыми группами влияния в регионе.

Четвертым фактором, определяющим влияние политика в регионе, является доминирование неформальных оснований политической карьеры. В этом факторе объединились три переменные; связанные между собой происхождение, принадлежность к влиятельному семейному / родственному, политическому клану и личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона в представлении экспертов доминируют в Санкт-Петербурге и являются антиподом официально сформированным механизмам рекрутирования политика (назначение, избрание).

Пятый фактор влияния отсылает нас к области патрон-клиентских отношений, что достаточно нетипично для промышленно развитого мегаполиса. Дружеские отношения, личное знакомство политиков с представителями органов власти федерального уровня в представлениях экспертов связаны с уровнем доходов политика и/или его семьи и поддержкой со стороны определенной политической партии или контроля над ней. Следует обратить внимание на то, что этот фактор сформировался предпоследним. Это отнюдь не означает, что связь с федеральным центром для региональных политиков не является существенным обстоятельством в карьере, но он наиболее значим с точки зрения перехода на другой уровень политического управления.

Наконец, шестой, наименее значимый, фактор связан с наличием у политика опыта работы в других сферах, помимо публичной политики. Данная картина однозначно отражает мнение экспертов, что политика назначения на должности «эффективных менеджеров», которые, по мнению управленцев федерального уровня, могут якобы одинаково успешно работать в любой сфере, на практике не выдерживает критики. Кроме того, сам по себе опыт работы в разных сферах не гарантирует политику роста авторитета и успешности карьеры на уровне региона.

Результаты факторного анализа условий, обеспечивающих влияние регионального политика в Санкт-Петербурге

Матрица компонентов после вращения*	Компонент					
	1	2	3	4	5	6
Связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы)	+0,871					
Возраст включения в политическую деятельность	+0,834					
Гендерная принадлежность (пол)	+0,719					
Размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика	+0,670					
Политические взгляды	+0,628					
Уровень образования, специализация, вуз	+0,607					
Доверие со стороны населения		+0,816				
Активное присутствие в социальных сетях		+0,766				
Поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними		+0,762				
Лидерские качества		+0,748				
Наличие ресурсов для решения проблем в регионе		+0,635				
Стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками)		+0,478				
Поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных)			+0,869			
Контроль над экономическими ресурсами в регионе			+0,832			
Взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе			+0,604			
Происхождение, принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану				+0,760		
Личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона				+0,689		
Механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.)				-0,534		
Дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня					-0,709	
Уровень доходов политика и/или его семьи					+0,645	
Поддержка определенной политической партии или контроль над ней					+0,607	
Опыт работы в других сферах, помимо публичной политики						+0,803

Метод выделения факторов: метод главных компонент.
Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

*Вращение сошлось за 9 итераций.

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Factor analysis of conditions for the influence of politicians in St. Petersburg

Matrix of components after rotation*	Component					
	1	2	3	4	5	6
Connection with the region (the region is the place of birth, education, work)	+0,871					
Age of commencement of political activity	+0,834					
Gender	+0,719					
The size of the settlement in which the politician spent his childhood and youth	+0,670					
Political views	+0,628					
Level of education, specialization, university	+0,607					
Public confidence		+0,816				
Active self-presentation in social networks		+0,766				
Support from the non-profit sector, media structures or control over them		+0,762				
Leadership skills		+0,748				
Availability of resources to solve problems in the region		+0,635				
Style of communication with others people		+0,478				
Support from the leadership of large economic structures			+0,869			
Control over economic resources in the region			+0,832			
Interaction with other groups in the region			+0,604			
Belonging to an influential family / relative, political clan				+0,760		
Personal connections at the regional level				+0,689		
Politician recruiting mechanism / model of his political career (appointment, election, etc.)				-0,534		
Personal connections with representatives of federal authorities					-0,709	
Income level of a politician or his family					+0,645	
Support for or control of a particular political party					+0,607	
Experience in non-public policy areas						+0,803

Factor selection method: principal component method.
Rotation method: Varimax with Kaiser normalization.

*The rotation converged in 9 iterations.

Source: made by author, data collected in the research.

Многомерное шкалирование не дало однозначно интерпретируемой комбинации характеристик, однако позволило выяснить, какие свойства политика или его биографии являются антиномичными с точки зрения определения влиятельности политика в элитной группе (рис. 1). Оценка проводилась по крайним точкам по вертикали и горизонтали.

Мы видим, что горизонтальная ось формируется переменными принадлежности к клану и активности в соцсетях. Публичная коммуникативная активность сама по себе не дает шанс на формирование влияния политика в регионе, здесь гораздо важнее подчас никак не обнаруживаемая принадлежность к какому-либо клану. Вертикальная ось формируется двумя крайними точками: гендерная принадлежность и доверие населения. Как минимум, мы можем сделать вывод о том, что эксперты не считают половую принадлежность (как следствие, феминные или маскулинные модели поведения политиков) существенным фактором формирования отношения к ним населения.

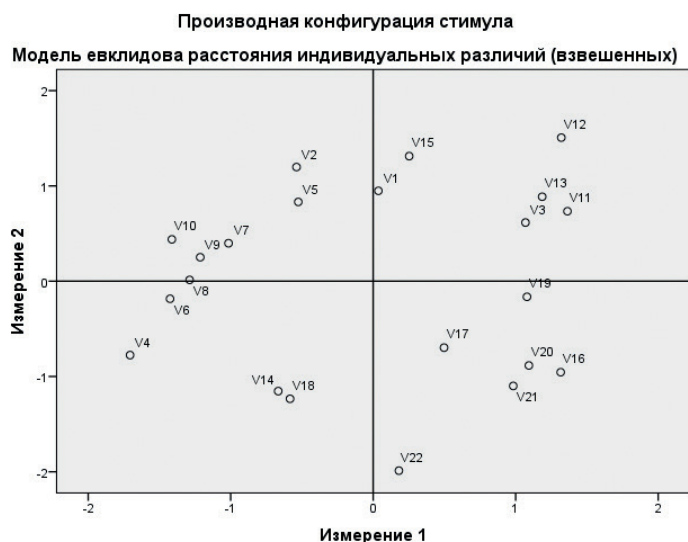

Рис. 1. Многомерное шкалирование переменных значимости влияния политика в регионе:

V1 — Лидерские качества; V2 — Наличие ресурсов для решения проблем в регионе; V3 — Стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками); V4 — Происхождение, принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану; V5 — Опыт работы в других сферах, помимо публичной политики; V6 — Личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона; V7 — Взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе; V8 — Контроль над экономическими ресурсами в регионе; V9 — Поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных); V10 — Дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня; V11 — Активное присутствие в социальных сетях; V12 — Доверие со стороны населения; V13 — Механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.); V14 — Поддержка определенной политической партии или контроль над ней; V15 — Поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними; V16 — Политические взгляды; V17 — Возраст включения в политическую деятельность; V18 — Уровень доходов политика и/или его семьи; V19 — Уровень образования, специализация, ВУЗ; V20 — Связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы); V21 — Размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика; V22 — Гендерная принадлежность (пол)

Источник: составлено автором по результатам исследования.

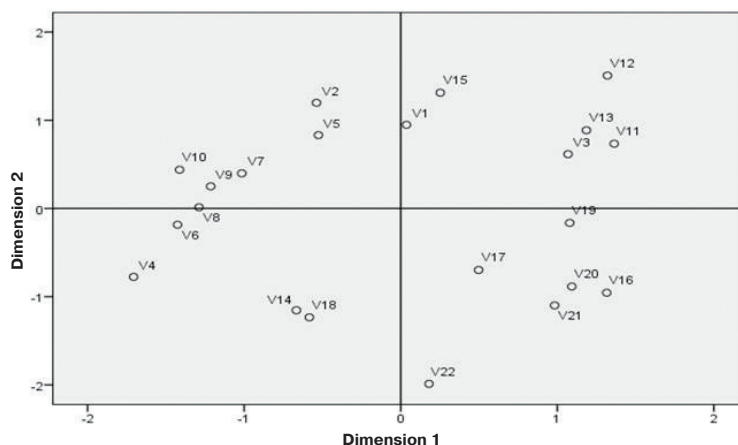

Figure 1. Multivariate scaling of the variables of the significance of the influence of a politician in the region:

V1 — Leadership skills; V2 — Availability of resources to solve problems in the region; V3 — Style of communication with others people; V4 — Belonging to an influential family / relative, political clan; V5 — Experience in non-public policy areas; V6 — Personal connections at the regional level; V7 — Interaction with other groups in the region; V8 — Control over economic resources in the region; V9 — Support from the leadership of large economic structures; V10 — Personal connections with representatives of federal authorities; V11 — Active self-presentation in social networks; V12 — Public confidence; V13 — Politician recruiting mechanism / model of his political career (appointment, election, etc.); V14 — Support for or control of a particular political party; V15 — Support from the non-profit sector, media structures or control over them; V16 — Political views; V17 — Age of commencement of political activity; V18 — Income level of a politician or his family; V19 — Level of education, specialization, university; V20 — Connection with the region (the region is the place of birth, education, work); V21 — The size of the settlement in which the politician spent his childhood and youth; V22 — Gender

Source: made by author, data collected in the research.

При проведении кластерного анализа использовалась иерархическая модель с построением дендрограммы. Полученный график показал заслуживающую дополнительной интерпретации конфигурацию объединения характеристик в группы. При обрезке на 11-м шаге кластеризации мы видим три группы политиков (описание предложено от нижней группы к верхней).

Группа 1 объединяет такие характеристики, как: дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня, происхождение, принадлежность к влиятельному семейному / родственному, политическому клану, личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона, взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе, наличие ресурсов для решения проблем в регионе, контроль над экономическими ресурсами в регионе, поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных). Налицо уже сформировавшийся тип политического «тяжеловеса», исходно входивший в какой-то клан по праву рождения и/или обросший связями, в том числе экономическими и неформальными («теневые структуры»), обладающий реальными возможностями, прежде всего экономическими, повлиять на ситуацию в регионе. В данном случае между понятиями «влиятельность политика» и «результативность его действия» можно поставить знак равенства.

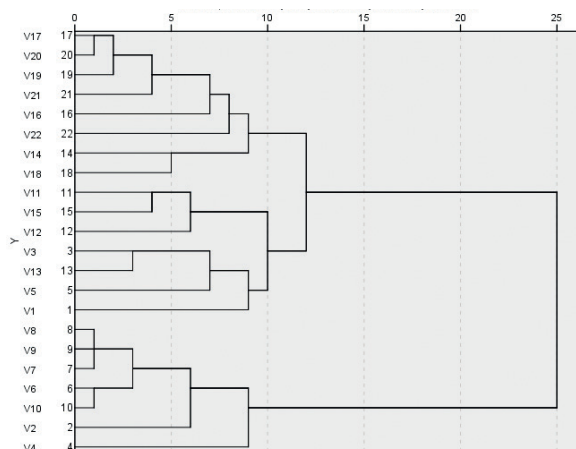

Рис. 2. Кластерный анализ условий формирования влияния политиков в Санкт-Петербурге:

V1 — Лидерские качества; V2 — Наличие ресурсов для решения проблем в регионе; V3 — Стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками); V4 — Происхождение, принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану; V5 — Опыт работы в других сферах, помимо публичной политики; V6 — Личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона; V7 — Взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе; V8 — Контроль над экономическими ресурсами в регионе; V9 — Поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных); V10 — Дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня; V11 — Активное присутствие в социальных сетях; V12 — Доверие со стороны населения; V13 — Механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.); V14 — Поддержка определенной политической партии или контроль над ней; V15 — Поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними; V16 — Политические взгляды; V17 — Возраст включения в политическую деятельность; V18 — Уровень доходов политика и/или его семьи; V19 — Уровень образования, специализация, ВУЗ; V20 — Связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы); V21 — Размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика; V22 — Гендерная принадлежность (пол)

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Figure 2. Cluster analysis of the conditions for the formation of the influence of politicians in St. Petersburg:

V1 — Leadership skills; V2 — Availability of resources to solve problems in the region; V3 — Style of communication with others people; V4 — Belonging to an influential family / relative, political clan; V5 — Experience in non-public policy areas; V6 — Personal connections at the regional level; V7 — Interaction with other groups in the region; V8 — Control over economic resources in the region; V9 — Support from the leadership of large economic structures; V10 — Personal connections with representatives of federal authorities; V11 — Active self-presentation in social networks; V12 — Public confidence; V13 — Politician recruiting mechanism / model of his political career (appointment, election, etc.); V14 — Support for or control of a particular political party; V15 — Support from the non-profit sector, media structures or control over them; V16 — Political views; V17 — Age of commencement of political activity; V18 — Income level of a politician or his family; V19 — Level of education, specialization, university; V20 — Connection with the region (the region is the place of birth, education, work); V21 — The size of the settlement in which the politician spent his childhood and youth; V22 — Gender

Source: made by author, data collected in the research.

Группа 2 (рис. 2) объединяет следующие характеристики: лидерские качества, стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками), опыт работы в других сферах, помимо публичной политики, активное присутствие в социальных сетях, доверие со стороны населения, поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними, механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.). Налицо тип политика — «политический трибун», который активно коммуницирует с населением и делает ставку в своей политической карьере именно

на узнаваемость «в народе» и на формирование по отношению к себе устойчивого положительного отношения жителей региона, в том числе и институтов гражданского общества, которые могут значительно отличаться по степени лояльности к органам власти и политическому режиму в стране.

Группа 3 объединяет такие характеристики политиков, как: политические взгляды, поддержка определенной политической партии или контроль над ней, гендерная принадлежность (пол), уровень доходов политика и/или его семьи, возраст включения в политическую деятельность, уровень образования, специализация, вуз, размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика, связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы). Этот тип политика ориентирован на традиционно принятый в регионе образ «своего», сознательно его эксплуатирует и, кроме того, акцентирует свои политические убеждения, возможно, даже педалирует приверженность определенной идеологии. Такой образ политика был особенно актуален в конце XX в. и связан с использованием в качестве ресурса влияния безотносительно карьерной принадлежности фактора «местечковости».

Кейс Ленинградской области

Анализ оценок экспертами в ЛО значимости выделенных в методике 22 различных обстоятельств жизни и работы политика, его личностных, социально-статусных и биографических характеристик показал, что их роль в формировании влияния представителя политической элиты в регионе существенно различается. При прямом ответе на вопрос о значимости были получены только три группы индикаторов, существенно отличающихся в глазах экспертов по степени значимости (табл. 4).

К самым существенным характеристикам, определяющим степень влияния политика эксперты, относят такие параметры, как: личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона, поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных), взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе, наличие ресурсов для решения проблем в регионе, лидерские качества, происхождение, принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану, дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня, контроль над экономическими ресурсами в регионе. Для этой группы среднее арифметическое оценок приближается к 7, медиана находится в диапазоне от 6,8 до 7,8, модальное значение не ниже 6,8, а дисперсия (разброс оценок) является относительно невысокой. Фактически эксперты достаточно высоко оценили значимость прежде всего неформализованных, внешне неинституционализированных факторов влияния.

Во вторую по значимости группу (существенные характеристики) попали оценки, характеризующие также достаточно разнородные параметры, такие как: поддержка определенной политической партии или контроль над

ней, доверие со стороны населения, стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками), опыт работы в других сферах, помимо публичной политики, поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними, связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы), активное присутствие в социальных сетях, уровень образования, специализация, вуз, гендерная принадлежность (пол), механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.).

В данном случае среднее арифметическое взвешенное находится в диапазоне от 5,4 до 6,4, медианное значение равно 6, модальные характеристики различаются существенно (разброс от 4 до 8), а дисперсия заметно увеличивается.

К третьей группе характеристик (умеренно значимые) были отнесены политические взгляды, возраст включения в политическую деятельность, уровень доходов политика и/или его семьи, размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика. Для этих переменных среднее арифметическое находится в диапазоне от 3,5 до 4,6, медианный диапазон — от 3 до 5, а вот мода различается существенно (от 1 до 7), дисперсия также является высокой. Важно отметить, что именно эти характеристики в оценках разных экспертов максимально различаются.

Примечательно, что в отличие от ситуации с оценками экспертами значимости различных факторов в Санкт-Петербурге, в Ленобласти ни одна из характеристик не может быть напрямую оценена как малозначимая в плане формирования влиятельности политиков.

Объяснительная способность построенной модели факторного анализа обстоятельств, влияющих на значимость политика в региональной элите (табл. 5), оказалась высокой и составила 77,759 %.

Первый, наиболее значимый фактор определения влиятельности политика в Ленинградской области включает в себя механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.), предполагающий опыт работы в других сферах, помимо публичной политики, основанный на доверии к политику со стороны населения, поддержке со стороны определенной политической партии, некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними.

Объяснительная способность построенной модели факторного анализа обстоятельств, влияющих на значимость политика в региональной элите (табл. 5), оказалась высокой и составила 77,759 %.

Первый, наиболее значимый, фактор определения влиятельности политика в Ленинградской области включает в себя механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.), предполагающий опыт работы в других сферах, помимо публичной политики, основанный на доверии к политику со стороны населения, поддержке со стороны определенной политической партии, некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур, или контроль над ними.

Экспертная оценка значимости факторов влиятельности политической элиты в Ленинградской области

Характеристики	Среднее значение	Медиана	Мода	Дисперсия	Позиция в рейтинге
Личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона	7,80	8,00	8	1,750	1
Поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных)	7,68	8,00	7	2,727	2
Взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе	7,60	8,00	9	4,833	3
Наличие ресурсов для решения проблем в регионе	7,60	8,00	8	3,500	4
Лидерские качества	7,56	8,00	8 ^a	4,090	5
Происхождение, принадлежность к влиятельному семейному / родственному, политическому клану	7,40	8,00	7 ^a	5,583	6
Дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня	7,00	8,00	8	3,917	7
Контроль над экономическими ресурсами в регионе	6,88	7,00	6 ^a	4,443	8
Поддержка определенной политической партии или контроль над ней	6,32	6,00	6 ^a	5,977	9
Доверие со стороны населения	6,20	6,00	6	5,250	10
Стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками)	6,12	6,00	4 ^a	6,277	11
Опыт работы в других сферах, помимо публичной политики	6,04	7,00	8	5,707	12
Поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними	5,84	6,00	5	4,307	13
Связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы)	5,80	6,00	5	6,333	14
Активное присутствие в социальных сетях	5,64	6,00	5	6,073	15
Уровень образования, специализация, ВУЗ	5,56	5,00	8	4,923	16
Гендерная принадлежность (пол)	5,52	6,00	6	6,260	17
Механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.)	5,44	6,00	5 ^a	3,590	18
Политические взгляды	4,64	5,00	2 ^a	6,657	19
Возраст включения в политическую деятельность	4,00	4,00	4	6,000	20
Уровень доходов политика и/или его семьи	4,40	4,00	7	4,750	21
Размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика	3,48	3,00	1	6,510	22

^a — минимальное значение моды в полимодальном ряду распределения.

Источник: составлено автором по результатам исследования.

**Expert assessment of the significance of the influence factors
of the political elite in the Leningrad Region**

Characteristics	Mean	Median	Modal value	Dispersion	Ranking results
Personal connections at the regional level	7.80	8.00	8	1.750	1
Support from the leadership of large economic structures	7.68	8.00	7	2.727	2
Interaction with other groups in the region	7.60	8.00	9	4.833	3
Availability of resources to solve problems in the region	7.60	8.00	8	3.500	4
Leadership skills	7.56	8.00	8 ^a	4.090	5
Belonging to an influential family / relative, political clan	7.40	8.00	7 ^a	5.583	6
Personal connections with representatives of federal authorities	7.00	8.00	8	3.917	7
Control over economic resources in the region	6.88	7.00	6 ^a	4.443	8
Support for or control of a particular political party	6.32	6.00	6 ^a	5.977	9
Public confidence	6.20	6.00	6	5.250	10
Communication style with others	6.12	6.00	4 ^a	6.277	11
Experience in non-public policy areas	6.04	7.00	8	5.707	12
Support from the non-profit sector, media structures or control over them	5.84	6.00	5	4.307	13
Connection with the region (the region is the place of birth, education, work)	5.80	6.00	5	6.333	14
Active self-presentation in social networks	5.64	6.00	5	6.073	15
Level of education, specialization, university	5.56	5.00	8	4.923	16
Gender	5.52	6.00	6	6.260	17
Politician recruiting mechanism / model of his political career (appointment, election, etc.)	5.44	6.00	5 ^a	3.590	18
Political views	4.64	5.00	2 ^a	6.657	19
Age of commencement of political activity	4.00	4.00	4	6.000	20
Income level of a politician or his family	4.40	4.00	7	4.750	21
The size of the settlement in which the politician spent his childhood and youth	3.48	3.00	1	6.510	22

^a — минимальное значение моды в полимодальном ряду распределения.

Source: made by author, data collected in the research.

Второй по значимости фактор формирования влиятельности политика в регионе характеризует активность персональной информационной политики в интернет-пространстве и конкретно в социальных сетях, с акцентированием концепта «свой» для жителей региона с подчеркиванием связи политика с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы). При этом важной информацией для формирования влиятельности является возраст включения в политическую деятельность и размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика.

Третий фактор представляет собой достаточно неожиданную конфигурацию объединенных переменных. Происхождение, принадлежность к влиятельному семейному / родственному, политическому клану, практики взаимодействия с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе и гендерная принадлежность (пол) рассматриваются как антиподы определенного уровня образования, специализации, окончания особого вуза и особого стиля общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками), что составляет показатели уровня образованности и социального интеллекта. Вероятнее всего, образованность и талант коммуникации рассматриваются экспертами как избыточные, незначимые параметры социального и человеческого капитала для тех, кто по праву рождения в определенной семье или сложившегося опыта взаимодействия с особыми влиятельными группами в регионе пользуется именно ими как источниками своего влияния в Ленобласти в настоящее время.

Четвертым фактором, определяющим влиятельность политика в регионе, является способность политиков эксплуатировать собственные политические взгляды (стратегия публичного «уличного» трибуна) или свои доходы / доходы своей семьи (демонстрация личной обеспеченности, непродуктивное привлечение внимания более влиятельных персон за счет траты на них денег, возможно, в формате внешне дружеского общения) для обеспечения себе определенного политического веса в Ленобласти, что эксперты рассматривают как непродуктивные действия, скрывающие отсутствие у политика реальных ресурсов для решения проблем в регионе.

Пятый фактор влиятельности отсылает нас к проявлению политиком лидерских качеств, соответственно, к инициативности, способности завязывать дружеские отношения, личные знакомства с представителями органов власти федерального уровня, формировать личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона и получать поддержку со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных). Таким образом, лидерские качества региональной политической элиты в Ленобласти эксперты связывают прежде всего с коммуникативными талантами политиков.

**Результаты факторного анализа условий, обеспечивающих
влиятельность регионального политика в Ленинградской области**

Повернутая матрица компонентова*	Компонент					
	1	2	3	4	5	6
Поддержка определенной политической партии или контроль над ней	+0,892					
Поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними	+0,826					
Механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.)	+0,788					
Опыт работы в других сферах, помимо публичной политики	+0,717					
Доверие со стороны населения	+0,687					
Размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика		+0,805				
Связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы)		+0,792				
Активное присутствие в социальных сетях		+0,716				
Возраст включения в политическую деятельность		+0,578				
Происхождение, принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану			+0,860			
Гендерная принадлежность (пол)			+0,834			
Стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками)			-0,659			
Уровень образования, специализация, ВУЗ			-0,588			
Взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе			+0,476			
Наличие ресурсов для решения проблем в регионе				-0,854		
Политические взгляды				+0,797		
Уровень доходов политика и/или его семьи				+0,660		
Дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня					+0,861	
Лидерские качества					+0,663	
Личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона					+0,591	
Поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных)					+0,538	
Контроль над экономическими ресурсами в регионе						+0,793

Метод выделения факторов: метод главных компонент.
Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

* Вращение сошлось за 8 итераций.

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Factor analysis of conditions for the influence of politicians in Leningrad Region

Matrix of components after rotation*	Component					
	1	2	3	4	5	6
Support for or control of a particular political party	+0,892					
Support from the non-profit sector, media structures or control over them	+0,826					
Politician recruiting mechanism / model of his political career (appointment, election, etc.)	+0,788					
Experience in non-public policy areas	+0,717					
Public confidence	+0,687					
The size of the settlement in which the politician spent his childhood and youth		+0,805				
Connection with the region (the region is the place of birth, education, work)		+0,792				
Active self-presentation in social networks		+0,716				
Age of commencement of political activity		+0,578				
Belonging to an influential family / relative, political clan			+0,860			
Gender			+0,834			
Style of communication with others people			-0,659			
Level of education, specialization, university			-0,588			
Interaction with other groups in the region			+0,476			
Availability of resources to solve problems in the region				-0,854		
Political views				+0,797		
Income level of a politician or his family				+0,660		
Personal connections with representatives of federal authorities					+0,861	
Leadership skills					+0,663	
Personal connections at the regional level					+0,591	
Support from the leadership of large economic structures					+0,538	
Control over economic resources in the region						+0,793

Factor selection method: principal component method.
Rotation method: Varimax with Kaiser normalization.

* The rotation converged in 8 iterations.

Source: made by author; data collected in the research.

экономических проектов в Ленобласти, такой расклад в факторном анализе отражает четкое осознание крайне невысокой возможности региональной политической элиты контролировать финансовые потоки в этом субъекте федерации: инвестиции от крупного экономического бизнеса и из федерального центра идут в настоящий момент прежде всего на строительство ключевого экономического портала и инфраструктуры в Луге.

Проведенный кластерный анализ (иерархическая модель, построение дендрограммы) показал любопытную конфигурацию объединения характеристик в группы. При обрезке на 12-м шаге кластеризации мы видим 5 групп политиков (описание идет снизу вверх).

Группа 1 объединяет такие характеристики, как: наличие ресурсов для решения проблем в регионе, основанное на лидерских качествах представителя региональной политической элиты, его происхождение, принадлежность к влиятельному семейному / родственному, политическому клану, наличие поддержки со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных), способность выстраивать личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) и взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теньвыми) в регионе; существенным является наличие дружеских отношений, личного знакомства с представителями органов власти федерального уровня.

Группа 2 включает единственную характеристику — пол политика, который не коррелирует существенно с другими параметрами. Анализ устных комментариев экспертов показал существенные расхождения в оценке значения этого социально-демографического параметра представителей власти.

Группа 3 включает политические взгляды, определенные особенностями общей социализации и вторичной политической социализации представителя элиты: уровень доходов политика и/или его семьи, размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика, возраст его включения в политическую деятельность.

Группа 4 фиксирует особенности стиля общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками), который сформировался у представителей власти на основе понимания особенностей местного менталитета, поскольку регион работы в настоящее время одновременно является и местом рождения, получения образования или начала карьеры.

Группа 5 показывает политиков, которые способны осуществлять контроль над экономическими ресурсами в регионе за счет легитимного механизма рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.), опирающиеся на доверие со стороны населения, поддержку определенной политической партии, некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними, активное присутствие в социальных сетях. Важным при этом является уровень образования, специализация, вуз, опыт работы в других сферах, помимо публичной политики.

Результаты кластерного анализа в данном случае не дали какого-то заметного прироста знания в сравнении с той информацией, которую мы получили при выполнении факторного анализа.

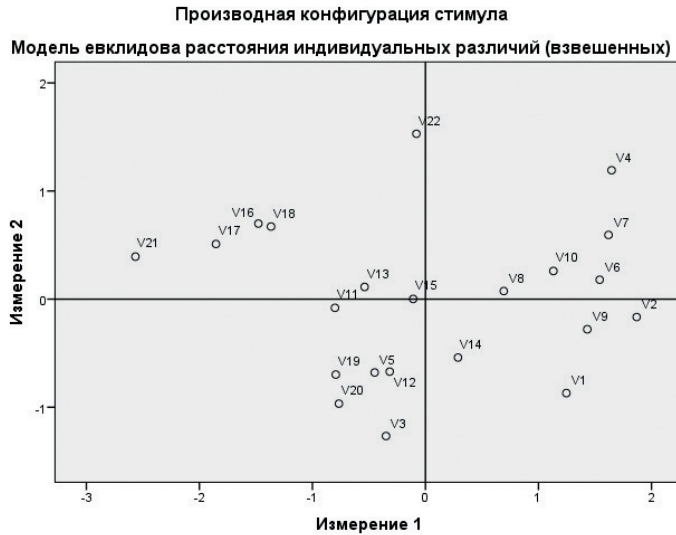

Рис. 4. Многомерное шкалирование переменных значимости влияния политика в Ленинградской области: V1 — Лидерские качества; V2 — Наличие ресурсов для решения проблем в регионе; V3 — Стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками); V4 — Происхождение, принадлежность к влиятельному семейному / родственному, политическому клану; V5 — Опыт работы в других сферах, помимо публичной политики; V6 — Личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона; V7 — Взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе; V8 — Контроль над экономическими ресурсами в регионе; V9 — Поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных); V10 — Дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня; V11 — Активное присутствие в социальных сетях; V12 — Доверие со стороны населения; V13 — Механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.); V14 — Поддержка определенной политической партии или контроль над ней; V15 — Поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними; V16 — Политические взгляды; V17 — Возраст включения в политическую деятельность; V18 — Уровень доходов политика и/или его семьи; V19 — Уровень образования, специализация, вуз; V20 — Связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы); V21 — Размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика; V22 — Гендерная принадлежность (пол)

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Figure 4. Multivariate scaling of the variables of the significance of the influence of a politician in the Leningrad Region:

V1 — Leadership skills; V2 — Availability of resources to solve problems in the region; V3 — Style of communication with others people; V4 — Belonging to an influential family / relative, political clan; V5 — Experience in non-public policy areas; V6 — Personal connections at the regional level; V7 — Interaction with other groups in the region; V8 — Control over economic resources in the region; V9 — Support from the leadership of large economic structures; V10 — Personal connections with representatives of federal authorities; V11 — Active self-presentation in social networks; V12 — Public confidence; V13 — Politician recruiting mechanism / model of his political career (appointment, election, etc.); V14 — Support for or control of a particular political party; V15 — Support from the non-profit sector, media structures or control over them; V16 — Political views; V17 — Age of commencement of political activity; V18 — Income level of a politician or his family; V19 — Level of education, specialization, university; V20 — Connection with the region (the region is the place of birth, education, work); V21 — The size of the settlement in which the politician spent his childhood and youth; V22 — Gender.

Source: made by author, data collected in the research.

Представление переменных, определяющих факторы влиятельности политиков в регионе, в формате многомерного шкалирования не дает какой-либо значимой информации с точки зрения их комбинирования, однако мы видим, что (рис. 4) горизонтальная ось (оценка проводилась по крайним точкам) формируется переменными

«размер пункта, в котором проходило взросление политика» и «наличие ресурсов для решения проблем в регионе». Эта ось может быть проинтерпретирована как способность к масштабному, стратегическому мышлению при решении региональных задач.

Вертикальная ось формируется двумя крайними точками: «гендерная принадлежность» и «стиль общения политика с окружающими». Вполне вероятно, эксперты, хорошо зная ситуацию в Ленинградской области, видят существенное различие в линии профессионального поведения мужчин и женщин, занимающих значимые места в региональной политической элите.

Заключение

Проведенный анализ однозначно показал, что транслируемые в результатах исследований региональной элиты идеи о необходимости принятия решения о назначении на ту или иную должность в иерархической системе управления на основе результатов объективного квалификационного экзамена, требований учета общественного мнения, совершенствования системы отбора кандидатов на управленческие должности и развития подготовки политических лидеров, безусловно, справедливы и имеют право на существование. Однако не следует забывать, что формальные практики назначения на должности и функционирования политиков чаще всего сопровождаются совокупностью сложно измеряемых или оцениваемых факторов и неформальных практик, которые в документальных источниках практически не отражаются, но подчас являются определяющими для политической карьеры.

К самым существенным характеристикам, отражающим степень влиятельности политика в Ленинградской области, эксперты относят такие параметры, как: личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона, поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных), взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе, наличие ресурсов для решения проблем в регионе, лидерские качества, происхождение, принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану, дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня, контроль над экономическими ресурсами в регионе.

В отношении Санкт-Петербурга справедливо утверждать, что неравенство ресурсов политического влияния в региональной элите является «кумулятивным». Все основные ресурсы города тесно взаимосвязаны; обладание административным ресурсом позволяет влиять на основные направления политики города (транспортную, строительную, образовательную и культурную). Стабильность и изменчивость политического влияния политико-административной элиты в Санкт-Петербурге напрямую зависит от стабильности федерального правительства и тех бизнес-элит, которые работают с ним в связке на уровне города. Существенных изменений системы региональной власти, радикального изменения состава политической элиты, влияния на перестановки в политической власти «снизу» в обозримом будущем не ожидается.

Важным методическим выводом проведенного анализа является обоснованная доказанная необходимость не ограничиваться элементарными процедурами статистического анализа, связанными с простой группировкой данных, выявлением средних значений полученного вариационного ряда и мерами рассеяния, но и в обязательном порядке использовать возможности сложных видов статистического анализа. Как убедительно доказано на данном примере, даже при наличии сходных оценок значимости тех или иных переменных (именно это мы наблюдаем в табл. 2 и 4), реальные латентные модели оказываются совершенно различными. Кроме того, в большинстве случаев использование факторного, кластерного видов анализа и многомерного шкалирования обеспечивает получение дополнительной содержательной информации.

За рамками обсуждения этой статьи остался вопрос о том, почему при достаточно схожих политических процессах в соседних регионах, связанных тесными историческими, экономическими и политическими узами, модели факторов влияния все же не совпадают. Эта проблема будет предметом обсуждения другой статьи, однако выскажем предположение, что в современной России при доминировании вертикальной модели власти и безусловной влияния устанавливаемых на федеральном уровне правил особенности региональной политической элиты и факторы ее «политического веса» все же во многом определяются той конфигурацией реальной политической власти, которую создает глава исполнительной власти в управляемом им регионе. Налицо исключительно интересная для исследователей ситуация, когда при полном совпадении регламентируемых нормативных правил организации политической жизни и функционирования политической элиты реальные политические процессы в субъектах федерации все же различаются.

Поступила в редакцию / Received: 19.07.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 14.08.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2022

Библиографический список

- Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 24–66.
- Гаева А.В. Теоретические подходы к изучению эффективности деятельности политической элиты // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. № 1. С. 125–131.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты в фокусе компаративного анализа. М.: Аспект Пресс, 2020. 586 с.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 446 с.
- Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (II) // Полис. Политические исследования. 2004. № 3. С. 22–32. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.03.03>

- Гриценко Н.П.* Региональные политические элиты в современной России: ресурсы влияния на политический процесс // Социум и власть. 2010. № 1 (25). С. 6–69.
- Дука А.В. и др.* Институционализация региональной административной элиты: бассейн рекрутирования и карьерные траектории // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 2. С. 21–54. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.2>
- Дука А.В.* Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 1. С. 66–99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>.
- Дука А.В.* Трансформация постсоветских политико-административных элит // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 14–54
- Жуков Д.С., Сельцер Д.Г., Барабаиш Н.С.* Системно-динамическая модель воспроизводства региональных элит в СССР и России // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2020. № 1 (29). С. 90–102.
- Иванова Л.А.* Социологический анализ отношения региональной элиты к своему положению и существующим проблемам (на примере Астраханской области) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 4. С. 21–26.
- Ковин В.С., Петрова Р.И.* Конкурсная модель рекрутирования глав в политическом пространстве промышленных городов Урала: специфика и типология // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Т. 11, № 2. С. 267–286. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-2-267-286>
- Колесник Н.В.* Образовательные траектории российской элиты: региональная проекция // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 30–48. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-30-48>
- Колядин А.М.* «Группа интересов» против «элиты»: теория А. Бентли в контексте взглядов элитистов (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3 (35). С. 186–191.
- Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
- Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е.* Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М.: ИНИОН, 1999. 192 с.
- Ледяев В.Г.* Административный класс как субъект политического господства в современной России // Pro nunc: Современные политические процессы. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. Вып. 8. С. 40–66.
- Лобойко Д.А.* Современные механизмы обновления региональной политической элиты в Российской Федерации // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7, № 1.
- Матвеев И.А.* Крупный бизнес в путинской России: старые и новые источники влияния на власть // Мир России. 2019. Т. 28. № 1. С. 54–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-54-74>
- Очирова В.М.* Социальное происхождение как механизм формирования политических элит полиэтнических регионов России (на примере Бурятии, Саха (Якутии) и Тувы) // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/99> (дата обращения: 01.07.2022.).
- Перфильев Ю.С.* Региональные модели взаимодействия между деловыми и политическими элитами (на примере Иркутской области) // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 1. С. 20–27. <https://doi.org/10.24158/pep.2018.1.3>
- Покатов Д.В.* Отечественная социология политической элиты: современные тренды регионального развития // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 116–123. <https://doi.org/10.17223/15617793/453/14>
- Понеделков А.В., Аверин А.Н., Магомедов К.О.* Кадровый потенциал политико-административной элиты и его роль в реализации государственной социальной политики // Элитология и стратегии развития современной России. Материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Ростов-на-Дону: Изд-во РАНХиГС, 2016. С. 321–345.

- Понеделков А.В., Старостин А.М., Швец Л.Г. Лидерско-элитная составляющая политических процессов в экспертном и массовом сознании (региональный аспект) // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 2. С. 1–14.
- Попова О.В. Карьерные стратегии субфедеральных политических элит // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 6, Политология. Международные отношения. Вып. 1. С. 49–56.
- Родионов М.А., Волкова Т.А. Конкурентоспособность политических элит // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 6. С. 179–191.
- Родионов М.А., Волкова Т.А. Современные политические элиты России // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 5. С. 116–127.
- Усова Ю.В. Административно-политические элиты современной России в региональном измерении // Вопросы элитологии. 2020. № 4. С. 123–137.
- Усова Ю.В. Политические элиты регионов современной России: факторы трансформации и векторы позиционирования: монография. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 268 с.
- Хабаров И.А. Инкорпорирование групп субрегиональной элиты во власть: тактические модели поведения // Вестник Тамбовского университета. Серия Политические науки и право. 2016. Т. 2. Вып. 4 (8). С. 28–39.
- Чирикова А.Е. Региональные элиты. М.: Аспект Пресс, 2010. 271 с.
- Шарин И.А. Региональные политические элиты // Скиф. 2019. № 3 (31). С. 164–170.
- Шендякова А.В. Консолидация российской элиты как фактор государственной политики идентичности // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.31119/re.2020.7.1.1>
- Шендякова А.В. Мотивация и стратегии построения карьеры представителей региональной элиты // Вестник СПбГУ. Сер. 6, Политология. 2014. № 2. С. 111–119.
- Amin A. An institutionalist perspective on regional economic development // Economy. Routledge, 2017. P. 59–72.
- Burton M., Gunther R., Higley J. Introduction: elite transformations and democratic regime // Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe / ed. by J. Higley, R. Gunther. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–37.
- Burton M., Higley J. The Study of Political Elite Transformations // International Review of Sociology. 2001. Vol. 11, no. 2. P. 181–199.
- Burton V., Higley J. Invitation to elite theory. The basic contentions reconsidered // Power elites and organization / W.G. Domhoff, Th. Dye (eds.). Beverly Hills: Sage, P.U.F., 1987. P. 219–238.
- Cameron R., Turovsky R.F. Centralized but fragmented: the regional dimension of «Russia's party of power» // Demokratizatsiya. Washington, DC. 2015. Vol. 23, no. 2. P. 205–223.
- Clegg S. The necessity and possibility of powerful 'regional' knowledge: curriculum change and renewal // Teaching in Higher Education. 2016. Vol. 21, no. 4. P. 457–470.
- Dragoman D., Gheorghită B. Regional Design, Local Autonomy, and Ethnic Struggle: Romania's Syncopated Regionalisation // Europe-Asia Studies. 2016. Vol. 68, no. 2. P. 270–290.
- Errejón Í., Guijarro J. Post-neoliberalism's difficult hegemonic consolidation: A comparative analysis of the Ecuadorean and Bolivian processes // Latin American Perspectives. 2016. Vol. 43, no. 1. P. 34–52.
- Garrido-Vergara L. Elites, political elites and social change in modern societies // Revista de Sociología. 2013, no. 28. P. 31–49. <https://doi.org/10.5354/0716-632X.2013.30713>
- Higley J., Hoffmann-Lange U., Kadushin C., Moore G. Elite integration in stable democracies: a reconsideration // European Sociological Review. 1991, no. 7. P. 35–53.
- Higley J., Pakulski J. Elite power games and democratic politics in Central and Eastern Europe // Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe. Lessons for the Social Science / ed. by M. Dobry. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 109–129.

- Higley J., Pakulski J., Wesołowski W. Introduction: Elite Change and Democratic Regimes in Eastern Europe // *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe* / ed. by J. Higley, J. Pakulski, W. Wesołowski. London: Macmillan, 1998. P. 1–33.
- Kleibrink A. Political Elites and Decentralization Reforms in the Post-socialist Balkans: Regional Patronage Networks in Serbia and Croatia. Palgrave Macmillan, 2015. 231 p.
- Kuzio T. Rise and Fall of the Party of Regions Political Machine // *Problems of Post-Communism*. 2015. Vol. 62., no. 3. P. 174–186.
- Lanigan C. Region-building in the North East: regional identity and regionalist politics // *A Region in Transition*. Routledge, 2017. P. 104–119.
- Morgan K. Nurturing novelty: Regional innovation policy in the age of smart specialization // *Environment and Planning C: Politics and Space*. 2017. Vol. 35, no. 4. P. 569–583.
- Reisinger W.M., Moraski B.J. The regional roots of Russia's political regime. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2017. 280 p.

References

- Amin, A. (2017). *An institutionalist perspective on regional economic development*. Economy. Routledge, 59–72.
- Burton, M., & Higley, J. (2001). The study of political elite transformations. *International Review of Sociology*, 11(2), 181–199.
- Burton, M., Gunther, R., & Higley, J. (Eds.). (1992). Introduction: Elite transformations and democratic regime. In *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe* (pp. 1–37). Cambridge: Cambridge University Press,.
- Burton, V., & Higley, J. (1987). Invitation to elite theory. The basic contentions reconsidered. In Domhoff, W.G., & Th. Dye (Eds.), *Power elites and organization* (pp. 219–238). Beverly Hills: Sage, P.U.F.
- Bystrova, A.S., Daugavet, A.B., Duka, A.V., Kolesnik, N.V., Nevsky, A.V., & Tev, D.B. (2019). Institutionalization of the political elite: Sources of recruitment and careers. *Power and Elites*, 6(2), 24–66.
- Cameron, R., & Turovsky, R.F. (2015). Centralized but fragmented: The regional dimension of «Russia's party of power». *Demokratizatsiya*. Washington, DC, 23(2), 205–223.
- Chirikova, A.E. (2010). *Regional elites*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).
- Clegg, S. (2016). The necessity and possibility of powerful 'regional' knowledge: curriculum change and renewal. *Teaching in Higher Education*, 21(4), 457–470.
- Dragoman, D., & Gheorghită, B. (2016). Regional design, local autonomy, and ethnic struggle: Romania's syncopated regionalization. *Europe-Asia Studies*, 68(2), 270–290.
- Duka, A.V. (2017). Transformation of post-Soviet political and administrative elites. *Actual Problems of Europe*, 2, 14–54.
- Duka, A.V. (2021). Mobility and endogeneity of regional political and administrative elites. *Power and Elites*, 8(1), 66–99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>.
- Duka, A.V. (2021). Institutionalization of the regional administrative elite: Recruitment pool and career trajectories. *Power and Elites*, 8(2), 21–54. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.2>
- Errejón, Í., & Guijarro, J. (2016). Post-neoliberalism's difficult hegemonic consolidation: A comparative analysis of the Ecuadorean and Bolivian processes. *Latin American Perspectives*, 43(1), 34–52.
- Gaeva, A.V. (2012). Theoretical approaches to the study of the effectiveness of the political elite. *Bulletin of the Volgograd State University*, (1), 125–131. (In Russian).
- Gaman-Golutvina, O.V. (2004). Russian regional elites: Personal composition and evolution trends (II). *Polis. Political Studies*, 3, 22–32. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.03.03>

- Gaman-Golutvina, O.V. (2006). *Political Elites of Russia: Milestones of Historical Evolution*. Moscow: ROSSPEN.
- Gaman-Golutvina, O.V. (2016). Political elites as an object of research in domestic political science. *Political Science*, (2), 38–73.
- Gaman-Golutvina, O.V. (2020). *Political elites in the focus of comparative analysis*. Moscow: Aspect Press.
- Garrido-Vergara, L. (2013). Elites, political elites and social change in modern societies. *Revista de Sociología*, 28, 31–49. <https://doi.org/10.5354/0716-632X.2013.30713>
- Gritsenko, N.P. (2010). Regional political elites in modern Russia: Resources of influence on the political process. *Society and Power*, 1(25), 6–69.
- Higley, J., & Pakulski, J. (2000). Elite power games and democratic politics in Central and Eastern Europe. In M. Dobry (Ed.), *Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe. Lessons for the Social Science* (pp. 109–129). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Higley, J., Hoffmann-Lange, U., Kadushin, C., & Moore, G. (1991). Elite integration in stable democracies: A reconsideration. *European Sociological Review*, 7, 35–53.
- Higley, J., Pakulski, J., & Wesołowski, W. (Eds.) (1998). Introduction: Elite change and democratic regimes in Eastern Europe. In *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe* (pp. 1–33). London: Macmillan.
- Ivanova, L.A. (2021). Sociological analysis of the attitude of the regional elite to their position and existing problems (on the example of the Astrakhan region). *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*, (4), 21–26.
- Khabarov, I.A. (2016). Incorporation of subregional elite groups into power: Tactical models of behavior. *Bulletin of the Tambov University. Series Political Science and Law*, 2(4), 28–39. (In Russian).
- Kleibrink, A. (2015). *Political Elites and Decentralization Reforms in the Post-socialist Balkans: Regional Patronage Networks in Serbia and Croatia*. Palgrave Macmillan.
- Kolesnik, N.V. (2019). Educational trajectories of the Russian elite: Regional projection. *World of Russia*, 28(4), 30–48. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-30-48>
- Kolyadin, A.M. (2016). “Interest group” versus “elite”: A. Bentley’s theory in the context of elitist views (G. Mosca, V. Pareto, R. Michels). *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 3(35), 186–191.
- Kovin, V.S., & Petrova, R.I. (2019). Competitive model of recruiting heads in the political space of the industrial cities of the Urals: Specificity and typology. *Ars Administrandi (The Art of Government)*, 11(2), 267–286. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-2-267-286>
- Kryshantovskaya, O.V. (2005). *Anatomy of the Russian elite*. Moscow: Zakharov.
- Kuzio, T. (2015). Rise and fall of the party of regions political machine. *Problems of Post-Communism*, 62(3), 174–186.
- Lanigan, C. (2017). Region-building in the North East: Regional identity and regionalist politics. In *A Region in Transition* (pp. 104–119). Routledge.
- Lapina, N.Yu., & Chirikova, A.E. (1999). *Regional Elites in the Russian Federation: Models of Behavior and Political Orientations*. Moscow: INION.
- Ledyayev, V.G. (2008). The administrative class as a subject of political domination in modern Russia. *Pro nunc: Contemporary Political Processes*, 8, 40–66. (In Russian).
- Loboiko, D.A. (2018). Modern mechanisms for updating the regional political elite in the Russian Federation. *Theories and Problems of Political Researches*, 7(4A), 20–26.
- Matveev, I.A. (2019). Big business in Putin’s Russia: Old and new sources of influence on power. *World of Russia*, 28, (1), 54–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-54-74> (In Russian).
- Morgan, K. (2017). Nurturing novelty: Regional innovation policy in the age of smart specialization. *Environment and Planning C: Politics and Space*, 35(4), 569–583.

- Ochirova, V.M. (2016). Social origin as a mechanism for the formation of political elites in multi-ethnic regions of Russia (on the example of Buryatia, Sakha (Yakutia) and Tuva). *New Researches of Tuva*, 2. Retrieved January 07, 2022, from <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/99>
- Perfiliev, Yu.S. (2018). Regional models of interaction between business and political elites (on the example of the Irkutsk region). *Society: politics, economics, law*, (1), 20–27. <https://doi.org/10.24158/pep.2018.1.3>
- Pokatov, D.V. (2020). Domestic sociology of the political elite: Current trends in regional development. *Bulletin of the Tomsk State University*, (453), 116–123. <https://doi.org/10.17223/15617793/453/14>
- Ponedelkov, A.V., Averin, A.N., & Magomedov, K.O. (2016). Personnel potential of the political and administrative elite and its role in the implementation of state social policy. In *Elitology and development strategies of modern Russia* (pp. 321–345). *Proceedings of the Second All-Russian Elite Congress with International Participation*. Rostov-on-Don: RANEPА Publishing House.
- Ponedelkov, A.V., Starostin, A.M., & Shvets, L.G. (2015). Leadership-elite component of political processes in expert and mass consciousness (regional aspect). *Bulletin of the Moscow State Regional University*, (2), 1–14.
- Popova, O.V. (2013). Career strategies of subfederal political elites. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6. Political science. International Relations*, 1, 49–56. (In Russian).
- Reisinger, W.M., & Moraski, B.J. (2017). *The regional roots of Russia's political regime*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Rodionov, M.A., & Volkova, T.A. (2016). Modern political elites of Russia. *Social and Humanitarian Knowledge*, (5), 116–127. (In Russian).
- Rodionov, M.A., & Volkova, T.A. (2017). Competitiveness of political elites. *Social and Humanitarian Knowledge*, 6, 179–191. (In Russian).
- Sharin, I.A. (2019). Regional political elites. *Skif*, (3), 164–170. (In Russian).
- Shentyakova, A.V. (2014). Motivation and career building strategies for representatives of the regional elite. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6. Political Science*, (2), 111–119.
- Shentyakova, A.V. (2020). Consolidation of the Russian elite as a factor of state identity politics. *Power and Elites*, 7(1), 5–21. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.1> (In Russian).
- Usova, Yu.V. (2015). *Political elites of the regions of modern Russia: transformation factors and positioning vectors*. Vladikavkaz: IPC SOIGSI VSC RAS & North Ossetia-A. (In Russian).
- Usova, Yu.V. (2020). Administrative and political elites of modern Russia in the regional dimension. *Questions of elitology*, (4), 123–137. (In Russian).
- Zhukov, D.S., Seltzer, D.G., & Barabash, N.S. (2020). System-dynamic model of reproduction of regional elites in the USSR and Russia. *Innovation and expertise: scientific papers*, (1), 90–102. (In Russian).

Сведения об авторе:

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: o.popova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0002-0701-7767)

About the author:

Olga V. Popova — Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, the Head of the Department of Political Institutes and Applied Political Studies, St. Petersburg State University (e-mail: o.popova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0002-0701-7767).

МОЛОДЕЖЬ В ПОЛИТИКЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

YOUTH IN POLITICS IN RUSSIAN REGIONS

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-827-855

Научная статья / Research article

Высшее образование как ресурс политики развития региона: пример Краснодарского края

В.Н. Ракачев , Е.В. Морозова

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

 morozova_e@inbox.ru

Аннотация. Актуальность исследования связана с обоснованием роли нематериальных ресурсов в стратегиях территориального развития. Одним из основных нематериальных ресурсов, наряду с региональной и локальной идентичностью, ресурсами сетевого взаимодействия, является человеческий капитал. Нарращивание, умножение человеческого капитала — одна из основных функций системы образования, в том числе высшего. Теоретические рамки исследования определены концепцией ответственного развития (И.С. Семенов), теорией «тройной спирали» (Triple Helix), теориями «предшествующих событий» (path dependence) П. Дэвида и «колеи зависимости». Эмпирическую базу составили результаты социологического исследования, проведенного среди студентов краснодарских вузов в июне 2022 г. В рамках комплексного анализа использованы документы региональных органов власти и управления, данные федеральной и региональной статистики. Краснодарский край изначально формировался и обретал свою целостность как сельскохозяйственный, система высшего образования формировалась, ориентируясь в значительной мере на подготовку специалистов для сельского хозяйства и связанных с ним отраслей. Структурные преобразования, начавшиеся в 1990-х гг., изменили вектор развития. Стремительное развитие курортно-рекреационной отрасли, предприятий третичного сектора экономики отразилось на внутрирегиональных и межрегиональных миграциях. Вузы Краснодарского края привлекательны для образовательных мигрантов из других регионов страны: как соседних территорий Юга России, так и северо-восточных регионов. При этом с точки зрения глобальной конкурентоспособности край имеет системные проблемы в развитии человеческого капитала, инноваций и пространства. Фокус анализа авторы обратили на образовательные траектории студентов, причины выбора ими Краснодара в качестве места обучения, удовлетворенность качеством об-

© Ракачев В.Н., Морозова Е.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

разовательных услуг, степень и формы общественной активности, а также дальнейшие жизненные и профессиональные планы. Авторы выявили три противоречия современного состояния системы высшего образования края, без разрешения которых невозможна конвертация такого ресурса, как человеческий капитал, в реальный фактор развития региона. Это противоречие между значительно возрастающей численностью населения края и сокращением численности студентов, между потребностями рынка труда «экономики знаний» и структурой подготовки специалистов, между государственным трендом на развитие сельских территорий, в том числе кадровое, и отсутствие мотивации выпускников вузов на работу в сельских муниципальных образованиях. Сформулирован ряд предложений по разрешению указанных противоречий.

Ключевые слова: Краснодарский край, нематериальные ресурсы, человеческий капитал, политика развития, высшее образование, образовательная миграция, сельские территории, студенческая молодежь, миграционные стратегии

Для цитирования: *Ракачев В.Н., Морозова Е.В.* Высшее образование как ресурс политики развития региона: пример Краснодарского края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 827–855. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-827-855>

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ и КНФ в рамках конкурса 2021 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), проект № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов»

Higher Education as a Resource for Regional Development: The Case of Krasnodar

Vadim N. Rakachev , Elena V. Morozova

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

 morozova_e@inbox.ru

Abstract. One of the main intangible resources, along with regional and local identity, is human capital. Multiplying human capital is one of the main functions of the education system, including higher education. The theoretical framework of the study is defined by the concept of responsible development (I.S. Semenenko), the theories of “triple helix”, “preceding events” (path dependence) of P. David and “track of dependence”. The empirical base is represented by the results of a sociological study, held among students of Krasnodar universities in June 2022. As part of comprehensive analysis, documents of regional authorities and administration, and data from federal and regional statistics were used. The Krasnodar Krai was initially formed and integrated as an agricultural region; thus, the system of higher education focused largely on training specialists for agriculture and related industries. Structural transformations that began in the 1990s changed the region’s vector of development. The rapid progress of the resort and recreational industry, and enterprises of the tertiary sector influenced both intra-regional and inter-regional migration. The universities of the Krasnodar Krai are attractive to educational migrants from other regions of the country — from both the neighbouring Southern Russia regions and the north-

eastern regions. At the same time, from the point of view of global competitiveness, the region has systemic problems in the development of human capital, innovation, and space. The authors focus on the educational trajectories of students, the reasons for their choice of Krasnodar as education destination, satisfaction with the quality of educational services, the degree and forms of social activities, as well as further life and professional plans. The authors identified three contradictions in the current state of the region's higher education system, without the resolution of which it will be impossible to convert human capital into a real factor of regional development. These are the contradictions between the significantly growing population of the region and the reduction in the number of students, between the needs of the labour market of the "knowledge economy" and the structure of specialists' training, and between the governmental trend for the development of rural areas and the lack of motivation among university graduates to work in rural municipalities. The article formulates several proposals for resolving these contradictions.

Keywords: Krasnodar Territory, intangible resources, human capital, development policy, higher education, educational migration, rural areas, student youth, migration strategies

For citation: Rakachev, V.N., & Morozova, E.V. (2022). Higher education as a resource for regional development: The case of Krasnodar. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 827–855. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-827-855>

Acknowledgements: The article was supported by RSCF and KSCF within the framework of the 2021 contest "Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups" (regional contest), project No. 22-18-20059 "Development policy for rural areas of the Krasnodar Territory: the potential of intangible resources"

Введение

В современных условиях актуальным является вопрос об условиях, определяющих эффективное развитие регионов страны. Сбалансированная модель регионального развития строится на ряде факторов: эффективной политике, демографических ресурсах, инновациях в экономике и образовательной системе, работающих в тесном взаимодействии. Особое место в региональных стратегиях развития занимают нематериальные ресурсы, многообразие которых способствует достижению принципиально нового уровня качества жизни населения с учетом потребностей и интересов, как в городах, так и на селе. Они связаны с производством постматериальных ценностей¹, которые трансформируют характер публичных взаимодействий различных акторов. Современные исследователи обращают внимание на повышение роли нематериальных ресурсов в развитии территорий. Такие факторы, как близость к сырью и рынкам, больше не доминируют, новый бизнес идет туда, где привлекательнее качество жизни, в результате появляются «изошренные потребители пространства» [Kotkin 2000]. Одним из основных нематериальных ресурсов, наряду с региональной и локальной идентичностью, ресурсами сетевого взаимодействия, яв-

¹ Автор концепции постматериализма Р. Инглхарт выдвинул положение о том, что ценностные сдвиги приводят к институциональным изменениям (а не наоборот, как полагают многие исследователи). Этот вывод получил доказательное подтверждение в ходе всех волн Всемирного исследования ценностей World Values Survey)

ляется человеческий капитал. Ведущей тенденцией современного развития стал выход человеческого капитала на первое место среди долгосрочных факторов развития будущей экономики (по сравнению с природно-ресурсным, реальным и финансовым капиталом). Нарращивание, умножение человеческого капитала — одна из основных функций системы образования, в том числе высшего. Успешная реализация этой функции возможна только в условиях плодотворного сотрудничества между властью, бизнесом и гражданским обществом.

Вместе с тем российские условия имеют свои особенности. Регионы страны на сегодняшний день фактически находятся на начальном этапе выстраивания межсекторного взаимодействия, а образовательные ресурсы большинства регионов работают на обеспечение внутрирегиональных потребностей и не являются ни самостоятельным экономическим (рыночным) субъектом, ни значимым нематериальным ресурсом или элементом «мягкой силы» региона.

Данные процессы отчетливо проявляются в активно развивающихся регионах России, к числу которых относится Краснодарский край (Кубань). Край изначально формировался и обретал свою целостность как сельскохозяйственный, система высшего образования здесь формировалась, ориентируясь в значительной мере на подготовку специалистов для сельского хозяйства и связанных с ним промышленных предприятий и транспорта. Такая ситуация была обусловлена, кроме того, советской системой плановой экономики, однако структурные преобразования, начавшиеся в обществе с 1990-х гг., изменили вектор развития. Закрытие ряда промышленных предприятий в крае, стремительное развитие курортно-рекреационной отрасли, предприятий третичного сектора экономики отразилось на внутрирегиональных и межрегиональных миграциях.

Вместе с тем распределение мигрантов по территории края происходит неравномерно. За период 2010–2022 гг. рост населения произошел в крупных и средних городах, а для сельских районов края, наоборот, наблюдалось снижение численности населения, за исключением районов, входящих в Краснодарскую агломерацию: Динского и Северского, где прирост населения составил 13,9 и 10,6 % соответственно².

Специфичность ситуации в том, что особенностью региона было исторически сложившееся и сохранявшееся долгое время преобладание сельского населения над городским. Только в 1975 г. край преодолел порог урбанизации, сельское население уступило лидирующие позиции³, но и сегодня уровень урбанизации составляет 55,2 %, заметно отличаясь от среднего по стране — 75,1 %. Это определило тот факт, что высшие учебные заведения края сосредоточены в четырех крупных городах: Краснодаре, Сочи, Новороссийске и Армавире⁴. Самым круп-

² Рассчитано по: URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>

³ Численность, состав и движение населения в Краснодарском крае. Краснодар: Краснодаркрайстат, 1994. С. 4.

⁴ Оценка численности постоянного населения Краснодарского края по муниципальным образованиям на 1 января 2022 года // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея (Краснодарстат). URL: https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/Ocenka_01.01.2022.htm (дата обращения: 30.07.2022).

ным образовательным и научным центром региона является Краснодар, именно здесь сосредоточена основная часть высших учебных заведений, потенциал которых работает как для городских, так и сельских территорий и играет важную роль в развитии региона. Эти факторы определяют масштабы внутрирегиональной миграции, поскольку переезд на учебу в Краснодар занимает важное место в образовательных стратегиях кубанской молодежи. Вузы Краснодарского края также привлекательны для образовательных мигрантов из других регионов страны: как соседних территорий Юга России, так и Востока, и Севера. Соответственно, актуальным является вопрос о перспективах использования этого ресурса как инструмента политики развития региона.

В Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края на долгосрочный период⁵ отмечается, что Краснодарский край имеет высокий уровень конкурентоспособности и входит в число российских регионов-лидеров, являясь лидером Южного полюса роста. Согласно исследованию AV RCI-2017 beta Краснодарский край занял второе место в России по уровню конкурентоспособности. Ключевыми конкурентами Краснодарского края являются Москва, Московская область, Республика Татарстан, Санкт-Петербург, а также Самарская, Свердловская и Ростовская области. При этом с точки зрения глобальной конкурентоспособности край имеет системные проблемы в развитии человеческого капитала, инноваций и пространства.

Стратегия заложила новые приоритеты социально-экономического развития и структурной перестройки региональной экономики, что отразилось в институциональном механизме кластерной активизации умной экономики, среди которых переформатирование традиционного туристско-рекреационного сектора, агропромышленного и торгово-транспортно-логистического кластеров на основе инновационных технологий и решений, а также принципиально новые кластеры умной промышленности, социальных и креативных индустрий.

Реализация этих амбициозных задач тесно связана с подготовкой соответствующих кадров и напрямую зависит от развития системы образования. В комплексе образовательная инфраструктура и современный инновационно-технологический комплекс могут стать значимым ресурсом развития не только городских, но и сельских территорий региона.

Разработанность темы исследования

Анализ места и роли вузов, образования в целом, в развитии государства в науке не является новым. Одной из теоретических рамок в этом направлении выступает концепция модернизации. Исследуя опыт стран, прошедших модер-

⁵ О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года. Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. № 3930-КЗ (с изменениями на 27 декабря 2021 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550301926> (дата обращения: 23.05.2022).

низацию в конце XIX — начале XX в.: России, Германии, Японии и др., ученые рассматривали на основе сравнительного анализа эффективность влияния государства на общество и общества на государство, а также роль образовательных структур в этих процессах [Александров 1997; Лахтин 1990; Kremontsov 1997; Чанбарисов 1988; Иванов 1991; Соколов 2011].

Отдельной темой исследований стало изучение советского опыта развития высшего образования, задачи которого формировались исходя из стратегии форсированной модернизации в СССР. Вузы напрямую зависели от нужд плановой экономики, что позволяло, с одной стороны, экономить средства, а с другой — оперативно решать стоящие перед государством задачи. Ряд авторов: Я.И. Кузьминов, Д.С. Семенов, И.Д. Фрумин, Р.Р. Вахитов, О.Э. Бессонова, М.М. Соколов, К.Д. Титаев и др. [Кузьминов, Семенов, Фрумин 2013; Вахитов 2017; Бессонова 2006; Соколов, Титаев 2013] — полагают, что этот опыт, перенесенный на современную российскую реальность, создает своего рода «ловушки» советского наследия.

Изменение вектора развития государства и общества поставило новые задачи перед университетами, первоочередной среди которых стало преодоление разрыва между тенденциями, сложившимися в российском / советском образовании и новыми запросами со стороны рыночной системы. Наиболее продуктивной, на наш взгляд, в этом направлении является теория «тройной спирали», описывающая взаимодействие государства, бизнеса и университета (см. работы В.И. Малого, А.В. Гусевой, Г.И. Бурдаковой, А.С. Бянкина, В.О. Вахрушевой и др.) [Малый, Гусева 2014; Малышев 2012; Бурдакова, Бянкин, Вахрушева 2017]. Концепция «третьей роли» регионального университета активно разрабатывается в исследованиях политологов Пермского национального исследовательского университета [Сулимов, Борисова, Бородин 2017; Фадеева, Пунина 2015].

Университет в рамках этой схемы является определенной «точкой притяжения» образовательных мигрантов, существенно улучшая качественную составляющую населения региона. Среди российских исследователей к проблемам образовательной миграции обращались А.Л. Арефьев, Ф.Э. Шереги, С.В. Рязанцев, Е.Е. Письменная, В.Н. Петров, Я.В. Ракачева, В.Н. Ракачев, И. Камара и др. [Арефьев 2004; Арефьев, Шереги 2014; Рязанцев, Письменная 2009; Петров, Ракачев, Ракачева, Ващенко 2009; Камара 2014; Камара, Ракачев 2018].

Обращают на себя внимание исследования связи образовательной миграции и демографических процессов, где университет является местом притяжения молодежи, положительно влияя на демографическое и экономическое развитие региона [Васильева, Васильева 2022; Кашницкий, Мкртчян, Лешуков 2016; Коростышевская 2014; Хасаев, Болгова 2015; Карамурзов 2013; Курбатова, Каган 2017]. Важным в изучении этих вопросов является опыт социологических исследований образовательной миграции. Так, рассматривая регионы ресурсного типа, М.В. Курбатова, И.В. Донова, Е.А. Кранзеева, М.Г. Леухова делают вывод: на современном этапе эти территории стано-

вятся источником не только сырья на продажу (материальных ресурсов), но и человеческих, нематериальных ресурсов [Курбатова, Донова, Кранзеева, Леухова 2022]. Исследователи обращаются к миграционным настроениям школьников ресурсных регионов и показывают, что в миграционных планах вопросы образования являются элементом долговременной стратегии семей и связаны с переездом на новое место жительства [Протасова 2019; Морозова, Кочнева 2021; Зыкина 2020].

Методология и методика исследования

Теоретическим ориентиром исследования стала сформулированная в работах И.С. Семененко [Семененко 2019; Семененко 2021] концепция ответственного развития. Ответственное развитие опирается на нравственную мотивацию при выборе приоритетов и ориентацию на развитие личностного потенциала человека, на нематериальные ресурсы в производстве и потреблении, на политико-институциональное обеспечение вовлеченности граждан в реализацию важных для сообщества решений.

Одним из элементов «идейного каркаса» исследования выступила теория «тройной спирали» (Triple Helix), разработанная в 1990-х гг. Г. Ицковичем (США) и Л. Лейдесдорфом (Нидерланды). Авторы утверждают, что эффективное развитие территории обеспечивается за счет органического сочетания трех составляющих: государства, бизнеса и университета [Etzkowitz, Leydesdorff 2000; Ицковиц 2010]. Взаимодействие этих общественных систем ведет к выстраиванию различных видов сетевой интеграции, что, в свою очередь, может обеспечить инновационный прорыв. В модели «тройной спирали» университет является ключевым элементом, выступая и в роли генератора инновационных идей и связующего звена между государством и бизнесом.

Обращение к теориям «предшествующих событий» (path dependence) П. Дэвида [Дэвид 2007] и «колеи зависимости» [Аузан 2017], утверждающих прямое влияние предшествующих событий и состояний в разных сферах человеческой деятельности на настоящее, позволяет по-новому посмотреть на процессы, происходящие сегодня в системе высшего образования России.

При анализе социально-демографических аспектов образовательной миграции мы опирались на базовые принципы теории миграционных сетей, синтетической теории миграции, новой экономической теории миграции, теории сегментированного рынка, позволяющих объяснять изменения в структуре миграционных потоков, мотивацию мигрантов и проч.

Эмпирическую базу составили результаты социологического исследования, проведенного среди студентов краснодарских вузов в июне 2022 г. Исследование проводилось методом опроса в форме онлайн-анкетирования с использованием сервиса Google Forms. Генеральная совокупность — студенты вузов г. Краснодара. Выборка: случайная с квотированием по полу и возрасту (N = 2400). В рамках комплексного анализа использованы документы реги-

ональных органов власти и управления, данные федеральной и региональной статистики по состоянию системы высшего образования Краснодарского края и других регионов страны.

Характеристика сферы высшего образования Краснодарского края

По числу организаций высшего образования и научных организаций, осуществляющих подготовку специалистов высшей квалификации, Краснодарский край является одним из лидеров в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах. В 2018/2019 учебном году в крае функционировало 20 научных организаций и вузов, половина из которых — государственные, половина — частные. Для сравнения в соседних с регионом субъектах число таких учреждений составило: в Ставропольском крае — 14, Республике Дагестан — 13, Ростовской и Волгоградской областях по 12 учреждений. Среди других регионов РФ, опередивших Краснодарский край по числу вузов и научных организаций, Московская область (21 организация), Республика Татарстан и Свердловская область (по 23 учреждения), а также Новосибирская и Самарская области (по 19 учреждений). При этом абсолютными лидерами здесь оставались столичные города: Москва (153 организации) и Санкт-Петербург (66).

Согласно сведениям Рособrnadzora на 2022 г. в Краснодарском крае функционирует 13 вузов и 20 филиалов⁶, большая часть которых находится в административном центре региона — г. Краснодаре, в том числе такие крупнейшие региональные вузы, как Кубанский государственный университет, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Кубанский государственный технологический университет и др. Краснодарские вузы выступают центрами притяжения прежде всего для молодежи Краснодарского края. Вместе с тем край популярен в качестве места обучения у образовательных мигрантов из других регионов России.

Это не случайно, поскольку регион традиционно выступал территорией притяжения мигрантов. На 2022 г. в общефедеральном списке он занял 7-е место по показателям миграции, заметно обогнав своих основных региональных конкурентов — Ростовскую область и Ставропольский край⁷. Привлекательность края для внутрироссийских мигрантов обусловлена комплексом факторов, в числе которых благоприятные климатические условия, развитая инфраструктура, сравнительно низкие цены при относительно высоком уровне жизни, комфортная социальная среда, возможность получения качественного и востребованного образования и т.д.

⁶ Карта вузов // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. URL: <https://map.obrnadzor.gov.ru/application/university> (дата обращения: 16.07.2012).

⁷ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 24.07.2022).

Однако в последние годы при общем росте численности населения наблюдается снижение числа студентов в вузах города (рис. 1).

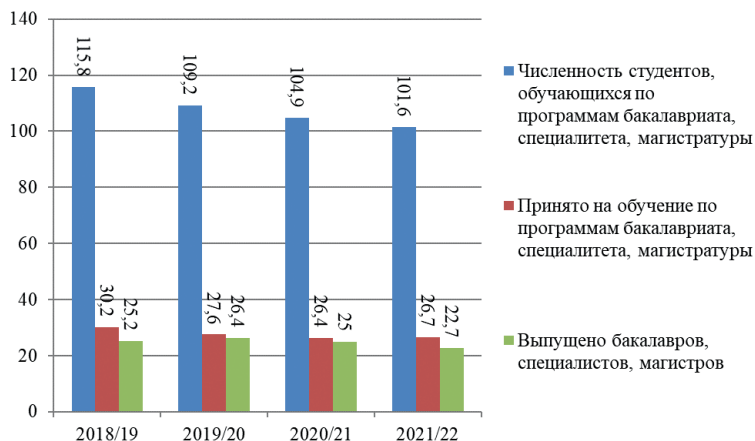

Рис. 1. Динамика численности студентов в вузах г. Краснодара, тыс. чел.

Источник: Основные показатели деятельности организаций, осуществляющих обучение по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования и высшего образования (по данным Министерства просвещения Российской Федерации, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации; на начало учебного года) // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея (Краснодарстат). URL: [https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/obraz\(1\).htm](https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/obraz(1).htm) (дата обращения: 24.07.2022).

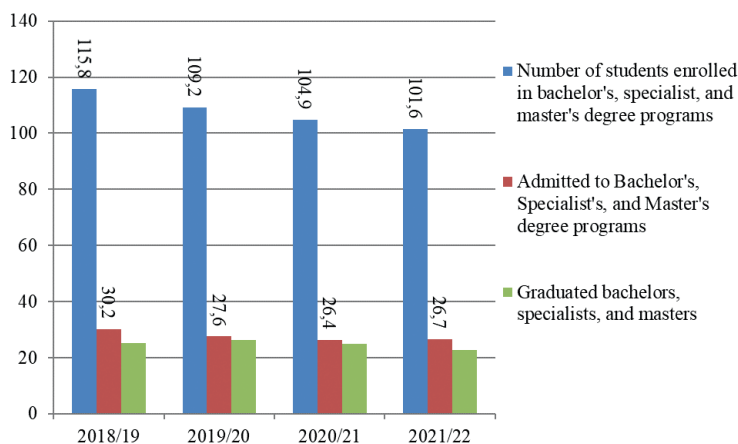

Figure 1. Dynamics of The Number of Students in Krasnodar Universities, thousand people

Source: The Main Performance Indicators of Organizations That Provide Training in Educational Programs of Primary, Basic and Secondary General Education, And Higher Education (According to The Ministry of Education of the Russian Federation, The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; At The Beginning of the Academic Year). Web-site for Department of the Federal State Statistics Service for the Krasnodar Territory and the Republic of Adygea (Krasnodarstat). Retrieved July 24, 2022, from [https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/obraz\(1\).htm](https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/obraz(1).htm) (In Russian).

Также Краснодарский край заметно отстает от большинства субъектов РФ Южного и Северо-Кавказского федеральных округов по числу студентов, обучающихся по программам высшего образования (рис. 2).

Рис. 2. Численность студентов, обучающихся в вузах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в 2020–2021 гг., на 10 000 чел. населения, чел.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 24.07.2022).

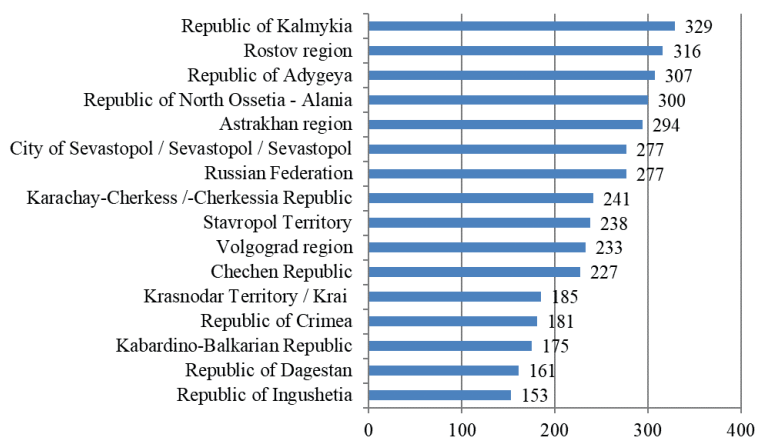

Figure 2. The number of students studying at the universities of the Southern and North Caucasus Federal Districts on Bachelor's, Specialist's and Master's degree programs in 2020–2021, per 10 000 population, people

Source: Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2021: Statistical Collection. Web-site for Federal State Statistics Service (Rosstat). Retrieved July 24, 2022, from <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (In Russian).

Таким образом, складывается специфическая ситуация: Краснодарский край, имея достаточный потенциал в сфере высшей профессиональной подготовки, тем не менее по ряду показателей уступает другим субъектам ЮФО и СКФО.

Обозначенная проблема позволяет сформулировать исследовательский вопрос: какие свойства и характеристики системы высшего образования края представляют интерес для региональной (преимущественно сельской) молодежи, а также для молодежи других регионов страны и могут быть использованы в качестве эффективного инструмента политики регионального разви-

тия? Каких характеристик ей недостает, в каких направлениях ее необходимо совершенствовать?

Восприятие достоинств и недостатков системы высшего образования в регионе показало социологическое исследование среди студентов, обучающихся в вузах г. Краснодара. Как указывалось выше, случайная выборка онлайн-анкетирования составила 2400 чел., с квотированием по полу и возрасту.

По вузам респонденты распределились следующим образом: более половины — 54 % опрошенных — студенты Кубанского государственного университета (далее КубГУ), 33,6 % — Кубанского государственного технологического университета (далее КубГТУ), 5,6 % — Кубанского государственного института культуры, 4,2 % — Кубанского государственного аграрного университета (КубГАУ), 2,5 % — Кубанского государственного университета физкультуры, спорта и туризма (КГУФКСТ). Специфику высшего образования региона определяет тот факт, что только КубГУ формировался по принципу классического университета, остальные изначально являлись специализированными вузами, повысив в период образовательных реформ свой статус до университетского. Вышеупомянутые учебные заведения сохраняют присущую региональным вузам тенденцию подготовки профессиональных кадров для местного экономического сектора.

Результаты исследования

Значительную часть опрошенных (61,1 %) составили «местные» студенты, т.е. родившиеся и жившие до поступления в вузы г. Краснодара либо в краевом центре, либо в других населенных пунктах края (рис. 3). Доля приехавших в г. Краснодар из других регионов страны непосредственно с целью получения образования в целом по выборке составила 22,4 %. Кроме того, 10,7 % опрошенных студентов живут в крае сравнительно недавно (не более 10 лет).

Рис. 3. Распределение ответов студентов о месте рождения, %

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

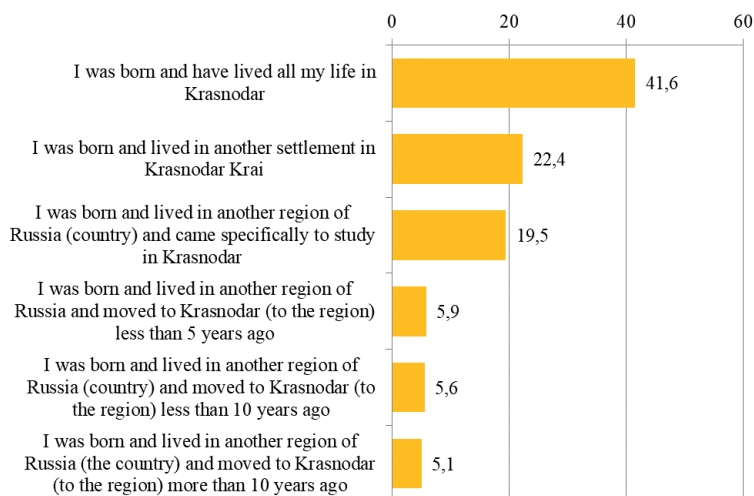

Figure 3. Distribution of students' answers about the place of birth, %

Source: made by authors, data collected in the research.

Наибольшая доля студентов, приехавших специально на учебу в г. Краснодар в КГИК, — 28,6 %. Более четверти опрошенных (25,1 %) из КубГУ и 22,5 % из КубГАУ также указали, что специально приехали в г. Краснодар из-за пределов края с целью получения образования.

Анализ ответов респондентов в зависимости от региона выхода показывает, что целенаправленно мигрировали с целью получения образования в краснодарских вузах 75,2 % студентов из Южного (ЮФО) и Северо-Кавказского (СКФО) федеральных округов; 48,9 % выходцев из Центрального (ЦФО), Северо-Западного (СЗФО) и Приволжского (ПФО); 39 % опрошенных из Уральского (УФО), Дальневосточного (ДВФО) и Сибирского (СФО) федеральных округов, а также 34,6 % иностранных студентов. Среди студентов — уроженцев других федеральных округов высока доля тех, кто проживает в крае не более 10 лет, в совокупности примерно 1/3 опрошенных являются недавними мигрантами.

На долю студентов — жителей края приходится от 1/3 до 1/2 опрошенных в зависимости от вуза. Среди студентов — выходцев из других регионов РФ на первом месте по численности группа респондентов из ЮФО и СКФО, затем следует группа студентов из УФО, СФО и ДВФО. Студенты — выходцы из ЦФО, СЗФО и ПФО в вузах города представлены незначительно.

Выбор г. Краснодара в качестве места обучения может быть обусловлен различными факторами. Здесь могут действовать как универсальные для любой миграции условия, так и специфические, связанные непосредственно и прежде всего с образовательной миграцией. Как показывают ответы респондентов, универсальные факторы являются ведущими и среди них лидирует пространственный. Еще Э. Равенштайн, указывал на тот факт, что большая часть миграций совершается на близкие расстояния [Ravenstein 1885]. В этом смысле вполне закономерно, что 40,2 % опрошенных выбрали Краснодар как наиболее близкий

к месту своего постоянного проживания город. В качестве другого объективно-го фактора выступает комфортная среда, которая также привлекает студентов⁸. Действие сетевого фактора (родственные связи, знакомые, друзья) также имеет место, но заметно уступает другим. Показательно, что в качестве места приложения труда после окончания вуза Краснодар студентами практически не рассматривался (рис. 4). Респонденты указывали, что возможности, которые дает Краснодар, больше связаны не с работой по определенной специальности (направлению подготовки в вузе), а со сложившимися стереотипными представлениями о перспективах большого города.

Рис. 4. Причины выбора Краснодара как места обучения, %
 Источник: составлено авторами по результатам исследования.

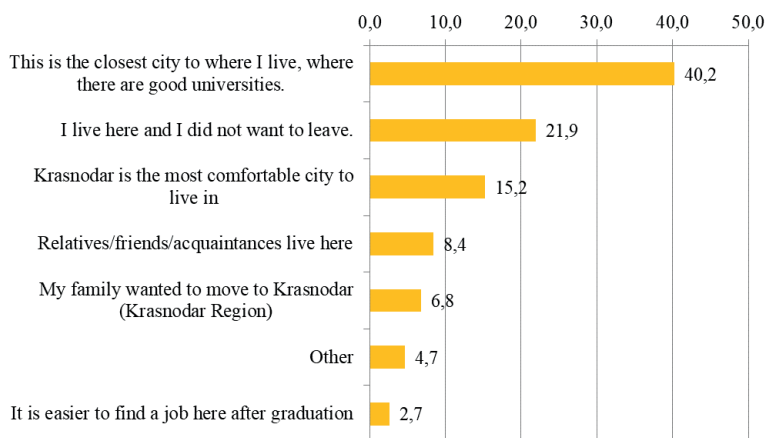

Figure 4. Reasons for choosing Krasnodar as a place to study, %
 Source: made by authors, data collected in the research.

⁸ Исследование проводил институт территориального планирования «Урбаника». Лидером общероссийского рейтинга стал Краснодар, набравший по итогам 78,18 балла. Как следует из исследования, краевой центр набрал 45,51 балла в категории «качество среды», а также 32,68 балла — по «стоимости жизни» (источник: Четыре города Краснодарского края в 2021 г. вошли в топ-100 лучших городов для жизни в России // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4704229> (дата обращения: 16.07.2022)).

Принцип территориальной близости краснодарских вузов является определяющим условием для студентов, проживающих в других населенных пунктах края — 68 % отметили его в качестве основной причины. Еще 12,6 % студентов из этой группы выбрали Краснодар и его вузы, руководствуясь критерием комфортной среды. Показательно, что этот критерий особо отметили также студенты, прибывшие на учебу из Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, а также Центрального, Северо-Западного и Приволжского округов (25 и 26,7 % соответственно). Вполне ожидаемыми, исходя из гипотез нашего исследования, оказались ответы студентов из Уральского, Сибирского и Дальневосточного округов, а также иностранных студентов⁹. Около трети (29,9 %) опрошенных этой группы отметили, что в Краснодар (край) планировала переселиться семья. Выбор краснодарских вузов в качестве места обучения для них выступает в качестве одного из этапов семейной миграции. Иначе говоря, студенты действуют в рамках миграционных планов семьи, являясь своего рода «пионерами», которые выдвигаются, осваиваются и закрепляются на новой территории, а затем к ним направляются остальные члены семьи.

Рассматривали ли студенты при выборе города и вуза для обучения помимо Краснодара для себя другие города и вузы? Ответы на этот вопрос показательны: около половины опрошенных (45,8 %) указали, что краснодарские вузы были единственными в их списке при поступлении. При этом 54,2 % студентов в качестве альтернативных вариантов при поступлении рассматривали помимо столичных вузов (Москва, Санкт-Петербург) такие крупные образовательные центры, как Ростов-на-Дону (ЮФУ, ДГТУ), Новосибирск, Воронеж, Екатеринбург, Пермь, Казань, Калининград. Кроме того, в качестве возможных вариантов также рассматривались вузы Армавира, Новороссийска, Сочи, Анапы. Студенты из Краснодара и края менее мобильны, они в сравнении с другими группами студентов заметно реже рассматривали альтернативные краснодарским вузам учебные заведения при поступлении (46,5 и 54,8 %).

Основным мотивом при выборе конкретного вуза является высокий уровень образовательных услуг. Однако следует отметить, что этим критерием руководствовалась лишь треть опрошенных студентов при выборе вуза для обучения. На второй позиции — наличие в вузе редких, эксклюзивных специальностей и направлений подготовки. Это условие оказалось решающим для 19,9 % опрошенных. На третьей позиции — советы близких и знакомых, окончивших данный вуз, на этот фактор ориентировались при выборе вуза 17,5 % опрошенных студентов. Еще 14,5 % выбрали вуз, ориентируясь на конкурсные баллы и собственные результаты ЕГЭ. Необходимо подчеркнуть, что такие факторы, как отзывы и оценки в социальных сетях и финансовая составляющая, не оказывают значимого влияния на принятие решения при выборе вуза (рис. 5).

⁹ Здесь идет речь об иностранных студентах — гражданах стран бывшего СССР.

Рис. 5. Факторы, повлиявшие на выбор вуза, %

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

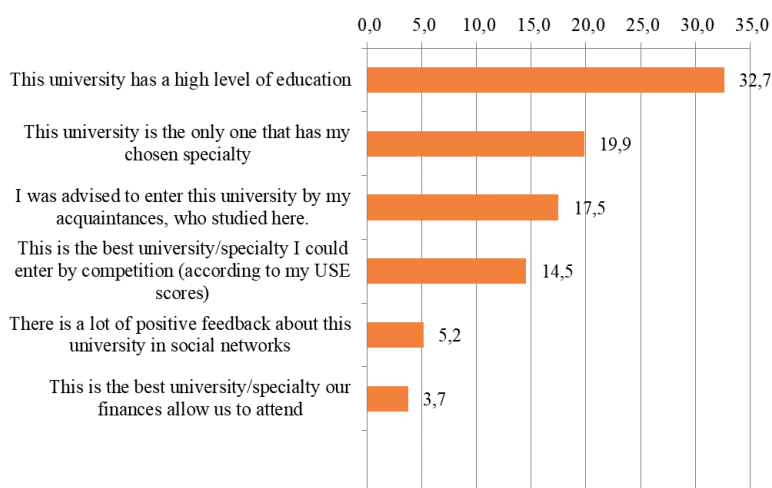

Figure 5. Factors that influenced the choice of university, %

Source: made by authors, data collected in the research.

Региональный вуз выступает важной объединяющей структурой для жителей края. Здесь сказывается специфика советского времени, когда абитуриенты зачастую имели определенные предпочтения при поступлении в «родной» вуз. Создавалось сетевое пространство, в которое были вовлечены родственники, знакомые, учителя, коллеги по работе, связанные с учебным заведением. В частности, педагогический состав средней школы края в большинстве своем формируется из выпускников региональных вузов. Это подтверждают и результаты исследования. Так, студенты из города и края информацию о вузах Краснодарского края чаще других групп получали от родственников и знакомых, окончивших эти учебные заведения (41 и 31,4%). Также применительно к группе студентов из других населенных пунктов края можно отметить заметную роль учителей как источников информации. Студенты из других регионов РФ и других государств чаще использовали такие каналы информации, как официальные сайты вузов и виртуальные социальные сети.

Выводы об основных каналах информирования абитуриентов подтверждают ответы на вопрос о том, кто оказывал влияние на студентов при принятии ими решения в выборе вуза и специальности. Здесь бесспорным является авторитет родителей (лишь у 15,4 % опрошенных родители не оказывали влияние на принимаемое ими решение), родственников и друзей (по 49 % оказали влияние) и также незначительно влияние социальных сетей (у 63,2 % опрошенных информация в сетях не оказывала влияние на принимаемое решение).

Удовлетворенность студентов образовательными услугами является одним из критериев измерения эффективности вуза. В социологических источниках удовлетворенность рассматривается как интегрированное понятие, отражающее степень реализации социальных ожиданий студента от учебно-образовательной деятельности в вузе, сформированных в процессе его социализации [Спаский 2002]. Результаты исследования показывают, что в целом студенты удовлетворены своим выбором, уровнем и качеством получаемого ими образования (38,6 % удовлетворены полностью и 47,9 % скорее удовлетворены). Менее удовлетворены качеством образования студенты в тех вузах, которые были выбраны для обучения по причине предоставляемого ими высокого уровня образования. Очевидно рассогласование у студентов между ожиданиями и реальностью.

Самые высокие показатели удовлетворенности получаемым образованием демонстрируют студенты из Краснодарского края (88,7 % в совокупности удовлетворены), среди них наибольшая доля тех, кто полностью удовлетворен образованием (69,7 %). Также высока доля положительных оценок у студентов из ЮФО и СКФО (88,1 % удовлетворены). Студенты — выходцы из других регионов РФ в целом также отмечают удовлетворенность обучением в выбранном ими вузе, тогда как студенты — уроженцы г. Краснодара демонстрируют наибольшую неудовлетворенность. Совокупная доля тех, кто не удовлетворен обучением в этой группе, составляет 12,4 %. Несколько ниже показатели неудовлетворенности у студентов — уроженцев ЦФО, СЗФО, ПФО (9,6 % совокупно не удовлетворены) и УФО, ДВФО, СФО (10 %).

Наибольшие претензии у студентов к уровню технического оснащения аудиторий: доля неудовлетворенных в разной степени этим показателем в вузах Краснодара составляет 26,8 %. Наибольшую удовлетворенность демонстрируют опрошенные по такому критерию, как качество преподавания. В целом высоко оцениваются также такие составляющие образовательного процесса, как «актуальность преподаваемого материала» и «соответствие получаемых знаний современным требованиям». Кроме того, высокую степень удовлетворенности студенты демонстрируют в отношении организации досуга в вузах. При этом есть некоторые проблемы, связанные с психологическим климатом в вузах (рис. 6). Вероятно, это может быть связано с процессами адаптации самих студентов (в основном младших курсов) к новым условиям образовательного процесса, отличного от школы, а также в связи с переменой места жительства для большинства из них. Бесспорно, анализ этого вопроса требует отдельного более детального исследования.

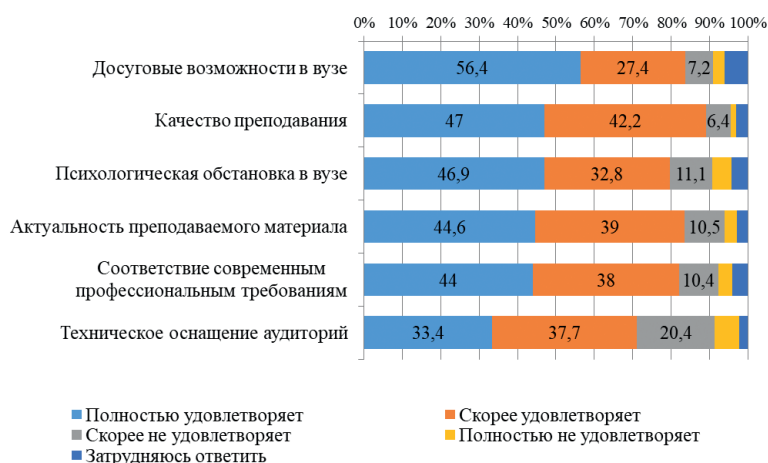

Рис. 6. Удовлетворенность студентов обучением по отдельным составляющим, %
 Источник: составлено авторами по результатам исследования.

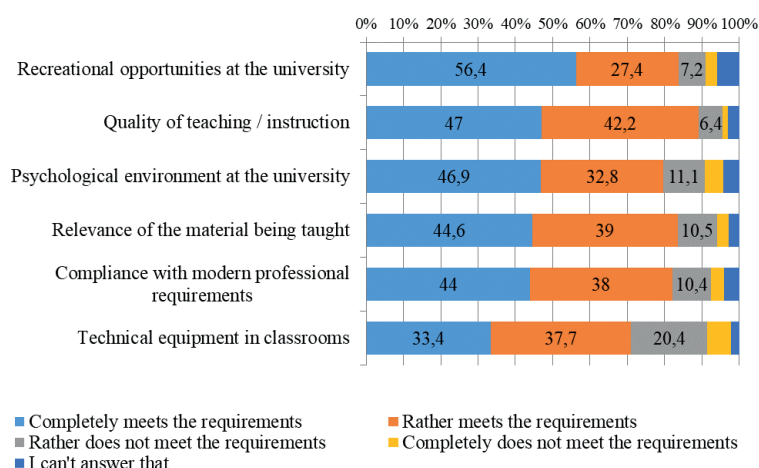

Figure 6. Students' satisfaction with learning, by individual components, %
 Source: made by authors, data collected in the research.

Размышляя над тем, что может привлечь молодежь в вузы г. Краснодара, студенты на первое место поставили качество образования. Если соотнести эту характеристику с показателями по степени удовлетворенности обучением, можно рассматривать ее скорее как некоторую рекомендацию на перспективу, поскольку многие студенты отметили ряд слабых мест в образовательной системе городских вузов¹⁰.

¹⁰ К слабым местам качества образования в Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года была отнесена прежде всего кадровая проблема: достаточно высокий средний возраст исследователей, имеющих ученую степень кандидата наук (48,5 лет) и доктора наук (59,7 лет); отсутствие комплексной системы выявления, поддержки и сбережения талантов, включая молодых ученых и исследователей; достаточно высокий риск перспективы развития карьеры ученого (низкий интерес к науке в обществе).

Достаточно высоко опрошенные студенты оценивают состояние таких условий, как «развитая и современная городская инфраструктура», «комфорт и безопасность городской среды», «благоприятный климат», что отражает современные молодежные и урбанистические тренды. В то же время такой аспект, как эксклюзивные (редкие) специальности, которые могут предложить вузы города, находится в конце рейтинга. Также определенным препятствием здесь может стать уровень цен на продукты и жилье. В определенном смысле распределение показывает, что сегодня образовательная среда формируется из нескольких составляющих, в числе которых не только собственно компетенции, связанные с профессией, но также и определенная система организации пространства, проведение досуга, комфортный психологический климат. Само понимание профессии теряет четкие границы, так как потребности государства и бизнеса в конкретных специалистах становятся абстрактными. Быстрая обучаемость, возможность переподготовки и переквалификации в этих условиях становятся более ценным ресурсом. Анализ ответов по территориальным группам показывает общее слабое место краснодарских вузов — наличие эксклюзивных, специфических специальностей, их дальнейшее развитие, создание новых редких направлений подготовки могло бы привлечь студентов из других регионов.

Одним из наиболее значимых факторов, влияющих на социальную адаптацию и профессиональную самореализацию выпускников вузов, является участие в общественной деятельности. Современные вузы реализуют комплекс программ, направленных на успешную социализацию студента, вовлечение его во внутривузовские и территориальные организации, представляя широкий спектр возможностей для внеучебных практик: общественно-политические и тематические клубы, спортивные секции, научные кружки и объединения, волонтерская деятельность и др. Это формирует профессиональную корпоративную культуру, способствует всестороннему развитию личности студента.

Результаты исследования показывают, что общественная активность студенческой молодежи сравнительно невысока, с разной степенью частоты в общественной жизни города участвует немногим более трети опрошенных студентов. При этом только 10,8 % указали, что включены в деятельность различных общественных молодежных городских организаций и постоянно участвуют в общественных мероприятиях. Время от времени в такие активности включено 29,2 % студенческой молодежи. При этом есть определенный потенциал в этом направлении, поскольку четверть опрошенных студентов (25,6 %) заявила о своем желании и готовности включиться в подобную деятельность. Вероятно, здесь недостаточно работают организационные структуры и система информационного оповещения, в силу чего эта часть студенческой молодежи остается не охваченной общественными активностями (рис. 7).

В какого рода общественную активность включены студенты краснодарских вузов? Наиболее распространенной формой является участие в молодеж-

ных организациях различной направленности (29,2%), а также волонтерская деятельность (23,9%). Сетевые активности в меньшей степени развиты среди краснодарских студентов (рис. 8).

Рис. 7. Участие студентов в общественной, политической и других сферах жизни Краснодара, %
 Источник: составлено авторами по результатам исследования.

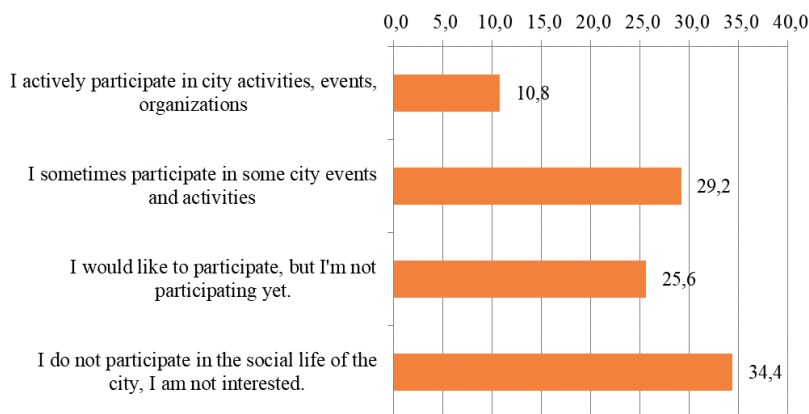

Figure 7. Participation of students in social, political and other spheres of life in Krasnodar, %
 Source: made by authors, data collected in the research.

Согласно оценкам студентов, вузы города вполне способны конкурировать с ведущими учебными заведениями страны не только на уровне отдельных факультетов и специальностей, но и в целом. Несколько выше потенциал краснодарских вузов в этом вопросе оценивают студенты узкоспециализированных учебных заведений: КГИК (47,6%) и КГУФСТ (47,5%). Наименьшие оценки в этом вопросе вузам города дают студенты КубГАУ (39,2%). Студенты КубГУ (50%) и КубГТУ (48,2%) более высоко оценивают конкурентоспособность отдельных специальностей и направлений подготовки.

Рис. 8. Формы активности студенческой молодежи Краснодара, %
Источник: составлено авторами по результатам исследования.

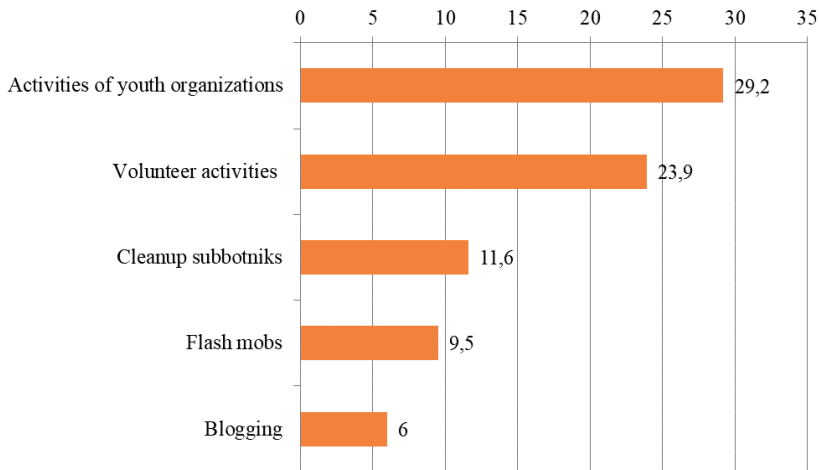

Figure 8. Forms of student youth activity in Krasnodar, %
Source: made by authors, data collected in the research.

Наконец, уровень удовлетворенности студентов обучением в вузах города можно косвенно оценить по ответам на вопрос о том, будут ли они рекомендовать друзьям и знакомым обучение в г. Краснодаре. Более половины всех опрошенных уверенно ответили, что станут рекомендовать и свой вуз, и свою специальность. Лишь 5,2 % студентов категорически не стали бы рекомендовать обучение в вузах Краснодара (рис. 9).

Закономерно, что «местные» студенты в большей степени положительно отзываються и готовы рекомендовать обучение в вузе. Так, 68,3 % выходцев из районов края и 61,5 % уроженцев г. Краснодара будут рекомендовать обучение в своем вузе и по своей специальности, а 9 и 6,9 % соответственно будут рекомендовать другую специальность в своем вузе.

Рис. 9. Рекомендация вузов Краснодара как места для обучения, %
 Источник: составлено авторами по результатам исследования.

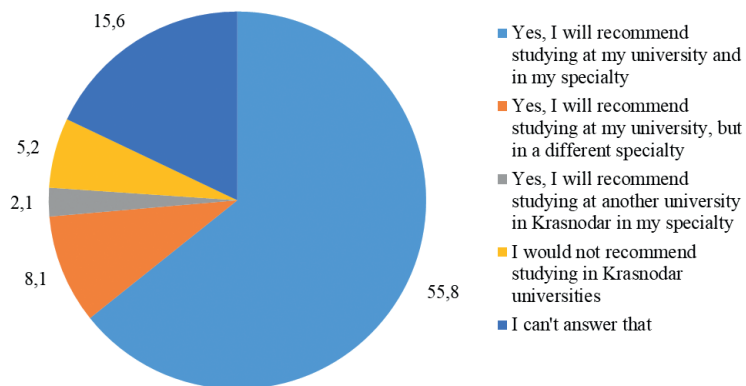

Figure 9. Recommendation of universities in Krasnodar as a place to study, %
 Source: made by authors, data collected in the research.

Важным показателем эффективности образования является востребованность получаемой специальности на рынке труда. Студенты краснодарских вузов достаточно оптимистично настроены в отношении дальнейших перспектив трудоустройства. Особенно наглядно это видно на примере внутрирегиональных образовательных мигрантов: 66,3 % считают, что у них востребованная и хорошо оплачиваемая специальность, а у студентов — жителей Краснодара этот показатель составляет 59,8 %. Несколько ниже оценки у студентов из других регионов РФ: здесь этого мнения придерживаются 57,1 % опрошенных.

Вместе с тем у части студентов имеет место определенный скепсис в отношении дальнейших перспектив работы по специальности. Это показывают ответы 13,1 % студентов — выходцев из других регионов РФ, 13,5 % опрошенных студентов — жителей из г. Краснодара, но только 8,4 % студентов из районов края. Это показывает, что для последних образование сыграло важную роль

в реализации жизненных планов, обретении конкурентоспособной специальности, социального продвижения.

В завершении анализа результатов исследования можно остановиться на дальнейших планах студентов. Прежде всего, нас интересует вопрос о том, видят ли они для себя дальнейшие перспективы в сфере образования в городских вузах. Доля студентов, предполагающих продолжить обучение в Краснодаре, сравнительно невелика — 18,9 %, при этом еще 11,6 % планируют продолжить учебу, но в другом городе или другой стране (рис. 10).

Рис. 10. Жизненные планы после окончания учебы, %

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

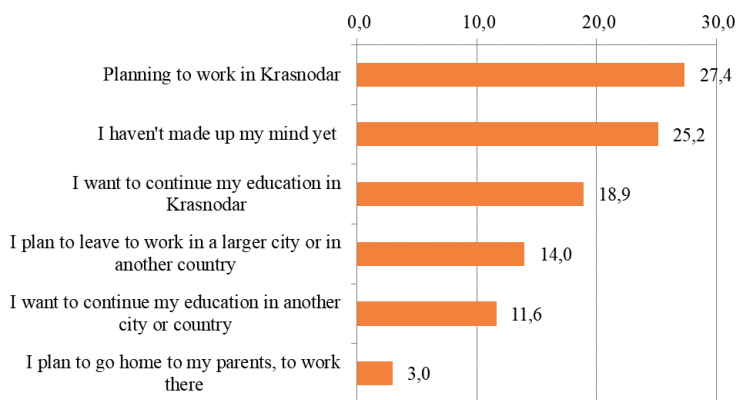

Figure 10. Life plans after graduation, %

Source: made by authors, data collected in the research.

Вероятнее всего, в этом случае предполагается следующая ступень: магистратура или аспирантура, и полученные результаты свидетельствуют о недостаточной привлекательности либо определенных ограничениях, которые существуют на этих ступенях высшего образования в краснодарских вузах.

Исследование показывает относительно высокий процент тех студентов, кто хочет продолжить обучение в Краснодаре, это 22,7 % выходцев из районов края, 22 % г. Краснодара и 15,2 % студентов из других регионов России. У «местных» студентов меньший процент тех, кто хочет продолжить образование в другом городе или стране — 11,9 %, у студентов из других регионов — 12,9 %.

Другой аспект, на который следует обратить внимание, это доля студентов, планирующих трудоустройство после окончания вуза. Около трети опрошенных (27,4 %) отметили, что планируют трудоустроиться в Краснодаре, т.е. предполагают для себя наличие такой возможности в рамках городского рынка труда. 14 % планируют искать работу за пределами города и края. Обращает на себя внимание мизерная доля тех, кто планирует вернуться работать домой. Если принять во внимание, что среди тех, кто является уроженцем края и приехал на учебу в Краснодар, значительную долю составляет сельская молодежь, то этот показатель представляется критическим. С одной стороны, образование принято рассматривать в качестве наиболее доступного социального лифта, однако студенты — уроженцы Краснодара и других городов края либо других регионов предполагают использовать этот лифт в городе, тогда как сельская молодежь не видит перспектив дальнейшей самореализации вне города.

Выводы

Подводя итог, можно отметить, что у вузов г. Краснодара есть определенный потенциал, они в целом способны привлечь помимо молодежи края абитуриентов из других регионов страны. Вместе с тем есть много проблемных зон и слабых мест, над которыми краснодарским вузам стоит работать не только для расширения и улучшения условий, необходимых для привлечения молодежи в учебные заведения, но и повышения роли всей системы высшего образования края в развитии человеческого капитала в регионе.

Исследование выявило три противоречия современного состояния системы высшего образования, без разрешения которых невозможна конвертация такого ресурса, как человеческий капитал в реальный фактор развития региона.

Прежде всего, это противоречие между значительно возрастающей численностью населения края и сокращением численности студентов, обучающихся по основным образовательным программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. Если иметь в виду, что прирост населения обеспечивается в значительной степени миграцией из других регионов России, то нужны специальные маркетинговые программы привлечения абитуриентов из основных «регионов исхода». Можно предположить, что возрастет количество бюджетных мест для целевой подготовки кадров для определенных территорий.

Второе противоречие — между потребностями рынка труда «экономики знаний» и структурой подготовки специалистов. Вузы Кубани открывают новые специальности, но не в полной мере реагируют на запрос. Спрос на профессии завтрашнего дня среди молодежи гораздо выше того, что могут предложить учебные заведения. Эксперты изучили прогнозы футурологов и исследователей

по всему миру, составили свой список 100 профессий будущего. В список вошли реалистичные профессии, которые уже появились или появятся до 2030 г. в 19 отраслях¹¹. Учитывая специфику региона, вузам пора начать подготовку кадров по таким профессиям, как разработчик интеллектуальных туристических систем, режиссер индивидуальных туров, агрокибернетик, инженер по 3D-печати продуктов питания, специалист по адаптации мигрантов и др. Это, кстати, поможет сформировать те самые ниши уникальных, эксклюзивных профессий, которые так привлекают молодых людей.

Третье противоречие — между государственным трендом на развитие сельских территорий, в том числе кадровое, и отсутствие мотивации выпускников вузов на работу в сельских муниципальных образованиях. Как отмечал В.В. Путин на Петербургском международном экономическом форуме, комплексное обустройство и развитие сельских территорий является для России безусловным приоритетом: «Люди, которые работают на селе, кормят страну — а как сейчас видно, и значительную часть мира, должны жить в комфортных, достойных условиях»¹².

Инвестиции, развитие инфраструктуры села имеют колоссальное значение, но главный ресурс развития сельских территорий — это люди и их человеческий капитал. Как нам представляется, в настоящее время существует несколько факторов, которые могут способствовать привлечению молодых кадров для работы в сельской местности. Изменившиеся геополитические реалии и публичный дискурс продовольственной безопасности повысили общественный престиж работников аграрного сектора. Стремительная цифровизация сельских территорий и возможность работать удаленно подтолкнули процесс деурбанизации. Важными приоритетами является изменение укоренившегося в российском общественном сознании отношения к селу и селянам, формирование образа села как источника живой традиции, а селян — как хранителей культурного и природного ландшафта, поддерживающих узнаваемые общезначимые маркеры национальной и региональной идентичности [Морозова, Мирошниченко, Семенов 2020]. Постепенно происходит диверсификация сельской экономики — помимо выращивания и переработки аграрной продукции создается и развивается рынок услуг, ориентированный на символические ресурсы сельских поселений (аграрный туризм, этнографические комплексы и музеи, экологические тропы, онлайн-фермы, экскурсии по следам литературных и кинематографических героев, мастер-классы для детей и взрослых в местах народных промыслов). Необходимо кадровое обеспечение благополучия села в новых экономических условиях.

Сложившаяся ситуация дает реальный шанс Краснодарскому краю стать одной из образовательных и научных столиц России, реализовывать новые

¹¹ 100 профессий будущего // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5d6e48529a7947777002717b> (дата обращения: 16.07.2022).

¹² Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 16.07.2022).

формы образовательной и научной мобильности, что позволит в полной мере использовать нематериальные ресурсы региона, активно привлекать молодежь. Реализация потенциала краевых учебных заведений для стимулирования образовательной миграции в регион может решить ряд насущных для края проблем, в том числе демографической, кадровой, стимулирования инновационно-технологического развития и в целом повышения качества человеческого потенциала как нематериального ресурса развития территорий как городских, так и сельских.

Поступила в редакцию / Received: 15.06.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 07.08.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2022

Библиографический список

- Александров Д.А.* Организация вузовских кафедр как фактор развития пауки: Германия, США, Россия // *Мировые модели взаимодействия науки и высшего образования: материалы международной научной конференции, 1–3 июля 1996 г.* / отв. ред. Ю.С. Васильев, С.А. Кугель. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. С. 54–61.
- Арефьев А.Л.* Иностранцы студенты в российских вузах // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2004. № 3 (71). С. 85–93.
- Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э.* Иностранцы студенты в российских вузах. М.: Центр социологических исследований, 2014.
- Аузан А.А.* Развитие и «колея» зависимости // *Мировая экономика и международные отношения.* 2017. Т. 61, № 10. С. 96–105. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-10-96-105>
- Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.
- Бурдакова Г.И., Бянкин А.С., Вахрушева В.О.* Развитие технологического предпринимательства в регионе на основе модели «тройной спирали» // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки.* 2017. Т. 10, № 6. С. 172–181.
- Васильева Е.В., Васильева А.В.* Демографические исследования в контексте потенциала развития и экономической безопасности территории // *Экономика региона.* 2022. Т. 18, № 1. С. 1–20. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-1>
- Вахитов Р.Р.* «Болезни» наших университетов: советские вузы в постсоветскую эпоху // *Университетское управление: теория и анализ.* 2017. Т. 21, № 2. С. 14–23. <https://doi.org/10.15826/umpra.2017.02.016>
- Дэвид П.А.* Клио и экономическая теория QWERTY // *Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса* / отв. ред. Я.И. Кузьминов / пер. с англ. А. Бальсевич. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. Т. 6. С. 139–150.
- Зыкина О.А.* Миграционные планы выпускников российских школ: региональный аспект // *Вестник антропологии.* 2020. № 4 (52). С. 153–169. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-52-4/153-169>
- Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М.: Институт российской истории, 1991.
- Ицковиц Г.* Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии / пер. с англ.; под ред. А.Ф. Уварова. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010.

- Камера И.* Иностранцы учащиеся в российском вузе: социокультурные особенности адаптации и профессиональной социализации. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2014.
- Камера И., Ракачев В.Н.* Африканские студенты в России: особенности социальной адаптации и взаимоотношения с принимающим обществом // Южно-Российский журнал социальных наук. 2018. № 4. С. 15–22. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-4-164-179>
- Карамурзов Б.С.* Региональный вуз в современной России // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 59–64.
- Кашиницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В.* Межрегиональная миграция молодежи в России // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169–203. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-3-169-203>
- Коростышевская Е.М.* Инструменты региональной политики России в контексте целеполагания // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 2 (30). С. 246–266.
- Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумкин И.Д.* Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 8–69.
- Курбатова М.В., Доновна И.В., Кранзеева Е.А., Леухова М.Г.* Образовательная миграция в регионах ресурсного типа // Мир России. 2022. Т. 31, № 1. С. 91–112. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112>
- Курбатова М.В., Каган Е.С.* Роль университетов в формировании научно-технического потенциала и в развитии регионов Российской Федерации // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 5. С. 74–81.
- Лахтин Г.А.* Организация советской пауки: история и современность. М.: Наука, 1990.
- Малый В.И., Гусева А.В.* Влияние университетской среды на инновационную систему региона (развитие теории «Тройной спирали» на примере Саратовской области) // Вестник Поволжского института управления. 2014. № 2. С. 57–74.
- Мальшев Е.А.* Особенности взаимодействия государства, бизнеса и университетов в рамках модели «тройной спирали» на приграничных территориях // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 9 (88). С. 103–112.
- Морозова Е.А., Кочнева О.П.* Миграционные настроения молодежи Кемеровской области — Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6, № 3. С. 326–338. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338>
- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Семенов И.С.* Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56–77. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05>
- Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Ващенко А.В.* Особенности адаптации иностранных студентов // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 117–121.
- Протасова Т.Н.* Оценка места жительства как фактор формирования миграционных установок жителей Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. № 4 (4). С. 367–375. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-4-367-375>
- Рязанцев С.В., Письменная Е.Е.* Эффекты иностранной учебной миграции для России // Народонаселение. 2009. № 2. С. 69–79.
- Семенов И.С.* Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 7–26. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>
- Семенов И.С.* Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 25–45. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03>

- Соколов И.М. Эффективность государственных решений в условиях модернизации: опыт стран мира // Теория и практика общественного развития. 2011. № 6. С. 182–184.
- Соколов М.М., Титаев К.Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
- Спасский А.С. Теоретические основы социологического изучения содержания понятия «удовлетворенность студента учебной работой в вузе» // Право и образование. 2002. № 2. С. 83–96.
- Сулимов К.А., Борисова Н.В., Бородин Л.С. Региональные университеты перед выбором? Между Сциллой глобализации и Харибдой локализации // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 2 (49). С. 150–167. <https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.2.49.10>
- Фадеева Л.А., Пунина К.А. Университет в региональной публичной политике: российские практики в сравнительной перспективе // Политическая наука. 2015. № 3. С. 150–160.
- Хасаев Г.Р., Болгова Е.В. Регионализация высшего образования и инновационное развитие экономики российских регионов // Известия УрГЭУ. 2015. № 1 (57). С. 61–70.
- Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М.: Высшая школа, 1988.
- Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Dynamic of Innovations: From National System and “Mode 2” to a Triple Helix of University–Industry–Government Relations // Research Policy. 2000. Vol. 29, no. 2. P. 109–123.
- Kotkin J. The New Geography: How Digital Revolution is Reshaping the American Landscape. New York: Random House, 2000.
- Kremontsov N. Slalinisl Science. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society. 1885, no. 46. P. 167–235.

References

- Alexandrov, D.A. (1997). Organization of university departments as a factor of development spiders: Germany, USA, Russia // In Yu.S. Vasiliev & S.A. Kugel (Eds.), *World Models of Interaction Between Science and Higher Education*. Proceedings of The International Scientific Conference, July 1–3, 1996 (pp. 54–61). St. Petersburg: Publ. of SPbSTU. (In Russian).
- Arefyev, A.L. (2004). Foreign students at Russian universities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, 3(71), 85–93. (In Russian).
- Arefyev, A.L., & Sheregi, F.E. (2014). *Foreign Students at Russian Universities*. Moscow: Center for Sociological Research Publ. (In Russian).
- Auzan, A.A. (2017). Path dependence problem and possibilities of its overcoming. *World Economy and International Relations*, 61(10), 96–105. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-10-96-105>
- Bessonova, O.E. (2006). *Distribution Economy of Russia. Evolution Through Transformation*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ. (In Russian).
- Burdakova, G.I., Byankin, A.S., & Vakhrusheva, V.O. (2017). The development of technological entrepreneurship in the region on the basis of the Triple Helix model. *Scientific and Technical Statements STU. Economic Science*, 10(6), 172–181. (In Russian).
- Camara, I., & Rakachev, V.N. (2018). African students in Russia: Peculiarities of social adaptation and relationship with the receiving community. *South-Russian Journal of Social Sciences*, (4), 15–22. (In Russian). <https://doi.org/10.31429/26190567-19-4-164-179>
- Chanbarisov, Sh.Kh. (1988). *Formation of The Soviet University System*. Moscow: Higher School Publ. (In Russian).

- David, P.A. (2007). Clio and economics of QWERTY. In Ya.I. Kuzminov (Ed.) & A. Balsevich (transl. from Eng.), *Origins: From The Experience of Studying Economics as A Structure and as A Process*. (Vol. 6, pp. 139–150). Moscow: Publ. House of the Higher School of Economics. (In Russian). [David, P.A. (1985). Clio and Economics of QWERTY. *American Economic Review*, 75(2), 332–337].
- Etzkowitz, H. (2010). *The Triple Helix. University—Industry—Government. Innovation in Action*. Tomsk: Publ. House of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. (In Russian). [Etzkowitz, H. (2008). *The Triple Helix. University—Industry—Government. Innovation in Action*. New York; L.: Routledge].
- Etzkowitz, H., & Leydesdorff, L. (2000). The dynamic of innovations: From national system and «Mode 2» to a Triple Helix of university–industry–government relations. *Research Policy*, 29(2), 109–123.
- Fadeeva, L.A., & Punina, K.A. (2015). University in the regional public policy: The Russian practice in comparative perspective. *Political Science*, (3), 150–160. (In Russian).
- Ivanov, A.E. (1991). *Higher School of Russia in The Late XIX—Early XX Century*. Moscow: Publ. of Institute of Russian History. (In Russian).
- Kamara, I. (2014). *Foreign Students in A Russian University: Socio-Cultural Features of Adaptation and Professional Socialization*. Krasnodar: Kuban State University Publ. (In Russian).
- Karamurзов, B.S. (2013). A regional university in modern Russia. *Vyssee Obrazovanie v Rossii*, (6), 59–64. (In Russian).
- Kashnitsky, I.S., Mkrтчhyan, N.V., & Leshukov, O.V. (2016). Interregional migration of youths in Russia: A comprehensive analysis of demographic statistics. *Educational Studies. Moscow*, (3), 169–203. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-3-169-203>
- Khasaev, G.R., & Bolgova, Y.V. (2015). Regionalization of higher education and innovative development of economy of Russian regions. *Journal of USUE*, 1 (57), 61–70. (In Russian).
- Korostyshevskaya, E.M. (2014). Instruments of the Russian regional policy in the context of goal setting. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*, 2 (30), 246–266. (In Russian).
- Kotkin, J. (2000). *The New Geography: How Digital Revolution is Reshaping the American Landscape*. New York: Random House.
- Krementsov, N. (1997). *Stalinist Science*. Princeton: Princeton University Press.
- Kurbatova, M.V., & Kagan, E.S. (2017). The role of universities in the formation of scientific and technological potential and in development of Russian Federation regions. *University Management: Practice and Analysis*, 21(5), 74–81. (In Russian).
- Kurbatova, M.V., Donova, I.V., Kranzeeva, E.A., & Leukhova, M.G. (2022). Educational migration in resource-extracting regions. *Universe of Russia (Mir Rossii)*, 31(1), 91–112. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112>
- Kuzminov, J.I., Semenov, D.S., & Froumin, I.D. (2013). University network structure: From the Soviet to the Russian “master plan”. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies*. Moscow, (4), 8–69. (In Russian).
- Lakhtin, G.A. (1990). *The Organization of Soviet Spiders: History and Modernity*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Maly, V.I., & Guseva, A.V. (2014). The influence of the university environment on an innovative system in the region (the development of the “Triple Helix” theory in the case of the Saratov Region). *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, (2), 57–74. (In Russian).
- Malyshev, E.A. (2012). The peculiarities of interaction between state, business and universities in the framework of the model “Triple Helix” in the border areas. *Transbaikal State University Journal*, 9(88), 103–112. (In Russian).
- Morozova, E.A., & Kochneva, O.P. (2021). Youth migration in the Kemerovo Region (Kuzbass). *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological, and Economic Sciences*, 6(3), 326–338. (In Russian). <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338>

- Morozova, E.V., Miroshnichenko, I.V., & Semenenko, I.S. (2020). Identity policies in rural local community development in Russia. *Polis. Political Studies*, 6(3), 56–77. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05>
- Petrov, V.N., Rakachev, V.N., Rakacheva, Ya.V., & Vashchenko, A.V. (2009). Foreign students adaptation issues. *Sociological Research*, (1), 117–121. (In Russian).
- Protasova, T.N. (2019). Residency assessment as a factor of migration tenets of Kuzbass residents. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological, and Economic Sciences*, (4), 367–375. (In Russian). <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-4-367-375>
- Ravenstein, E. (1885). The laws of migration. *Journal of the Statistical Society*, (46), 167–235. (In Russian).
- Ryazantsev, S.V., & Pis'mennaya E.E. (2009). Effects of the foreign students' migration in Russia. *Narodonaselenie (Population)*, (2), 69–79. (In Russian).
- Semenenko, I.S. (2019). Horizons of responsible development: From discourse to governance. *Polis. Political Studies*, 3, 7–26. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>
- Semenenko, I.S. (2021). Rethinking development in social sciences: On the threshold of an ethical turn. *Polis. Political Studies*, (2), 25–45. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03>
- Sokolov, I.M. (2011). Efficiency of government decisions in terms of modernization: Experience of countries of the world. *Theory and Practice of Social Development*, (6), 182–184. (In Russian).
- Sokolov, M.M., & Titaev, K.D. (2013). “Provincial” and “indigenous” scholarship in the humanities and social sciences. *Antropologicheskij forum / Forum for Anthropology and Culture*, (19), 239–275. (In Russian).
- Spassky, A.S. (2002). Theoretical foundations of the sociological study of the content of the concept of “student satisfaction with university studies”. *Law and Education*, (2), 83–96. (In Russian).
- Sulimov, K.A., Borisova, N.V., & Borodina, L.S. (2017). Regional universities facing dilemma? Between Scylla of globalization and Charybdis of localization. *International Trends*, 15 (2(49)), 150–167. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.2.49.10>
- Vakhitov, R.R. (2017). «Diseases» of our universities: Soviet universities in the post-soviet era. *University Management: Practice and Analysis*, 21(2), 14–23. (In Russian). <https://doi.org/10.15826/umpa.2017.02.016>
- Vasilyeva, E.V., & Vasileva, A.V. (2022). Demographic research in the context of economic development and security of regions. *Ekonomika Regiona (Economy of Regions)*, 18(1), 1–20. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-1>
- Zykina, O.A. (2020). Migration plans of russian high school students: A regional dimension. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*, 4(52), 153–169. (In Russian). <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-52-4/153-169>

Сведения об авторах:

Ракачев Вадим Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета (e-mail: midav.sf@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6505-4208)

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета (e-mail: morozova_e@inbox.ru) (ORCID: 0000-0002-1369-7594)

About the authors:

Vadim N. Rakachev — Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Sociology of Kuban State University (e-mail: midav.sf@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6505-4208)

Elena V. Morozova — Dr. Sci. (Philosophy), Professor of the Department of Public Policy and Public Administration of Kuban State University (e-mail: morozova_e@inbox.ru) (ORCID: 0000-0002-1369-7594)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-856-882

Научная статья / Research article

Лидеры и ведомые: молодежная политика в представлениях ее участников на примере Краснодарского края

И.В. Самаркина , И.В. Мирошниченко , С.С. Мальцев

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

 smrkn@mail.ru

Аннотация. Для выработки эффективной модели государственной молодежной политики необходима конгруэнтность ее практик и их субъективного восприятия всеми ее участниками. Теоретическая модель субъективного пространства политики использована в работе для анализа эмпирических данных, отражающих состояние субъективного пространства отраслевой политики — государственной молодежной политики региона (Краснодарского края). На основе данных массового опроса молодежи, фокус-групповых интервью и серии экспертных сессий с представителями органов власти и других субъектов, реализующих государственную молодежную политику, определены основные мотивы активности молодежи в форматах молодежной политики региона, выявлен конструктивный и негативный потенциал общественной активности молодежи, выявлены основные социальные профили молодежи и описаны их содержательные параметры. Сделан вывод о включенности молодежи во взаимодействия с властью для решения собственных проблем или проблем других людей. Показано, что максимальным потенциалом вовлечения молодежи в социальную активность обладают социальные проекты и проекты развития территорий, деятельность политических партий, местное общественное самоуправление. Отмечен имеющийся потенциал протестного участия молодежи. Описаны профили молодежи по степени выраженности социальной ориентации: потребители (ориентация на себя, решение собственных проблем) и преобразователи (ориентация на решение проблем других людей); а также профили молодежи по степени выраженности лидерских позиций и социальной активности: лидеры и ведомые.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, лидеры в молодежной среде, субъективное пространство молодежной политики

Для цитирования: Самаркина И.В., Мирошниченко И.В., Мальцев С.С. Лидеры и ведомые: молодежная политика в представлениях ее участников на примере Краснодарского края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 856–882. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-856-882>

© Самаркина И.В., Мирошниченко И.В., Мальцев С.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности: Исследование «Молодежное лидерство в региональных практиках публичного управления развитием человеческого капитала: стратегии достижения успеха, возможности, результаты» выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZEN-2022–0013.

Leaders and Wingmen: Youth Policy in the Views of its Participants — an Evidence from Krasnodar Territory

Irina V. Samarkina , Irina V. Miroshnichenko , Sergey S. Maltsev

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

 smrkn@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a study of young people's perceptions of regional youth policy. The authors use the theoretical model of the subjective space of politics to analyze empirical data reflecting the state of the subjective space of sectoral policy — the state youth policy of the Krasnodar Krai. The main motives of youth activity in regional youth policy are determined based on the data from a mass survey of young people, focus group interviews and a series of expert sessions with representatives of authorities and other entities implementing state youth policy. The article reveals the constructive and negative potential of young people's social activity, as well as identifies the main social profiles of young people and describes their content parameters. The authors conclude that young people are involved in interactions with the authorities to solve their own problems or the problems of other people. They show that social projects, territorial development projects, the activities of political parties and local self-government have the biggest potential for involving young people in social activity. They also note the existing potential of young people's participation in protests. The authors describe the profiles of young people according to two parameters: according to the severity of social orientation young people are divided into consumers (orientation towards themselves, solving their own problems) and transformers (orientation towards solving other people's problems); and according to the degree of leadership positions and social activity they are characterized as leaders and followers.

Keywords: youth, youth policy, youth leaders, subjective space of youth policy

For citation: Samarkina, I.V., Miroshnichenko, I.V., & Maltsev, S.S. (2022). Leaders and wingmen: Youth policy in the views of its participants — an evidence from Krasnodar Territory. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 856–882. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-856-882>

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № № 21-011-31480 «Youth policy in a Russian region: Ideas and expectations of young people VS practices and technologies».

Введение

Молодежь является социальной группой, которая постоянно находится в центре общественного внимания и в фокусе государственной политики. Широкий социальный интерес определяется тем, что молодежь видится ресур-

сом социально-экономического развития; структуры государственной власти и гражданского общества рассчитывают получить политическую поддержку молодежи, вовлечь ее наиболее активных представителей в конвенциональные формы социально-политической активности. Случившиеся в последние несколько лет протестные движения, в которых основную массу участников составили представители младшей возрастной когорты молодежи, заставляют общество и государство не ослаблять внимание к этой группе, найти те исследовательские техники и практические управленческие технологии, которые способствовали бы пониманию и синхронизации представлений молодежи о себе и о тех мерах, которые реализуют органы государственной власти в сфере молодежной политики.

Исследование представлений молодежи о государственной молодежной политике расширяет теоретические представления о субъективном пространстве политики и позволяет глубже понять структуру и содержательное наполнение концепта субъективного пространства отраслевой политики. В практическом плане исследование представлений молодежи о молодежной политике становится частью процесса налаживания эффективной обратной связи между (в широком смысле) обществом и государством, между (в узком смысле) объектом и субъектом реализации государственной политики.

Цель

На основе проведенного комплексного исследования выявить отношение молодежи к молодежной политике, определить социальные профили российской молодежи и соответствующие им специфические конфигурации субъективного пространства молодежной политики (в Краснодарском крае).

Материалы и методы

Ключевой *методологией* для исследования представлений участников политики о ее компонентах, практиках и результатах стала феноменология [Гуссерль 2005], позволяющая исследовать представления как результат восприятия жизненного мира молодежи, детерминированного особенностями ее социального статуса, этапа социализации и субъектностью в системе социально-политических отношений. Деятельностный подход позволил анализировать социальные общности как потенциальных субъектов политической деятельности, имеющих политический модус всех своих сущностных проявлений — познавательной активности, эмоционально-оценочного подхода к миру, поведенческих ориентаций; исследовать политический потенциал социальных общностей в пространстве социального взаимодействия [Арендт 1992]. Гуманистическая концепция молодежи И.М. Ильинского [Ильинский 2001] использована для понимания механизмов формирования и реализации субъектной позиции молодежи. Оценка успешности и результативности институциональных решений

в сфере молодежной политики и дальнейшее их проектирование было основано на понимании молодежи как ресурса, который следует развивать [Roth, Brooks-Gunn 2003; Lerner 2017], в том числе с учетом особенностей субъективного восприятия ею практик реализации политики [Социальное государство... 2020], и возможностей создания для этого особых институциональных условий [Hart 2008].

Предметное поле исследований институциональных и социокультурных аспектов государственной молодежной политики представлено междисциплинарными работами зарубежных и отечественных ученых.

Современные подходы к формированию государственной молодежной политики описаны в работе Ю.А. Зубок и соавторов, анализирующих приоритеты и направления государственной молодежной политики в России и особенности реализации государственной молодежной политики на федеральном и региональном уровнях [Зубок, Ростовская, Смакотина 2016], а также работах других авторов. Особый интерес представляют исследования, анализирующие зарубежный опыт становления и эволюции институтов и инструментов молодежной политики [Соколов 2009; Баронина, Зуляр 2019].

Большой пласт работ по молодежной проблематике посвящен проблемам участия молодых людей в политической жизни государства. Одни авторы видят серьезную проблему снижения активности молодежи, с которой сталкиваются современные демократии [Norris 2003; Henn, Foard 2012], другие отмечают, что с изменением характера политических действий начали появляться новые формы политического участия [Kestilä-Kekkonen 2009; Sloam 2016].

Социально-политическая активность российской молодежи в последнее десятилетие является популярным исследовательским полем. В этом ключе предметом социологических и политологических исследований являются ценностные ориентации молодых россиян. Исследователи отмечают низкий уровень доверия к власти при слабом уровне познаний в сфере политики и истории, позитивное отношение к «героям из интернета», стремление к независимости, открытость миру¹. Интегрированность значительной части молодежи в ценностную систему общества соседствует с наличием доли молодых людей (порядка 20 %), склонных к отрицанию позитивных практик и к нигилизму [Ценностные ориентации... 2017]. В системе ценностных ориентаций молодежи наиболее значимыми политическими ценностями являются мир, права человека, безопасность, свобода и справедливость, наименее значимой — национализм [Селезнёва 2020; Селезнёва, Антонов 2020]. Вместе с тем исследования показывают, что «наиболее важные ценности россиян остаются неизменными... — семья, безопасность

¹ Волков Д. Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoi-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/> (дата обращения: 04.02.2022) (Левада-центр включен в список организаций, выполняющих функции иностранного агента).

и надежность»². В 2022 г. существенно увеличивается важность справедливости, финансового благополучия, самостоятельности. Снижается ценность просвещения, увлеченности и азарта, бунтарства.

В целом вопрос о поколенческой дифференциации политических ценностей в современном российском обществе является актуальным и дискуссионным. Так, Н.М. Великая и О.П. Новоженина [2021] делают вывод о высоком уровне преемственности в идеологических предпочтениях и о имеющемся ценностном расколе российского общества, что затрудняет выработку сценария модернизации, который устраивал бы все социальные группы. Несмотря на относительно высокий потенциал поддержки действующей власти, в общественном мнении присутствует хорошо артикулированное несогласие с текущим политическим курсом.

Исследователями определены условия, влияющие на специфику и формы политического участия молодых людей, а также интегративные условия для эффективной активизации политического потенциала молодых граждан [Комарова 2016; Макарова 2014; Гундарь, Пальцев 2017].

В ряде работ рассматриваются механизмы и технологии вовлечения молодежи в социально-политические практики [Нигматуллина 2013; Стагнеева 2013; Мартынова, Яницкий, Зеленин, Пфетцер 2019]. Авторским коллективом под руководством С.Ю. Поповой описаны успешные социально-политические практики молодежи в контексте реализации государственной молодежной политики в России [Государственная молодежная политика... 2019]. Популярна тематика общественно-политической активности молодежи [Гукова 2015; Мельников 2015; Кочетков А.В., Кузьмина 2017; Шашкова и др. 2019; Негров 2021; Гришин 2021].

Вместе с тем, несмотря на актуализацию научного поиска по проблематике молодежи и молодежной политики на ее различных уровнях, в современном междисциплинарном знании сохраняется дефицит работ, отражающий комплексный подход к исследованию институционального и социокультурного измерения пространства молодежной политики и характеристик их конгруэнтности.

Методика эмпирического исследования включала фокус-групповые интервью с представителями молодежи на уровне муниципальных образований по системе бинарных сравнений: «включенные» (субъекты, акторы) и «невключенные» (объекты) в систему молодежной политики Краснодарского края (14 фокус-групповых интервью); экспертные сессии с представителями институциональных структур, участвующих в выработке и реализации молодежной политики Краснодарского края (12 экспертных сессий), онлайн-анкетирование молодежи (объем выборки 1661 респондент), а также сбор и дескриптивный анализ статистических, социологических и цифровых данных, отражающих социально-демографический портрет молодежи и институциональный ландшафт молодежной политики региона.

² Ромир: Семья, безопасность и надежность — главные ценности россиян // РОМИР. Эл. документ. URL: <https://romir.ru/studies/romir-semya-bezopasnost-i-nadejnost--glavnye-cennosti-rossiyan> (дата обращения: 15.03.2022).

Результаты

В статье представлены результаты и обобщение, основанные на данных массового опроса и фокус-групп, относительно мотивов участия молодежи и востребованных ею форматах молодежной политики, а также относительно определенных на основе количественных и качественных данных социальных профилей молодежи. Результаты массового опроса показали в целом включенность молодежи во взаимодействия с властью для решения собственных проблем или проблем других людей. Значительная часть опрошенной молодежи в той или иной форме участвовала в разных формах общественной активности для решения тех или иных собственных проблем. Только 15,9 % опрошенных ответили, что ни в чем подобном им не приходилось участвовать (рис. 1).

Самыми массовыми формами участия в общественной активности для решения своих проблем оказались онлайн-акции и флешмобы (их упомянули 42,4 % опрошенных), волонтерская деятельность (36,1 %), сбор средств, вещей для оказавшихся в трудной жизненной ситуации (31,6 %), выборы в органы власти разного уровня (27,8 %), социальные проекты или программы развития сообществ (25,6 %). Реже всего для решения собственных проблем молодые люди участвуют в протестных акциях (4,2 % опрошенных), в деятельности политических партий (5,5 %), в деятельности религиозных организаций (7 %), в работе домовых комитетов или местном общественном самоуправлении (7,2 %), в деятельности профсоюзных организаций (9,8 %). Показательно, что самые массовые формы общественной активности связаны с интернет-пространством.

Рис. 1. Общественная активность молодежи Краснодарского края (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

What forms of social activity have you PARTICIPATED in to solve YOUR OWN problems?

Figure 1. Social Activity of the Youth of the Krasnodar Territory (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Для оценки *потенциала* социальной активности молодежи мы спросили о том, в каких формах общественной активности они *готовы* участвовать для решения своих проблем (рис. 2). В иерархии ответов на этот вопрос в сравнении с предыдущим вопросом отличий нет. Топ-5 выборов и нижние позиции полностью совпадают.

В каких формах общественной активности Вы ГОТОВЫ УЧАСТВОВАТЬ для решения СОБСТВЕННЫХ проблем?

Рис. 2. Потенциальная активность молодежи Краснодарского края (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

What forms of social activity are you WILLING TO PARTICIPATE in to solve YOUR OWN problems?

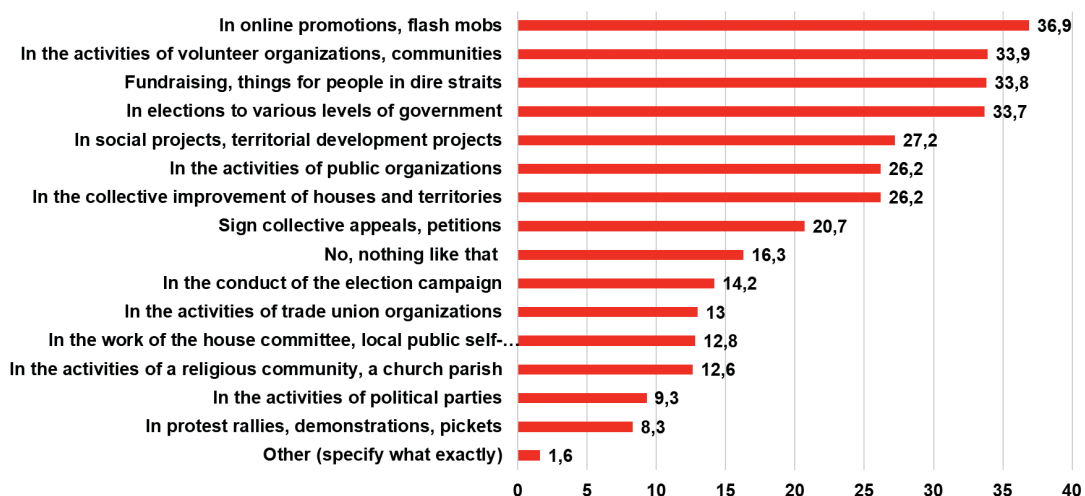

Figure 2. The Potential Activity of the Youth of the Krasnodar Territory (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Если сопоставить доли полученных ответов, можно выявить те направления общественной активности, куда молодежь в ближайшее время готова включить-ся для решения собственных проблем (рис. 3). Максимальная положительная дельта (разница между готовностью участвовать и реальным участием) говорит о потенциале вовлечения молодежи в эти формы общественной активности.

Потенциал вовлечения молодежи в форматы реализации молодежной политики (мотив — решение собственных проблем)

Рис. 3. Потенциал вовлечения молодежи Краснодарского края в форматы реализации молодежной политики (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

The potential of youth involvement in the formats of youth policy implementation (motive - solving their own problems)

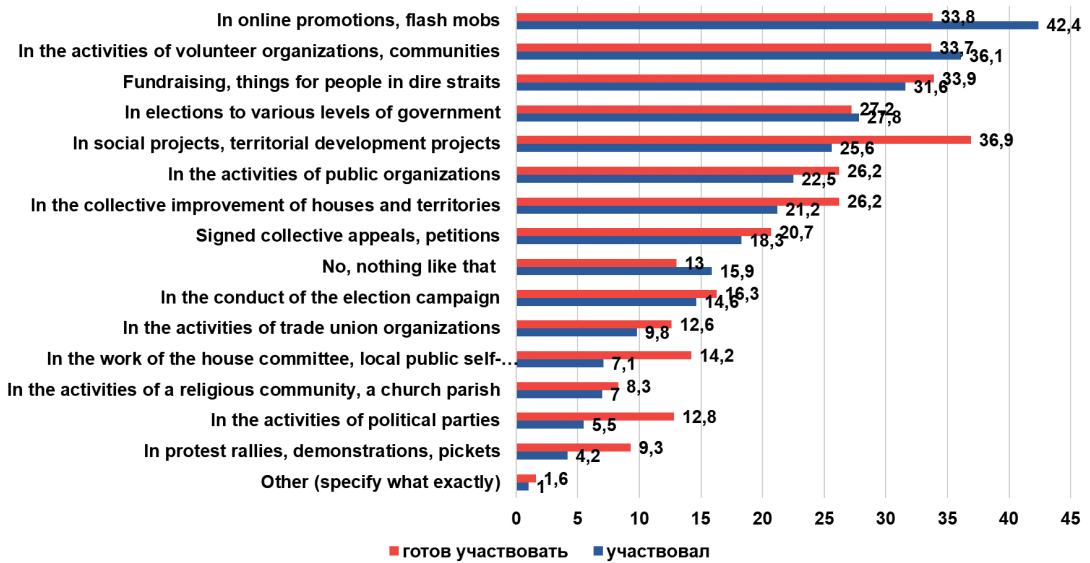

Figure 3. The Potential of Involving the Youth of the Krasnodar Territory in The Formats of Youth Policy Implementation (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Максимальным потенциалом вовлечения молодежи в социальную активность обладают социальные проекты и проекты развития территорий (11,3 %), деятельность политических партий (7,3 %), местное общественное самоуправление (7,1 %). Обладают потенциалом вовлечения молодежи (но в меньшей мере) и другие формы общественной активности: сбор средств, благотворительная деятельность, деятельность общественных, профсоюзных и религиозных организаций, благоустройство домов и территорий, петиции, коллективные обращения, участие в проведении избирательных кампаний. Отдельно необходимо отметить имеющийся потенциал протестного участия (5,1 %).

Отрицательная дельта (разница между готовностью участвовать и реальным участием) говорит о том, что формат общественной активности молодежь в настоящее время не востребован, его нужно модернизировать. Обращает на себя внимание, что востребованность онлайн-форматов существенно снижается (–8,6 %), меньше молодежи готово участвовать в волонтерской деятельности (–2,4 %) и в выборах в органы власти различного уровня (–0,6 %). Объяснение такого отношения к существующим форматам общественной активности заключается в специфике цифрового поколения молодежи, чья политическая социализация происходила в контексте цифровой социализации, «представляющей человеку социальную адаптацию, интериоризацию и интеграцию» [Малькевич 2019: 9]. Важно, что, несмотря на внутреннюю дифференциацию цифрового поколения, подгруппы которого отличаются разным соотношением традиционных и постматериальных

компонентов в системах ценностей, объемами социального капитала, в том числе формирующегося в онлайн-пространстве, а также особенностями социализационного опыта [Радаев 2019], для его представителей характерны включенность в различные формы социальной активности в онлайн-пространстве и ориентация на социально-политические изменения [Ядова 2020].

Новые конвенциональные формы социально-политической активности граждан, в том числе современной российской молодежи, исследователи определяют как «культуру соучастия», которая необходима для актуализации различных форм гражданской солидарности, сотрудничества [Мирошниченко, Рябченко 2017]. В то же время результаты нашего эмпирического исследования показали, что пандемия коронавируса способствовала, с одной стороны, интенсификации «перехода» практически всех видов деятельности молодежи (обучение, досуг, профессиональная деятельность и потребление и др.) в онлайн-пространство, а с другой — накоплению «усталости» от онлайн-форматов. В рамках фокус-групповых интервью участники отмечают, что хотели бы «живых людей, живых коммуникаций и общения», которые могли бы подтвердить, что демонстрируемые в социальных сетях и социальных медиа «картинки», «сюжеты» и «установки» являются не частью конструируемой кем-то реальности, а реальной деятельностью реальных людей и организаций.

Примечательно, что для решения проблем других людей молодежь готова включиться практически во все предлагаемые форматы общественной деятельности (рис. 4).

Потенциал вовлечения молодежи в форматы реализации молодежной политики (мотив — решение проблем других людей)

Рис. 4. Потенциал вовлечения молодежи Краснодарского края в форматы реализации молодежной политики (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

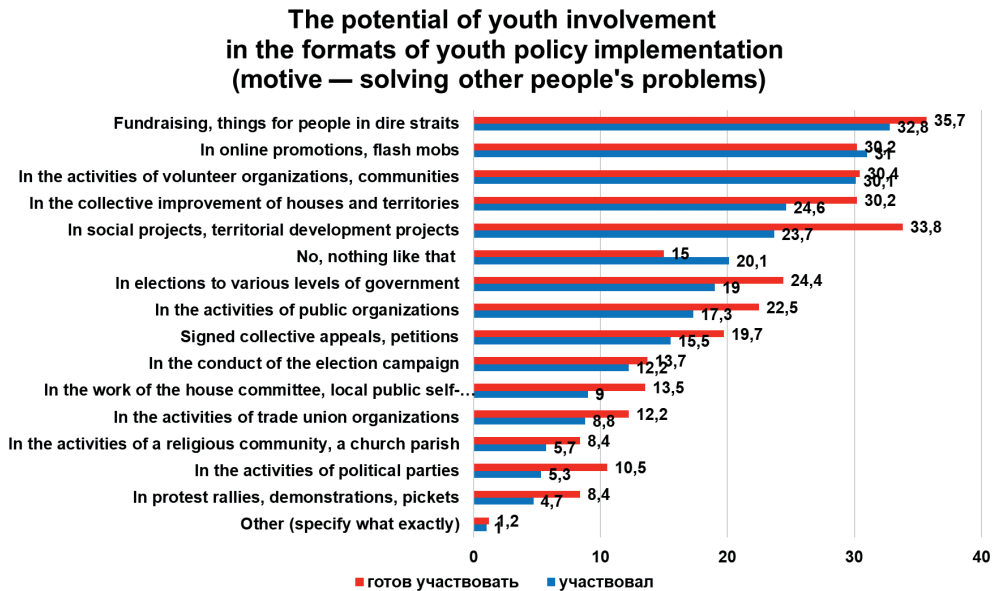

Figure 4. The Potential of Involving the Youth of the Krasnodar Territory in The Formats of Youth Policy Implementation (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Наиболее востребованными молодежью форматами реализации молодежной политики в Краснодарском крае (рис. 5) сегодня является молодежное самоуправление (40,6 %), творческая деятельность в формате форумов и креативных пространств (онлайн и офлайн) (32,6 %) и деятельность различных молодежных общественных организаций (28,1 %). Остальные направления государственной молодежной политики интересны менее 15 % опрошенной молодежи Краснодарского края. Как показывают результаты фокус-групповых интервью, высокую популярность приобретают практики включенности представителей молодежи в молодежные парламенты. Пережив в последние три года «историю» институционального переформатирования для создания «рабочих версий» молодежных парламентов, данные структуры стали «крыльями» представительных органов власти органов местного самоуправления наиболее крупных городов Краснодарского края (Краснодара, Сочи, Геленджика, Анапы). Молодые парламентарии на общественных началах становятся помощниками действующих депутатов муниципальных образований, не только погружаясь в актуализацию проблематики и выработку способов решения проблем конкретных городских округов и сельских поселений, но и включаясь в проблемные и профессиональные политические сообщества территорий, накапливая опыт успешной общественной деятельности и социальный капитал.

Форумные и креативные пространства приобрели популярность благодаря развитию в последние несколько лет на территории региона «Точек кипения» как части широкой общероссийской сети инфраструктурных площадок «Агентства стратегических инициатив»³ и арт-пространств. «Точки кипения», созданные

³ «Точка кипения» АСИ — пространство для коллективной работы. URL: <https://asi.ru/media/58754/> (дата обращения: 15.03.2022).

на территории Краснодарского края, стали востребованными для форматов совместной проектной работы различных профильных и проблемных молодежных сообществ, организации пространства общего поля коммуникации и распространения идей и практик технологического и социально-экономического развития. Креативная молодежь получила возможность реализовывать свои творческие идеи и проекты в пространстве арт-резиденций, которые отрывают новые ресурсные возможности для творческих коллективов и сообществ (сцены, студии видео- и звукозаписи и др.). В отношении молодежных общественных организаций, как показывают результаты фокус-групповых интервью, скорее формируется «запрос» на включенность в их деятельность, нежели чем дается оценка их эффективности. Отмечая уникальность созданной в 2019 г. краснодарской краевой молодежной общественной организации «Кубанский союз молодежи» (<https://kubsomol.org>), участники фокус-групп отмечают дефицит ее реальной деятельности на уровне муниципальных образований Краснодарского края при амбициозности и перспективности заявленных ее лидерами целей и проектов организации, которые привлекательны для молодежи региона.

Результаты опроса показывают противоречивость представлений молодежи о молодежной политике и дифференцированность молодежной когорты. Это ярко видно на примере отношения к молодежному самоуправлению. Это направление реализации молодежной политики вызывает наибольший интерес (40,6 %) молодежи, и в то же время 26,4 % опрошенных считают это направление бесполезным (рис. 6). Больше 10 % опрошенных считают бесполезными для себя следующие направления молодежной политики Краснодарского края: деятельность молодежных общественных организаций (13,7 %), проекты и мероприятия патриотической направленности (13 %), форумы и креативные пространства (11,7 %), поддержка молодежного предпринимательства (11,6 %).

Какие из перечисленных направлений молодежной политики для Вас представляют наибольший интерес?

Рис. 5. Востребованные молодежью форматы реализации молодежной политики (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Which of the following areas of youth policy are of the greatest interest to you?

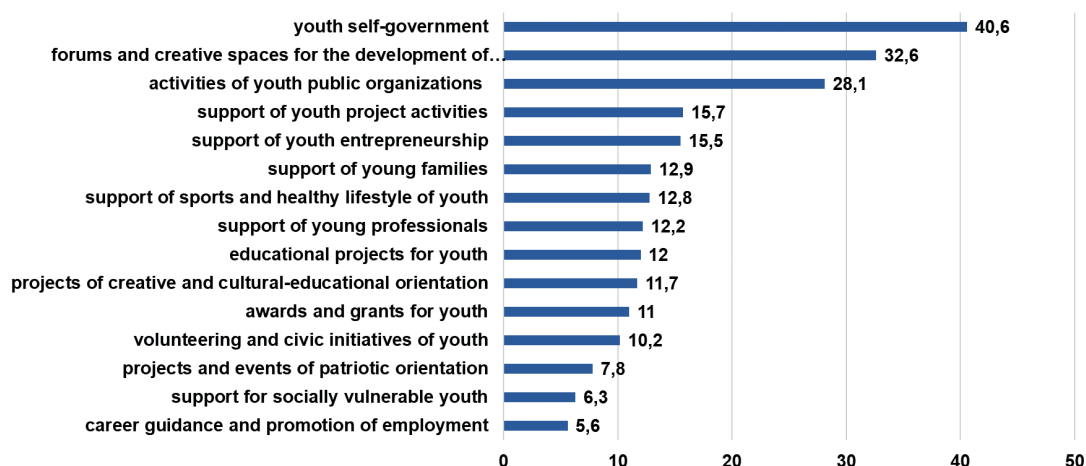

Figure 5. Formats of Youth Policy Implementation in Demand by Young People (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Какие из перечисленных мероприятий, на Ваш взгляд, являются бесполезными для молодежи Краснодарского края?

Рис. 6. Не востребованные молодежью форматы реализации молодежной политики (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Which of the listed events, in your opinion, are useless for the youth of the Krasnodar Territory?

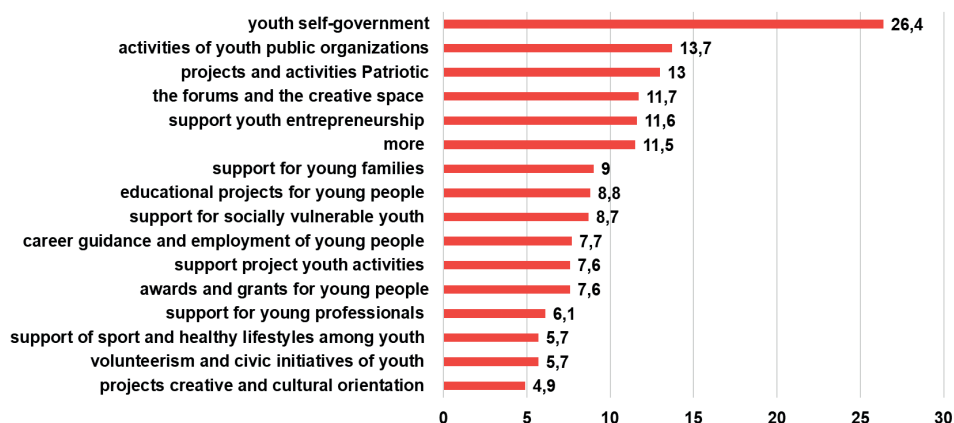

Figure 6. Formats of Youth Policy Implementation That Are Not in Demand by Young People (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Важно подчеркнуть, что фокус внимания на ключевых мотивах, определяющих социальную активность молодежи, позволяет дифференцировать молодежную когорту и выступает одним из факторов, определяющих социальные профили современной молодежи региона. Подавляющее большинство молодежи мотивированы на социальное действие для решения собственных проблем (рис. 7), вместе с тем они готовы к активным социальным действиям для того, чтобы решать проблемы окружающих.

К какой категории людей вы себя относите? (% респондентов от числа опрошенных)

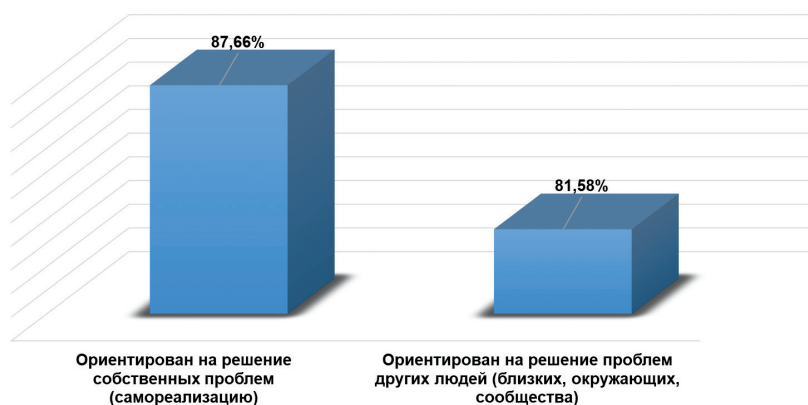

Рис. 7. Выраженность социальной ориентации молодежи (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

What category of people do you consider yourself to be? (% of respondents from the number of respondents)

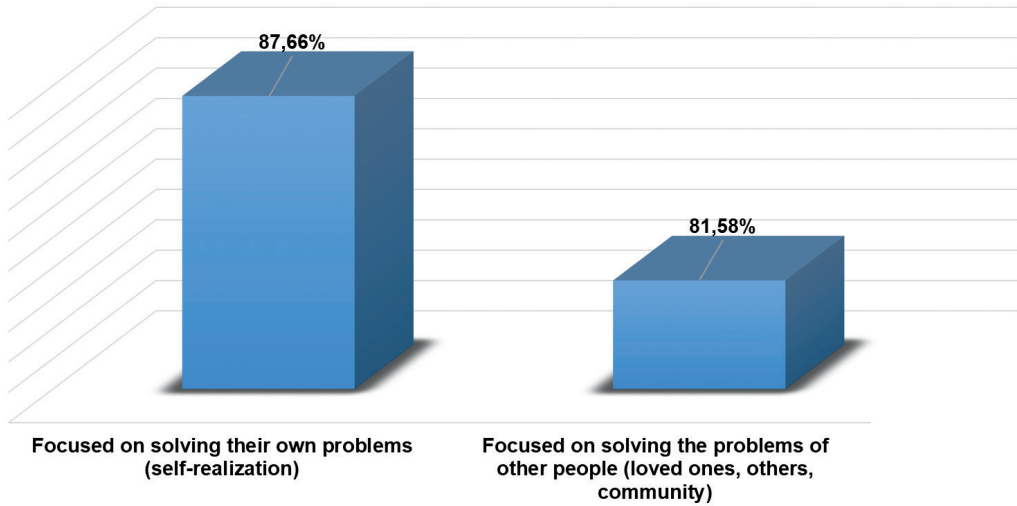

Figure 7. The Severity of the Social Orientation of Youth (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research

Топ-3 проблем, мотивирующих молодежь на социальную активность, составили: социальные проблемы (56 % респондентов готовы включиться в их решение), экологические проблемы (46,4 %) и гражданские (33,8 %). Меньшим потенциалом мотивации обладают экономические (29,2 %) и политические (23,1 %) проблемы. Не видят необходимости социальной активности 7,3 % опрошенных (рис. 8).

Какие общественные проблемы кажутся для вас настолько важными, что вы готовы включиться в их решение? (% респондентов от числа опрошенных)

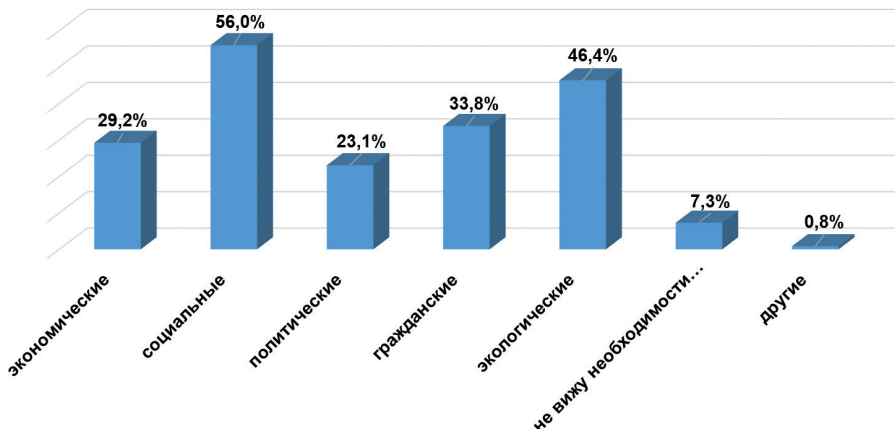

Рис. 8. Готовность включиться в решение проблем молодежью (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

What social problems seem so important to you that you are ready to get involved in their solution? (% of respondents from the number of respondents)

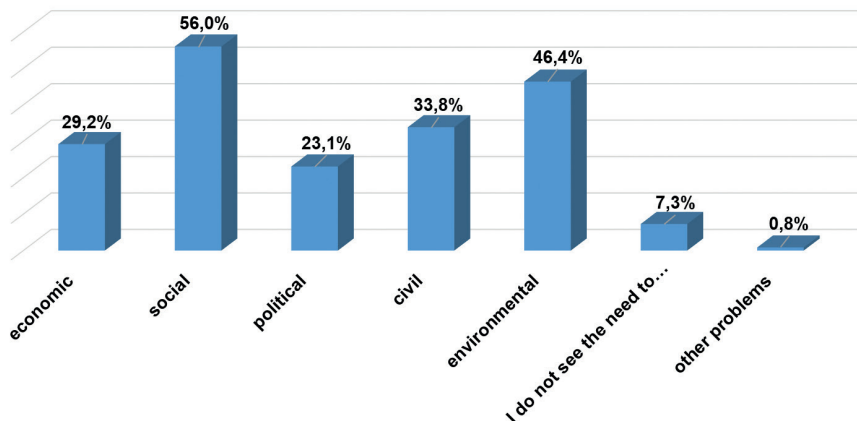

Figure 8. Willingness to Get Involved in Solving Problems by Young People (according to the results of a survey of young people from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Результаты опроса показали, что относительно своей жизни молодое поколение занимает субъектную позицию: 94 % респондентов заявили, что готовы самостоятельно решать собственные проблемы и нести за это ответственность (рис. 9). Однако зона и масштаб ответственности относительно других людей значительную часть молодежи пугает (рис. 10).

К какой категории людей вы себя относите? (% респондентов от числа опрошенных)

Рис. 9. Выраженность степени ответственности молодежи за решение собственных проблем (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

What category of people do you consider yourself to be? (% of respondents from the number of respondents)

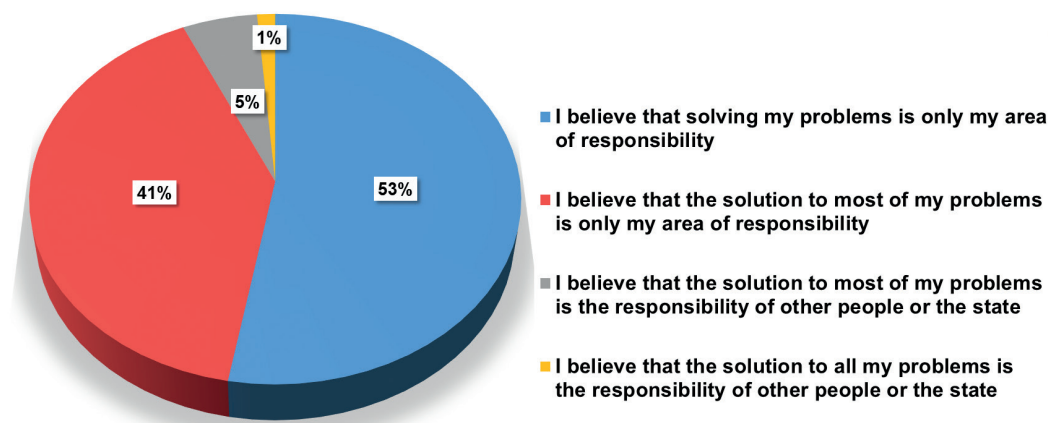

Figure 9. The Severity of the Degree of Responsibility of Youth for Solving Their Own Problems (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Несмотря на то, что 81,58 % респондентов от числа опрошенных заявили, что ориентированы на решение проблемы других людей, брать ответственность за их решение готово всего 32 % («я готов брать на себя ответственность за все решения относительно других людей» — 14 %, «я готов брать на себя ответственность за многие решения относительно других людей» — 18 %).

Результаты фокус-групповых интервью также показали дифференциацию установок молодежи в отношении их ответственности в решении собственных проблем и проблем других людей, которые соотносятся с представлениями молодежи в отношении институциональных моделей государственной молодежной политики. Данные представления можно описать в рамках субъектно-деятельностной и государственно-патронажной моделей молодежной политики. По мнению участников фокус-групповых интервью, субъектно-деятельностная модель молодежной политики — «это дело молодых», при этом субъекты молодежной политики должны быть не только ориентированы на потребности, проблемы и мнения/оценки молодежи, но и создавать условия для формирования у молодежи способности самостоятельно принимать решения в отношении собственных проблем и участвовать в их практической реализации. Представления участников фокус-групп о молодежной политике как государственно-патронажной модели подтверждаются их позициями, что «молодежная политика — это деятельность государства по созданию условий для развития молодежи», которые, в первую очередь, связаны с «мерами финансового и материального стимулирования, обеспечения высокого уровня жизни молодого поколения при финансовой поддержке государства».

Следует также отметить, что патерналистские установки молодежи актуализируются в условиях разного рода кризисов и ситуаций неопределен-

ности. Так, результаты исследований ВЦИОМ, которые были озвучены в июне 2022 г., на заседании Научного совета ВЦИОМ «Ценностная консолидация и/или размежевание российского общества на фоне специальной военной операции», показывают, что современная молодежь более склонна перекладывать ответственность за себя на государство, политиков и родителей, и ей в большей мере свойствен патернализм⁴.

**К какой категории людей вы себя относите?
(% респондентов от числа опрошенных)**

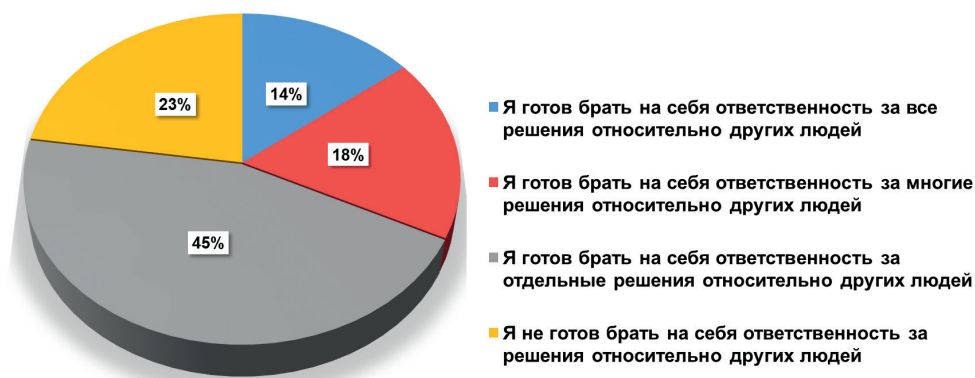

Рис. 10. Выраженность степени ответственности молодежи за решение проблем других людей (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

**What category of people do you consider yourself to be?
(% of respondents from the number of respondents)**

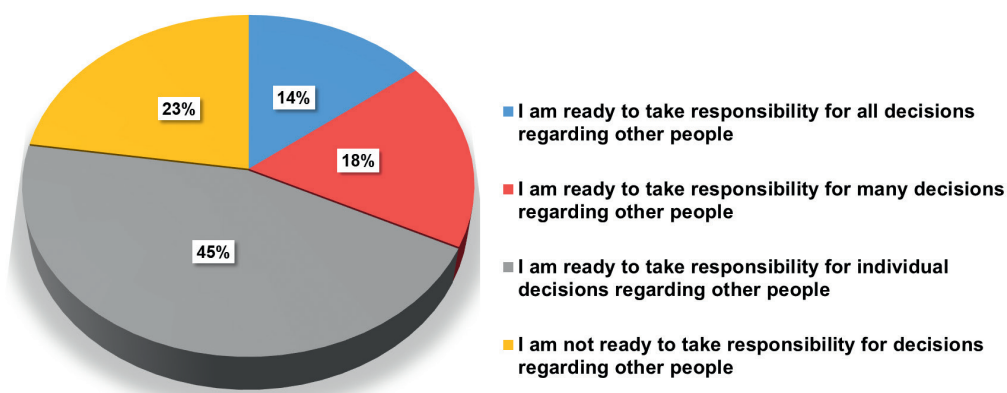

Figure 10. The Severity of the Degree of Responsibility of Youth for Solving Other People's Problems (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

⁴ VK-видео: ВЦИОМ. Заседание Научного совета ВЦИОМ: «Ценностная консолидация и/или размежевание российского общества на фоне СВО». 30 июня 2022 в 17:01. URL: https://vk.com/video/@wciompage?z=video-28944118_456239263%2Fclub28944118%2Fpl_-28944118_-2.

Результаты опроса показывают, что имеющийся потенциал активности, характерный для этой социальной группы, не реализуется вследствие понимания груза ответственности, который лежит на лидере. Большинство респондентов (85 %) по результатам онлайн-опроса определили свою жизненную позицию как активную, предполагающую реализацию лидерского потенциала, 52,3 % респондентов отметили, что для них комфортно быть пассивными и идти за лидером, что соотносится с данными об уровне ответственности (32 % респондентов), которые готовы нести представители молодежи в решении проблем других (рис. 11).

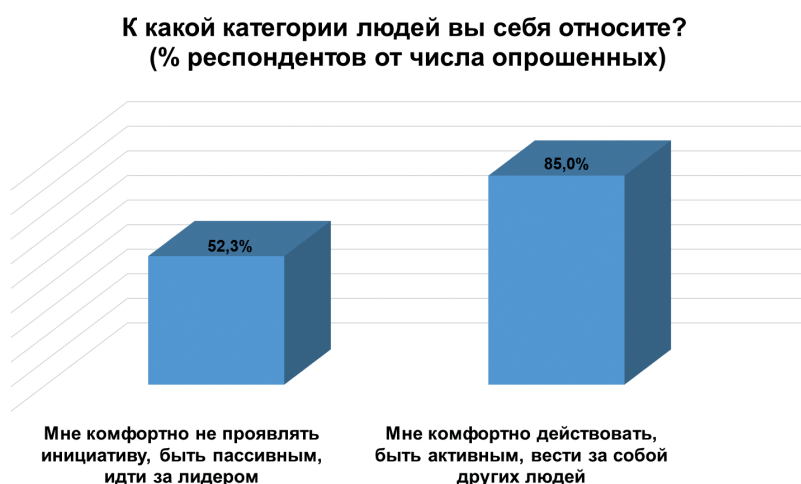

Рис. 11. Выраженность лидерских позиций молодежи (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

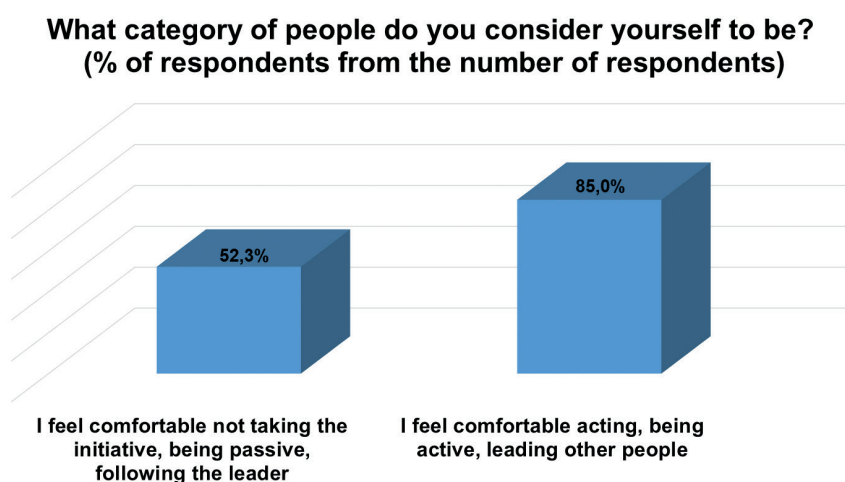

Figure 11. The severity of youth leadership positions (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Обсуждение

По результатам качественного анализа транскриптов фокус-групповых интервью с представителями молодежи и результатов экспертных сессий с субъектами молодежной политики Краснодарского края были выделены социальные профили молодежи, основаниями для которых стали четыре ключевые характеристики по двум шкалам сравнения:

а) по степени выраженности социальной ориентации: *потребители (ориентация на себя, решение собственных проблем) и преобразователи (ориентация на решение проблем других людей)*;

б) по степени выраженности лидерских позиций и социальной активности: *лидеры и ведомые*.

Данные характеристики складываются в несколько «чистых» социальных профилей молодежи Краснодарского края: «потребители», «преобразователи», «активисты» и «ведомые», которые преимущественно воплощаются в гибридные профильные сообщества молодежи.

Профиль «потребителя» отличается в первую очередь актуализированными потребностями представителей молодежи в высоком уровне дохода и качестве жизни / комфортном образе жизни: *«молодые люди сконцентрированы на том, что свое благо превыше всего»; «...так или иначе, человек, заботясь о себе, должен чувствовать себя частью чего-то целого. Все мои друзья, знакомые, все думают о себе...», «вся молодежь хочет зарабатывать и зарабатывать много, но вот этой вот поддержки нет...»* (из транскриптов фокус-групповых интервью с представителями молодежи). В свою очередь, высокий уровень дохода позволяет, по мнению участников фокус-групповых интервью, реализовать другие приоритетные для этой профильной социальной группы молодежи потребности *в саморазвитии, качественном досуге и разнообразном общении*. Данная категория молодежи в большей степени ориентирована на собственную реализацию в экономической сфере, не исключая и возможность заняться предпринимательской деятельностью при должной поддержке со стороны государства.

Профиль «преобразователя» отличается доминированием ярко выраженной социальной ориентацией, связанной с потребностями молодежи включаться в решение проблем других людей, сообществ, территорий. Важными «связующими» для двух социальных профилей молодежи являются потребности в высоком уровне дохода и самореализации, однако для «преобразователей» они необходимы для наращивания достаточного багажа компетенций и участия в решении общественных проблем, в развитии конкретных сообществ и территорий, в создании чего-то нового: *«потребность в чем-то новом, что может заинтересовать и заставить развиваться в каком-то новом для себя направлении»* (из транскриптов фокус-групповых интервью с представителями молодежи). В отличие от «потребителей» «преобразователи» заинтересованы в постоянном личностном и профессиональном развитии, что будет способствовать, по их мнению, «...формированию уверенности в будущем... это какое-то профориентирование, понимание, что делать на каждом этапе в жизни... куда идти и зачем» (из транскриптов фокус-групповых интервью с представителями молодежи).

Профиль «активист» характеризуется активной жизненной позицией, которую демонстрируют как «преобразователи», так и «потребители», что проявляется в их включенности в социальные коммуникации, обретении авторитета в молодежной среде, закреплении статуса формального или неформального лидера. Однако «преобразователи» и потребители по-разному воспринимают феномен молодежного лидерства, обращая внимание в фокус-групповых дискуссиях на ценностные и карьерные компоненты в лидерских моделях. Для «потребителей» лидеры — это представители молодежи, занимающие формальные статусные позиции в качестве руководителя молодежной организации, органа управления по делам молодежи и др. и демонстрирующие вертикальные карьерные стратегии в сфере региональной молодежной политики. «Потребители» используют институциональную систему молодежной политики как набор «социальных лифтов» в собственной достижительной стратегии, способствующей удовлетворению таких потребностей, как *«достаток, комфортный образ жизни... отдых, спорт, путешествия и немножко поработать»* (из транскриптов фокус-групповых интервью с представителями молодежи).

Лидер в представлениях «преобразователей» — это человек, умеющий вдохновлять на изменения, достижение нового и конкретных результатов. «Реальные» молодежные лидеры имеют профессиональные и надпрофессиональные компетенции в сфере молодежной политики и несут ответственность за результаты своей деятельности, своей команды: *«Человек просто должен гореть своим делом, то есть ты приходишь с инициативой к этому человеку — он понимает, и если мы можем это реализовать, то мы это делаем. То есть это лидер-наставник»*. *«Сейчас не хватает грамотных руководителей. Очень много таких людей, которые на бумажке являются руководителями, но на деле ничего не могут решить. Многие боятся ответственности, если честно»* (из транскриптов фокус-групповых интервью с представителями молодежи). «Преобразователи» отмечают также, что в молодежной среде формируются модели лидерства в виде лидеров-карьеристов или цифровых лидеров мнений с негативными социальными эффектами, которые проявляются в пропаганде потребительского образа жизни и практик девиантного поведения, использовании хайповых стратегий (привлечение интереса к ранее непримечательным объектам, событиям, которые традиционно имели негативные общественные оценки), формировании своих медийных образов: *«...современные лидеры мнений скорее просто развлекают молодежь. Они не несут что-то новое и полезное...»* (из транскриптов фокус-групповых интервью с представителями молодежи).

Профиль «ведомые» характеризует молодежь со слабовыраженными потребностями и интересами, несформированными устойчивыми ценностными ориентациями и демонстрацией пассивной жизненной позицией. Однако при создании определенных условий, прежде всего связанных с реализацией возможностей для их саморазвития, «ведомые» готовы включаться в деятельность, проекты, мероприятия: *«...ведомым ребятам нужен и важен какой-то пример*

интересный, за которым они готовы следовать» (из экспертных сессий с субъектами региональной молодежной политики), «нам нужны реальные люди с их реальными делами, ресурсами и результатами... чтобы мы не слушали о них, а видели, могли с ними пообщаться... понять, что это реально работает» (из транскриптов фокус-групповых интервью с представителями молодежи).

Эмпирические данные онлайн-анкетирования представителей молодежи Краснодарского края показали, что в «чистом» виде выделенные по результатам качественного анализа фокус-групповых интервью и экспертных сессий профили молодежи составляют 1/5 часть респондентов. Остальная часть опрошенных респондентов (80 %) демонстрирует при ответах на вопросы, которые позволяют идентифицировать соответствующие профильные характеристики, гибридные формы.

Важно, что различия в профильных характеристиках «потребителей» и «преобразователей», идентифицированных в результате онлайн-анкетирования по соответствующим показателям: «ориентирован на решение собственных проблем» и «ориентирован на решение проблем других людей» — определяются исключительно ценностными предпочтениями молодежи, при незначительных различиях в половозрастных и социально-статусных характеристиках, места проживания респондентов.

Заключение

Эффективная интеграция молодежи в общество возможна при взаимном встречном движении, открытости и готовности всех участников этого процесса слышать и понимать друг друга. Иными словами, субъективное пространство молодежной политики должно стать конгруэнтным реальному политическому пространству в этой сфере. Лидеры молодежной среды в этом процессе играют чрезвычайно важную роль проводников изменений и переводчиков языка институциональных действий и процессов на понятный для молодежи язык повседневности.

В проектировании государственной молодежной политики важно учитывать особенности восприятия целевыми группами молодежи собственных проблем и способов их решения, которые предлагает и конструирует государство. Избирательность молодежной политики с точки зрения ее институциональных механизмов реализации и направленности на целевые аудитории (талантливая, социально активная и девиантная молодежь) препятствует формированию перспективных положительных эффектов в молодежной среде, связанных с развитием инновационного потенциала молодежи и сохранением социально-политической стабильности страны. Создание реальных механизмов обеспечения трансфера результатов исследования «картины мира» молодежи в комплекс мероприятий и проектов в структуре выработки и реализации государственной молодежной политики позволит выработать не только единые маркеры коммуникации, но и общий «связующий» различные группы молодежи и субъекты политики дискурс дальнейшего

развития России. В свою очередь, конструируемый в символическом пространстве дискурс развития требует практического воплощения в проектах развития территорий и сообществ, приближенных к потребностям и интересам молодежи, в которых она выступает в качестве субъекта, а не объекта деятельности.

Актуализация лидерского потенциала в проектируемых практиках государственной молодежной политики будет способствовать созданию условий для формирования субъектной позиции молодежи, обеспечивать ее мотивационно обоснованную включенность в созидательную социально-экономическую, социально-политическую и социокультурную деятельность, в процесс выработки публичных решений, за которые необходимо нести ответственность. Краснодарский край, в данном исследовательском контексте, представляет собой регион, в котором актуализированы потребности молодежи в реализации собственной субъектной позиции, сложились определенные локальные практики, позволяющие раскрыть инновационный потенциал молодежи как субъекта инновационного развития (отдельные молодежные муниципальные программы территорий, современная креативная инфраструктура в городах Краснодарского края, молодежный парламентаризм). Перспективы реализации эффективной государственной молодежной политики в регионе в том числе будут зависеть от определения способов актуализации молодежного лидерства и механизмов интеграции лидеров в эффективное конвенциональное взаимодействие в системе публичного управления региона с учетом их ожиданий и представлений российской молодежи.

Поступила в редакцию / Received: 17.04.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 07.07.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2022

Библиографический список

- Арендт Х.* Традиции и современная эпоха // Вестник МГУ. Серия 7, Философия. 1992. № 1. С. 80–85.
- Баронина А.А., Зуляр Р.Ю.* Реализация государственной молодежной политики на современном этапе в странах Европы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2019. № 30. С. 40–53. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.30.40>
- Великая Н.М., Новоженина О.П.* Социально-политические ценности в образе будущего российских граждан как основание политической и экономической модернизации страны // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 3(67). С. 596–605.
- Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации / под общ. ред. С.Ю. Поповой. М.: Аквилон, 2019.
- Гришин Н.В.* «Теория подкрепления» и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 1. С. 47–60. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59>

- Гукова И.Н. Перспективные формы развития общественно-политической активности молодежи в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 156–159.
- Гундарь Е.С., Пальцев И.М. Новые формы молодежной политической активности в Российской Федерации (на примере Юга России) // Современная наука и инновации. 2017. № 4 (20). С. 235–239.
- Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Избранные работы / сост. В.А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 443–459.
- Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: ИТД «Перспектива», 2016.
- Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика: Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001.
- Комарова М.С. Механизмы формирования и реализации общественно-политического потенциала российской молодежи: проблемы и интегративные условия // Управленческое консультирование. 2016. № 5 (89). С. 226–231.
- Кочетков А.В., Кузьмина О.В. Государственная молодежная политика Российской Федерации: становление и развитие. 1992—2017 // Пространство открытых возможностей: издание к 25-летию современной государственной молодежной политики и Нац. Совета молодежных и детских объединений России / ред.-сост. Г.В. Петушков. М.: Нац. Совет молодеж. и дет. об-ний России, 2017. С. 18–48.
- Малькевич А.А. Социальные сети как фактор политической социализации молодежи: от иерархии к сетевой модели // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. 2019. № 6. С. 89.
- Макарова О.А. Современные тенденции политического участия молодежи // Власть. 2014. № 12. С. 39–42.
- Мартынова Т.Н., Яницкий М.С., Зеленин А.А., Пфетцер С.А. Добровольческая деятельность как форма социальной и гражданской активности студенческой молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1 (33). С. 160–167.
- Мельников А.В. Формирование общественно-политического потенциала российской молодежи в процессе политической социализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10, № 5. С. 105–109. <https://doi.org/10.12737/14302>
- Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Экосистема сетевого публичного управления: оценка готовности сетевого окружения к инновационным практикам (на примере субъектов РФ) // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18, № 4. С. 6–21.
- Негров О.В. Роль и особенности политического онлайн активизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 1. С. 18–31.
- Нигматуллина Т.А. Технология добровольчества как инструмент социализации молодежи // Евразийский Союз: Вопросы международных отношений. 2013. Вып. 3–4 (4–5). С. 120–129.
- Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Селезнёва А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 3. С. 20–32. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11302>
- Селезнёва А.В., Антонов Д.Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241. <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21>
- Соколов А.В. Современные институты молодежной политики в Европе: история становления и развития // Вестник международных организаций. 2009. № 1 (4). С. 84–99

- Социальное государство в зеркале общественных трансформаций / отв. ред. Е.С. Садовая, И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2020. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0584-0>
- Стагнеева А.В. Развитие молодежного волонтерства: социально-технологический подход // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 2. С. 51–54.
- Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: монография / под общ. ред. С.В. Чуева. М.: Издательский дом ГУУ, 2017.
- Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю., Асеева Т.А., Казанцев Д.А. Проблема эффективности институциональных форм политического участия молодежи (на примере Алтайского края и Новосибирской области) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 192–204.
- Ядова М.А. Поколение миллениалов в российском обществе: в поисках другой молодежи // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 181–188.
- Hart R.A. Stepping Back from ‘The Ladder’: Reflections on a Model of Participatory Work with Children // *Participation and Learning: Perspectives on Education and The Environment, Health and Sustainability* / ed. by A. Raid et al. New York: Springer 2008. P. 19–31.
- Henn M., Foard N. Young People, Political Participation and Trust in Britain // *Parliamentary Affairs*. 2012. № 65 (1). P. 47–67.
- Kestilä-Kekkonen E. Anti-party Sentiment Among Young Adults // *Young*. 2009. № 17 (2). P. 145–165. <https://doi.org/10.1177/110330880901700203>
- Lerner R.M. *Liberty: Thriving and Civic Engagement Among America’s Youth*. Thousand Oaks, Calif.: SAGE Publ.; 2017. <https://doi.org/DOI: 10.4135/9781452233581>
- Norris P. Young People and Political Activism: From the Politics of Loyalties to the Politics of Choice? // *Young people and democratic institutions: from disillusionment to participation*. Paper presented to the Council of Europe Symposium, Strasbourg, 27–28th November 2003.
- Roth J.L., Brooks-Gunn J. What Exactly Is a Youth Development Program? Answers from Research and Practice // *Applied Developmental Science*. 2003. № 7. P. 94–111. https://doi.org/10.1207/S1532480XADS0702_6
- Sloam J. Diversity and Voice: The Political Participation of Young People in the European Union // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2016. № 18 (3). P. 521–537.

References

- Arendt, H. (1992). Traditions and the Modern era. *Bulletin of Moscow State University. Series 7. Philosophy*, 1, 80–85. (In Russian). [Arendt, H. (1977). Tradition and the Modern age. In *Between Past and Future* (pp. 17–40). London: Penguin Classics].
- Baronina, A.A., & Zulyar, R.Yu. (2019). Current implementation of youth policy in European states. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series “Political Science and Religion Studies”*, 30, 40–53. (In Russian). <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.30.40>
- Chuev, S.V. (Ed.). (2017). *Value Orientations of Russian Youth and The Implementation of State Youth Policy: Research Results*. Moscow: Publishing House of GUU. (In Russian)
- Grishin, N.V. (2021). Reinforcement theory and study of the impact of internet technologies on political participation of modern youth. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 47–59. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59>
- Gukova, I.N. (2015). Promising forms of youth’s socio-political activity development in the Russian Federation. *Theory and Practice of Social Development*, (21), 156–159. (In Russian).
- Gundar, E.S., & Paltsev, I.M. (2017). New forms of youth political activity in the Russian Federation (On the Example of the South of Russia). *Sovremennaa nauka i innovacii*, 4(20), 235–239. (In Russian).

- Hart, R.A. (2008). Stepping back from “the ladder”: Reflections on a model of participatory work with children. In A. Reid, B.B. Jensen, J. Nickel, & V. Simovska (Eds.), *Participation and Learning. Perspectives on Education and the Environment, Health and Sustainability* (pp. 19–31). New York: Springer.
- Henn, M., & Foard, N. (2012). Young people, political participation and trust in Britain. *Parliamentary Affairs*, 65(1), 47–67.
- Husserl, E. (2005). The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. In V.A. Kurennoy (Ed.), *Izbrannye raboty* (pp. 443–459). Moscow: Territoriya budushchego. (In Russian). [Husserl, E. (1989). *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy*. Evanston: Northwestern University Press.]
- Ilinskii, I.M. (2001). *Youth and Youth Policy: Philosophy. History. Theory*. Moscow: Golos. (In Russian).
- Kestilä-Kekkonen, E. (2009). Anti-party sentiment among young adults. *Young*, 17(2), 145–165. <https://doi.org/10.1177/110330880901700203>
- Komarova, M.S. (2016). Mechanisms of formation and realization of political potential of the Russian youth: Problems and integrative conditions. *Administrative Consulting*, 5(89), 226–231. (In Russian).
- Lerner, R.M. (2017). *Liberty: Thriving and Civic Engagement Among America's Youth*. Thousand Oaks, Calif.: SAGE Publ. <https://doi.org/DOI: 10.4135/9781452233581>
- Makarova, O.A. (2014). Modern trends in political participation of youth. *Vlast*, (12), 39–42. (In Russian).
- Martynova, T., Yanitskiy, M., Zelenin, A., & Pfttser, S. (2019). Voluntary activity as a form of social and civil activity of student youth. *Professional Education in Russia and Abroad*, 1(33), 160–167. (In Russian).
- Melnikov, A.V. (2015). Formation of political potential of the Russian youth in the course of political socialization. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 5(10), 105–109. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/14302>
- Nigmatullina, T.A. (2013). Technology of volunteering as an instrument of youth socialization. *Eurasian Union: Issues of International Relations*, 3–4(4–5), 120–129. (In Russian).
- Norris, P. (2003). Young people and political activism: From the politics of loyalties to the politics of choice? *Young people and democratic institutions: from disillusionment to participation*. Paper presented to the Council of Europe Symposium. Strasbourg, 27–28th November.
- Popova, S.Yu. (Ed.). (2019). *State Youth Policy in Russia: Socio-Psychological Foundations and Technologies of Implementation*. Moscow: Akvilon. (In Russian).
- Roth, J.L., & Brooks-Gunn, J. (2003). What exactly is a youth development program? Answers from research and practice. *Applied Developmental Science*, 7, 94–111. https://doi.org/10.1207/S1532480XADS0702_6
- Sadovaya, E.S., Tsapenko, I.P., & Grishin, I.V. (Eds.). (2020). *The Welfare State in The Mirror of Social Transformations*. Moscow: IMEMO RAN. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0584-0>
- Selezneva, A.V. (2020). Political values of the Russian youth: Socio-cultural features and identification potential. *Society. Communication. Education*, 11(3), 20–32. (In Russian). <https://doi.org/10.18721/JHSS.11302>
- Selezneva, A.V., & Antonov, D.E. (2020). The value bases of the civic consciousness of the Russian youth. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (58), 227–241. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21>
- Sloam, J. (2016). Diversity and voice: The political participation of young people in the European union. *The British Journal of Politics and International Relations*, 18(3), 521–537.

- Sokolov, A.V. (2009). European youth policy institutional structure. Origin and development. *International Organizations Research Journal*, 1(4), 84–99. (In Russian).
- Stagnееva, A.V. (2013). the development of youth volunteer's activity: A socio-technological approach. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, (2), 51–54. (In Russian).
- Zubok, Yu.A., Rostovskaya, T.K., & Smakotina, N.L. (2016). *Youth and Youth Policy in Modern Russian Society*. Moscow: Perspektiva. (In Russian).

Сведения об авторах:

Самаркина Ирина Владимировна — доктор политических наук, доцент, декан факультета управления и психологии, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета (e-mail: smrkn@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0205-8543)

Мирошниченко Инна Валерьевна — доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета (e-mail: mirinna78@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-2650-6662)

Мальцев Сергей Сергеевич — аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета (e-mail: malcevse1990@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-6712-4380)

About the authors:

Irina V. Samarkina — Dr. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Head of Management and Psychology Faculty, professor of Public policy and Public Management Department, Kuban State University (email: smrkn@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0205-8543)

Inna V. Miroshnichenko — Dr. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (e-mail: mirinna78@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-2650-6662)

Sergey S. Maltsev — Postgraduate of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (e-mail: malcevse1990@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-6712-4380)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-883-903

Научная статья / Research article

Восприятие молодежью Калининградской области региональной истории и Великой Отечественной войны в контексте отношения к фигуре И.В. Сталина

М.И. Кришталь

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Калининград, Российская Федерация*

 MKrishtal@kantiana.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению исторической памяти молодежи Калининградской области. Согласно гипотезе исследования, специфика его содержания зависит от отношения респондентов к И.В. Сталину, вокруг личности которого происходят манипуляции, направленные на снижение роли Красной армии во Второй мировой войне. Основным методом исследования — формализованное интервью молодежи в возрасте 18–35 лет ($n = 1108$). Фокус-групповые интервью выступали в качестве вспомогательного научного метода, позволившего интерпретировать статистически обработанные эмпирические данные. Результаты исследования выявили различия эмоционального отношения к окончанию Великой Отечественной войны. Молодежь, отрицательно относящаяся к И.В. Сталину, чаще делает акцент на трагических событиях войны, воспринимая 9 мая как день скорби о павших, а также как день памяти о том, что пережил народ в годы войны. Победа в Великой Отечественной войне является в глазах большинства молодежи региона главным событием в российской истории. Однако молодые люди, отрицательно относящиеся к И.В. Сталину, значительно реже оценивает победу таким же образом. Эта особенность обусловлена семейной памятью — противники И.В. Сталина, как правило, чаще хранят в памяти трагические события в жизни своих родственников в годы войны. Также обнаружены различия среди молодежи Калининградской области в отношении региональной истории. В целом респонденты отметили, что их больше всего интересуют прусский и немецкий периоды истории. Однако просталински настроенной молодежи присущ также высокий интерес к советскому периоду. Кроме того, нейтрально относящаяся к советскому лидеру и просталинская молодежь в абсолютном большинстве позитивно относится к переименованию Кенигсберга в Калининград, а среди противников И.В. Сталина — высока доля сторонников сохранения исторического названия (Кенигсберг).

Ключевые слова: историческая память, семейная память, историческое прошлое, молодежь, Великая Отечественная война, фальсификация, Калининградская область, Сталин

© Кришталь М.И., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Кришталь М.И. Восприятие молодежью Калининградской области региональной истории и Великой Отечественной войны в контексте отношения к фигуре И.В. Сталина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 883–903. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-883-903>

Благодарности: Статья подготовлена с использованием средств государственного бюджета по госзаданию на 2021 год № 2249–21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении».

The Perception of Regional History and of the Great Patriotic War by the Youth of the Kaliningrad Region in the Context of the Attitude to the Figure of Joseph Stalin

Mikhail I. Krishtal

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

 MKrishtal@kantiana.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the historical memory of young people in the Kaliningrad Region. According to the hypothesis of the study, the specificity of its content depends on the respondents' attitude to Stalin, around whose personality there are manipulations aimed at reducing the role of the Red Army in Second World War. The main method of the study was formalized interviews with young people aged 18–35 (n = 1108). Focus group interviews acted as an auxiliary scientific method that allowed for the interpretation of statistically processed empirical data. The results of the study revealed differences in emotional attitudes toward the end of the Great Patriotic War. The young people who have a negative attitude towards Stalin more often focus on the tragic events of the war, perceiving the 9th May as a day of mourning for the fallen and as a day of remembrance of what the people experienced during the war. Victory in the Great Patriotic War is in the eyes of the majority of young people in the region the main event in Russian history. However, young people who have a negative attitude towards Stalin are much less likely to assess the victory in the same way. This peculiarity is conditioned by family memory — as a rule, Stalin's opponents more often keep in their memory tragic events in the lives of their relatives during the war. Differences were also found among young people in the Kaliningrad Region with respect to regional history. On the whole, respondents indicated that they were most interested in the Prussian and German periods of history. However, pro-Stalinist young people are also highly interested in the Soviet period. In addition, neutral and pro-Stalinist youths have an overwhelmingly positive attitude toward the renaming of Königsberg into Kaliningrad, while among Stalin's opponents there is a high proportion of supporters of retaining the historical name (Königsberg).

Keywords: historical memory, family memory, historical past, youth, the Great Patriotic War, falsification, Kaliningrad Region, Stalin

For citation: Krishtal, M.I. (2022). The perception of regional history and of the Great Patriotic War by the youth of the Kaliningrad Region in the context of the attitude to the figure of Joseph Stalin. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 883–903. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-883-903>

Acknowledgements: The reported study was prepared using the funds of the state budget for the state task for 2021 No. 2249–21 “Implementation of research activities on the problems of geopolitics and historical memory in the Kaliningrad direction”.

Введение

Несмотря на различные толкования термина «историческая память», исследователи солидарны в том, что она является одним из важнейших социокультурных феноменов бытия социума, определяющим его настоящее и будущее [Дмитриева 2015: 133; Мажников 2013: 9; Мысливец, Романов 2018: 10]. Это связано с тем, что историческая память, будучи значимой составляющей самоидентификации, формирует чувство общности не только у отдельных индивидов, но и у групп населения [Репина 2012: 5]. Как следствие, общая память, будучи коллективной репрезентацией прошлого, придает смысл настоящему, интерпретируя его как ступень дальнейшего развития [Ассман 2014: 40]. Напротив, различная оценка исторического прошлого может выступать в роли дезинтегрирующего фактора для общества, что чревато нарастанием социальных противоречий и конфликтов. Поэтому фальсификация истории (сознательное искажение исторических событий с определенной целью [Пузанова, Нарбут, Ларина, Тертышникова 2020: 293]) нередко используется в качестве политико-психологической технологии, позволяющей манипулировать общественным мнением в своих интересах [Пономарева 2020: 308]. Данная проблема особенно обострилась на современном этапе по причине активизации информационных войн [Мысливец, Романов 2018: 13], в частности «войн памяти», представляющих собой научное и информационно-идеологическое противостояние вокруг оценок прошлого [Лапшин 2020: 13].

Наиболее распространенными стали попытки реформатирования исторической памяти о Великой Отечественной войне, являющейся фактически единственным сплачивающим фактором российского общества [Мчедлова 2013: 87–88; Пузанова, Нарбут, Ларина, Тертышникова 2020: 294; Сорокина 2020: 145]. Это во многом является следствием возобладавших в Европейском союзе типов исторической памяти. В постсоциалистических странах Восточной Европы стал преобладать антагонистический подход к истории [Миллер 2020: 224–225], основанный на бескомпромиссном противостоянии «своих» и «чужих» и культе жертвы, в роли которой выступают данные государства. В рамках данного подхода популярной темой стало «сотрудничество нацизма и сталинизма», приведшее к новой «оккупации» вместо освобождения [Judt 1992] и массовым жертвам в регионе между Балтийским и Черным морями¹. В странах Западной Европы получил распространение космополитический подход [Аникин, Линченко 2021: 57], также предполагающий дихотомию «добра» и «зла», но уже с идеологическим содержанием. Согласно нему, существует историческое противостояние между «злом» (тоталитаризмом) и «добром» (демократиями) [Bull, Hansen 2016:

¹ Sémelin J. Dossier: A Decent and True Understanding of the Past. Timothy Snyder and his Critics // Books Ideas. 2013. URL: <https://booksandideas.net/Timothy-Snyderand-his-Critics.html> (дата обращения: 18.08.2022).

18]. В результате всем тоталитарным режимам предписывались вина и ответственность [Rigney 2012], что также автоматически снижало вклад СССР в победу над нацистской Германией.

«Войны памяти» происходят не только на межгосударственном, но и внутригосударственном уровне. Центральным объектом для перекодирования исторической памяти в России стали представители молодого поколения [Неверов 2018: 135]. Это связано с недостаточной сформированностью и устойчивостью его оценок исторических событий. В этой связи возникает актуальность мониторинга представлений российской молодежи об историческом прошлом, от особенностей которых во многом зависит дальнейшее функционирование социальных и политических институтов страны.

Проведение такого мониторинга в Калининградской области обусловлено как сложившейся вокруг эксклава внешнеполитической ситуацией, так и социально-политическими процессами, происходящими внутри региона. Калининградская область нередко оказывается в фокусе внимания международных участников «войн памяти» — со стороны иностранных политиков время от времени исходят попытки оспорить принадлежность региона к России по итогам Второй мировой войны².

Внутри калининградского сообщества тема исторической памяти также является дискуссионной, что нашло отражение в выборе топонимов региона. В частности, в местных СМИ иногда поднимается вопрос о переименовании Калининграда (выдвигаются предложения о возвращении немецкого названия или нахождении «нейтрального» нового имени) [Макарычев, Сергунин 2013: 85]. Также эту тему иногда актуализируют политические деятели, в том числе федерального уровня. Так, в июле 2022 г. глава партии «Справедливая Россия — За правду» С.М. Миронов предложил переименовать город во Владибалтийск, что не нашло отклика у региональных элит и населения Калининградской области. Наряду с этим в качестве примера можно привести события, развернувшиеся в регионе вокруг конкурса «Великие имена России». В ходе него в Калининградской области возникла полемика по вопросу придания названия аэропорту «Храброво»: часть общества считала, что объект должен носить имя философа Иммануила Канта, вся жизнь которого была связана с Кенигсбергом, другая — поддерживала наименования в честь российских или советских исторических деятелей [Назукина 2020: 209–210]. Сложившаяся ситуация приобрела политико-идеологический окрас и была обозначена как конфликт «западников» против

² Кто напомнит России, что Калининград ей уже не принадлежит? URL: <https://www.delfi.lt/ru/news/live/kto-napomnit-rossii-chto-kaliningrad-ej-uzhe-ne-prinadlezhit.d?id=65889068> (дата обращения: 15.11.2021); В Литве предложили забрать у России Калининградскую область. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/01/29/n_9622469.shtml (дата обращения: 15.11.2021); Литовский политик назвал Калининградскую область «аннексированным» регионом. URL: <https://kgd.ru/news/society/item/86813-litovskij-politik-nazval-kaliningradskuyu-oblast-anneksirovannym-regionom> (дата обращения: 15.11.2021).

«патриотов»³. Приведенные примеры отображают состояние лиминальности: культурные процессы принимают в Калининградской области новые формы, отличные от мейнстримного общества, что в целом характерно для фронтальных регионов [Якушенков, Якушенков 2016: 9].

Учитывая актуальность данной темы, в настоящем исследовании была поставлена цель изучить содержание исторической памяти молодежи Калининградской области, как наиболее подверженной манипулятивным технологиям возрастной группе. Дополнительным аргументом выбора данного объекта исследования является тот факт, что после распада СССР в регионе выросло целое поколение молодых людей, которое достаточно часто выезжало в европейские страны и, напротив, относительно редко посещало территорию остальной России. Эти факторы могли стать предпосылками для формирования у молодежи отличной интерпретации исторических событий от той, что конструируется российскими властями в рамках проводимой политики памяти. Так как историческая память представляет собой совокупность знаний обо всех событиях прошлого, было решено сделать акцент на изучении эмоционального отношения к Великой Отечественной войне, поскольку, как отмечалось, именно она является сегодня центральным объектом для внешней манипуляции. Кроме того, была учтена региональная компонента содержания исторической памяти: выявлены особенности отношения к историческим периодам Калининградской области, а также к их историко-культурному наследию.

В статье учтено, что хранящиеся в памяти представления о прошлом являются ценностными ориентирами, регулирующими поведение людей [Мысливец, Романов 2018: 11]. Поэтому содержание исторической памяти молодежи Калининградской области анализировалось сквозь призму ее оценок И.В. Сталина. Это обусловлено тем, что именно вокруг личности руководителя страны в годы Второй мировой войны строятся манипуляции, направленные на снижение роли Красной армии в победе над нацистской Германией. Исходя из этого, в исследовании выдвинута гипотеза о существовании различных типов восприятия исторической памяти в зависимости от оценок И.В. Сталина у представителей молодежи региона.

Методы исследования и выборка

Основной метод исследования — формализованное интервью с последующей статистической обработкой эмпирических данных в программе SPSS. Для социологического опроса, проведенного в сентябре 2021 г., была разработана половозрастная выборка, репрезентирующая молодежь Калининградской области в возрасте 18–35 лет. Общий объем выборки — 1108 респондентов (средний возраст — 27,5 лет, доверительная вероятность — 95 %, доверительный интервал — ± 3 %). Фокус-группа выступала в качестве вспомогательного метода,

³ Макаркин А.В. «Великие имена России»: планы и конфликты // Политком.Ру. 2018. URL: <http://politcom.ru/23230.html> (дата обращения: 12.11.2021).

позволяющего интерпретировать статистически обработанные данные, полученные в ходе социологического опроса. Были проведены четыре фокус-группы в период с 22 по 28 сентября 2021 г. с 25 информантами в возрасте от 18 до 39 лет: 18–25 лет (14 человек), 26–39 лет (11 человек). В двух группах были представлены участники, проживающие в областном центре (Калининграде), в двух других — участниками были жители муниципальных образований региона (Гусевского, Советского и Черняховского ГО).

Социологический портрет молодежи Калининградской области, исходя из оценок личности И.В. Сталина

Отношение к И.В. Сталину в Калининградской области существенно различаются среди представителей различных поколений. По мнению исследователей, отношение молодежи региона к личности И.В. Сталина носит более взвешенный характер, поскольку оно не несет эмоциональной окраски, связанной с некой сопричастностью к его эпохе [Зимовина, Проданцов 2022: 16]. При этом вопрос о восприятии И.В. Сталина вызвал серьезные расхождения во мнениях среди молодежи региона. 36,7 % ее представителей относятся к нему в целом положительно, 18,5 % — отрицательно, 33,8 % — нейтрально. 10,9 % опрошенных затруднились ответить.

Статистический анализ демонстрирует, что просталинские настроения молодежи преобладают над антисталинскими во всех геодемографических районах региона (табл. 1). Максимумы они достигают на полупериферии региона, представляющей собой урбанизированные районы области с низкими социально-экономическими показателями (Гвардейский, Гусевский, Полесский, Советский и Черняховский городские округа) [Кузнецова 2016: 25]. Примечательно, что жителям полупериферии региона в целом свойственны «просоветские» политико-идеологические ценности. Это проявляется в более высокой поддержке коммунистов на выборах [Кришталь 2019: 103] и низкой популярности среди населения идей политической и экономической свободы [Кришталь 2021: 595]. В областном центре зафиксирована наиболее высокая доля молодых людей, отрицательно относящихся к И.В. Сталину. Это также сочетается с тем, что в Калининграде заметно выше доля населения, придерживающегося либерально-демократических ценностей [Кришталь 2021: 595], и избирателей, голосующих на выборах за участников либерального толка (с начала 2000-х годов это «Яблоко», СПС, «Партия роста», И.М. Хакамада, М.Д. Прохоров и др.) [Кришталь 2019: 103]. На основании этого можно предположить, что отношение к историческому прошлому выступает в качестве релевантного фактора, влияющего на электоральное поведение и идеологическую идентификацию индивидов. Также отметим, что в ядре региона (наиболее социально и экономически развитые районы, прилегающие к Калининграду) и особенно на периферии (преимущественно слабо развитое сельское приграничье) преобладает молодежь, для которой характерно нейтральное отношение к И.В. Сталину.

Таблица 1

Отношение к И.В. Сталину в геодемографических районах, %

Географический кластер	Отношение		
	Положительное	Нейтральное	Отрицательное
Областной центр (Калининград)	38,8	33,7	27,5
Ядро	37,7	44	18,3
Полупериферия	60	31,3	8,8
Периферия	32,6	53	14,4

Источник: составлено автором по результатам исследования и на основе [Кузнецова 2016].

Table 1

Attitude to I.V. Stalin in the geodemographic regions, %

Geographic cluster	Attitude		
	Positive	Neutral	Negative
Regional center (Kaliningrad)	38,6	35	26,4
Core	41,7	41,7	16,6
Semi-periphery	60,1	31,1	8,8
Periphery	42,9	44,5	12,6

Source: made by the author based on the research results and based on [Kuznetsova 2016].

Выявлена зависимость между отношением к И.В. Сталину и возрастом молодежи Калининградской области (табл. 2). Чем младше ее представители, тем менее представлено в ее среде позитивное отношение к советскому руководителю и тем соответственно выше к нему отрицательное и нейтральное отношение. Причем именно последнее доминирует в возрастной группе 18–24. Таким образом, можно предположить, что по мере смены поколений популярность И.В. Сталина будет постепенно снижаться.

Таблица 2

Отношение к И.В. Сталину среди возрастных групп молодежи, %

Возраст	Положительное	Нейтральное	Отрицательное
18–24	31	45,1	23,9
25–29	39,9	38,8	21,3
30–35	44,8	37,5	17,8

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Table 2

Attitude to Stalin among the age groups of young people, %

Age	Positive	Neutral	Negative
18–24	31	45,1	23,9
25–29	39,9	38,8	21,3
30–35	44,8	37,5	17,8

Source: made by author based on the research results.

В то же время установить какую-либо статистически достоверную зависимость между гендерной принадлежностью молодежи, ее социально-экономическим положением, уровнем образования и отношением к И.В. Сталину не удалось.

Отношение к Великой Отечественной войне

Согласно полученным данным, молодежь Калининградской области воспринимает 9 мая главным образом как день благодарности предкам, день памяти о том, что пережил советский народ, а также как день скорби о павших. Отношение к 9 мая как к дню всенародной радости или выходному характерно для достаточно невысокой доли молодежи региона.

Эти настроения нашли отражение в ответах участников фокус-групп, которые зачастую заявляли о неприятии чрезмерной, на их взгляд, торжественности праздничных мероприятий, проводимых на 9 мая:

«Для меня и 22 июня, и 9 мая это одинаково скорбные дни и повод задуматься. У меня в руках не было ни одной Георгиевской ленточки, и в каком-то смысле это мой протест. Я понимаю суть этого праздника, а не эту мишуру» (Сюзанна, 29 лет).

«Для меня это день скорби. Что происходит сегодня с празднованием победы, мне категорически не нравится, это какая-то карнавализация праздника» (Алина, 28 лет).

Результаты опроса продемонстрировали существенные различия в восприятии Дня Победы среди групп молодежи согласно их отношению к И.В. Сталину (табл. 3). Среди молодых людей, положительно относящихся к советскому лидеру, преобладает восприятие 9 мая как дня благодарности предкам. Молодежь, для которой характерно отрицательное отношение, напротив, заметно чаще воспринимает 9 мая как день скорби о павших, а также как день памяти о том, что пережил советский народ в годы войны. В сознании молодежи, нейтрально относящейся к И.В. Сталину, доминирует одновременное представление о 9 мая как о дне благодарности предкам и дне памяти того, что пережили люди. Таким образом, можно выделить два типа восприятия Дня Победы, коррелирующих с оценкой И.В. Сталина. Первый тип акцентирует внимание на трагических событиях войны, для второго эти темы менее значимы.

Таблица 3

Восприятие Дня Победы в контексте отношения к личности И.В. Сталина, % от респондентов

Восприятие Дня Победы	Отношение к Сталину		
	Положительное	Нейтральное	Отрицательное
День благодарности предкам	64,5	62,8	52
День памяти о том, что пережил народ	48,2	65	59
День скорби о павших	39,3	43,4	51
День всенародной радости	19,8	19,4	23,5
Выходной день	4,6	3,6	6,5

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Perception of Victory Day in the context of attitude towards Stalin, % of respondents

Perception of Victory Day	Attitude towards Stalin		
	Positive	Neutral	Negative
Day of gratitude to the ancestors	64,5	62,8	52
A day of remembrance of what the people have endured	48,2	65	59
Day of mourning for the fallen	39,3	43,4	51
Day of national joy	19,8	19,4	23,5
Weekend	4,6	3,6	6,5

Source: made by author based on the research results.

Ученые отмечают, что семейная память в теории может оказывать воздействие на содержание исторической памяти [Алексеев 2008: 49; Иванов 2020: 82]. В данном исследовании эта гипотеза подтвердилась: семейная память молодежи Калининградской области о событиях Великой Отечественной войны выступает в качестве релевантного фактора, влияющего на отношение к И.В. Сталину (табл. 4). Среди респондентов, знающих о гибели или ранении своих близких родственников в годы войны, чаще фиксируется отрицательное отношение к политическому деятелю, руководившему страной в тот период времени. Напротив, среди представителей молодежи, чьи близкие родственники прошли войну без ранений и пленений, чаще фиксируется позитивное отношение. Молодые люди с нейтральной позицией заметно чаще затруднялись ответить о судьбе своих предков в годы войны.

Таблица 4

**Семейная память о судьбе близких родственников
в годы Великой Отечественной войны
в контексте отношения к Сталину, % от респондентов**

Судьба предка	Отношение к Сталину		
	Положительное	Нейтральное	Отрицательное
Погиб	26,8	23,9	36,9
Был ранен	23,6	25	29,6
Пропал без вести	8,5	9	11,8
Попал в плен или был угнан на работу в Германию	6,5	6	11,3
Прошел войну без ранений и пленений	24,3	17,7	18,2
Затрудняюсь ответить	23,6	32,6	20,7

Источник: составлено автором по результатам исследования.

**Family memory of the fate of close relatives
during the Great Patriotic War, % of respondents**

Relative's destiny	Attitude towards Stalin		
	Positive	Neutral	Negative
Killed	26,8	23,9	36,9
Was wounded	23,6	25	29,6
Missing	8,5	9	11,8
Captured or taken to work in Germany	6,5	6	11,3
Went through the war without being wounded or captured	24,3	17,7	18,2
Find it difficult to answer	23,6	32,6	20,7

Source: made by author based on the research results.

Примечательно, что участники фокус-групп зачастую формулировали свое отношение к И.В. Сталину, исходя из того, какой, на их взгляд, вклад он внес в победу СССР в Великой Отечественной войне. Ряд участников фокус-групп высказывали позитивные и оправдывающие оценки советского лидера именно в контексте его вклада в победу в войне:

«Я положительно отношусь к Сталину. Я не считаю правильным культ Сталина и в принципе культ какого-то политика, но он, насколько это было возможно, сделал много хорошего для страны. То, как Россия вела себя во время войны, какие были стратегии, это во многом, мне кажется, его заслуга» (Вероника, 25 лет).

«Политика Иосифа Виссарионовича была достаточно радикальной, но тем не менее ему удалось выстроить вокруг себя определенный ореол, своей харизмой создать такой культ личности, который в свое время помог стране противостать, стать сильной и способной державой» (Георгий, 23 года).

«Я оцениваю Сталина двойственно. Мне он не нравится из-за его репрессивных мер, но в то же время он своей сильной рукой и хладнокровием смог привести к победе» (Елена, 22 года).

Для исторической памяти свойственна избирательность: она акцентирует внимание на отдельных исторических событиях, игнорируя иные [Тощенко 2000]. Поэтому респонденты выбрали события или процессы из предложенных, которые, по их мнению, являются самым значимыми в отечественной истории. Анализ эмпирических данных продемонстрировал, что победа в Великой Отечественной войне является наиболее значимым для

молодежи Калининградской области историческим событием: таковым его назвало более двух третей опрошенных (табл. 5). Отметим, что достаточно схожие результаты приводят социологи, изучающие отношение молодежи всей страны⁴. При этом выявлено, что представители молодежи, которые отрицательно относятся к И.В. Сталину, заметно реже выделяют данное событие в качестве самого значимого. В то же время эта группа заметно большее значение уделяет другим историческим событиям, зачастую не советского периода, в особенности отмене крепостного права. Восприятие исторических событий молодых людей с нейтральным отношением к И.В. Сталину занимает в целом промежуточное положение между просталинской группой и антисталинистами, хотя именно они чаще других считают победу в Великой Отечественной войне самым важным событием отечественной истории.

Таблица 5

**Оценка значимости событий и процессов
в российской истории, % от респондентов**

Событие / Процесс	Отношение к Сталину		
	Положительное	Нейтральное	Отрицательное
Победа в Великой Отечественной войне	78,9	87,8	66,8
Полет Юрия Гагарина в космос	42,6	39,7	37,1
Октябрьская революция 1917 г.	34,6	31,2	32,2
Отмена крепостного права	27,1	34,5	38,1
Крещение Руси	27,1	22,5	26,2
Распад СССР	17,8	25,5	28,2
Победа в Северной войне	11,5	8,8	17,8
Победа в Отечественной войне 1812 г.	13,8	20,5	12,4
Куликовская битва	14,8	12,9	10,4
Воссоединение Крыма с Россией	6,3	6,3	7,4

Источник: составлено автором по результатам исследования.

⁴ Великая победа — главное событие в истории нашей страны в XX веке. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaya-pobeda-glavnoe-sobytie-v-istorii-nashej-strany-v-xx-veke> (дата обращения: 19.11.2021).

**Assessment of the significance of events
and processes in Russian history, % of respondents**

Event / Process	Attitude towards Stalin		
	Positive	Neutral	Negative
Victory in the Great Patriotic War	78,9	87,8	66,8
Yuri Gagarin's flight into space	42,6	39,7	37,1
October Revolution of 1917	34,6	31,2	32,2
Abolition of serfdom	27,1	34,5	38,1
Baptism of Rus'	27,1	22,5	26,2
The collapse of the USSR	17,8	25,5	28,2
Victory in the Northern War	11,5	8,8	17,8
Victory in the Patriotic War of 1812	13,8	20,5	12,4
Battle of Kulikovo	14,8	12,9	10,4
Reunification of Crimea with Russia	6,3	6,3	7,4

Source: made by author based on the research results.

**Отношение к истории и историко-культурному наследию
Калининградской области**

Наибольший интерес у молодежи Калининградской области вызывают прусский и немецкий периоды региональной истории, наименьший — российский (современный) (табл. 6). Обнаружено, что для респондентов с позитивным отношением к И.В. Сталину характерен существенно больший интерес к советскому периоду истории Калининградской области. Также выявлено, что молодые люди с нейтральным отношением к И.В. Сталину в целом заметно реже интересуются историей своего региона.

Таблица 6

Интерес к периодам региональной истории, % от респондентов

Период	Отношение к Сталину		
	Положительное	Нейтральное	Отрицательное
Прусский	37,3	38,2	33,5
Немецкий	34,3	31,7	34,5
Советский	29,3	18,7	18,2
Российский (современный)	15,5	15,2	16,3
Не интересуюсь историей региона	11,3	20,9	9,4

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Interest in periods of regional history, % of respondents

Period	Attitude towards Stalin		
	Positive	Neutral	Negative
Prussian	37,3	38,2	33,5
German	34,3	31,7	34,5
Soviet	29,3	18,7	18,2
Russian (modern)	15,5	15,2	16,3
Not interested in the history of the region	11,3	20,9	9,4

Source: made by author based on the research results.

Абсолютное большинство молодежи Калининградской области поддерживает идею восстановления Кенигсбергского замка, разрушение которого вызвало острую общественную реакцию еще в советский период [Дементьев 2014: 184] (табл. 7). Это заметно контрастирует с отношением всего населения региона, среди которого идею поддерживает чуть менее половины жителей [Кришталь, Щекотуров 2021: 122]. Фактически зафиксирована солидарность мнений по данному вопросу среди молодежи вне зависимости от их отношения к И.В. Сталину.

Таблица 7

Отношение к идее восстановления Кенигсбергского замка в контексте отношения к Сталину, % от респондентов

Отношение к идее восстановления Кенигсбергского замка	Отношение к Сталину		
	Положительное	Нейтральное	Отрицательное
Положительно	56,4	56,7	53,5
Скорее положительно	19,2	23,3	19,8
Скорее отрицательно	13,	6,3	12,4
Отрицательно	2,2	1,4	3
Затрудняюсь ответить	9,2	12,3	11,4

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Table 7

Attitude towards the idea of restoring Koenigsberg Castle in context of attitude towards Stalin, % of respondents

Attitude towards the idea of restoring Koenigsberg Castle	Attitude towards Stalin		
	Positive	Neutral	Negative
Positive	56,4	56,7	53,5
Rather positive	19,2	23,3	19,8
Rather negative	13,	6,3	12,4
Negative	2,2	1,4	3
Find it difficult to answer	9,2	12,3	11,4

Source: made by author based on the research results.

Участники фокус-групп выделили две основные причины, по которым необходимо восстановление Кенигсбергского замка: эстетическую (привлекательность архитектурного объекта) и практическую (замок мог бы выполнять функцию по привлечению туристов).

«Я за реконструкцию Королевского замка. Во-первых, это привлекательно, он даже выглядит симпатично, во-вторых, это очень интересно, в-третьих, это хорошая возможность для привлечения туристов» (Екатерина, 24 года).

«Положительно отношусь к вопросу восстановления, потому что Королевский замок мне нравится больше эстетически» (Владимир, 18 лет).

«Замки средневековья — это такая популярная и даже заезженная тема, но она точно привлекала бы больше людей в область» (Елена, 22 года).

По вопросу отношения к судьбе недостроенного Дома Советов, который региональные власти планируют демонтировать, напротив, отсутствует солидарность в молодежной среде Калининградской области (табл. 8). Примерно равные доли респондентов выступают с противоположных позиций: одна часть защищает идею ремонта Дома Советов, другая — считает, что его нужно демонтировать. При этом молодые люди, отрицательно относящиеся к И.В. Сталину, чаще поддерживают идею демонтажа.

Таблица 8

**Отношение к судьбе Дома Советов
в контексте отношения к Сталину, % от респондентов**

Отношение к судьбе Дома Советов	Отношение к Сталину		
	Положительное	Нейтральное	Отрицательное
Демонтаж	37,4	38	48,3
Ремонт и восстановление	42,7	42,1	36,9
Затрудняюсь ответить	19,8	19,9	14,8

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Table 8

**Attitude towards the fate of the House of Soviets
in context attitude towards Stalin, % of respondents**

Attitude towards the fate of the House of Soviets	Attitude towards Stalin		
	Positive	Neutral	Negative
Dismantling	37,4	38	48,3
Repair and restoration	42,7	42,1	36,9
Find it difficult to answer	19,8	19,9	14,8

Source: made by author based on the research results.

Анализ расшифровок фокус-групп демонстрирует, что сторонники сохранения и восстановления здания ценят его как советский символ региона, а также предлагают использовать его в различных целях:

«Мне кажется, сносить не нужно. Можно создать молодежную точку, где будут собираться ребята от 20 до 40 лет, весело проводить время, фотографироваться и не только» (Юрий, 23 года).

«Дом Советов стал своеобразным символом Калининграда, также это памятник какой-то ретро-футуристической советской архитектуре, то есть это очень интересное здание. Само собой, оно в аварийном состоянии, но так просто его снести, это как-то неправильно» (Георгий, 23 года).

«Для меня Дом Советов — символ эпохи, символ места и памятник монументального архитектурного творчества, конструктивизма. Он обязательно должен быть, потому что он окутан еще и легендами. Поэтому я всеми руками за него болею и вообще не понимаю, почему возник такой вопрос о сносе. Для меня это болезненная тема, потому что это часть истории» (Анастасия, 20 лет).

Противники Дома Советов, напротив, считают, что крупнейший архитектурный объект Калининграда, сохранившийся с советской эпохи, портит облик города, не имеет исторической ценности и не несет никакой практической пользы:

«Я бы его снесла, потому что от этого сооружения нет пользы, и истории у него нет особо. Вместо Дома Советов нужно разбить там парк» (Наталья, 39 лет)

«Дом Советов я бы снес, а на этом месте замок восстановил» (Владимир, 18 лет).

В исследовании выявлено, что позиция молодежи относительно переименования Кенигсберга в Калининград в 1946 г. существенно различается в зависимости от отношения к И.В. Сталину (табл. 9). Среди его сторонников и нейтрально относящихся к нему абсолютное большинство положительно воспринимает свершившейся исторический факт. Среди противников около трети (32 %) считают, что нужно было сохранить историческое название, и примерно каждый десятый (11,7 %) полагает, что при переименовании необходимо было выбрать иное название. Участники фокус-групп предлагали в качестве названий «Балтийск», «Славгород»...

Таблица 9

Отношение к переименованию Кенигсберга в Калининград в 1946 г. в контексте отношения к Сталину, % от респондентов

Отношение к переименованию Кенигсберга в Калининград	Отношение к Сталину		
	Положительное	Нейтральное	Отрицательное
Отрицательно, было бы лучше сохранить историческое название	17,3	14,2	32
Положительно	70,8	71,4	43,7
Переименование поддерживаю, но нужно было дать городу другое название	4,3	2,8	11,7
Затрудняюсь ответить	7,6	11,7	12,7

Источник: составлено автором по результатам исследования.

**Attitude towards renaming Königsberg into Kaliningrad in 1946
in context attitude towards Stalin, % of respondents**

Attitude towards renaming Königsberg	Attitude towards Stalin		
	Positive	Neutral	Negative
Negative, it would be better to keep the historical name	17,3	14,2	32
Positive	70,8	71,4	43,7
I support the renaming, but it was necessary to give the city another name	4,3	2,8	11,7
Find it difficult to answer	7,6	11,7	12,7

Source: made by author based on the research results.

Выводы

В ходе анализа социальных портретов молодежи согласно ее отношению к И.В. Сталину, выявлено, что просталинские настроения преобладают над антисталинскими во всех геодемографических районах региона. Самая высокая доля молодежи, поддерживающих советского руководителя, фиксируется в полупериферии региона. Это, вероятно, обусловлено советской ностальгией, характерной для жителей этого геодемографического района, что проявляется в особенностях их электорального поведения и идеологической идентификации. В то же время среди молодежи, проживающей в социально-экономическом ядре региона и на его периферии, превалирует нейтральное отношение к И.В. Сталину. Специфика областного центра связана с тем, что, несмотря на преобладание в нем просталинских настроений, в этой части региона наиболее высокая доля молодежи с негативным отношением к И.В. Сталину. Также зафиксировано, что чем старше представители молодежи, тем чаще им присущи положительные оценки И.В. Сталина. При этом уровень образования, социально-экономический статус респондентов и их гендерная принадлежность не влияют на формирование отношения к лидеру СССР времен Великой Отечественной войны.

По итогам проведенного исследования обнаружена взаимосвязь между отношением молодежи Калининградской области к И.В. Сталину и ее восприятием исторического прошлого страны и региона. Выявлено, что молодежь испытывает смешанные эмоции в отношении 9 мая, преимущественно воспринимая праздничную дату как день благодарности предкам, день памяти о том, что пережил народ, а также день скорби о павших. Поэтому среди молодых людей существует недовольство чрезмерной торжественностью, характерной для официальных мероприятий, посвященных проведению Дня Победы. При этом среди просталински настроенных моло-

дых людей преобладает восприятие 9 мая как дня благодарности предкам. Молодежь с противоположными взглядами на И.В. Сталина чаще испытывает горестные чувства по случаю праздника — среди них заметно выше доля тех, для которых 9 мая является днем скорби о павших, а также днем памяти о том, что пережил народ в годы войны.

Победа в Великой Отечественной войне — самое значимое событие в истории России, по мнению большинства молодежи Калининградской области. При этом та ее часть, которая отрицательно оценивает И.В. Сталина, значительно реже рассматривает это событие в таком качестве. Возможно, это связано с заметным преобладанием у нее негативных эмоций в отношении войны. В частности, зафиксировано, что молодые люди, чьи близкие родственники пострадали в годы войны (погибли, были ранены или попали в плен), как правило, чаще негативно относятся к советскому руководителю в сравнении с молодежью, чьи предки никак не пострадали. Данная специфика, вероятно, обусловлена тем, что молодые люди воспринимают события, произошедшие с их родственниками во время войны сквозь призму действий советского лидера. В результате молодежь с антисталинскими взглядами чаще выбирает в качестве наиболее значимых иные события отечественной истории, в частности отмену крепостного права.

Обнаружены также различия в мнениях молодежи Калининградской области в вопросах, связанных с региональной историей. Просталински настроенные молодые люди проявляют высокий интерес к прусскому, немецкому и советскому периодам истории региона. Среди молодежи, нейтрально или отрицательно относящейся к И.В. Сталину, зафиксирован значительный интерес исключительно к первым двум периодам. Также для молодежи с нейтральной позицией в отношении советского главы характерен в целом самый низкий интерес к региональной истории.

В вопросе о восстановлении Кенигсбергского замка обнаружена солидарность молодежи, которая выступает за его возрождение. Это обусловлено главным образом эстетическими и практическими мотивами: внешняя красота разрушенного архитектурного объекта и его потенциальные возможности по привлечению в регион туристов.

Относительно судьбы недостроенного возле руин Замка Дома Советов, напротив, нет солидарности в среде молодежи региона. Зафиксированы примерно равные доли молодых людей, выступающих как за его демонтаж, так и за его ремонт и восстановление. Если первые не находят в данном объекте исторической ценности, то вторые, напротив, подчеркивают ее и рассматривают здание в качестве символа советской эпохи. Молодежь, позитивно и нейтрально оценивающая И.В. Сталина, как правило, выступает за восстановление Дома Советов, а молодые люди, негативно к нему относящиеся, поддерживают идею демонтажа.

Также выявлены значительные отличия отношения представителей молодежи региона к переименованию Кенигсберга в 1946 г. в зависимости от их оценок И.В. Сталина. Просталински ориентированная молодежь и ее предста-

вители с нейтральным отношением к советскому лидеру в подавляющем большинстве поддерживает данное решение. Среди антисталинистов, напротив, популярны идеи сохранения исторического названия или придания городу иного названия.

Поступила в редакцию / Received: 07.12.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 17.07.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2022

Библиографический список

- Алексеев А.Н.* Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы (гипотеза о влиянии семейной памяти на мировосприятие) // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2008. № 5. С. 49–50.
- Аникин Д.А., Линченко А.А.* Мемориальные войны в условиях восточноевропейского фронта: в поисках методологии исследования // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 466. С. 55–63. <https://doi.org/10.17223/15617793/466/6>
- Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.
- Дементьев И.О.* «Что я могу знать?»: формирование дискурсов о прошлом Калининградской области в советский период (конец 1940-х — 1980-е годы) // *Люди и тексты: ист. альманах. «Заказ» на историю? Актуализация информационного пространства истории*. 2014. С. 175–218.
- Дмитриева О.О.* Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 6 (361). С. 132–137.
- Иванов А.Г.* Повседневная мифология: феномен жертвы в нарративах о семейной памяти // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 1. С. 80–87. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2020.1.80>
- Зимовина Е.П., Проданцов К.С.* Историческая память населения Калининградской области: общее и особенное в восприятии поколений // *Вестник антропологии*. 2022. № 2. С. 7–27.
- Кришталь М.И.* Идеологические предпочтения жителей Калининградской области в системе социально-политических отношений // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 4. С. 584–599. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-584-599>
- Кришталь М.И., Щекотуров А.В.* Методология и методика анализа социально-политических настроений: учебное пособие Калининград, 2021.
- Кришталь М.И.* Электоральные предпочтения жителей Калининградской области на внутрирегиональном уровне в 2003–2018 гг. // *Региональные исследования*. 2019. № 1 (63). С. 99–107. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-1-9>
- Кузнецова Т.Ю.* Геодемографическая типология муниципальных образований Калининградской области // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Серия: Естественные и медицинские науки. 2016. № 1. С. 15–27.
- Лапшин А.О.* К осмыслению истории вчера и сегодня // *Власть*. 2020. Т. 28, № 2. С. 9–15. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7129>

- Мажников В.И. Историческая память о Сталинградской битве как фактор формирования межнациональной толерантности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1 (23). С. 8–13.
- Макарычев А.С., Сергунин А.А. «Мягкая сила» в действии: Германия и Калининград // Россия и современный мир. 2013. № 1. С. 73–89.
- Миллер А.И. Вторая мировая война в «войнах памяти» // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 222–231. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2020-4-222-231>
- Мчедлова М.М. Общественная солидарность: проекция исторической памяти // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1 (23). С. 85–90.
- Мысливец Н.Л., Романов О.А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 1. С. 9–19. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19>
- Назукина М.В. Идентитарные аспекты регионалистского дискурса федеральных символических конкурсов // Политическая наука. 2020. № 4. С. 200–220. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.10>
- Неверов А.Я. Формирование исторической памяти как способ манипулирования общественным сознанием // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 134–139.
- Пономарева Е.Г. Вторая мировая война и проблема фальсификации ее истории в представлениях российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 2. С. 307–322. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-307-322>
- Пузанова Ж.В., Нарбут Н.П., Ларина Т.И., Тертышников А.Г. Типология исторической памяти о Второй мировой войне: методологические аспекты изучения (на примере студенчества РУДН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 2. С. 292–306. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-292-306>
- Репина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти / под ред. Л.П. Репиной. Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 3–37.
- Сорокина Н.Д. Историческая память современных студентов. Что происходит? // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 144–152. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-144-152>
- Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–16.
- Якушенко С.Н., Якушенко О.С. «Власть земли»: формирование новой инаковости в условиях фронта // Журнал фронтальных исследований. 2016. № 1. С. 9–21.
- Bull A.C., Hansen H.L. 'On agonistic memory' // *Memory Studies*. 2016. Vol. 9, no. 4. P. 390–404. <https://doi.org/10.1177/1750698015615935>
- Judt T. The Past is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe // *Daedalus*. 1992. Vol. 121, no. 4. P. 83–118.
- Rigney A. Transforming Memory and the European Project // *New Literary History*. 2012. Vol. 43, no. 4. P. 607–628.

References

- Assmann, A. (2014). *Long shadow of the past: memorial culture and historical politics*. Moscow. (In Russian).
- Bull, A.C., & Hansen, H.L. (2016). On agonistic memory. *Memory Studies*, 9(4), 390–404. <https://doi.org/10.1177/1750698015615935>

- Dementev, I.O. (2014). «What can I know?»: The formation of discourses on the past of Kaliningrad Oblast in the Soviet period (late 1940s–1980s). In *People and texts: historical almanac. «Order» for history? Updating the information space of history* (pp. 175–218). (In Russian).
- Dmitrieva, O.O. (2015). «Historical memory and the mechanisms of its formation: an analysis of historiographic concepts in Russian science». *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6(361), 132–137. (In Russian).
- Ivanov, A.G. (2020). Everyday mythology: The sacrifice phenomenon in the narratives of family memory. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, (1), 80–87. (In Russian). <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2020.1.80>
- Just, T. (1992). The Past is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe. *Daedalus*, 121(4), 83–118.
- Krishtal, M.I. (2019). Electoral preferences within the Kaliningrad oblast in 2003–2018. *Regional Research*, 1(63), 99–107. (In Russian).
- Krishtal, M.I. (2021). Ideological preferences of Kaliningrad residents in the socio-political system. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 584–599. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-584-599>
- Krishtal, M.I., & Shchekoturov, A.V. (2021). Sociological analysis of the socio-political attitudes of the residents of the Kaliningrad region in 2014–2020. *Methodology and methods of analysis of socio-political sentiments*, Kaliningrad. 128 p. (In Russian).
- Kuznetsova, T.Yu. (2016). Geo-demographic typology of municipalities of the Kaliningrad region. *IKBFU's Vestnik. Series: Natural and medical sciences*, (1), 15–27. (In Russian).
- Lapshin, A.O. (2020). On comprehending the history yesterday and today. *Vlast'*, 21(2) (In Russian). 9–15. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7129>
- Makarychev, A.S., & Sergunin, A.A. (2013). «Soft power» in action: Germany and Kaliningrad. *Russia and contemporary world*, (1), 73–89. (In Russian).
- Mazhnikov, V.I. (2013). The historical memory of the Battle of Stalingrad as a factor of interethnic tolerance. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, 1(23), 8–13. (In Russian).
- Mchedlova, M.M. (2013). Public solidarity: projection of historical memory. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, 1(23), 85–90. (In Russian).
- Miller, A.I. (2020). Second World War in the “Wars of Memory”. *The New Past*, (4), 222–231. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2020-4-222-231>
- Myslivets, N.L., & Romanov, O.A. (2018). Historical memory as a social-cultural phenomenon: an attempt of sociological reconstruction. *RUDN Journal of sociology*, 18(1), 9–19. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19>
- Nazukina, M.V. (2020). Identity aspects of the regionalist discourse of federal symbolic competitions. *Political science (RU)*. (4), 200–220. (In Russian). <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.10>
- Neverov, A.Ya. (2018). Management of historical memory as a way of manipulating public consciousness. *Socium i vlast*, 1(69), 134–139. (In Russian).
- Ponomareva, E.G. (2020). The World War II and its falsification in the Russian youth representations. *RUDN Journal of Sociology*, 20(2), 307–322. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-307-322>
- Puzanova, Zh.V., Narbut, N.P., Larina, T.I., & Tertyshnikova, A.G. (2020). Typology of Historical Memory about the World War II: Methodological Aspects of the Study (on the Example of the RUDN Students). *RUDN Journal of Sociology*, 20(2), 292–306. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-292-306>
- Repina, L.P. (2012). *Experience of social crises in historical memory*. In L.P. Repina (ed.), *Crises of critical epochs in historical memory* (pp. 3–37). Moscow: Institute of World History. (In Russian).

- Rigney A. (2012). Transforming Memory and the European Project. *New Literary History*, 43(4), 607–628.
- Sorokina, N.D. (2020). What Influences the Historical Memory of Modern Students? *Higher Education in Russia*, 29(10), 144–152. (In Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-144-152>
- Toshhenko, Zh.T. (2000). Historical consciousness and historical memory: analysis of the modern state. *Modern and Contemporary History*, (4), 3–16. (In Russian).
- Yakushenkov, S.N., & Yakushenkova, O.S. (2016). «Power of land»: formation of new otherness in the conditions of frontier. *Journal of Frontier Studies*, (1), 9–21. (In Russian).
- Zimovina, E.P., & Prodantsov, K.S. (2022) Historical Memory in the Kaliningrad Region: the Common and Particular Across Generations. *Herald of Anthropology*, (2), 7–27. (In Russian).

Сведения об авторе:

Кришталь Михаил Игоревич — кандидат географических наук, научный сотрудник Социологической лаборатории, Институт геополитических и региональных исследований Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (e-mail: MKrishtal@kantiana.ru) (ORCID: 0000-0001-6167-1025).

About the author:

Mikhail I. Krishtal — PhD in Geography, Research Fellow, Sociological Lab, Institute for Geopolitical and Regional studies of the Immanuel Kant Baltic Federal University (e-mail: MKrishtal@kantiana.ru) (ORCID: 0000-0001-6167-1025).

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-904-917

Научная статья / Research article

Бегство от политики: есть ли будущее у молодежного политического протеста в Сибири и на Дальнем Востоке?

Д.А. Казанцев

Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

 dimkazanchev@mail.ru

Аннотация. Исследованиям протестного потенциала молодежи в последние годы уделяется повышенное внимание, особенно в контексте массовых протестных акций, прошедших в России как на федеральном, так и на региональном уровнях в 2020–2021 гг. Важной научной проблемой, которая имеет практическую значимость для органов государственной власти и политиков, становится определение мотиваций и факторов актуализации протестного потенциала учащейся молодежи, как наиболее организованного сегмента молодежной среды. На материалах 14 фокус-групп, проведенных в восьми приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока (Алтайский, Забайкальский, Приморский и Хабаровский края, Омская область, Республики Тыва, Бурятия и Алтай), и по итогам анализа социальных сетей и блогосферы указанных субъектов России, автор делает вывод о том, что учащаяся молодежь по отношению к протестным акциям сегодня испытывает многочисленные страхи, чувства усталости и разочарованности, к тому же факторы актуализации протестных настроений молодых людей сильно ограничены. Факты и угрозы уголовного преследования, применяемые властями к политическим активистам с 2019 г., а также давление со стороны государственных органов и агентов социализации, приводят к деморализации молодых людей и их отказу от участия не только в протестах, но и в мероприятиях провластного характера.

Ключевые слова: протест, протестный потенциал, молодежь, учащиеся, субъекты России, Сибирь, Дальний Восток

Для цитирования: Казанцев Д.А. Бегство от политики: есть ли будущее у молодежного политического протеста в Сибири и на Дальнем Востоке? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 904–917. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-904-917>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ИЭСИ в рамках научного проекта № 21-011-31651 «Факторы и каналы формирования политического сознания и мотивации политического участия учащейся молодежи приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока».

© Казанцев Д.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Escape from Politics: Is There a Future for Youth Political Protests in Siberia and the Far East

Dmitry A. Kazantsev

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

 dimkazanchev@mail.ru

Abstract. In the last few years, great attention has been paid to the protest potential of students, especially in the context of the mass protests of 2021–2022, which happened at both federal and regional levels. An important scientific issue, which is of practical importance for public authorities and politicians, is determining the motivations and actualization of the student protest movements, as the most organized segment of the youth environment. Based on the results of 14 focus groups held in 8 border regions of Siberia and the Far East (including the Altai Krai, the Zabaykalsky Krai, the Primorsky Krai and the Khabarovsk Krai, the Omsk Oblast, as well as Tyva, Buryatia and Altai Republics) as well as the analysis of the social media and blogosphere of the mentioned regions, the author suggests that the students experience fears, weariness, and disappointment. However, the factors actualizing the protest moods are highly limited. Actual precedents and threats of criminal prosecution that have been applied to the political activists by the government since 2019, as well as the pressure from the authorities and the socialization agents, lead to the demoralization of the youth and their refusal to participate not only in protests but also in pro-government events.

Keywords: protest, protest potential, youth, students, regions, Russian Federation, Siberia, Russian Far East

For citation: Kazantsev, D.A. (2022). Escape from politics: Is there a future for youth political protest in Siberia and the Far East? *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 904–917. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-904-917>

Acknowledgements: The research has been conducted with financial support of The Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and Social Research Expert Institute (EISI) as part of the scientific project № 21-011-31651 «Factors and channels that shape the political awareness and motivation of political participation among the students in near-border Siberian and Far Eastern regions».

Введение

За последние десятилетия молодежные протесты стали неотъемлемым элементом политической жизни многих стран, способствуя, в числе других факторов, возникновению мощных общественных движений и политическим (режимным) трансформациям. И если до 1970-х гг. общественные волнения рассматривались как формы существования общественных движений (например, М. Зальдом, Р. Эшем), возникающие в результате объединения стихийных и неорганизованных реакций на социальное неравенство, резких изменений в социуме, то с 1970-х гг. протест определяется исследователями (теории политического процесса и мобилизации ресурсов; теория новых общественных движений [Buechler 2013; Ishkanian 2022]) как метод и среда функционирования обществен-

ных движений. Или вообще перестает связываться с ними: здесь уместным будет вспомнить теории волн демократизации С. Хантингтона [Хантингтон 2003], бесшумной революции Р. Инглхарта [Инглхарт 2011] и выводы, полученные в последние годы представителями неинституционального подхода [Асемоглу, Робинсон 2015].

В начале XXI в. все чаще объектом научного изучения становятся молодежные протесты [Herrera 2012; Sawyer et al. 2021; Романов, Мещерина, Коротаев 2021; Shentyakova, Grishin 2021; Renström, Aspernäs, Bäck 2021]. Так, к одному из ключевых факторов роста протестных настроений в социуме, наряду с другими, исследователи относят рост численности молодежи в демографической структуре [Горшков, Шереги 2020; Korotayev et al. 2021; Grasso, Giugni 2022]. О вовлеченности юношей и девушек в протестное движение с помощью социальных медиа пишут зарубежные и отечественные авторы [Ушкин 2014; Титов 2020; Bergstrand, Whitham 2021; Yuen, Tang 2021; Bosi, Lavizzari, Portos 2022]. Кроме того, исследователи выявляют представления молодого поколения о типах коллективных акций [Borisovich Marin 2021] и причины выбора ими конкретных форм протеста в зависимости от его масштабов и текущей общественно-политической ситуации [Камионка 2020; Tazitdinovich Mukhaev et al. 2021; Щебланова и др. 2020; Antonova, Musaev, Antonova 2020; Агапов 2020].

Вместе с тем проблема прогнозирования протестных настроений молодых людей не теряет своей актуальности в связи с подвижностью, как общественно-го мнения, политического процесса, так и состава учащейся молодежи. Целью исследования выступает оценка состояния и факторов актуализации протестного потенциала учащейся молодежи как одного из активных участников протестов в приграничных регионах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов на современном этапе.

Методология исследования

Эмпирической базой исследования стали 14 фокус-групповых исследований (далее — ФГ), проведенных по стандартизированному гайдю в октябре-ноябре 2021 г. в регионах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (далее — СФО и ДФО) с учащимися 10–11-х классов, студентами ссузов и вузов. Объем выборки — более 100 человек, выборка квотная. География проекта: Алтайский, Забайкальский, Приморский и Хабаровский края, Омская область, Республики Тыва, Бурятия и Алтай (далее соответственно: АК, ЗК, ПК, ХК, ОО, РТ, РБ, РА). Высказывания участников ФГ выделены курсивом и приведены в кавычках. Проценты округлены до целых значений. В скобках к ним закодированы образовательные учреждения: например, Ш.АК — что означает «школа в Алтайском крае»; С.РТ — ссуз в Республике Тыва (также СПО); В.ДФО — вуз в Дальневосточном федеральном округе.

Особую группу методов составил анализ социальных сетей (далее — SNA; использовались инструменты Google Trends, Wordstat, TargetHunter), позволивший установить характеристики информационного фона протестных выступлений.

Его применение было обусловлено данными проекта «Всемирный опрос ценностей» (далее — WVS), согласно которым подрастающие поколения чаще, чем другие сегменты населения, используют Интернет в качестве источника информации о политике, реже — телевидение, радио и газеты. Сверх того, WVS показывает устойчивую и статистически значимую корреляцию между типом каналов коммуникации, к которым прибегают молодые люди, и особенностями их политического сознания и участия. Например, высокая оценка демократии свойственна в большей мере молодым информантам, предпочитающим Интернет в качестве неотъемлемого средства общения, что характерно и для других возрастов, однако отличия проявляются в степени выраженности и характере этой зависимости¹.

Проведенные в октябре-ноябре 2021 г. фокус-групповые исследования подтвердили, что респонденты активно прибегают к новым социальным медиа, чтобы черпать из них информацию о массовых протестных акциях (более 80 % ответов). Вдобавок опрошенные оценивают цифровизацию политики в основном положительно, так как это «комфортно», но отмечают опасный, по их мнению, тренд на политизацию Интернета: «наступление пропаганды в некогда свободное от цензуры пространство». В связи с этим в сентябре 2021 г. были изучены информационная среда и фон восьми регионов СФО и ДФО, которые предвещали протестные выступления в 2020–2021 гг. Основная гипотеза состояла в том, что ценности и установки молодых людей, выступающие мотивами их протестного поведения, формируются и артикулируются в пространстве дискурса в социальных сетях. Эксплораторному анализу социальных сетей были подвергнуты наиболее популярные в молодежной среде и доступные для имеющихся инструментов исследования социальные сети «ВКонтакте» и «ТикТок».

Протестный потенциал учащейся молодежи Сибири и Дальнего Востока

Как показывают скрининг-анкета и анализ социальных сетей на момент проведения опроса, молодые люди выражали свою гражданскую позицию различными способами. В первую очередь они обращались к сетевым формам коммуникации, что с учетом особенностей социальной группы, к которой они принадлежат, вполне закономерно. Так, 54 % обсуждали политику в социальных медиа, 42 % подписывали петиции в сети, 16 % репостили политическую информацию. На этом фоне 33 % заявили о своем участии в выборах, 25 % — в работе общественных организаций, 13 % — в митингах, демонстрациях, пикетах, шествиях, 22 % отметили обращение в государственные органы, по 10 % обращались в общественные организации и участвовали в работе политических партий.

¹ Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. et al. (Eds.). World Values Survey: All Rounds — Country-Pooled Datafile. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WWSA Secretariat, 2020. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp> (accessed: 20.01.22).

Форматы, которыми молодежь описывает свою заинтересованность в политических акциях, довольно узки. Не будет преувеличением сказать, что более 80 % информантов понимали под ними протестные ивенты, то есть митинги, шествия, демонстрации, причем предельно конкретные. Похоже, в сознании молодых людей существует убежденность, что политическая акция — это, прежде всего, протест. Еще одной любопытной деталью является то, что интервьюируемые сообщали об очень конкретных событиях, прошедших за последний год в политической жизни России. Юноши и девушки иллюстрировали свои примеры митингами в поддержку А.А. Навального, ссылались на протесты в Хабаровске, некоторые говорили о митингах, посвященных локальным городским или региональным проблемам, например теме экологии.

Это же подтверждает анализ социальных медиа инструментами Google Trends, Wordstat, TargetHunter, зафиксировавший мощный рост статистики поисковых запросов по теме протестов и митингов в поддержку С.И. Фургала и А.А. Навального соответственно в периоды с июля по сентябрь 2020 г. и с конца декабря 2020 г. по середину января 2021 г. В российском сегменте «ТикТок» общее количество просмотров видеороликов под хештегами, связанными с А.А. Навальным и С.И. Фургалом, достигло к марту 2021 г. более 10 миллиардов единиц. При этом содержание материалов было чрезвычайно разнородным, однако можно выделить четыре основные тематические группы. В первой, самой многочисленной, большинство видео касалось героизации образов политиков. Во второй видео носили формат жизнеописания Навального и Фургала. Материалы в третьей группе появлялись по итогам митингов, демонстраций, где показывалась жестокость применяемого полицией насилия в отношении протестующих. Четвертые представляли собой отрывки новостей федеральных каналов. Каждая единица анализа сопровождалась очень большим числом (порядка нескольких миллиардов) активностей, то есть комментариев, лайков, репостов и обсуждений.

Нельзя не заметить дефицита провластных мероприятий в опыте опрошенных: о его существовании уведомляли единицы. По сравнению с исследованиями 2019–2020 гг., которые буквально перед январскими событиями 2021 г. выявили повышенный интерес молодежи к теме протеста, а также запрос на него, сегодня можно констатировать изменение тенденции [Казанцев 2021]. За прошлый год произошла трансформация моделей политического участия молодежи от состояния любопытства к стратегии уклонения или, образно говоря, «бегства от политики».

Факторами такого политического поведения выступил комплекс мотивов, которые, разумеется, пересекаются друг с другом. Между тем для целей настоящей статьи выделим их в отдельные типы, имея в виду, что один и тот же человек может обладать несколькими мотивациями, определяющими его отношение к протестным акциям.

Один из них — интерес со стороны информанта к протестным акциям, особенно проводимым онлайн, а также влияние объективных и (или)

непредвиденных причин на возможность его участия или неучастия в описываемых событиях (не менее 40 %). Об отсутствии интереса к протестным акциям, как правило, заявляют респонденты, не интересующиеся политикой, также работающие или не имеющие свободного времени. Малая доля членов ФГ не пошла на митинги, так как «...не охота выходить, неохота стоять...» (Ш.ЗК). Иногда опрошенные говорят, что не принимали участия в акциях протеста потому, что были больны, не располагали временем (Ш.РБ; В.ЗК и др.), им не исполнилось 18 лет (С.РТ), они не знали об акциях (В.РТ) или занимались другими делами (Ш.АК; В.РТ и др.). «*Маленький город, — жалуются респонденты, — потому и не вышел*» и «*В нашем регионе не было особо протестов*», — еще один вид аргументов.

Тут же находятся мотивы, которые стимулируют молодежь выходить на улицу и «*предъявлять власти*». Обычно ими становятся социально-экономические проблемы общества («...принимала, в поддержку Навального ...он затрагивает очень важные темы» (В.ЗК)), интерес к теме протеста («...было интересно посмотреть, какая реакция властей будет» (В.ЗК)), чувство несправедливости («...наши права нарушаются, повышают пенсионный возраст...» (С.РБ; В.РБ и др.)).

Следующий фактор мотивации — субъективные ощущения страха, опасности, тревоги, рационализированные переживания за статус-кво или чувства воодушевления, радости, несправедливости (не менее 30–40 %). Первые относятся к демотиваторам протестного поведения и зачастую связаны с переживаниями, связанными со своим социальным статусом и безопасностью, боязнью навредить родителям и родственникам, тревогой за свое будущее и карьеру, страхом за свое здоровье и физическое состояние. Сюда же относится неотрефлексированное чувство опасности, например, страх перед большим скоплением людей, чувство «*неминуемого насилия*». В этом случае респонденты не всегда могут объяснить свою мотивацию, транслируя стереотипизированные, распространенные в массовом сознании, тревоги и страхи.

О солидарности и единении с протестующими говорит лишь малая часть респондентов (10–15 %). Особенно это касается жителей Хабаровского края, которых объединял митинг в поддержку С.И. Фургала: «*Я была горда за хабаровчан...*» (С.ДФО).

Позиция респондентов, заключающаяся в критике протеста как формы политического участия из-за неэффективности коллективных действий, бессмысленности и (или) недоверии к ней, — еще один демотиватор политического поведения (не менее 30 %). По мнению этой группы молодежи, участие в шествиях, демонстрациях, митингах — не есть лучшая форма воздействия на власть, потому что митинги малочисленны, особенно при таких «*размерах страны*». Успешными же они будут тогда, когда «*власть ослабнет*» и появится «*...хороший лидер*». Бесполезными, как считают опрошенные, протестные акции являются также потому, что «*ситуация в стране не меняется*». Кроме того, власть попросту не слушает население, считают молодые люди. Свою долю вносят и радикально настроенные информанты: они сомневаются в эффективности

мирных протестов, так как *«практика показывает, что они ни к чему не приводят»* (В.ДФО). Респонденты, поддерживающие действующую власть, оправдывают сложившиеся правила игры и политическую систему, они говорят, что их *«...пока все устраивает»* (Ш.РА).

В свою очередь, протесты эффективны из-за *«количества участников»* (Ш.ЗК), что *«пугает»* власть (В.ЗК). Акции могут быть продуктивными, считает часть интервьюируемых, в случае правильного позиционирования, общественного резонанса и продвижения мероприятий. Успех протестов, по мнению опрошенных, можно измерить набором критериев, поэтому если конкретное мероприятие не дало быстрой отдачи, то это вовсе не означает проигрыша или его неэффективности. Омский информант дополняет: *«Митинги эффективны даже не для того, чтобы свергнуть власть, а чтобы ее скорректировать»* (В.ОО).

Часть респондентов, как было сказано ранее, затрудняются определить эффективность протестных акций или называют их продуктивность *«спорной»* (С.РБ; В.РТ). Некоторые не отвечают на вопрос прямо, но призывают людей *«активно и негативно комментировать в Интернете»* действия властей, которые не нравятся населению, тогда *«...правительство, может, и задумается...»* (Ш.РА; В.ЗК). Есть проверенные временем забастовки, их невозможно игнорировать, говорят омские студенты, потому что *«...все встанет, вся логистика...»* (В.ОМ). Нормативные и конвенциональные способы коммуникации с государством являются более действенным средством воздействия на власть, считают некоторые опрошенные: *«Лучше подписать петицию, бюрократия у нас более развита, чем свобода слова»* (В.ДФО; В.РБ).

Наконец, фактором как мотивации, так и демотивации молодежи к протесту может быть поддержка со стороны ближайшего окружения или, напротив, прямые запреты и (или) угрозы, физическое и (или) психологическое давление со стороны родителей, родственников, преподавателей образовательных учреждений, полиции и влияние других агентов политической социализации (не более 15 %). Некоторые респонденты утверждали, что им запрещали участвовать в протестах учителя: *«они просто держали нас в школе...»* (Ш.АК), отмечали факты запугивания и угроз со стороны взрослых. В то же время многих это не останавливало и, наоборот, имело обратный эффект: *«Было бы интересно сходить и посмотреть, чем все закончится», «я только сильнее разошелся»,* — об этом сообщили не менее 15 % опрошенных. Можно уверенно заключить, что давление учителей, родителей, органов власти и других акторов повлияло на принятие молодыми людьми решения об участии или неучастии в акциях протеста. Студенты вузов в ДФО часто жаловались на дефицит лидеров, способных организовать протест. Часть интервьюируемых проявляют конформистское поведение, так как они не хотят и не желают конфликтовать с родственниками: *«Старшее поколение в моем окружении осуждает эти акции и митинги. Поэтому я не хочу с ними выходить на конфликт по поводу своего участия»* (Ш.АК). Опрошенные из Хабаровского и Приморского края говорили, что полиция совершала рейды в их образовательные учреждения (28 %): *«Нет, никто не выходил, поскольку приходила полиция, и все расходилось».*

По итогу фокус-групп респонденты разделились на две категории. Одна состоит из людей, которые вообще не имеют установок на протестное поведение (не менее 50 %). Вторая совокупность респондентов образована молодежью, допускающей для себя возможность протестного поведения при соблюдении определенных условий (39 %). В качестве таковых, во-первых, выступает беспокойство по поводу расширения функций правительства и полного контроля власти над социумом, «ужесточения» политического режима и превращения государства в полицейское, когда на то, «чтобы открыть холодильник, ...ты спрашиваешь разрешение» (В.ДФО), а также ограничения персональных прав и свобод молодых людей, их возможности самореализовываться: «Если у нас, как в Северной Корее, решит Правительство ограничить свободу, то я выйду» (В.ЗК; С.ДФО и др.). Во-вторых, наличие угрозы статусу родственников, знакомых опрошенных, личности самого информанта или социально-экономических проблем у них: «задержка зарплат, субсидий, пособий» (Ш.АК; В.ДФО и др.). В-третьих, требуется совпадение темы протеста с интересами интервьюируемого: «Например, сейчас я бы вышла против пенсионной реформы...» (Ш.РБ; С.РТ). Кроме того, не исключена материальная заинтересованность: «...если бы деньги заплатили...» (С.АК; С.РТ). При этом основная масса интервьюируемых подчеркивала, что для актуализации их протестных установок необходим связанный комплекс факторов, в конкретный момент влияющий на положение их семьи, страны, на них самих.

Рис. 1. Мотивы субъекта, принимающего решение об участии в протестных акциях

Источник: составлено автором.

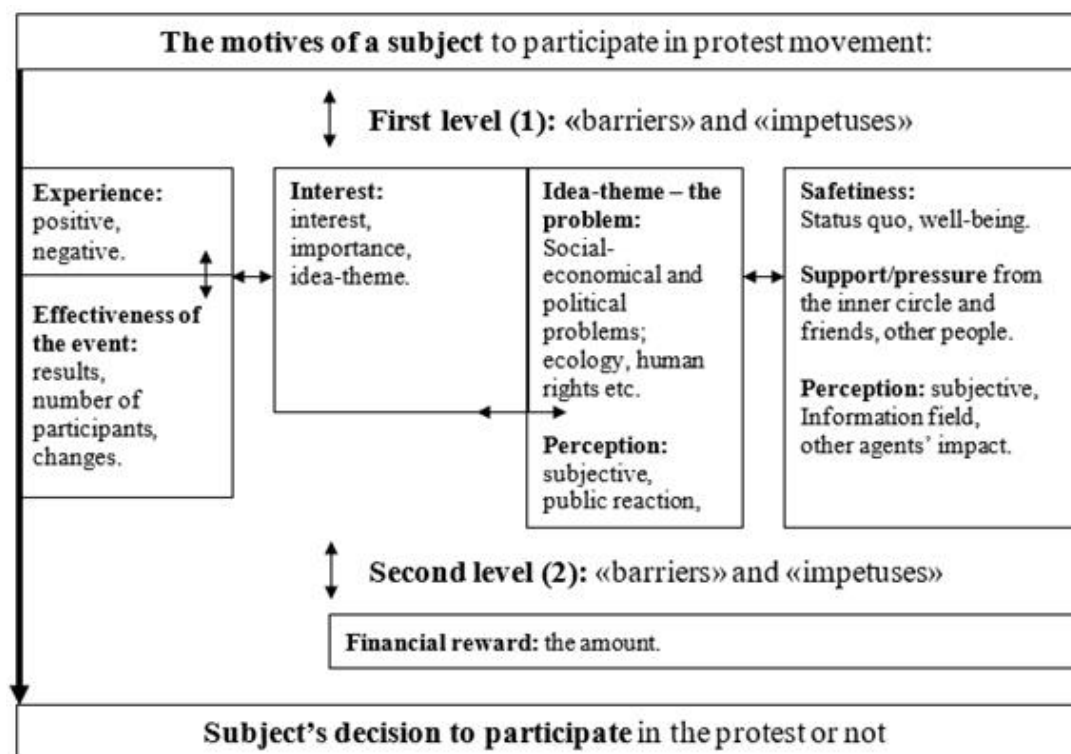

Figure 1. Motives of a subject making decision on participating in protest

Source: made by author.

Уместно применить к данному положению вещей три аналогии: «игра», «барьер» и «стимул» (рис. 1). Метафора игры описывает ситуацию принятия молодым человеком решения об участии или неучастии в протестной акции, когда он интуитивно или рационально оценивает существующие возможности и риски, ведущие к более или менее выгодным исходам его действий. Критериями выбора для него выступает степень актуальности и значимости барьеров и стимулов, условно разделяемых на два уровня: первичный (базовый) и вторичный (бонус). Некоторые барьеры и стимулы первого уровня могут перемещаться на второй. Но исходный стимул вторичного уровня в виде материального вознаграждения отправиться на первый уровень не может. Члены ФГ подчеркивали, что денежные средства могут стимулировать их участие в протестах, но только если эти протесты будут обеспечивать минимальный уровень безопасности, совпадать с интересами опрошенных и т.д. К этому следует добавить: респонденты находятся в постоянно меняющемся цифровом пространстве, что накладывает отпечаток на субъективное восприятие указанных мотивов, которые, в зависимости от политической ситуации, ощущаются то стимулом, то барьером. Иными словами, если информант оценивает ситуацию негативно, как совокупность трудностей и препятствий (барьеров), то вероятность его входа в игру снижается. Обратный сценарий предполагает, что субъект, встречая меньшее по объему сопротивление или факторы, стимулирующие его к игре, включается в нее с большей вероятностью. На деле ситуация гораздо сложнее: не всегда ко-

личество барьеров и стимулов — показатель включенности индивида в протест. Устройство и формат институтов также влияет на повышение или уменьшение инклюзии игрока. Действительно, как признавались респонденты в своем интервью, убедительные угрозы со стороны агентов политической социализации (в первую очередь родителей и образовательных учреждений) вынуждали их избирать конвенциональную стратегию действий, то есть тактику неучастия в протестах. Однако, в зависимости от картины мира индивида и его индивидуально-психологических особенностей, а также иных мотивов информанта, эта же ситуация могла бы стать причиной высокой инклюзии игрока в протестные действия. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо рассматривать комплекс взаимосвязей в мотивациях молодого человека и сложившиеся в политической системе институты, которые либо позволяют, либо запрещают игрокам избирать те или иные игровые стратегии.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ выявил преобладание в политическом сознании молодежи в конце 2021 г. установок на уклонение от участия в политических акциях, особенно массовых протестных ивентах. Трансформация административных и уголовных норм права, регулирующих публичные акции, преследования политических активистов, и в целом расширение административного и уголовного давления на инакомыслящих граждан позволили властям снизить не только уровень протестного потенциала молодых людей, но также актуальность и значимость протестных мероприятий. Молодежь, которая, по материалам исследований 2018–2020 гг., проявляла повышенный интерес к теме протеста, столкнувшись с ним напрямую, отступила назад, испытывая на себе натиск всевозможных угроз, давления и страхов. Более того, протестные акции стали рассматриваться ею в качестве крайней меры воздействия на власть, обращение к которой сопряжено с серьезными издержками для социальной жизни молодого человека. При этом саму молодежь, как социальную группу, необходимо дифференцировать, поскольку один ее сегмент удовлетворил любопытство к теме протеста и не имеет установки на участие в нем в дальнейшем, другой же выбрал стратегию «бегства» из-за опасений потерять статус-кво. Третий, самый многочисленный, не наблюдая перемен по итогам митингов, счел результаты протестных выступлений непродуктивными, что в конце концов привело опрошенных к осознанию неэффективности такой модели политического участия.

Таким образом, можно констатировать, что итогом протестной кампании 2020–2021 гг. стал низкий протестный потенциал молодежи, выражающийся в отсутствии у нее желания выходить на улицы и, тем более, инициировать массовые протестные акции. Тем не менее факторами его актуализации могут стать экстраординарные и серьезные события в жизни страны и респондентов, когда угроза статусу-кво и комфорту последних станет осязаемой (социально-экономические проблемы, чувство несправедливости, вера в эффективность

коллективных действий, ограничения свободы и прав человека), на фоне распространения в массовом сознании убежденности в неспособности государства справиться с возникшими проблемами и социального одобрения протеста. Важно понимать, что тактика уклонения молодежи от политики свойственна не только в отношении протестных событий, но и провластных мероприятий. Поэтому наблюдаемое в данный момент ограничение властями каналов артикуляции и агрегации интересов молодых людей, централизация управления молодежной активностью могут приводить как к маргинализации молодежи, так и ее радикализации, что требует дальнейшего изучения.

Поступила в редакцию / Received: 04.03.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 10.07.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2022

Библиографический список

- Агапов П.В., Смылова В.Н.* Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере противодействия проявлениям экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности населения: вопросы теории и практики // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14, № 6. С. 855–871. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(6\).855-871](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(6).855-871)
- Асемоглу Д., Робинсон Дж.А.* Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
- Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
- Казанцев Д.А.* Особенности политического участия молодежи в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах // *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика*. 2021. № 14. С. 43–46.
- Камионка М.М.* Юный революционер? Уровень радикализма как фактор протестных настроений украинской молодежи // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 57. <https://doi.org/10.17223/1998863X/57/21>
- Романов Д.М., Мещерина К.В., Коротаев А.В.* Доля молодежи в общей численности взрослого населения как фактор интенсивности ненасильственных протестов: опыт количественного анализа // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 3. С. 166–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.11>
- Титов В.В.* Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 139–158. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.167>
- Ушкин С.Г.* Вовлеченность пользователей социальных сетей в протестное движение // *Власть*. 2014, № 8. С. 139–142.
- Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.
- Щебланова В.В., Логинова Л.В., Зайцев Д.В., Суркова И.Ю.* Гражданский активизм студентов: риск деструктивных проявлений в Поволжском регионе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2020. Т. 20. № 3. С. 595–610. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-595-610>

- Antonova N.L., Musaev T.I., Antonova P.O. Right to the city: youth's view to live in the city // IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. 2020. 962 032076. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/962/3/032076>
- Bergstrand K., Whitham M. Targeted appeals: online social movement frame packaging and tactics customized for youth // *Social Movement Studies*. 2021. Vol. 21. Iss. 4. P. 493–510. <https://doi.org/10.1080/14742837.2021.1920386>
- Borisovich Marin E. (2021). Protest Consciousness of the Russian Youth (on the Example of the Russian Far East) // *Propósitos y Representaciones*, 9(SPE3), e1267. <http://dx.doi.org/10.20511/pyr2021.v9nSPE3.1267>
- Bosi L., Lavizzari A., Portos M. The impact of intolerance on young people's online political participation // *Politics*. 2022. Vol. 42, no. 1. P. 95–127. <https://doi.org/10.1177/02633957211014453/>
- Buechler S. New Social Movements and New Social Movement Theory // *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements* / Snow D.A., della Porta D., Klandermans B., McAdam D. (Eds.). Wiley-Blackwell, 2013. <https://doi.org/10.1002/9780470674871.wbbspml43>
- Grasso M., Giugni M. Youth doing politics in times of increasing inequalities // *Politics*. 2022. Vol. 42, no. 1. P. 3–12. <https://doi.org/10.1177/02633957211042738>
- Herrera L. Youth and Citizenship in the Digital Age: A View from Egypt // *Harvard Educational Review*. 2012. Vol. 82, no. 3. P. 333–352. <https://doi.org/10.1177/0017763/haer.82.3.88267r117u710300>
- Ishkanian A. Social Movements and Social Policy: New Research Horizons // *Journal of Social Policy*. 2022. Vol. 51, no. 3. P. 582–595. <https://doi.org/10.1017/S0047279421001008>
- Korotayev A., Sawyer P., Gladyshev M., Romanov D., Shishkina A. Some Sociodemographic Factors of the Intensity of Anti-Government Demonstrations: Youth Bulges, Urbanization, and Protests // *The Russian Sociological Review*. 2021. Vol. 20, no. 3. P. 98–128.
- Renström E.A., Aspernäs J., Bäck H. The young protester: the impact of belongingness needs on political engagement // *Journal of Youth Studies*. 2021. Vol. 24, no. 6. P. 781–798, <https://doi.org/10.1080/13676261.2020.1768229>
- Sawyer P.S., Romanov D.M., Slav M., Korotayev A.V. Urbanization, the Youth, and Protest: A Cross-National Analysis // *Cross-Cultural Research*. 2022. Vol. 56, no. 2–3. P. 125–149. <https://doi.org/10.1177/10693971211059762>
- Shentyakova A., Grishin N. The Mobilization of Youth Political Protest and Russian Video Bloggers: Cognitive Mapping Results // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Vol. 3, no. 2. P. 88–109. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.155>
- Tazitdinovich Mukhaev R., Shevchenko O., Dudina O., Vasilyevich Denikin A., Dmitrievna Denikina Z. Media Consumption and Media Behavior of Contemporary Russian Youth as Constructs of Protest Identity // *Propósitos y Representaciones. Journal of Educational Psychology*. 2021. 9(SPE3), e1268. <http://dx.doi.org/10.20511/pyr2021.v9nSPE3.1268>
- Yuen S., Tang G. Instagram² and social capital: youth activism in a networked movement // *Social Movement Studies*. 2021. <https://doi.org/10.1080/14742837.2021.2011189>

References

- Acemoglu, D., & Robinson, J.A. (2015). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian). [Acemoglu, D., & Robinson, J.A. (2006). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. New York: Cambridge University Press.]

² 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

- Agapov, P.V., & Smyslova, V.N. (2020). Prosecutor's supervision over law enforcement in countering extremism in the conditions of radicalization and growth of the protest activity of population: issues of theory and practice. *Russian Journal of Criminology*, 14(6), 855–871. (In Russian). [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(6\).855-871](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(6).855-871)
- Antonova, N.L., Musaev, T.I., & Antonova, P.O. (2020). Right to the city: Youth's view to live in the city. *IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng.* 962 032076. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/962/3/032076>
- Bergstrand, K., & Whitham, M. (2021). Targeted appeals: Online social movement frame packaging and tactics customized for youth. *Social Movement Studies*, 21(4), 493–510. <https://doi.org/10.1080/14742837.2021.1920386>
- Borisovich Marin, E. (2021). Protest consciousness of the Russian youth (on the example of the Russian Far East). *Propósitos y Representaciones*, 9(SPE3), e1267. <http://dx.doi.org/10.20511/pyr2021.v9nSPE3.1267>
- Bosi, L., Lavizzari, A., & Portos, M. (2022). The impact of intolerance on young people's online political participation. *Politics*, 42(1), 95–127. <https://doi.org/10.1177/02633957211014453/>
- Buechler, S. (2013). New Social Movements and New Social Movement Theory. In D.A. Snow, D. della Porta, B. Klandermans, & D. McAdam (Eds.), *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements*. Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9780470674871.wbespm143>
- Gorshkov, M.K., & Sheregi, F.E. (2020). *The Youth of Russia in the Mirror of Sociology. To the Results of Many Years of Research*. Moscow: FCTAS RAS. (In Russian).
- Grasso, M., & Giugni, M. (2022) Youth doing politics in times of increasing inequalities. *Politics*, 42(1), 3–12. <https://doi.org/10.1177/02633957211042738>
- Herrera, L. (2012). Youth and Citizenship in the Digital Age: A View from Egypt. *Harvard Educational Review*, 82(3), 333–352. <https://doi.org/10.17763/haer.82.3.88267r117u710300>
- Huntington, S. (2003). *The Third Wave. Democratization in the Late 20th Century*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). (In Russian).
- Inglehart, R., & Welzel, C. (2011). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow, Novoye Izdatelstvo Publishing House. (In Russian). [Inglehart, R., & Welzel, C. (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press].
- Ishkanian, A. (2022). Social movements and social policy: New research horizons. *Journal of Social Policy*, 51(3), 582–595. <https://doi.org/10.1017/S0047279421001008>
- Kamionka, M.M. (2020). The Young Revolutionary? The Level of Radicalism as a Factor of Protest Moods of the Ukrainian Youth. *Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology. Political science*, 57. <https://doi.org/10.17223/1998863X/57/21>. (In Russian).
- Kazantsev, D.A. (2021). The Features of the Political Participation of Youth in the Siberian and Far Eastern Federal Districts. *Russian Political Process in the Regional Dimension: History, Theory, Practice*, 14, 43–46 (In Russian).
- Korotayev, A., Sawyer, P., Gladyshev, M., Romanov, D., & Shishkina A. (2021) Some sociodemographic factors of the intensity of anti-government demonstrations: Youth bulges, urbanization, and protests. *The Russian Sociological Review*, 20(3), 98–128. (In Russian).
- Renström, E.A., Aspernäs, J., & Bäck, H. (2021) The young protester: The impact of belongingness needs on political engagement. *Journal of Youth Studies*, 24(6), 781–798. <https://doi.org/10.1080/13676261.2020.1768229>
- Romanov, D.M., Meshcherina, K.V., & Korotaev, A.V. (2021). The share of youth in the total adult population as a factor of the intensity of non-violent protests: The quantitative analysis. *Polis. Political studies*, (3), 166–181. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.11>

- Sawyer, P.S., Romanov, D.M., Slav, M., & Korotayev, A.V. (2022). Urbanization, the youth, and protest: A cross-national analysis. *Cross-Cultural Research*, 56(2–3), 125–149. <https://doi.org/10.1177/10693971211059762>
- Shcheblanova, V.V., Loginova, L.V., Zaitsev, D.V., & Surkova, I.Y. (2020). Student civil activism: Risk of destructive manifestations in the Volga Region. *RUDN Journal of Sociology*, 20(3), 595–610. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-595-610>
- Shentyakova, A., & Grishin, N. (2021). The mobilization of youth *political protest and Russian video bloggers: Cognitive mapping results*. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(2), 88–109. (In Russian). <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.155>
- Tazitdinovich Mukhaev, R., Shevchenko, O., Dudina, O., Vasilyevich Denikin, A., & Dmitrievna Denikina, Z. (2021). Media Consumption and Media Behavior of Contemporary Russian Youth as Constructs of Protest Identity. *Propósitos y Representaciones. Journal of Educational Psychology*, 9(SPE3), e1268. <http://dx.doi.org/10.20511/pyr2021.v9nSPE3.1268>
- Titov, V.V. (2020). Strategies of youth social protest on the Russian Internet (RuNet): A comparative analysis of generations Y and Z. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (3), 139–158. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.167>
- Ushkin, S.G. (2014). The involvement of social network users in the protest movement. *Vlast'*, (8), 139–142. (In Russian).
- Yuen, S., & Tang, G. (2021). Instagram³ and social capital: Youth activism in a networked movement. *Social Movement Studies*, <https://doi.org/10.1080/14742837.2021.2011189>

Сведения об авторе:

Казанцев Дмитрий Анатольевич — старший преподаватель кафедры философии и политологии, Алтайский государственный университет (e-mail: dimkazanchev@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7287-6413)

About the author:

Dmitry A. Kazantsev — Senior Lecturer, Department of Philosophy and Political Science, Altai State University (e-mail: dimkazanchev@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7287-6413).

³ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

РЕЦЕНЗИИ REVIEW ARTICLES

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-918-923

Рецензия / Review article

Обнаружить будущее: размышляя над книгой А. Янова «Где место России в истории? Загадка Дональда Тредголда». М.: Новый Хронограф, 2020. 336 с.

Н.И. Бубнова

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Российская Федерация*

 nataliaibubnova@gmail.com

Для цитирования: Бубнова Н.И. Обнаружить будущее: размышляя над книгой А. Янова «Где место России в истории? Загадка Дональда Тредголда». М.: Новый Хронограф, 2020. 336 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 918–923. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-918-923>

To Discover the Future: About the Book by Alexander Yanov (2020), “Where Is Russia’s Place in History? The Riddle of Donald Treadgold”. Moscow: New Chronograph, 336 p.

N.I. Bubnova

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations (IMEMO)
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

 nataliaibubnova@gmail.com

For citation: Bubnova, N.I. (2022). To Discover the Future: About the Book by Alexander Yanov (2020), “Where Is Russia’s Place in History? The Riddle of Donald Treadgold”. Moscow: New Chronograph, 336 p. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 918–923. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-918-923>

© Бубнова Н.И., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Материал написан как экспертно-аналитический отклик на книгу известного ученого, профессора Нью-Йоркского городского университета Александра Янова «Где место России в истории? Загадка Дональда Тредголда». Янов убежден, что демократия не является чем-то чуждым или утопическим для России, а опирается на ее собственный опыт, и на протяжении всей истории страны после периодов отката к архаике и деспотизму регулярно происходили новые рывки вперед к эффективному развитию.

Публикация монографии, совпавшая с девяностолетием Янова, не только подводит итоги его многолетним исследованиям, но и ставит вопросы о настоящем и будущем страны, вовлекая экспертное сообщество и широкий круг читателей в диалог на актуальные темы истории и современности. Книга стала последним трудом А. Янова, умершего на 92-м году жизни 18 февраля 2022 г.

В своей вышедшей еще в нулевые трилогии «Россия и Европа» и затем в написанной в следующее десятилетие четырехтомной серии про русскую идею выдающийся русский историк и публицист Александр Янов утверждал, что демократия для России не утопия, а хорошо забытое прошлое, с периодически случающимися реитерациями. В подтверждение своих слов он приводил факты: Судебник 1497 г., введший Юрьев день и право крестьянина уходить к другому землевладельцу, а затем Судебник 1550 г., запретивший царю издавать новые законы «без всех бояр приговору», предложение раньше, чем в других европейских странах, полноформатной конституции — все «Европейское столетие» России, а также ее четырнадцать оттепелей и «прорывов в Европу». Янов спорил с теми, кого называл «консенсусом» — приверженцами мнения о неевропейском характере государственности в России: Арнольдом Тойнби [Toynbee 1987], Ричардом Пайпсом [Pipes 1989], Карлом Виттфогелем [Wittfogel 1957].

Новую книгу Янова можно считать квинтэссенцией ранее написанного им, но на этот раз компактной и в значительно большей степени ориентированной на настоящее и будущее. В этом плане интересная находка — назвать ее «Загадкой». Это привлекает внимание и пробуждает дополнительный интерес. В названии книги содержится отсылка к фразе известного американского историка-русиста Дональда Тредголда [Treadgold 1964], который предварил один из сборников статей о природе и происхождении российской государственности вопросом: «Где место России в истории? Следует ли ее рассматривать как одну из азиатских систем или как одно из европейских сообществ?» [Янов 1981: VIII]. Включая эту аллюзию в заголовок собственной книги, Янов тоже, в свою очередь, задает читателям загадку. Но монография не просто о том, Европой ли является Россия или же Азией. Это исследование того, какова природа ее государственности, каковы причины прошлых взлетов и падений, какие на основании этого можно строить прогнозы на будущее и как правильно сформулировать рецепт для ее эффективного развития. Исторические экскурсы, экспертные отсылки, анализ позиции Запада в отношении России на поворотных эта-

пах ее развития — все это соединилось и совместилось в увлекательнейшее повествование.

Оригинален и стиль автора. Янов пишет провокационно и провоцирующе: побуждая к дискуссии, интеллектуальному противостоянию. Он сознательно стремится поддеть и задеть как корифеев западного консенсуса, так и их эпигонов, неоевразийцев, а также своих либеральных единомышленников в России, заставляя таким образом и первых, и вторых, и третьих выйти из их зоны комфорта и начать защищать собственные редуты или, если одной этой мотивации мало, вступить за своих учителей.

По мнению Янова, Россия имеет принципиально двойственную природу: она одновременно и европейская, и азиатская держава. Реальный источник этой двойственности он обнаружил в «Европейском столетии» и закончившем с ним правлении Ивана Грозного, не оставившего камня на камне от прежнего умеренного и для своего времени передового государственного уклада (подобно большевистской революции 1917 г., повторившей этот катастрофический опыт с императорской Россией). Не странно ли между тем, что в «европейскости» нашей страны тех, кто получил образование в СССР, убеждали через систему советского образования? Поколения профессоров и студентов вообще начисто игнорировали «ордынские корни» России. Сам Янов находит объяснение этому в стремлении советской историографии показать, что не существует никакого фундаментального различия между русским самодержавием и классическим европейским абсолютизмом.

Но главное, конечно, что, по мысли Янова, в отечественной истории есть, на что опереться в деле строительства российской государственности. И в этом аспекте хочется совершенно с ним согласиться. Как автор данной рецензии писала в вышедшей более десяти лет назад книге «20 лет без Берлинской стены», в России «осуществлявшиеся попытки движения вперед заканчивались срывом, но не менее верно и то, что после периодов реакции всегда предпринимались рывки вперед» [Бубнова 2011, с. 151]. Янов указывает на важность нестяжательской повестки XVI в., уже тогда обозначившей необходимые инструменты государственного дела: участие общества в выработке решений, защищенное право собственности, свободу высказываний, независимые суды, гуманистическую европейскую ориентацию. И конечно, важно, чтобы интеллигенция со своей повесткой не опоздала — как это произошло в описываемый в книге период после Ивана III и как это повторилось уже совсем недавно в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда у образованной прослойки общества вовремя не оказалось отчетливо сформулированных представлений о стратегии действий.

Однако, обозначая ключевые реперные точки, Янов не предлагает ответа на главный вопрос: что конкретно делать сейчас? Можно соглашаться или нет с его тезисом, что реформы Петра I и Михаила Горбачёва были не случайны, а императивны. Но насколько верно предположение Янова, что и теперь наступило время, когда Россию неизбежно ждет новая либерализация?

В этой связи следует упомянуть мнение много пишущего на исторические темы известного бизнесмена Вахтанга Парцвании, который обратил внимание на то, что Янов говорит по поводу монументальных препятствий («порч»), преодолеваемых Россией на пути в Европу. Преодолела Россия православный фундаментализм, потом — крепостное рабство, потом сакральное — самодержавие, потом — империю, потом госплановскую экономику. И вот осталось преодолеть последний этап («последнее издыхание») — гибридное государство. Исходя из этой логической цепочки, неискушенному читателю, по словам Парцвании, представляется, будто Россия страдала всеми этими порчами одновременно, и вот по мере исторического развития освобождалась от них поочередно, сначала от одной, потом от другой, третьей и т. д. На самом же деле, преодолевая одну порчу, Россия обретала другую, не менее сильную, и весь этот вектор движения следовало бы обозначать не как постепенное излечение России от порч, но как замену одной порчи на другую¹. Но как избежать этого, остается вопросом.

Янов пишет о стремлении договориться о терминах — и это действительно важно. Однако его определение «абсолютизма» как «умеренной» монархии — в противопоставлении самодержавию и деспотизму — может не быть понятным целевой аудиторией. С одной стороны, в российской и до нее советской историографии слова «абсолютизм», «самодержавие», «деспотизм» традиционно воспринимались как синонимы. Правда, для уточнения терминов Янов впервые вводит в историографический оборот категорию «латентных ограничений власти», присущих абсолютной монархии и отсутствующих у самодержавия, не говоря уже о деспотизме. Ссылается он также на то, что все без исключения мыслители — современники абсолютизма, от Жана Бодена до Шарля Монтескье, единогласно считали его «умеренным правлением» и противопоставляли его деспотизму. Все это так. Но наши современники могут так не думать.

Фундаментальный толковый словарь Webster Dictionary определяет абсолютизм как «the principle or exercise of complete and unrestricted power in government»² (принцип или осуществление неограниченной власти в управлении государством), а деспотию как 1) «the exercise of absolute authority» (осуществление абсолютной власти); 2) «absolute power or control»³ (абсолютную власть или контроль). И хотя Янов обладает большой силой убеждения, сложно воспринимать абсолютизм с позитивной коннотацией — как будто это феномен, противостоящий деспотии. И то, что тиран не деспот, — для многих, наверное, останется непривычным. И сохранятся сомнения по поводу утверждения автора, что деспотии не способны развиваться и, более того, даже распадаться.

¹ Из электронной переписки. Публикуется с разрешения автора.

² Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. Gramercy Books: New York/Avenal, 1989. 1693 p. P. 6.

³ Ibid. P. 392.

Янов критикует Виттфогеля за то, что последний в основе всего видит производительные силы и производственные отношения, а потом сам же многократно повторяет, что «именно борьба за землю была ядром политической борьбы в России в эпоху «европейского столетия» [Янов 2020, с. 226]. Но вслед за Виттфогелем, похоже, отрицает категорию свободы в российской истории. Хотя сам же пишет, что без нее в истории нет никакого смысла! Но Гордон Байрон в «Узнике замка Шильон» между тем утверждал: «Горенье вечное всегда свободной мысли в темнице ярче» (*Перевод авт.*) — и в России всегда бился пульс такой мысли. И определений России как «дефектной», «чудовищно испорченной» Европы [Янов 2020, с. 136] автор принять не готова: говоря словами классика, они «ветрены и с перехлестом».

Летом 2020 г. почти одновременно с «Загадкой» вышла в свет книга Тимофея Сергейцева, Дмитрия Куликова и Петра Мостового «Идеология русской государственности» — на сходную тему, с охватом того же исторического материала (от «долгого государства Ивана III» до «долгого государства Путина»⁴), но с иной интерпретацией предлагаемого материала, в большей степени ориентированной на официальную позицию. Характерно, что с рекомендациями по поводу этой книги выступил телеведущий Владимир Соловьев. Поскольку Янов предназначал свою «Загадку» как затравку для дискуссии о происхождении и природе русской государственности, он с воодушевлением отреагировал на выход в свет этой «иной» книги — как контрапункта, повода для сопоставления и выбора позиции. «У издательства Сергиевские куранты более чем достаточно ресурсов для рекламы книги трех авторов. И тем самым — нечаянно — для дискуссии с “Загадкой”, — написал Янов на своей странице в Фейсбуке⁵. — У меня нет сомнений, что перед каждым пишущим встанут одни и те же вопросы: либо замолчать обе книги, либо — выбирать между ними». Выйдет ли у Янова добиться *impact’a*, как он того хотел? Кризис дает стимул к поиску новых возможностей, новых вариантов экономического, социального, политического и культурного развития. Думается, если труды Янова решительно подтолкнут дебаты о прошлом и будущем России, его жизненное задание будет выполненным.

Поступила в редакцию / Received: 15.08.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 10.09.2022

Принята к публикации / Accepted: 20.09.2022

⁴ Получивший распространение термин был предложен Владиславом Сурковым в статье с одноименным названием. См.: Сурков В. Долгое государство Путина: О том, что здесь вообще происходит // Независимая газета. 2019. 11 февр. URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения: 05.04.2021).

⁵ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

Библиографический список

- 20 лет без Берлинской стены: прорыв к свободе / под ред. Н. Бубновой. М.: Московский центр Карнеги; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 291 с.
- Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. Континент Россия. Санкт-Петербург: Питер Класс, 2020. 688 с.
- Янов А. Где место России в истории? Загадка Дональда Тредголда. М.: Новый Хронограф, 2020. 336 с.
- Pipes R. *Russia Observed: Collected Essays on Russian and Soviet History*. Boulder, Colorado: Westview Press, 1989. 240 p.
- Russia and the East: A Comparison and Contrast: An Exchange of Views / D.W. Treadgold (ed.). Seattle: University of Washington Press, 1963. 399 p.
- Toynbee A.J. *A Study of History*. Vol. 1: Abridgement of Volumes I-VI. New Ed edition. Oxford University Press, 1987. 640 p.
- Treadgold D.W., Ellison H.J. *Twentieth Century Russia*. Ninth Edition. Routledge, 2000. 555 p.
- Treadgold D.W. *Twentieth Century Russia*. Chicago, 1964. XIII, 576 p.
- Wittfogel K.A. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. Yale University Press, New Haven. Oxford University Press, London, 1957. 556 p.
- Yanov A. *The Origins of Autocracy: Ivan the Terrible in Russian History*. Berkeley: University of California, 1981. 339 p.

References

- Bubnova, N. (Ed.). (2011). *20 years without the Berlin Wall: A breakthrough to freedom*. Moscow: Carnegie Moscow Center. (Russian and English versions).
- Pipes, R. (1989). *Russia observed: Collected essays on Russian and Soviet history*. Boulder, Colorado: Westview Press.
- Sergeytssev, T., Kulikov, D., & Mostovoy, P. (2020). *The ideology of Russian statehood. Continent Russia*. Saint Petersburg: Peter Class. (In Russian).
- Toynbee, A.J. (1987). *A study of history*. Vol. 1: Abridgement of volumes I-VI. New Ed edition. Oxford University Press.
- Treadgold, D.W. (Ed.). (1963). *Russia and the East: A comparison and contrast: An exchange of views*. Seattle: University of Washington Press.
- Treadgold, D.W., & Ellison, H.J. (2000). *Twentieth Century Russia*. Ninth edition. Routledge.
- Treadgold, D.W. (1964). *Twentieth Century Russia*. Chicago.
- Wittfogel, K.A. (1957). *Oriental despotism: A comparative study of total power*. Yale University Press, New Haven. Oxford University Press, London.
- Yanov, A. (2020). *Where is Russia's place in history? The Riddle of Donald Treadgold*. Moscow: New Chronograph. (In Russian).
- Yanov, A. (1981). *The origins of autocracy: Ivan the Terrible in Russian history*. Berkeley: University of California.

Сведения об авторе:

Бубнова Наталья Игоревна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: nataliaibubnova@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-1434-4133)

About the author:

Natalia I. Bubnova — PhD in History, Leading Research Fellow of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (e-mail: nataliaibubnova@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-1434-4133)

Ретрагированные статьи

Редколлегия решением от 19 сентября 2022 года постановила ретрагировать следующие статьи:

Медведев Н.П. Субъект Российской Федерации: конституционно-правовые проблемы формирования исполнительной власти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2006. № 8. С. 8–14. — По заявлению автора

По решению редколлегии ретрагировать статьи:

1. *Батыгин К.В.* Заседание IPSA RC20 на 12-м конгрессе Французской ассоциации политической науки: краткий обзор мероприятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014 № 3. С. 136–141. — В связи с технической ошибкой — повторная публикация, впервые опубликована в Вестнике № 1 за тот же год: *Батыгин К.В.* Заседание IPSA RC20 на 12-м конгрессе французской ассоциации политической науки: краткий обзор мероприятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 1. С. 80–85.
2. *Мещерякова О.М.* Наднациональность в Европейском Союзе и суверенитет государств-членов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 1. С. 16–21. — В связи с полным текстуальным совпадением с ранее опубликованной статьей: *Мещерякова О.М.* Наднациональность в Европейском Союзе и принципы действия коммунитарного права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2011. № 4. С. 172–179.
3. *Смирнова И.С., Ковалевская Е.В.* Сниженная лексика в речах Президента РФ Д.А. Медведева как инструмент его имиджевой стратегии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2011. № 3. С. 64–70. — В связи с полным текстуальным совпадением с ранее опубликованной статьей: *Смирнова И.С., Ковалевская Е.В.* Сниженная лексика в речах Президента Российской Федерации Д.А. Медведева как инструмент его имиджевой стратегии // Вестник Военного университета. 2011. № 2 (26). С. 94–99.